ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

КРЕПОСТНАЯ РОССИЯ

СБОРНИК СТАТЕЙ

А. Малышев. К вопросу о сущности крепостного хозяйства.

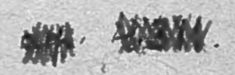
Б. Греков. Происхождение крепостного права в России.

С. Томсинский. Крестьянство в колониях московского государства накануне восстания Разина.

М. Мартынов. Пугачевское движение на заводах Прикамского края.

В. Кашин. Землевладение крепостных крестьян.

Приложения.

ПРИБОЙ · 1930

Ленинградский Областлит № 57172
$16^3/_4$ л. Тираж 2000. (С, 5. 38171/Пр.)

ОТ РЕДАКЦИИ.

Настоящий сборник статей составился из докладов, прочитанных в ЛОКА (б. научно-исследовательский институт марксизма в Ленинграде) в 1929/30 г. Каждый доклад обсуждался в секции по истории аграрных отношений в России, а доклады А. И. Малышева и С. Г. Томсинского были заслушаны на объединенном заседании историков народов СССР и Запада.

В сборнике по-новому ставится ряд проблем: Малышев выступает против антимарксистской теории периодизации С. М. Дубровского, Б. Д. Греков подводит итоги своим работам по вопросу о закрепощении крестьян, С. Г. Томсинский, М. Н. Мартынов и В. Н. Кашин впервые ставят малоразработанные вопросы о положении крестьян накануне восстания Разина, о восстании Пугачева в малоисследованном Прикамском крае и о землевладении крепостного крестьянства.

Редакция считает необходимым отметить дискуссионный характер ряда положений, имеющихся в печатаемых статьях.

Идя навстречу потребностям научных работников и учащихся Вузов, редакция сочла необходимым дать указатель важнейших библиографий и перечень источников по истории феодально-крепостного хозяйства.

Настоящий сборник может служить пособием учащимся Вузов по истории крепостного хозяйства.

А. Малышев.

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ КРЕПОСТНОГО ХОЗЯЙСТВА.

Изучение сущности крепостного хозяйства, его происхождения и эволюции представляет для историка-марксиста большой научный интерес, хотя бы потому, что мы здесь вплотную подходим к вопросу об особенностях исторического развития России. Эту особенность, «своеобразие», можно свести к особенностям разложения русского феодализма и к особенностям вызревания промышленного капитализма в России. Крепостное (барщинное) хозяйство являлось формой разложения феодализма в России и в то же время формой овладевания капитализмом сельского хозяйства. Особенность исторического развития России как раз и заключалась в развитии крепостного барщинного и оброчного хозяйства вместе с развитием ремесла, а затем и начальных стадий промышленного капитализма. Промышленный капитализм вызревал в условиях прикрепления крестьян в сельскохозяйственном производстве (на барщине), а не их экспроприации; он имел дело с медленно товаризирующимся на основе барщинной системы организации труда помещичьим хозяйством. Основные элементы капитализма формировались в среде оброчных крестьян в условиях крепостной зависимости и эксплоатации их феодалом-крепостником. Торговый капитал — исторически исходный пункт промышленного капитала — был тесно связан с барщинной системой, эксплоатировал прикрепленного ремесленника и организовывал мануфактуры, основанные на крепостном труде. Корни особенностей развития русского аграрного и промышленного капитализма уходят в своеобразный характер разложения русского феодализма с XVI в. через крепостное хозяйство. Вот почему для Ленина исходным пунктом анализа исторического развития русского капитализма является характеристика русского крепостного (барщинного) хозяйства. Ленин не только дал в основных чертах исчерпывающий анализ исторического развития русского капитализма, но и заложил основания для правильного понимания русского крепостного хозяйства.

Данная статья является попыткой теоретически осмыслить накопившийся и уже изученный фактический материал о характерных чертах русского крепостного (барщинного) хозяйства, в связи с критикой выдвинутого в исторической литературе тов. С. М. Дубровским неправильного толкования русского крепостного хозяйства, как особой, отличной от феодализма общественно-экономической формации.

I. КРЕПОСТНОЕ (БАРЩИННОЕ) ХОЗЯЙСТВО И ТОРГОВЫЙ КАПИТАЛ В РОССИИ.

Крепостное (барщинное) хозяйство по системе организации труда и производственных отношений, по своей внутренней экономической структуре являлось хозяйством феодального типа.

В своей статье по поводу 50-летия реформы 1861 г. Ленин писал: «Положение 19 февраля есть один из эпизодов смены крепостнического (или феодального) способа производства буржуазным (капиталистическим)».

Говоря о крестьянском и рабочем отделах программы РСДРП, Ленин указывает, что «их коренное отличие состоит в том, что рабочий отдел содержит требования, направленные против буржуазии, а крестьянский — требования, направленные против крепостников-помещиков (против феодалов, сказал бы я, если бы вопрос о применимости этого термина к нашему поместному дворянству не был таким спорным вопросом)». В подсрочном примечании Ленин заявляет: «Я лично склонен решать этот вопрос в утвердительном смысле». [1]

Исходя из тождества крепостного хозяйства с феодальным, Ленин, опираясь на главу из III тома «Капитала» о генезисе капиталистической земельной ренты, дал следующую характеристику крепостному хозяйству:

«За исходный пункт при рассмотрении современной системы помещичьего хозяйства необходимо взять тот строй этого хозяйства, который господствовал в эпоху крепостного права. Сущность тогдашней хозяйственной системы состояла в том, что вся земля данной единицы земельного хозяйства, т. е. данной вотчины, разделялась на барскую и крестьянскую; последняя отдавалась в надел крестьянам, которые (получая сверх того и другие средства производства — например, лес, иногда скот и т. п.) своим трудом и своим инвентарем обрабатывали ее, получая с нее свое содержание. Продукт этого труда крестьян представлял собой необходимый продукт, по терминологии теоретической политической экономии; необходимый — для крестьян, как дающий им средства к жизни, для помещика, как дающий ему рабочие руки; совершенно точно так же как продукт, возмещающий переменную часть стоимости капитала, является необходимым продуктом в капиталистическом обществе. Прибавочный же труд крестьян состоял в обработке ими т е м ж е инвентарем помещичьей земли; продукт этого труда шел в пользу помещика. Прибавочный труд отделялся здесь, следовательно, пространственно от необходимого: на помещика обрабатывали барскую землю, на себя — свои наделы, на помещика работали одни дни недели, на себя — другие. «Надел» крестьянина служил, таким образом, в этом хозяйстве как бы натуральной заработной платой (выражаясь применительно к современным понятиям) или сред-

[1] В. И. Л е н и н, Сочинения, т. IX, 1-е изд., стр. 292.

ством обеспечения помещика рабочими руками. «Собственное» хозяйство крестьян на своем наделе было условием помещичьего хозяйства, имело целью «обеспечение» не крестьянина средствами к жизни, а помещика — рабочими руками.

Эту систему хозяйства мы и называем барщинным хозяйством. Очевидно, что ее преобладание предполагало следующие необходимые условия: во-первых, господство натурального хозяйства. Крепостное поместье должно было представлять собой самодовлеющее, замкнутое целое, находящееся в очень слабой связи с остальным миром. Производство хлеба помещиками на продажу, особенно развившееся в последнее время существования крепостного права, было уже предвестником распадения старого режима. Во-вторых, для такого хозяйства необходимо, чтобы непосредственный производитель был наделен средствами производства вообще и землею в частности; мало того — чтобы он был прикреплен к земле, так как иначе помещику не гарантированы рабочие руки. Следовательно способы получения прибавочного продукта при барщинном и при капиталистическом хозяйствах диаметрально противоположны друг другу: первый основан на наделении производителя землей, второй—на освобождении производителя от земли. В-третьих, условием такой системы хозяйства является личная зависимость крестьянина от помещика. Если бы помещик не имел прямой власти над личностью крестьянина, то он не мог бы заставить работать на себя человека, наделенного землей и ведущего свое хозяйство. Необходимо, следовательно, «вне-экономическое принуждение», как говорит Маркс, характеризуя этот хозяйственный режим (подводимый им, как уже было указано выше, под категорию о т р а б о т о ч н о й р е н т ы. «Das Kapital», III, ч. 2 стр. 324). Формы и степени этого принуждения могут быть самые различные, начиная от крепостного состояния и кончая сословной неполноправностью крестьянина. Наконец, в-четвертых, условием и следствием описываемой системы хозяйства было крайне низкое и рутинное состояние техники, ибо ведение хозяйства было в руках мелких крестьян, задавленных нуждой, приниженных личной зависимостью и умственной темнотой».[1]

Во втором примечании к этой характеристике Ленин пишет: «Возражая Генри Джорджу, который говорил, что экспроприация массы населения есть великая и универсальная причина бедности и угнетения, Энгельс писал в 1887 году: «Исторически это не вполне верно... В средние века не освобождение (expropriation) народа о т земли, а напротив, прикрепление (appropriation) его к земле было источником феодальной эксплоатации. Крестьянин сохранял свою землю, н о б ы л п р и в я з а н к н е й в к а ч е с т в е к р е п о с т н о г о и б ы л о б я з а н п л а т и т ь з е м л е в л а д е л ь ц у т р у д о м и л и п р о д у к т о м».

[1] В. И. Л е н и н, Сочинения, т. III, Развитие капитализма в России, стр. 139—141. Разрядка здесь и дальше в неоговоренных местах моя. *А. М.*

Ссылаясь на замечания Энгельса о формах эксплоатации в средние века, т. е. в эпоху феодализма, Ленин тем самым подчеркивает общность феодальной формы эксплоатации с крепостнической. В своей работе «Что такое друзья народа», высмеивая Михайловского по поводу его утверждения о принадлежности земли земледельцу в эпоху феодализма, Ленин дает характеристику действительных производственных отношений эпохи феодализма, совершенно тождественную с приведенной выше характеристикой крепостничества.[1]

В другом месте Ленин пишет, что «отработка крестьян за «отрезные земли» — прямое переживание феодального способа производства».[2]

Все приведенное выше убедительно показывает, что Ленин считал крепостное (барщинное) хозяйство типом феодального хозяйства. Характеристика, данная Лениным системе организации труда и производственных отношений крепостного поместья, целиком и полностью может быть применена к феодальному поместью хотя бы Англии X — XIII вв.

Одно положение Ленина при буквальном его понимании не отвечает действительному характеру русского крепостного хозяйства. Ленин пишет, что «преобладание» барщинного хозяйства предполагает «господство натурального хозяйства». Преобладание барщинного хозяйства в России XVII — XVIII вв. не было связано с преобладанием натурального хозяйства. Крепостное поместье с барщинной системой организации труда пришло на смену поместью русского раннего феодализма, основанного на эксплоатации крестьян в форме ренты продуктами, в связи с развитием в экономике России начальных стадий капитализма (торгового капитала). Оно не представляло собой «самодовлеющее замкнутое целое, находящееся в очень слабой связи с остальным миром», а было довольно тесно связано с рынком. Работа помещика на рынок, в полной мере развившаяся, действительно, как это указывает Ленин, лишь в последнее время существования крепостного хозяйства, началась еще в XVI веке.

Впервые особенно четко и ярко подчеркнул эту связь крепостного хозяйства с рынком тов. Покровский в своем замечательном III томе «Русской истории с древнейших времен». Выступая решительно против утвердившегося в буржуазной науке мнения о господстве в экономике России XVIII в. натурального хозяйства, тов. Покровский экономическое развитие России XVI — XVIII вв. поставил в непосредственную связь с развитием торгового капитала, т. е. начальных стадий развития капитализма. Развитие торгового капитала явилось результатом роста общественного разделения труда и — с XVI века — тесных связей с Западом и опиралось на господствовавшее в области производства сельскохозяйственных продуктов барщинное хозяйство, а в области об-

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. I, стр. 105.
[2] Там же, т. I, стр. 311.

рабатывающей промышленности — на хозяйство мелкого производителя. Нужно указать, что и тов. Ленин в своей лекции о государстве, прочитанной в 1919 году для свердловцев, отметил, что «крепостное общество всегда было более сложным, чем общество рабовладельческое. В нем был большой элемент развития торговли, промышленности, что вело еще в то время к капитализму».

Связывая русское крепостное хозяйство с развитием начальных форм капитализма, тов. Покровский, однако, в полном согласии с Лениным не считал крепостничество новой общественно-экономической формацией. Крепостничество, по мнению тов. Покровского, есть «новый феодализм», т. е. феодализм, приспособленный к начальным стадиям развития капитализма.

Крепостное барщинное хозяйство уже с XVI века выступает как составное звено в процессе общественного разделения труда, в качестве поставщика на формирующийся внутренний и внешний рынок сельскохозяйственных продуктов, быстрым темпом оттесняя в этой роли мелкое крестьянское производство. В этой объективной роли и заключалась жизненность помещичьего хозяйства и в то же время основная причина и его эволюции и — в конце концов — его разложения.

Выход помещика на рынок в качестве продавца сельскохозяйственных продуктов до поры до времени не менял внутренней экономической структуры поместья. Крепостное поместье, как и феодальное, оставалось хозяйством, в основном производящим потребительские ценности, а не меновые. Оно было типом хозяйства, приспособленного в первую очередь к всестороннему удовлетворению потребностей помещика. Внутри его все экономические явления продолжали оцениваться с потребительской точки зрения.

«Денежное и товарное обращение, — пишет Маркс, — может обслуживать сферы производства самых разнообразных организаций, которые по своей внутренней структуре все еще имеют главной целью производство потребительной стоимости». [1]

Основная масса помещиков выступает на рынке не потому, что их хозяйство рассчитано на работу для рынка, а потому, что только через продажу части продукции, произведенной в их хозяйстве, они могут удовлетворить свои качественно и количественно возросшие потребности в условиях развивающихся торгово-денежных отношений. М. Н. Покровский, совершенно правильно считая, что «разница между богатым помещиком екатерининских времен и теперешним крупным буржуа не в их индивидуальном личном хозяйстве, а в социальной основе этого хозяй-

---

[1] К. Маркс, Капитал, т. III, часть 1, 1927, стр. 253.

«Даже возникшие в рамках земельных владений крепостные хозяйства, совершенно правильно пишет Вернер Зомбарт по поводу западно-европейского крепостничества, первоначально не являются приобретательскими, но в течение долгого времени остаются хозяйствами, ставящими себе целью покрытие потребностей даже после того, как они (что появляется уже довольно рано) излишек своих продуктов вывозят на рынок». Вернер Зомбарт, «Буржуа», стр. 63.

ства», так как «один эксплоатирует пролетаризированных рабочих при помощи своего капитала, другой мелких самостоятельных предпринимателей крестьян при помощи своей власти над ними»,[1] вместе с тем упускает из виду другую принципиальную разницу между капиталистическим и крепостническим поместьем, как хозяйством в первом случае товаропрозводящим, а во втором хозяйством потребительским. Подчеркивание этой характерной черты крепостного хозяйства дает нам возможность избежать модернизации крепостничества, сблизить его с феодальным хозяйством и правильно понять, в чем заключалась сущность эволюции помещичьего хозяйства в период XVI — XIX вв. Приводимый тов. Покровским,[1] в качестве аргумента против оценки крепостного хозяйства, как натурального, тот факт, что вольно-экономическое общество задавало «для решения публике» задачу: «как прожить в Петербурге примерно на двадцать тысяч рублей в год», — не опровергает, а подтверждает нашу мысль: несмотря на то, что помещики стали связываться с рынком, продавая продукты своих хозяйств, они это делали для того, чтобы прилично прожить в изменившихся экономических условиях.

Отсюда еще одна характерная черта крепостного хозяйства, на которую указывает тов. Ленин. «Законом докапиталистических способов производства, — пишет он, — является повторение процесса производства в прежних размерах, на прежнем основании: таково барщинное хозяйство помещиков, натуральное хозяйство крестьян, ремесленное производство промышленников».[2] Произведенный в этих условиях прибавочный продукт частью проедается непосредственно в хозяйстве, частью проедается после предварительной реализации его на рынке — деньги употребляются не на покупку новых элементов производственного процесса, а на покупку предметов роскоши. Расцвет крепостной дворянской культуры является ярким показателем экономической сущности крепостничества.

Активная, ведущая роль торгового капитала в экономике XVI — XVIII вв. в огромной степени объясняется фактом господства хозяйственных форм, имеющих своей целью производство потребительских стоимостей. «При капиталистическом способе производства, т. е. когда капитал овладевает самим производством и придает ему совершенно измененную и специфическую форму — купеческий является лишь капиталом с особой функцией. При всех прежних способах производства «и тем в большей мере, чем более производство есть непосредственно производство средств существования для самого производителя — купеческий капитал представляется функцией капитала par excellence».[3]

Вместе с тем, «развитие купеческого капитала влияет на производство таким образом, что все более придает ему характер

---

[1] М. Н. Покровский, том III, изд. 5-е, стр. 92.
[2] В. И. Ленин, Сочинения, т. III, стр. 37.
[3] К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, стр. 251.

производства, имеющего целью меновую стоимость, все более превращает продукты в товары». Дальше Маркс указывает то звено, посредством которого торговля разлагает потребительское хозяйство помещиков. Торговля разлагает помещичье хозяйство потому, что «наслаждение и потребление она ставит в бо́льшую зависимость от продажи, чем от непосредственного потребления продукта».[1]

Эпоху XVII — XVIII вв. в развитии крепостного (барщинного) хозяйства и нужно рассматривать под углом зрения медленного разложения потребительской сущности этого хозяйства и постепенного перерождения его в хозяйство товаропроизводящее. Русский помещик, выступая на рынке в качестве продавца части продуктов, произведенных в его хозяйстве с потребительскими целями, тем самым «увязает» в рыночных отношениях, втягивается в них. У него развивается жажда денег и накопления, шаг за шагом он все большую и большую часть продуктов своего хозяйства начинает выбрасывать на рынок, постепенно приспосабливая свое хозяйство к работе исключительно для рынка.

Быстрота процесса превращения помещичьего хозяйства из потребительского в товаропроизводящее, различная для отдельных хозяйств, стоит в зависимости от многих обстоятельств, среди которых необходимо указать прежде всего на размер хозяйства (количество эксплоатируемых рабочих рук). Крупные хозяйства гораздо быстрее товаризируются, мелкие менее быстро и даже очень медленно. Значение имеет также и местоположение поместья относительно рынка и целый ряд других обстоятельств.

Вместе с тем в хозяйстве, связавшемся с рынком, отдельные его «статьи», товаризируются по-разному.

Медленнее всего товаризировалось собственно зерновое хозяйство. Рынок — и прежде всего внешний рынок — для хлебов рос гораздо медленнее рынка для технических культур (льна, пеньки и т. д.) и для связанных с сельским хозяйством продуктов скотоводства. В этих отраслях поэтому раньше начинает развиваться предпринимательство.

Наряду с товаризацией технических культур идет промышленное предпринимательство русского дворянства. «Логически и хронологически, — пишет тов. Покровский, — интенсивное барщинное земледелие пришло у нас позже крепостной индустрии. Хлеб, как товар, становится очень выгоден с 80 — 90 гг., промышленные предприятия давали раньше барыши, с которыми не могло сравниться никакое сельское хозяйство». Вотчинную мануфактуру нужно рассматривать, как форму крепостного хозяйства, посредством которой феодал-помещик использует в интересах своей наживы общественное разделение труда и создавшийся рынок для продуктов промышленности. Вотчинная мануфактура возникла как результат развития феодального ремесла и получила широкое распространение у нас в России в силу того, что предшествующее

---

[1] К. Маркс, т. III, ч. 1, стр. 254.

экономическое развитие не отделило еще в достаточной степени ремесло от сельского хозяйства, не вывело ремесленника из деревни в город. Опираясь на свою власть над ремесленниками, вотчинник и мог организовывать мануфактуры.

С этой точки зрения мануфактуры являются итогом технического развития ремесла, но в рамках вотчины, а не в городе. Прямым приспособлением феодального хозяйства к торгово-денежным отношениям мануфактуры являются также потому, что они работали на сырье, производимом в данном поместье, будучи таким образом как бы подсобным предприятием при основном сельскохозяйственном производстве. По структуре производственных отношений они являлись прямым продолжением феодализма, поскольку основой их был принудительный труд мелких самостоятельных производителей. Будучи с самого начала предприятиями товаропроизводящими, они не были капиталистическими предприятиями не только потому, что основывались на принудительном труде, а также и потому, что в них отсутствовал и другой признак капитализма: они не были производствами с расширяющимся производственным базисом; процесс производства повторялся в них на прежнем основании в прежнем масштабе.

Деньги за реализованные на рынке товары, произведенные в вотчинной мануфактуре, в основном шли на удовлетворение потребностей помещика, ибо рабочая сила и сырье воспроизводились в прежних размерах средствами помещичьего сельскохозяйственного производства. Это была просто наиболее денежная часть помещичьего хозяйства. Не они послужили исходными формами для развития промышленного капитализма у нас в России. Для превращения их в капиталистические предприятия нужен был бы длительный процесс их перерождения, и они в своем большинстве не переросли в капиталистические фабрики, так как увлечение промышленным предпринимательством в XIX в. сменилось в дворянских кругах предпринимательством в области сельского хозяйства. Не создавая базиса для развития настоящих капиталистических форм крупной промышленности, вотчинные мануфактуры в то же время тормозили развитие этих форм, так как они замещали их на рынке — так же как барщинное сельское хозяйство до поры до времени вполне замещало на рынке сырья сельскохозяйственное капиталистическое предприятие.

Промышленное предпринимательство дворянства не является специфически русским явлением. Во многих странах на заре развития капитализма феодалы использовали свои права на сырье, рабочие руки и государственную власть для наживы посредством организации промышленных предприятий. Вернер Зомбарт в цитированной нами работе «Буржуа», указывая на факт промышленного предпринимательства дворянства, вместе с тем отмечает, что оно носило полуфеодальный отпечаток.

Мы уже указали, что медленность перехода помещичьего барщинного хозяйства на рельсы товаропроизводящего обусловлена медленным темпом расширения внутреннего (и внешнего) рынка.

для сельскохозяйственных продуктов. Эта основная причина в рамках XVIII в., в свою очередь обусловливалась целым рядом причин: медленным процессом общественного разделения труда и нечеткостью этого процесса, т. е. большой связанностью обрабатывающей промышленности с сельским хозяйством, следствием чего был медленный рост городов и потребляющего населения; своеобразным ростом крупной промышленности, обслуживаемой рабочим, прикрепленным к наделу и получающим средства к жизни продуктами хозяйства данной вотчины; распространением крепостного хозяйства на районы с чисто земледельческой культурой, отдаленные от рынков сбыта сельскохозяйственных продуктов и не имевшие своих потребительских центров. Объяснение же указанных явлений нужно искать вне рамок XVIII в., с XVI в., идя к истокам перерастания русского раннего феодализма в крепостничество, что и будет сделано нами в одной из следующих глав.

На базе медленно разворачивающегося рынка происходил молекулярный процесс перерождения помещичьего хозяйства из потребительского в товаропроизводящее на основе феодальной (барщинной) системы организации труда. Противоречие между товаризирующимся помещичьим хозяйством и феодальной системой организации труда и производственных отношений наростало очень медленно и до XIX в. разрешалось в рамках той же самой системы посредством интенсификации барщины. «Усиление эксплоатации крестьян, — пишет Ленин, — происходило вследствие роста товарного производства в помещичьих хозяйствах, вследствие того, что они стали употреблять барщинный труд на производство хлеба для продажи, а не на свои только потребности».[1]

Только в XIX в. в связи с более быстрым расширением внутреннего и внешнего рынков для сельскохозяйственных продуктов перерастание помещичьего хозяйства из потребительского в товаропроизводящее пошло быстрее. Тогда и противоречие между товаризировавшимся хозяйством и системой организации труда не могло уже больше разрешаться в рамках прежней системы.

Энгельс пишет по поводу крепостного хозяйства Германии:

«Капиталистический период на селе возблаговестил о своем пришествии в форме сельскохозяйственного крупного производства на основе барщинного труда крепостных». Таков конечный результат развития крепостного хозяйства под воздействием торгово-денежных отношений.[2] Крепостное (барщинное) хозяйство нужно рассматривать, как одну из форм внедрения капитализма в сельское хозяйство, что выражалось в медленном перерождении его из хозяйства потребительского в меновое. Этим подготовлялся прусский путь внедрения капита-

---

[1] В. И. Ленин, т., III.

[2] Энгельс, Маркс, Приложение к «Развитию социализма от утопии к науке», изд. ИМЭ, стр. 92.

лизма, как он определен Лениным. Ибо прусский тип заключается в том, что помещик, сохранив за собой инициативу в области сельскохозяйственного производства, медленно перерождается в товаропроизводителя с тем, чтобы затем от крепостной организации труда перейти к капиталистической. Этот последний процесс заполнит собой историю помещичьего хозяйства России в XIX и XX веке.

Барщинное хозяйство в самой структуре организации труда и производственных отношений заключало противоречие, которое чем дальше, тем больше наростало, постоянно давая о себе знать крепостному хозяйству. Внешним выражением этого противоречия и было крепостное право как система вне экономического принуждения. Сущность этого противоречия сводилась к борьбе крестьянского и помещичьего хозяйств. Барщинное хозяйство основывалось на эксплоатации мелких самостоятельных производителей. В развитии своей производственной деятельности помещик стремился не давать крестьянину производить для себя сверх необходимого жизненного минимума. Крестьянский надел в крепостном хозяйстве был своеобразной формой натуральной заработной платы.

Но крестьянское хозяйство, несмотря на нивеллирующий пресс барщины, шаг за шагом связывалось с рынком, подвергалось его воздействию, в крестьянине под воздействием рынка просыпался инстинкт накопления, расширения своего хозяйства, дремлющий до поры до времени в каждом самостоятельном производителе. Отсюда борьба за прибавочный труд между помещиком и крестьянином. Эта борьба связана неразрывно с борьбою за землю, ибо тенденцией крепостного хозяйства являлось медленное, но неуклонное обезземеление крестьян.

«Целый ряд произвольных в порядке крепостнического правосознания действий помещика вел к тому, что эта крестьянская собственность уменьшалась и уменьшалась, помещик отнимал землю у крестьянина и мешал ему хозяйничать, а крестьянин хотел хозяйничать. На фоне этого развертывается перед нами длинный ряд крестьянских революций. Смутное время, революция Хмельницкого на Украине, восстание Стеньки Разина, и, наконец, Пугачевский бунт к концу XVIII века».[1] Борьба крестьян против помещиков в XVII — XVIII вв. есть борьба за другой путь проникновения капитализма в сельское хозяйство через мелкие крестьянские хозяйства. Корни этой борьбы уходят к XVI в. Но только считая крепостное хозяйство не особой общественно-экономической формацией, а формой приспособления старых феодальных отношений к развивающимся торгово-денежным отношениям, только рассматривая барщинное поместье, как форму

[1] М. Н. Покровский, Очерки по истории революционного движения в России, стр. 9.

перерастания феодализма в капитализм, мы можем прощупать исторические истоки борьбы двух путей аграрной эволюции России, гениально намеченных Лениным для XIX — XX вв. Помещичье (барщинное) хозяйство, выступая с XVI в. в качестве единственной формы сельскохозяйственного производства, которое обслуживало рынок, превратило крестьянское хозяйство в придаток к помещичьему. Оно систематически ограничивало его связь с рынком и мешало крестьянскому хозяйству выступить в качестве конкурирующей формы сельскохозяйственного производства на рынке. Но помещичье хозяйство не ликвидировало крестьянское, наоборот, только сохраняя крестьянское хозяйство самостоятельным, могло развиваться помещичье (барщинное) хозяйство. Таким образом, крестьянский путь (американский) внедрения капитализма в сельское хозяйство как бы теплился в тисках крепостного хозяйства и только после реформы 1861 г. стал реальной возможностью, ибо крестьянское хозяйство наконец получило возможность связаться с рынком.

II. ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ КРЕПОСТНОЕ ХОЗЯЙСТВО ОСОБОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ФОРМАЦИЕЙ, ОТЛИЧНОЙ ОТ ФЕОДАЛИЗМА?

Выше мы рассматривали крепостное (барщинное) хозяйство, как хозяйство феодального типа, приспособленное к удовлетворению качественно и количественно возросших потребностей феодала (помещика) посредством продажи части продуктов, производимых в барщинном хозяйстве, на рынок. Одновременно, как мы видели, барщинное хозяйство является формой внедрения капитализма в сельское хозяйство посредством медленной эволюции — на базе феодальной системы организации труда потребительского хозяйства феода́ла (помещика) в меновое. Крепостное оброчное хозяйство также имеет своей основой феодальную систему эксплоатации зависимых крестьян в форме получения денежной ренты и в условиях довольно широкого и глубокого проникновения торгово-денежных отношений в хозяйства этих крестьян.

В своей книге С. М. Дубровский выступил с иным пониманием сущности крепостного хозяйства.[1] Он считает крепостное хозяйство особой общественно-экономической формацией, принципиально отличной от феодализма. Основания для выделения крепостничества в особую общественно-экономическую формацию по мнению тов. Дубровского следующие:

1. Специфические черты производственных отношений, отличающие одну общественно-экономическую формацию от другой, определяются той специфической экономической формой, в которой неоплаченный прибавочный труд выжимается из непосредственных производителей владельцами средств производства.

[1] С. М. Дубровский, К вопросу о сущности «азиатского способа» производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала.

Тов. Дубровский этими специфическими формами выжимания прибавочного труда считает формы ренты (натуральная, отрабо- точная, денежная). Исходя из этого, анализ докапиталистических форм ренты, данный в III т. «Капитала», он толкует, как учение Маркса о разных общественно-экономических формациях, т. е о феодализме и крепостничестве.

«В самом деле, — пишет он, — феодализм в основном характе- ризуется производством прибавочного и необходимого продукта в хозяйстве непосредственных производителей (с извлечением феодалами ренты продуктами), при крепостничестве же необхо- димый продукт создается в хозяйстве непосредственных произво- дителей — прибавочный продукт на барщине».[1]

2. «При феодализме крестьянину противостоит целая иерар- хия феодалов от вассалов до сюзеренов, делящих между собой прибавочный продукт в виде ренты продуктами, который посту- пает к ним от крестьянина. При крепостничестве крестьянству про- тивостоит класс крепостников, который свергнул власть аристо- кратов-феодалов и утвердил собственную диктатуру. Нужно ука- зать, что крепостнический землевладелец отличается от феодаль- ного, пожалуй, не меньше, чем капиталистический земельный соб- ственник отличается от крепостнического».[2]

3. «Различие между феодализмом и крепостничеством можн было бы провести и гораздо дальше по линии техники, поскольку в эпоху крепостничества техника идет впереди, и по линии орга- низации промышленности, поскольку при крепостничестве отде- ление ремесла от земледелия делает шаг вперед и кроме тог появляются крепостнические мануфактуры. Можно было бы ука- зать на большую разницу и в развитии торгового капитализма поскольку последний при крепостничестве делает значительны шаг вперед по сравнению с феодализмом».

Итак, мы видим, что крепостничество по сравнению с феода- лизмом имеет особый присущий только ему способ производства именно барщинный способ производства, имеет и особый при- сущий ему отличный от феодализма способ высасывания приба- вочного продукта из непосредственного производителя, именн форму отработочной ренты в отличие от ренты продуктами, ко- торая характерна для феодализма.

Так как тов. Дубровский в подтверждение своей характери- стики феодализма и крепостничества как особых общественно- экономических формаций ссылается на Маркса-Энгельса, то м попытаемся установить подлинные взгляды Маркса-Энгельса[3] п этим вопросам.

У Маркса-Энгельса мы нигде не найдем указаний на то, что они считают крепостничество особой общественно-экономическо формацией, отличной от феодализма и занимающей в истории че

[1] С. М. Дубровский, указанная книга, стр. 93.

[2] Там же.

[3] Взгляды Ленина, решительно противоположные взглядам Дубровского, бы изложены нами выше.

ловеческих обществ место между феодализмом и капитализмом.

Формулируя свою социологическую теорию в «Введении к критике политической экономии», Маркс указывает на следующие общественно-экономические формации. «В общих чертах, — пишет Маркс, — можно наметить, как прогрессивные эпохи экономического формирования общества: азиатский, античный, феодальный и современный буржуазный способ производства». В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс, характеризуя историческое развитие форм собственности, которые связаны с различными ступенями развития разделения труда, перечисляют следующие формы собственности: родовая, античная и. наконец, феодальная форма собственности. Как видим, у Маркса и Энгельса нет места для крепостнической общественно-экономической формации.

Изучая генезис капитализма, Маркс выводил его не из крепостнической, а из феодальной общественно-экономической формации. «Экономическая структура (хозяйственный строй) капиталистического общества выросла из экономической структуры феодального общества. Разложение последнего освободило элементы первого». Это есть выводы не только из истории происхождения капитализма в Англии, а обобщение исторического процесса зарождения капитализма в Западной Европе. В работе Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке» мы имеем общую картину происхождения капитализма из феодального способа производства и общую характеристику последнего, но характеристики крепостнической общественно-экономической формации и даже указаний на существование таковой мы у Энгельса не имеем.

Тов. Дубровский ссылается на характеристику барщинной системы, данной Марксом в главе «Рабочий день» I т. «Капитала», считая, что в ней Маркс дал характеристику крепостничества как особой общественно-экономической формации. Маркс поводов для такого вывода в названной главе не дает. Он нигде не противопоставляет барщинные отношения феодальным и не считает их основой особой крепостнической общественно-экономической формации. Тов. Дубровский приписывает свои собственные неверные мысли Марксу.

Сомнений быть не может. Маркс и Энгельс крепостничество не считали общественной экономической формацией, отличной от феодализма. Они крепостничество считали одной из характерных черт феодализма.

Методологическая ошибка тов. Дубровского заключается в искусственном расчленении единой феодальной общественной экономической формации путем выделения элементов крепостничества, являющихся органической составной частью феодализма, в особую общественно-экономическую формацию. Полнокровная, насыщенная содержанием характеристика феодализма у Маркса превращается в силу этого у Дубровского в худосочную бессодержательную характеристику двух общественно-экономических

формаций. Тов. Дубровский, отрывая крепостничество от феодализма, превратил последний в безжизненную схему, не могущую служить орудием в деле познания исторической действительности. Сравнение учения Маркса о сущности феодализма со схемой сущности феодализма Дубровского ясно покажет всю никчемность такого расчленения.

Производственной базой феодализма по Марксу является мелко-крестьянское хозяйство, ведущее сельское хозяйство на основе устойчивой трехпольной системы, и мелкое ремесленное производство в области обрабатывающей промышленности.

«Как мелкое крестьянское хозяйство, так и производство самостоятельных мелких ремесленников частью составляют базис феодального способа производства, частью же, после его разложения, продолжают существовать на ряду с капиталистическим производством». [1]

Тов. Дубровский делает большую ошибку, когда выделяет ремесло из производственного базиса феодализма. Он пишет: «Свойственные феодализму производственные отношения переплетаются с другими формациями. В частности большую роль играют при феодальном строе города с их ремесленным строем». [2]

Выходит, что ремесло и ремесленный строй являются в недрах феодализма представителем иной общественно-экономической формации. Какой? Об этом тов. Дубровский умалчивает. Но здесь явно протягивается ниточка к теории Бюхера, выделяющей город в особую форму хозяйственного развития.

По Марксу же цеховое ремесло и ремесленный город являются составной частью феодальной общественно-экономической формации.

В «Немецкой идеологии» мы читаем: «Главной формой собственности в феодальную эпоху является, с одной стороны, земельная собственность, со связанным с ней трудом крепостных (это к предварительному сведению тов. Дубровского. *А. М.)*, а с другой — собственный труд, при наличии мелкого капитала и труда используемых им подмастерьев». [3] В других местах Маркс развивает свою мысль о том, что производственные отношения в сельском хозяйстве как господствующей отрасли производства определяли собой и производственные отношения в ремесле и городе.

«У народов с оседлым земледелием — эта оседлость уже являлась большим прогрессом, — где земледелие преобладает, как в античном и феодальном обществе, сама промышленность, ее организация и соответствующие ей формы собственности имеют в большей или меньшей степени такой же характер, как и земледелие (общество), или совсем зависят от земледелия, как у древних римлян, или подражают складывающимся в нем отношениям, как в средние века в организации городов. Даже капитал — по-

---

[1] Маркс, Капитал, т. I, стр. 312.
[2] Статья в журнале «Аграрные проблемы», 1929 г. № 2, стр. 30.
[3] Маркс-Энгельс, Немецкая идеология, Архив М.-Э., т. I, стр. 256.

скольку он не является еще чисто денежным капиталом — имеет в средние века, в виде традиций и орудий ремесла и т. д. этот земледельческий характер».[1]

Выступая в качестве составного звена феодального производства, ремесло и торгово-ремесленный город в ходе своего дальнейшего развития начинают выступать как антагонисты этой феодальной экономики. «Вместе с полным развитием феодализма, — пишет Маркс, — появляется и антагонизм с городами». Выделившееся ремесло послужило базой для развития новых производительных сил, которые не могли мириться с феодальной организацией труда. Ремесло выступает, как сила, разлагающая феодализм.

Марксизм чужд идеям Бюхера о господстве замкнутого самодовлеющего натурального хозяйства в эпоху феодализма. А именно к этому и клонятся попытки тов. Дубровского оторвать ремесло от феодальной общественно-экономической формации. Это нужно ему для обоснования своего основного утверждения о господстве натуральной формы ренты при феодализме. Натуральная рента господствовала, по мнению Дубровского, в силу господства натурального хозяйства. На самом деле феодальное хозяйство базируется на первичном типе общественного разделения труда, а следовательно, на систематическом обмене продуктов между сельским хозяйством и выделившимся в городе ремеслом. На этой основе выростал торговый капитал и выделился особый класс людей, обслуживающих обмен. «Ближайшим шагом в области разделения труда, — пишет Маркс, — было обособление производства от формы сношений (Verkehr), образование особого класса купцов, — обособление, перешедшее из прошлого в исторически сохранившихся городах (между прочим, с еврями) и очень скоро появившееся в новообразовавшихся городах. Этим создалась возможность торговой связи, выходящей за пределы ближайшей окрестности. . .»[2]

В силу этого мы не можем феодальную вотчину и мелкое крестьянское хозяйство рассматривать как замкнутые, натуральные хозяйственные единицы. Все материалы о вотчинах и о крестьянском хозяйстве даже раннего феодализма говорят о связи этих хозяйств с рынком, о проникновении торгово-денежных отношений в феодальное помещичье и крестьянское хозяйство. Но это не ведет на данной стадии развития общественного разделения труда к превращению феодального помещичьего и крестьянского хозяйств — в хозяйства, производящие товары. Они производят, говоря языком современной политэкономии, потребительские стоимости, являются хозяйствами потребительского типа. Продукты, выбрасываемые ими на рынок, только в процессе обмена становятся товарами.

Размах и интенсивность вовлечения феодального помещичьего

---

[1] К. Маркс, К критике политической экономии, стр. 44.
[2] Маркс-Энгельс, Немецкая идеология, Архив М.-Э., т. I, стр. 236.

*

и крестьянского хозяйства в товарно-денежные отношения, не нарушая их внутреннюю экономическую структуру, однако, оказывают свое влияние на формы ренты, уплачиваемой непосредственными производителями крестьянами помещику-феодалу.

Какова же производственная база крепостнической общественно-экономической формации и какова должна быть характеристика экономической сущности крепостного хозяйства? Ответ на этот вопрос дать очень трудно. Следующим по сравнению с феодализмом этапом развития общественного разделения труда и роста производительных сил будет появление мануфактуры и фабрики и оттеснение сельского хозяйства от роли господствующей отрасли производства. Но это уже будет производственный базис капиталистической общественно-экономической формации. Мы не можем найти для крепостнической общественно-экономической формации качественно отличного от феодализма производственного базиса.

Тов. Дубровский в вышеприведенной характеристике феодализма и крепостничества считает, что производственный базис крепостничества отличается от производственного базиса феодализма более быстрым темпом общественного разделения труда («поскольку при крепостничестве отделение ремесла от земледелия делает шаг вперед») и рост торгового капитала («последний при крепостничестве делает значительный шаг вперед по сравнению с феодализмом»), — но ведь это разница количественного порядка; она найдет себе отражение в изменении физиономии феодализма (в Англии и Франции это приведет к началу разложения феодализма, а в Германии и России к консервации феодализма). Но этих количественных изменений в производственном базисе не достаточно для образования особой общественно-экономической формации. Общественно-экономическая формация по Марксу базируется на законченном типе развития производительных сил, а не на количественных изменениях одного и того же типа производительных сил. Делить же эти две формации по принципу натуральности (феодальная вотчина) и денежности (крепостное поместье) методологически и фактически не верно. И феодальная вотчина старого типа и крепостное поместье связаны с рынком и вместе с тем являются хозяйствами потребительского типа. Все дело в количественных моментах. Товаропроизводящим сельское хозяйство вообще будет только с момента преобразования его капитализмом.

Тов. Дубровский, совершенно правильно указывая, что «в сравнении, например, с феодальным хозяйством в крепостном хозяйстве, поскольку размер прибавочного продукта значительно увеличивается, соответственно возросли и его денежность и товарность»,[1] в то же время не удосужился проанализировать, изменилась ли от этого экономическая структура поместья, пе-

[1] С. М. Дубровский, указанная книга, стр. 86.

рестало ли оно быть, как и поместье эпохи феодализма, хозяйством по своей внутренней экономической структуре производящим в основном потребительские ценности, или же оно стало хозяйством, производящим уже меновые ценности, т. е. капиталистическим. Нужно подчеркнуть, что, говоря о крепостном поместье, как о хозяйственной организации, принципиально отличной как от феодализма, так и от капитализма, тов. Дубровский должен был бы указать помимо специфических черт в системе производственных отношений также и на специфическую экономическую структуру этого хозяйства, отличающую его принципиально как от капиталистического хозяйства, так и от потребительского феодального. В связи с этим и утверждение тов. Дубровского о том, что «крепостнический землевладелец отличается от феодального пожалуй не меньше, чем капиталистический земельный собственник отличается от крепостнического»[1] приобретает характер голословного утверждения, поскольку не указана социально-экономическая природа крепостника.

Выше мы этот чрезвычайно важный вопрос поставили и разрешили в том направлении, что крепостное хозяйство является в основном хозяйством потребительского типа, но хозяйством, медленно перерождающимся в товаропроизводящее. Помещика-крепостника тоже надо рассматривать, как землевладельца, перерастающего из феодала-потребителя в капиталиста — организатора производства.

В особенности ярко выступает вся искусственность выделения крепостничества в качестве особой экономической формации, когда мы перейдем к характеристике сущности производственных отношений феодализма. Мы увидим, что основная характерная черта производственных отношений — одна и та же для феодализма и крепостничества.

Специфические черты производственных отношений, отличающие одну общественно-экономическую формацию от другой, как мы уже выше указывали, тов. Дубровский выводит из специфических форм выжимания прибавочного труда из непосредственных производителей, в данном случае крестьян.[2] Такими специфическими формами он считает формы ренты — для феодализма характерна натуральная форма ренты, для крепостничества отработочная (барщина) форма.

Те формы, в которых происходит процесс выжимания прибавочного труда из непосредственных производителей, являются в то же время формами производственных отношений. Сама специфичность этих форм выжимания прибавочного труда и, следовательно, сама специфичность производственных отношений должны быть в свою очередь объяснены. Этого не делает тов. Дубровский.

---

[1] С. М. Дубровский, указанная книга, стр. 92.

[2] «Только та форма, в которой этот прибавочный труд выжимается из рабочего — пишет Маркс, — отличает экономические формации общества, напр., общество рабства от общества наемного труда».

Исходным моментом, определяющим формы производственных отношений, является распределение средств производства между членами общества. «Непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям, — пишет Маркс, — отношение, всякая данная форма которого каждый раз естественно соответствует определенной ступени развития способа труда, а потому и общественной производительной силе последнего, — вот в чем мы раскрываем самую глубокую тайну, сокровенную основу всего общественного строя».[1]

Феодализм, как и крепостничество, характеризуется прежде всего монополией класса феодалов на землю — эту основную производительную силу в эпоху феодализма. «Во все средние века, — пишет Энгельс, — крупное землевладение является предварительным условием, которое связывает феодальное дворянство с оброчными и барщинными крестьянами».

Но этим определяется только общий характер производственных отношений, т. е. там, где средства производства концентрируются в руках одной части общества, производственные отношения выступают, как классовые отношения. Это еще ничего не говорит о типе этих производственных классовых отношений.

Тип производственных отношений по Марксу определяется способом и характером соединения рабочей силы и средств производства.

«Каковы бы ни были общественные формы производства, рабочие и средства производства всегда остаются его факторами. Но, находясь в состоянии отделения одни от других, и те и другие являются его факторами лишь в возможности. Для того, чтобы вообще производить, они должны соединиться. Тот особый характер и способ, каким осуществляется это соединение, различает отдельные экономические эпохи социальной структуры».[2] Вот что по Марксу определяет форму выжимания прибавочного труда, а следовательно, и форму производственных отношений.

Своеобразие типа соединения рабочей силы и средств производства при феодализме в противовес капитализму заключается в том, что здесь в силу того, что земля является главным средством производства, — процесс производства может быть осуществлен только через предварительное наделение основными средствами производства непосредственных производителей, т. е. через превращение их в мелких самостоятельных производителей, тогда как при капитализме процесс производства может быть осуществлен только после предварительного освобождения непосредственных производителей от средств производства. В рабовладельческих обществах и сам непосредственный производитель-раб является личной собственностью рабовладельца. Вся история человечества с момента появления классов и

[1] Маркс, Капитал, т. III, ч. II, 1928, стр. 267.
[2] Там же, т. II, 1927, стр. 10.

эксплоатации и до социалистического общества в основном базируется на смене этих трех типов соединения рабочей силы и средств производства. Но тип соединения рабочей силы и средств производства, присущий феодализму, в такой же мере присущ и крепостничеству, — достаточно только прочесть приводимую нами выше характеристику крепостничества, данную тов. Лениным. Таким образом принципиальной разницы в основном характерном для общественно-экономической формации между феодализмом и крепостничеством нет.

Пойдем дальше. Тов. Дубровский не понял того, что Маркс подразумевает под экономическими формами выжимания прибавочного труда. Дубровский считает, что формы ренты (натуральная, отработочная, денежная) и есть те экономические формы, в которых происходит процесс выжимания прибавочного труда. Это ошибка. Формы ренты есть организационные формы процесса эксплоатации, в которых осуществляется этот процесс, но которые предполагают уже данными специфические черты производственных отношений между владельцами средств производства и непосредственными производителями, специфические черты, определяемые способом соединения рабочей силы и средств производства. Специфическими чертами капиталистических производственных отношений является то, что здесь рабочий выступает в качестве продавца с в о е й р а б о ч е й с и л ы капиталисту, не только юридически, но и фактически концентрировавшему в своих руках средства производства. Отношения между капиталистом и рабочим — это отношения купли и продажи рабочей силы. Таково основное содержание производственных отношений, которое при развитом товарном производстве принимает форму отношения вещей, мистифицируется. Организационной формой, где происходит реализация этих общественных отношений производства, является фабрика.

Для феодализма, как мы видели, характерно, что непосредственный производитель является самостоятельным производителем. Феодал только юридический собственник средств производства, находящихся во владении у крестьян. Крестьяне не продают свою рабочую силу, наоборот, стараются ее употребить целиком на расширение своего хозяйства. Каковы здесь специфические формы, в которые облекаются производственные отношения между феодалом и крестьянином? Этими специфическими формами являются отношения личной зависимости — внеэкономическое принуждение. Формы же ренты выступят в качестве о р г а н и з а ц и о н н ы х ф о р м, в которых реализуется процесс эксплоатации.

Основное здесь то, что крестьянин отдает свой труд феодалу в силу отношений личной зависимости, в силу внеэкономического принуждения, а в какой форме он отдает свой труд — это зависит от уровня развития производительных сил, связи помещичьего и крестьянского хозяйства с рынком и т. д. Формы ренты неотрывно связаны с специфическими чертами про-

изводственных отношений, являясь организационной формой их, они влияют на тяжесть эксплоатации, силу внеэкономического принуждения, но они являются выразителями одних и тех же производственных отношений.

«Но оставим светлый остров Робинзона, — пишет Маркс, — и перенесемся в мрачное европейское средневековье. Вместо нашего независимого человека мы находим здесь людей, которые все зависимы, — крепостные и помещики, вассалы и сеньоры, миряне и попы. Личная зависимость характеризует тут общественные отношения материального производства в такой же степени, как иные воздвигнутые на этой основе сферы жизни. Но именно потому, что отношения личной зависимости составляют основу данного общества, отдельным работам и продуктам не приходится принимать отличную от их реального бытия фантастическую форму».[1] А в главе «Генезис капиталистической земельной ренты» III т. «Капитала» Маркс вскрывает необходимость отношений личной зависимости, внеэкономического принуждения при выжимании прибавочного труда из наделеных средствами производства непосредственных производителей.

«Далее, ясно, — пишет Маркс, — что во всех формах, при которых непосредственный рабочий остается «владельцем» средств производства и условий труда, необходимых для производства средств его собственного существования, отношение собственности необходимо будет выступать, как непосредственное отношение господства и подчинения, следовательно, непосредственный производитель — как несвободный: несвобода, которая от крепостничества с барщинным трудом может смягчаться до простого оброчного обязательства.

Согласно предположению, непосредственный производитель владеет здесь своими собственными средствами производства, вещественными условиями труда, необходимыми для реализации его труда и для производства средств его существования; он самостоятельно ведет свое земледелие, как и связанную с ним деревенско-домашнюю промышленность. Эта самостоятельность не уничтожается тем, что, как, напр., в Индии, эти мелкие крестьяне соединяются между собою в более или менее естественно выросшую производственную общину: здесь идет речь о самостоятельности только по отношению к номинальному землевладельцу. При таких условиях прибавочный труд для номинального земельного собственника можно выжать из них только внеэкономическим принуждением, какую бы форму ни принимало последнее».[2]

В «Немецкой идеологии» Маркс-Энгельс специфические черты феодальной общественно-экономической формации объясняют,

[1] Маркс, Капитал, т. I, стр. 35.
[2] Там же, т. III, ч. II, стр. 266.

исходя из характера господствовавшего в ту эпоху орудия производства.

«Таким образом, здесь выступает различие между данными природой орудиями производства и орудиями, созданными цивилизацией. Пашню (воду и т. д.) можно рассматривать как данное природой орудие производства. В первом случае, в случае данного природой орудия производства, индивиды подчиняются природе, во втором — продукту труда. Поэтому в первом случае и собственность (земельная собственность) представляется в качестве непосредственного, данного природой господства, во втором — в качестве господства труда, в частности накопленного труда, капитала. Первый случай предполагает, что индивиды объединены какой-нибудь связью — семейной, племенной, даже земельной и т. д. и т. д.; второй случай предполагает, что они независимы друг от друга и связаны только обменом... В первом случае господство собственности над несобственниками может опираться на личные отношения, на своего рода общественную организацию, во втором случае оно должно принять вещественную форму в чем-то третьем — в деньгах».[1]

Тов. Дубровский пытается ослабить значение данной Марксом характеристики общественных отношений эпохи феодализма. «Между прочим,—говорит он,—во внеэкономическом принуждении некоторые товарищи пытаются найти основание для затушевывания разницы между феодализмом и крепостничеством. Между тем для каждого марксиста ясно, что внеэкономическое принуждение в различных, конечно, его формах может быть при разных способах производства, как-то при 1) рабстве, 2) феодализме и 3) крепостничестве».[2] Принципиальную разницу феодализма и крепостничества тов. Дубровский по нашему мнению не доказал. По поводу же рабства мы можем продолжить приведенную цитату из Маркса «Данная форма как раз тем и отличается от рабского или плантаторского хозяйства, что раб работает при помощи чужих условий производства и не самостоятельно.[3]

Повидимому тов. Дубровский вполне сознательно обошел действительные специфические формы, в которые отливаются производственные отношения при феодализме, сведя их просто к господству той или иной формы ренты, ибо эти действительные специфические формы производственных отношений одни и те же как у феодализма, так и у крепостничества. И там и здесь производственные отношения между феодалами-помещиками и крестьянами облекаются в форму личной зависимости вторых от первых, и там и здесь необходимо внеэкономическое принуждение, которое способствует выжиманию прибавочного труда из наделенного средствами производства непосредственного производителя.

---

[1] Маркс-Энгельс, Немецкая идеология, Архив М.-Э., т. I, стр. 233.
[2] С. М. Дубровский, указанная книга, стр. 95.
[3] Маркс, Капитал, т. III ч. II, стр. 266.

Выдвигая на первый план в качестве характерной черты общественно-экономической формации форму ренты, тов. Дубровский пытается оторвать крепостничество от феодализма, приписывая последнему в качестве специфической черты натуральную ренту, а первому ренту отработочную.

Перейдем теперь к вопросу о том, какие формы ренты являются типичными для феодализма.

Маркс-Энгельс, как мы уже видели из приведенных выше цитат, неоднократно указывали на оброк и барщину, как на характерные черты феодальной хозяйственной организации, — и на крепостного крестьянина, как на типичную фигуру феодальной эпохи. Они не отрывали барщины и крепостничества от феодальной общественно-экономической формации, считая их составной частью феодализма.

Говоря о феодальной форме собственности, Маркс-Энгельс в «Немецкой идеологии» пишут: «Она (т. е. феодальная собственность. — *А. М.*), подобно родовой и общинной собственности, тоже покоится на общественной организации, которой в качестве непосредственно производящего класса, противостоят однако не рабы, как в древности, а мелкие крепостные крестьяне».[1] В «Капитале» Маркс пишет: «При рабовладельческих отношениях, при крепостных отношениях, при отношениях, в основе которых лежит обложение данью (поскольку имеется в виду первобытная община), присваивает, а следовательно и продает продукты рабовладельцам, феодал, взимающее дань государство».[2]

В III т. «Капитала» Маркс, говоря о товарном фетишизме (экономической мистификации), пишет, что «по самой природе дела она (т. е. эта экономическая мистификация. *А. М.)* исключена, во-первых, там, где преобладает производство ради потребительной стоимости, для непосредственного собственного потребления; во-вторых, там, где, как в античную эпоху и в средние века, рабство или крепостничество образует широкую основу общественного производства».[3]

Вслед за Марксом Каутский в своем «Аграрном вопросе» дает следующую характеристику хозяйственной организации феодализма: «В средние века каждый землевладелец обыкновенно вел собственное хозяйство только на некоторой части своей земли лично или через управляющего. Остальную часть своих владений он предоставлял крепостным, которые были обязаны частью платить ему оброк натурой, частью исполнять барщинные работы в его хозяйстве, на его дворе».[4] Роза Люксембург в своем классическом «Введении в политэкономию» дает четкую характеристику системы организации труда, на которой базировался феодализм. «Из коммунистического обще-

---

[1] Архив Маркса-Энгельса, т. I, стр. 255.
[2] Маркс, Капитал, т. III, ч. I, стр. 251.
[3] Маркс, Капитал, т. III, ч. II, стр. 300.
[4] Каутский, Аграрный вопрос, 1923, стр. 13.

ства германцев в Средней Европе вырастает на развалинах античного мира новая хозяйственная форма — барщинное хозяйство, на котором основан средневековый феодализм».[1]

Маркс и марксисты считали все эти три формы докапиталистической ренты — натуральную, отработочную и денежную — формами изъятия прибавочного труда, формами хозяйствования эпохи феодализма.

В главе «Генезис капиталистической земельной ренты» Маркс совершенно ясно об этом говорит. Тов. Дубровский произвольно интерпретирует эту главу Маркса, пытаясь при помощи ее обосновать свою мысль о феодализме, о крепостничестве как особых общественно-экономических формациях.

Мы нигде в этой главе не найдем указаний на то, что Маркс считает отработочную и натуральную ренту выразителями разных общественно-экономических формаций, разных типов производственных отношений. Наоборот, Маркс все время проводит две основные мысли: это, во-первых, что отработочная рента, рента натурой и денежная рента — являются выразителями одних и тех же производственных отношений, характерной чертой которых являются отношения личной зависимости. Разница в типе отношений между крестьянами и феодалами при этих формах ренты чисто количественная. И там и здесь крестьянин не свободен. «Несвобода, которая от крепостничества с барщинным трудом может смягчаться до простого оброчного обязательства». Во-вторых: развитие этих форм рент Марксу представляется как простая метаморфоза, ничего не меняющая в основном экономическом содержании рент.

«Превращение отработочной ренты в ренту продуктами, рассматривая дело с экономической точки зрения, ничего не изменяет в существе земельной ренты. Последнее при тех формах, которые мы рассматриваем здесь, заключается в том, что земельная рента есть единственная господствующая и нормальная форма прибавочной стоимости или прибавочного труда». Переходя к денежной ренте, Маркс пишет, что он здесь имеет в виду земельную ренту, «возникающую из простого метаморфоза ренты в продуктах, которая в свою очередь была лишь превращенной отработочной рентой».[2]

Здесь нет поводов для оправдания заявления тов. Дубровского на дискуссии в ИКП,[3] что разница между отработочной и натуральной рентой такова же, как между капиталистической и натуральной рентой. Это утверждение абсолютно ни на чем не основано, ибо переход от натуральной (или денежной) ренты к капиталистической связан с целым переворотом в способе производства, в типе производственных отношений. Здесь имеется качественное

---

[1] Роза Люксембург, Введение в политическую экономию, 1926, стр. 339.

[2] Маркс, Капитал, т. III, ч. II, стр. 269 и стр. 271.

[3] Я имею в виду дискуссии еще весной 1929 года на историческом отделении И.К.П. по докладу т. Минуа.

отличие. Переход же от натуральной ренты к отработочной у Маркса не связан с переворотом в способе производства и производственных отношениях. Это просто применение другой организационной формы изъятия прибавочного труда в рамках одного и того же способа производства, одних и тех же производственных отношений.

И натуральная и отработочная рента покоятся, по Марксу, на одном и том же производственном фундаменте и экономическом уровне. Рента продуктами—превращенная отработочная рента «попрежнему (т. е. как и рента отработочная) предполагает натуральное хозяйство». И только денежная рента отражает собой процесс разложения натурального хозяйства.

Фактическая история в вопросе о хозяйственной организации феодализма и в вопросе о типе взаимоотношений между крестьянином и феодалом также не на стороне тов. Дубровского.

Не случайно, что он в своей статье не приводит ни одного факта из истории западно-европейского феодализма, могущего подтвердить его теорию. А факты нужны. Для того, чтобы перевернуть установившееся в исторической науке представление о феодализме и оправдать конструктирование новой общественно-экономической формации, — крепостнической, необходимо было бы привести целую систему фактической аргументации.

Не приводя ни одного факта, тов. Дубровский голословно декретирует, что в эпоху феодализма «крестьяне уплачивали в основном натуральный оброк», потом появляется барщина. «Однако появившаяся в рамках феодального хозяйства отработочная рента сначала выражается лишь в нерегулярном труде крестьян в хозяйстве феодала, скажем, один день в неделю; по мере роста эксплоатации она вырастает до двух дней в неделю, но это не создает еще нового качества».[1]

Возьмем классические работы проф. Виноградова, крупнейшего авторитета в вопросе аграрного развития Англии в эпоху средневековья. Вот характеристика тех повинностей, которые несли крестьяне в XIII в. (эпоха, без сомнения, феодальная). «Барщина разного рода была самым тяжким и обыкновенным выражением экономической зависимости сельского люда». Там же мы видим, что вилланство было крупным слоем непосредственных производителей крестьян». «А крепостной виллан тот, кто лично принадлежит господину; крепостное держание то, которым держатель владеет по произволу помещика без всякого обеспечения относительно срока пользования, количества и характера повинностей».[2]

В другой своей монографии «Средневековое поместье в Англии» Виноградов дает следующую характеристику организации эксплоатации крестьян в Средневековом Маноре. «В манориальной экономии организация барщины и оброчников играет весьма важную роль. Содержание лорда и поддержание его хозяйства обес-

---

[1] С. М. Дубровский, указанная книга, стр. 67.
[2] П. Виноградов, Исследования по социальной истории Англии.

печивалось личными повинностями держателей, хотя в центре манориальной системы почти всегда существовала кроме того усадьба.

Мы можем описать работу, выполняемую держателями с точки зрения хозяйства лорда, которое стремилось к тому, чтобы держатели удовлетворяли все его потребности. Для обработки пахотной земли крестьянские держания обыкновенно посылают свои запряжки дня три в неделю, каждая запряжка снабжена нужным количеством животных и рабочих и работает с восхода солнца до полудня». Английские крепостные XIII в., выполняли как видим, те же самые повинности и в том же приблизительно размере, как и русские барщинные крестьяне XVII — XVIII вв.

Эти барщинные работы так же, как и у нас, были очень часто связаны с оброком. «Во многих случаях оброки в рассматриваемую эпоху еще выплачиваются натурой — караваями хлеба, сыром, медом, рыбой и т. д., смотря по тому, чем занималось население округа».

Часто встречаются и денежные оброки. «Держатель на оброке естественно считался более свободным, чем такой же держатель, обязанный барщиной, ибо при исполнении им его повинностей никто не распоряжался его личностью и не требовал от него подчинения известной дисциплине. Поэтому среди крестьянства замечалось постоянное стремление заменять личные повинности денежными платежами».[1]

Таким образом все три ренты были тесно связаны в едином хозяйстве лорда, представляя собой эластичную систему эксплоатации крестьян и являясь выражением одной и той же системы производственных отношений.

Для феодализма характерна не последовательная смена форм ренты, а их одновременное существование очень часто в рамках одного и того же хозяйства. Существование всех трех форм ренты объясняется тем, что феодал эксплоатирует живое развивающееся хозяйство крестьянина, с одной стороны, а с другой, что его хозяйство может приобретать различный характер в зависимости от размера поместья, связи с рынком и т. д.

III. К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ, ОПРЕДЕЛИВШИХ РАЗВИТИЕ КРЕПОСТНИЧЕСТВА В РОССИИ XVI — XVII ВВ.

По мнению тов. Дубровского для Западной Европы «можно четко провести грань между феодализмом и крепостничеством. Эта грань проведена волною крестьянских войн, именно крестьянские войны и были ответом крестьян на закрепощение их, на переход от феодальной эксплоатации к крепостнической. Эта же грань в основном совпадает с борьбой княжеской власти с феодальной аристократией, т. е. совпадает с процессом сознания централизованной власти, свойственной крепостничеству».[2]

[1] Виноградов, Средневековое поместье в Англии, 1911, стр. 317 — 319.
[2] С. М. Дубровский, статья в журнале «Аграрные проблемы», 1929 г., № 2.

Итак, по Дубровскому, с эпохи крестьянских войн Европа от феодализма переходит к крепостничеству, к власти приходит класс помещиков, который выдвигает новые формы государственной власти — абсолютизм. Но ведь это вопиющее противоречие с действительным историческим процессом. В Англии после восстания Уоата Тайлера все быстрее происходит процесс разложения феодализма, постепенно ликвидируется барщина, появляется денежный оброк (коммутация), а затем и капиталистические отношения. Никакого особого периода крепостничества помимо феодального в Англии мы не имеем. Во Франции с эпохи крестьянских войн (Жакерии) идет процесс разложения феодализма, его ветшание, но отнюдь не переход его в крепостничество. Французский феодал не переходит к барщинному хозяйству, а использует свои права монополиста земли и феодального господина для выжимания соков из мелкого крестьянина путем денежного оброка, переводя феодальные права на чистую монету. Во Франции произошло превращение феодального воина не в сельскохозяйственного предпринимателя, а в «жадную до наслаждений и расточительную придворную знать эпохи абсолютной монархии» (Маркс).

Для всех, знакомых со взглядами Маркса и Энгельса на процесс создания абсолютных монархий, централизованной власти в Западной Европе, и для всех, знакомых с фактической историей этого процесса, совершенно странным покажется утверждение Дубровского о том, что централизованная монархия на Западе есть результат прихода на смену феодализму крепостничества.

Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» дает такое определение классовой основы существовавших государственных форм. «Так античное государство было преимущественно государством рабовладельцев для подчинения рабов, как *феодальное государство являлось органом дворянства для подчинения и обуздания крепостных и зависимых крестьян*, а современное представительное государство играет роль орудия эксплоатации наемного труда капиталом. Однако в виде исключения бывают периоды, когда борющиеся классы оказываются столь близкими к равновесию сил, что государственная власть, в качестве мнимого посредника, приобретает известную самостоятельность по отношению к ним обоим. Такова абсолютная монархия семнадцатого и восемнадцатого столетий, которая уравновешивает друг против друга дворянство и буржуазию». [1]

«Абсолютная монархия, — пишет М. Н. Покровский, — как форма государственного устройства, возникает на основе торгового капитализма... Для различных стран Европы расцвет абсолютизма в новейшее время падает на период от XV до XVIII в., — на эпоху т. н. первоначального накопления». [2]

[1] Ф. Энгельс, названное сочинение, стр. 109.

[2] Большая советская энциклопедия, том I, статья М. Н. Покровского, «Абсолютизм».

Как видим, по мнению Энгельса, феодальное государство, а не абсолютная монархия на Западе было органом для обуздания крепостных. Развитие же абсолютной монархии связано с разложением феодализма и нарастанием новых торгово-капиталистических отношений, она отражала собой эпоху первоначального накопления капитала.

Теория тов. Дубровского о смене феодализма крепостничеством как будто бы оправдывается историческим развитием Восточной Германии и России. Действительно, начиная с XVI в., в России и Восточной Германии идет процесс не разложения феодализма, а расширения барщинного хозяйства и установления суровых форм крепостного права. Но это не было появлением новой общественно-экономической формации на смену феодализму, как это пытается представить тов. Дубровский, это была своеобразная форма приспособления феодальных отношений производства к определенному уровню развития торгово-денежных отношений. Задачей историка-марксиста должно быть объяснение этого своеобразия, а не конструирование на скорую руку для данного случая новой общественно-экономической формации.

Маркс и Энгельс рассматривали крепостничество в Германии XVI — XVII вв., как подновленное крепостничество эпохи феодализма.[1]

В своей «Марке» Энгельс дает картину положения крестьян в эпоху германского феодализма. Описывая различные формы экспроприации свободных крестьянских общин на заре феодализма, он приходит к выводу, что «в том и другом случае крестьянские земли превращались в господские и самое большее передавались крестьянам в пользование з а о б р о к и б а р щ и н у. Крестьянин же из свободного земледельца превращался в подвластного, платящего оброк, отбывающего барщину, или даже становился крепостным.[2]

С XIII века начинается процесс освобождения крестьян, ликвидация барщины и замена ее денежным оброком.

«Вообще около середины XIII столетия, — пишет дальше Энгельс, — в положении крестьян наступил положительный поворот к лучшему; подготовили его крестовые походы. . . Затем с ростом потребностей у помещиков гораздо важнее для последних становилось право распоряжения крестьянскими повинностями, чем их личностью».

С XV века начинается новый поворот к крепостничеству. Маркс связывает этот поворот с попутным движением в экономическом развитии Германии.

«Упадок мелко-буржуазных свободных городов Германии, уничтожение рыцарского сословия, поражение крестьян и усиле-

---

[1] В письме к Марксу, говоря по поводу своей работы «Марка», Энгельс пишет: «Высказанный здесь взгляд на положение крестьян в средние века и на происхождение в т о р и ч н о г о з а к р е п о щ е н и я, начиная с XV века, я считаю в целом бесспорным». (Письмо от 15 декабря 1882 г.) «Письма Маркса и Энгельса».

[2] Э н г е л ь с. Развитие социализма от утопии к науке. Приложение: «Маркса».

ние вследствие этого владетельных прав князей, упадок немецкой индустрии и торговли, основывавшихся на чисто средневековом строе, как раз в тот момент, когда открылся великий мировой рынок и возникла крупная мануфактура; обезлюдение страны и варварское состояние, завещанное 30-летней войной; характер вновь оживших национальных отраслей промышленности, как, например, мелкого льняного производства, которому соответствовали патриархальные отношения и условия; характер предметов вывоза, состоявших главным образом из продуктов земледелия, вследствие чего возростали почти исключительно лишь материальные источники существования земельного дворянства и увеличивалось его относительное могущество в ущерб городскому населению».[1]

В другом месте Маркс пишет:[2] «Что касается буржуазии, то мы здесь можем указать только на некоторые знаменательные моменты. Достойно внимания то, что полотняная промышленность, т. е. тот род промышленности, которая покоится на самопрялке и на ручных ткацких станках, достигла в Германии некоторого значения как раз тогда, когда в Англии эти неповоротливые инструменты были вытеснены машиной.

Знаменательнее всего ее положение по отношению к Голландии. Голландия, единственная часть Ганзы, достигшая торгового значения, оторвалась от Германии, отрезала ее, за исключением двух гаваней — Гамбурга и Бремена, от мировой торговли, и с того времени стала господствовать над всей немецкой торговлей».

Вот этот экономический упадок Германии и прекратил распад феодализма, способствовал утверждению крепостничества, которое, раз утвердившись, в свою очередь стало тормозить экономическое развитие Германии. Энгельс в «Марке» вскрывает те движущие пружины, которые толкали поместное дворянство на увеличение барщины и оброков. «В XIV — XV столетиях, — говорит он, — быстро развились и разбогатели города. Особенно отличались художественной промышленностью и пышностью Южная Германия и города по Рейну. Роскошная жизнь городских патрициев не давала покоя поместному дворянству, питавшемуся грубой пищей, одетому в грубую одежду, обставленному неуклюжей мебелью. Но откуда взять эти прекрасные вещи? Разбой на большой дороге становился все опаснее и безуспешнее. Для покупки же нужны деньги. А этого можно было добиться только через крестьян. Отсюда новый нажим на крестьян, увеличение оброков и барщины; возобновляются старания, и все быстрее растут усилия превратить свободных крестьян в зависимых, зависимых в крепостных».[3]

Дальше Энгельс рисует процесс превращения феодалов в сел.-хоз. предпринимателей: «От войн эпохи реформации одни только

[1] Маркс, Морализующая критика и критикующая мораль («Под знаменем марксизма», 1923 г., № 4 — 5).

[2] Маркс и Энгельс, Святой Макс, Гиз, 1930, стр. 159.

[3] Энгельс, Марка, приложение к «Развитию социализма от утопии к науке», стр. 90.

германские владетельные князья выиграли во власти. Благородное разбойничье ремесло дворянства уже изжило себя. Если дворянство не желало погибнуть, ему необходимо было выколачивать больше дохода из своего поместья. Единственным путем для этого было — по примеру более крупных владетелей, и особенно монастырей — завести собственное хозяйство по крайней мере на некоторой части своего поместья... Но этой новой форме хозяйства служило препятствием то, что почти повсюду земля была передана крестьянам на оброк». Помещик экспроприировал часть крестьян. «Их хозяйства слиты были в одно огромное господское хозяйство и обрабатывались этими же новыми безземельными или еще оставшимися на своих участках крестьянами в форме барщины»: «капиталистический период на селе возблаговестил о своем пришествии в форме сельскохозяйственного крупного производства на основе барщинного труда крепостных крестьян». [1]

Для удовлетворения своих потребностей в условиях медленно разворачивающихся торгово-денежных отношений помещик организует свое хозяйство, используя старые формы организации труда, завещанные эпохой феодализма, ибо экономическое развитие не подготовило перехода на новую систему организации труда. Приспособив старые формы организации труда, помещик медленно эволюционизировал в сторону превращения в капиталистического сельскохозяйственного предпринимателя, сохраняя массу пережитков прошлого. Так развивался прусский путь аграрной революции.

Прекращение процесса освобождения крестьян и возобладание крепостничества обусловлено было победой дворянства в крестьянских войнах и разорением крестьянских хозяйств в эпоху тридцатилетней войны.

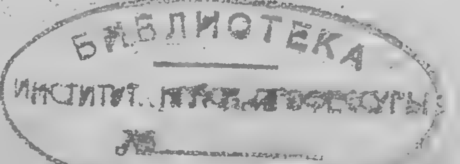
«Против этого хищничества помещиков, дворян, церковных владык с конца XV века крестьяне стали подыматься в виде частных разрозненных восстаний, пока в 1525 г. Великая крестьянская война не охватила Швабии, Баварии и Франконии и т. д. Крестьяне были побеждены после ожесточенной борьбы. К этому моменту относится начало возобновившегося всеобщего преобладания крепостного состояния из германских крестьян».

«Это превращение вначале все же шло еще довольно медленно. Но вот наступила тридцатилетняя война. В течение целого поколения в Германии хозяйничала самая разнузданная солдатчина, какую знает история» и «когда наступил мир, Германия лежала беспомощной растоптанной, растерзанной, истекая кровью; но в самом бедственном положении был опять-таки крестьянин».

Таковы беглые замечания Маркса-Энгельса о крепостничестве в Германии. Эти замечания нужно иметь в виду, переходя к анализу вопроса о причинах перерастания феодализма в крепостничество в России.

[1] Энгельс, «Марка», приложение к «Развитие социализма от утопии к науке», стр. 91—92.

Разложение феодализма связано с проникновением в его хозяйственную организацию торгово-денежных отношений (торгового капитала).

«Развитие торговли и торгового капитала повсюду развивает производство в таком направлении, что его целью становится меновая стоимость, увеличивает его размеры, делает его более разнообразным, придает ему космополитический характер, развивает деньги в мировые деньги. Поэтому торговля повсюду влияет более или менее разлагающим образом на те организации производства, которые она застает и которые во всех своих различных формах имеют своей целью главным образом потребительную стоимость. Но в какой степени она влияет на разложение старого способа производства, это сначала зависит от его прочности и внутреннего строя. А к чему приводит этот процесс разложения, т. е. какой новый способ производства выступает на место старого, это зависит не от торговли, а от характера самого старого способа производства».

Дальше Маркс, указывая, что географические открытия стимулировали размах торговли в XVI — XVII вв. и тем самым способствовали более быстрому переходу на капиталистические рельсы, говорит: «Между тем современный способ производства в своем первом периоде, мануфактурном периоде, развивался только там, где условия для этого создались еще в средние века».[1]

К числу этих условий (в Западной Европе) прежде всего относятся: довольно далеко зашедший (количественно) процесс общественного разделения труда, т. е. выделение ремесла, создание города, как производственного, так и потребительского центра, а тем самым установление регулярного товарооборота между городом и деревней. На этой базе уже давно началось втягивание как крестьянского, так и феодального хозяйства в рыночные отношения. Выделение класса торговой и промышленной буржуазии происходило на основе расширившихся торговых оборотов как между городом, так и между странами и на базе того, что некоторые отрасли обрабатывающей промышленности уже в недрах феодализма переросли рамки как цеховой организации, так и местного рынка (напр., суконная, горнозаводская и т. д.). Выход крестьян на рынок давал возможность перейти к денежной ренте и к постепенному освобождению крестьян, чему способствовала и борьба торговой буржуазии против феодалов. Расширение рынка и наплыв капиталов в связи с географическими открытиями содействовали быстрому переходу экономики на высшие стадии мануфактуры, домашней системы крупной промышленности и капиталистических отношений в сельском хозяйстве.

Переходя к анализу экономической структуры русского феода-

---

[1] Маркс, Капитал, т. III, ч. I, стр. 255 и 256.

лизма, необходимо прежде всего указать на элементарность производственного базиса, на котором формировался русский феодализм. Западно-европейский феодализм, начиная с IX века, базируется на трехпольной системе обработки земли; русский только в XVI веке перейдет к трехполке, до этого же времени господствует подсечная, полукочевая и переложная системы ведения сельского хозяйства. Этот низкий уровень развития производительных сил сельского хозяйства связан с поздно начавшейся и продолжавшейся вплоть до XVI века колонизацией славянами Ростово-Суздальского края, с слабым развитием в этом крае земледелия до славянской колонизации, с плохой почвой, неблагоприятными географическими условиями для ведения интенсивного сельского хозяйства. Длительный отрыв от взаимодействия с более передовыми западно-европейскими странами, эксплоатация Руси татарами, отвлекавшими массу прибавочного продукта и труда — все это также не способствовало интенсивнову росту производительных сил.

Низкий уровень развития сельского хозяйства не давал базы для быстрого роста общественного разделения труда, т. е. отделения обрабатывающей промышленности от сельского хозяйства в качестве самостоятельной отрасли производства, со своими собственными хозяйственными формами. Западно-европейский феодализм, как мы видели, опирался не только на сельское хозяйство, но и на выделявшееся уже ремесло и на торгово-ремесленные города; русский феодализм опирался на зачаточную стадию выделения ремесла из целокупного крестьянского хозяйства. В России вплоть до XVI в. города не имели ярко выраженного торгово-ремесленного облика. Преобладало географическое, а не общественное разделение труда, которое и составляло основу развития торгово-денежных отношений в эпоху нашего феодализма. Внешняя торговля не затрагивала хозяйства непосредственных производителей — с Запада и Востока к нам шли предметы роскоши, а из России вывозились главным образом предметы охоты (всевозможные шкуры и пушнина) и лесных промыслов. *Русский крестьянин эпохи феодализма очень редко выступал на местном или городском рынке в качестве продавца сельскохозяйственных продуктов и покупателя предметов ремесленных изделий. Хозяйство русского крестьянина было более натуральным, нежели хозяйство западно-европейского крестьянина эпохи феодализма.*

Хозяйственная эксплоатация непосредственных производителей крестьян феодалами сводилась в основном к сбору с крестьян оброков в натуральной форме, в состав которых входили и продукты обрабатывающей промышленности. Следовательно господствовала рента продуктами. Свое собственное сельское хозяйство феодал вел в небольшом размере.

Русский феодал в противовес своему западно-европейскому

коллеге до XVI века лишь в очень ограниченной степени был связан с рынком. Не только слабость развития рыночных отношений, но главным образом система ведения сельского хозяйства (подсечная и переложная), а также характер расселения при колонизации крестьян (селились небольшими группами в 2—5 дворов) и разбросанность этих поселений — делали нерациональным ведение своего собственного хозяйства феодалами. Все это обусловливало господство продуктовой ренты.

Однако барщинные отношения имели место в эпоху нашего феодализма. Работу по обработке собственной запашки феодала и другие работы в хозяйстве феодала исполняли не только холопы, которые еще задолго до XVI в. постепенно превращались в наделенных земельными участками и инвентарем крестьян, но и собственно крестьяне. Скудный материал, позволяющий нам судить о повинностях крестьян феодалу, указывает на барщину, как на довольно распространенную форму эксплоатации крестьян. В жалованных грамотах XV века крупные вотчинники и монастыри, отказываясь в пользу жалуемого поместьем от тех повинностей, которые раньше несли крестьяне им, перечисляют эти повинности. Среди них есть и барщина («ни сел моих не пашут», «не надобе им мое сельское дело делать», «ни дров не гонят, прудов не копают, мостов не мостят и льда не колят и не возят»). Примерно такой же перечень рабочих повинностей мы видим в известной грамоте Константиновскому монастырю в XIV в.

На развитие крестьянской барщины указывает и факт довольно широкого развития ссуды инвентарем, скотом или деньгами с условием работать в хозяйстве феодала вместо уплаты процента (так называемое издельное серебро). Таким образом уже в эпоху феодализма наметился процесс вовлечения русского крестьянства в барщинные отношения и сближение его тем на барщине с холопами.

Низкий уровень производительных сил, натуральное хозяйство как феодала, так и крестьянина, только наметившийся процесс сближения холопов и крестьян, плюс к этому продолжавшийся до XVI века процесс феодализации так называемых белых земель — все это вместе взятое дает нам основание характеризовать русский феодализм до XVI в., как незаконченный тип феодализма, находившегося в процессе формирования, как ранний феодализм.

Поэтому производственные отношения и формы ренты русского феодализма не могут служить исходным материалом для установления типичных черт феодализма как общественно-экономической формации.

Перелом в развитии производительных сил России намечается в конце XV и в XVI веке. Сельское хозяйство переходит к трехполью, начинается довольно интенсивный процесс общественного разделения труда в его известной форме, т. е. в форме отделения обрабатывающей промышленности от сельскохозяйственного производства. В Западной Европе в XVI—XVII вв. совершается

переход к капитализму на разрыхленной предыдущей деятельностью ремесла феодальной почве, причем базой этого перехода является не городское ремесло, а кустарная промышленность и мануфактура. Эра капиталистического производства в Западной Европе открывается там, где уже давно уничтожено крепостное право, где «уже значительно отцвел наиболее яркий цветок средневековья — свободные города» (Маркс). В России период XVI — XVII вв. есть период господства ремесла, медленно перерабатывавшего толщу натурального крестьянского хозяйства. Но, отделяясь от сельскохозяйственного производства, ремесло, начиная с XVI в., оставалось в деревне, не переходило в город, так как было захвачено, с одной стороны, крепостным правом, привязавшим ремесленников к земле, а, с другой, торговым капиталом. Часть ремесла уже с XVII в. преобразуется торговым капиталом, опиравшимся на широкое географическое разделение труда и на связи с Западом в форму «кустарного» производства.

«Торговый капитал, — пишет тов. Покровский, — сложившийся у нас позднее чем на Западе, но развившийся быстрее (стимулируемый западно-европейской торговлей, — добавляю я. — *А. М.),* задушил наше городское ремесло еще в пеленках, превратив его в систему домашнего производства. Начиная уже с XVII века, организатором ремесла для обслуживания широкого рынка выступил торговец, а не выросший из недр ремесла предприниматель. Перерастание ремесла в высшие формы пошло по реакционному пути.

«Переход от феодального способа производства, — пишет Маркс, — совершается двояким способом. В противоположность земледельческому натуральному хозяйству и связанному цехами ремеслу средневековой городской промышленности производитель становится купцом и капиталистом. Это действительно революционирующий путь. Или же купец непосредственно подчиняет себе производство». Про этот последний путь Маркс говорит, что он «сам по себе не ведет к перевороту в старом способе производства, который скорее консервируется и удерживается при этом как необходимое для него самого предварительное условие». И дальше: «Такие отношения повсюду являются препятствием для действительного капиталистического способа производства и гибнут по мере его развития». [1]

Медленый темп перерождения ремесла в более совершенные формы промышленности (мануфактуру) определялся также слабостью развития внутреннего и внешнего рынков для продуктов обрабатывающей промышленности. Внутренний рынок рос слабо в силу прикрепления крестьян к земле и медленного роста городов. Внешний рынок требовал главным образом сырье.

Переход от натуральной к денежной ренте с одновременным усилением феодальных форм зависимости в вид крепостничества определяется медленностью процесса товаризации крестьянского

---

[1] Маркс, Капитал, т. III, ч. I, стр. 258.

хозяйства. Развитие торгового капитала в России и быстро расширившаяся связь с Западной Европой повысили потребности помещика, которые можно было теперь удовлетворять только на деньги. Но крестьянское хозяйство товаризировалось медленно, крестьянин очень медленно превращался в плательщика денежной ренты. *Крепостное право и явилось тем рычагом, посредством которого помещик толкал крестьян на путь товаризации, заставляя выбрасывать сельскохозяйственные продукты на рынок, переходить к промысловой и торговой деятельности, итти в отхожие промыслы.*

Слабое развитие торгово-промышленной деятельности городов, отсутствие революционных классов и, наоборот, связанность господствовавшего торгового капитала с крепостной системой делали этот переход к крепостничеству более легким и в дальнейшем способствовали длительности существования крепостного права, несмотря на довольно интенсивное развитие торгово-денежных отношений в среде оброчных крестьян.

На Западе города, городская промышленная и торговая буржуазия выступали за освобождение крестьян от крепостной зависимости. Наш торговый капитал выступал за крепостную зависимость. Процесс же формирования революционных элементов в среде самого оброчного крестьянства шел очень медленно.

Описанный нами выше характер развития обрабатывающей промышленности определил медленность темпа развития внутреннего рынка для сельскохозяйственных продуктов. Связанность обрабатывающей промышленности с сельским хозяйством (она ютилась в порах крестьянского хозяйства) не давала базы для развития концентрированных рынков для сельскохозяйственных продуктов. Ремесленники, кустари и т. д. получали сельскохозяйственные продукты на мелких сельских и монастырских торжках от «тутошних» крестьян. Это обмен веществ в порах крестьянских хозяйств, главным образом нечерноземной полосы, и создал базу для перехода к денежной ренте. Но этим тормозилось развитие концентрированного рынка для сельскохозяйственных продуктов. Главные потребители хлеба — города нечерноземного района — росли очень медленно, внутренне массовую торговлю хлебом оплодотворяло главным образом географическое разделение труда, т. е. тот факт, что в некоторых районах России не производился (или производился недостаточно) свой хлеб. Но этот рынок очень медленно развивался.

Быстрый переворот в английском хозяйстве определился потребностями в шерсти в связи с выросшей суконной мануфактурой, а в дальнейшем определялся быстрой концентрацией населения вокруг городов, как промышленно-торговых центров.

«Непосредственный толчок к этому в Англии дал расцвет фландрской шерстяной мануфактуры и связанное с ним повышение цен на шерсть. Старую феодальную знать поглотили великие феодальные войны, а новая была дитя своего времени, для кото-

рого деньги являлись силой всех сил. Превращение пашни в пастбища для овец стало силой всех сил».[1]

Во Франции мелкий крестьянин, рано связавшийся с городскими мелкими рынками, получившими широкое развитие, мог выступить в качестве плательщика денежного оброка. Поэтому там утвердилось в эпоху разложения феодализма мелкое крестьянское производство, и феодал выступил в роли собирателя денежных оброков.

Каутский указывает на следующие причины, определявшие характер перехода от феодализма к капитализму в сельском хозяйстве Англии и Франции.

«Пожалуй, можно было бы пойти дальше, — пишет он, — и сказать: овцеводство благоприятствует крупному сельскохозяйственному производству в форме пастбищного хозяйства. В странах, где выгодно овцеводство, с расцветом капиталистической шерстяной промышленности явилась поэтому прежде всего и возможность крупного капиталистического предприятия в области сельского хозяйства; в этих странах у землевладельцев было больше всего побуждений экспроприировать мелких крестьян и создавать крупные сельскохозяйственные производства. Напротив, виноделие благоприятствовало мелкому производству. Где виноделие преуспевало, для землевладельцев было выгоднее эксплоатировать крестьян, повышая феодальные повинности, чем увеличивая собственное производство посредством экспроприации крестьян. Поэтому мелкие крестьяне сохранились в занимающихся виноделием странах, — в южной Германии в различных частях Франции и т. д. Следовательно, различие форм землевладения в названных странах объясняется тем, что в них развились различные формы производства».[2]

Ни тот ни другой путь не могли утвердиться в России. Слабость развития внутреннего и внешнего рынков для сельскохозяйственных продуктов не могла стимулировать быстрого перерождения помещичьего хозяйства в капиталистическое производство.

Вместе с тем, слабое развитие торгово-денежных отношений в крестьянских хозяйствах делало невозможным переход к фермерскому хозяйству.

В Англии процесс создания фермера, который заместил экспроприированного крестьянина, мы можем проследить «шаг за шагом, так как это медленный процесс, прокатывающийся через многие столетия. Имущественные отношения среди самых крепостных, не говоря уже о существовавших рядом с ними свободных мелких земельных собственников, были очень различны, а потому и эмансипация их совершалась при очень различных экономических условиях».[3]

Русский крестьянин в эпоху раннего феодализма не был под-

---

[1] Маркс, Капитал, т. I, стр. 711.
[2] К. Каутский, Предшественники новейшего социализма, стр. 97.
[3] Маркс, Капитал, т. I, стр. 735.

готовлен для того, чтобы с XVI века выступить в качестве капиталистического фермера или плательщика денежной ренты. В наиболее сельскохозяйственных районах со слабым развитием общественного разделения труда он мог выступить только в качестве рабочей силы. В качестве таковой он и был использован помещиком, начавшим выколачивать деньгу посредством организации барщинного хозяйства для удовлетворения потребностей медленно расширявшегося рынка на сельскохозяйственные продукты.

Таким образом, в районе развития ремесла, а следовательно и крестьянской торговли утвердился денежный оброк, в собственно сельскохозяйственном районе утвердилась барщинная эксплоатация крестьян.

Утверждению крепостничества в XVI в. в сильной степени способствовали классовые битвы XVI и нач. XVII вв. (опричина, смута), а в особенности обусловленный, с одной стороны, этими социальными пертурбациями, а, с другой, повышением нормы эксплоатации крестьян массовый отлив сел.-хоз. населения из замосковного края и массовое запустение городов в 70 г. XVI в. Начавшийся было в первой половине XVI в. интенсивный подъем торгово-денежных отношений на базе интенсивного роста общественного разделения труда был снижен в своем темпе тем, что господство военщины и обстоятельства военного времени (смута) разоряли хозяйства непосредственных производителей крестьян и ремесленников, мешая нормальному развитию торгово-промышленной жизни страны. Отлив на юг разрядил население в центре, но тем самым затормозил интенсивный рост общественного разделения труда и внутреннего рынка. Эпоха после смуты характеризуется медленным, приглушенным темпом роста общественного разделения труда и внутреннего рынка.

С другой стороны опричина и смута, разоряя крестьянские хозяйства (ярким показателем этого разорения является массовый рост бобыльства), ослабляли их сопротивляемость увеличению эксплоатации со стороны помещиков и способствовали усилению личной зависимости, так как разоряемый крестьянин шел сам в эту личную зависимость, беря ссуду на организацию или поддержание своего хозяйства.

Массовый отлив крестьян в 70 г. из центра на окраины вызывал погоню за рабочими руками со стороны помещиков, в сильной степени стимулируя применение внеэкономического принуждения, оформившегося в крепостном праве.

Влияние классовых битв XVI — XVII вв. и массового отлива населения из центра на развитие крепостничества в России еще недостаточно изучено, но эти моменты, без сомнения, сыграли огромную роль в повороте России, начиная с XVI в., на путь крепостничества.

В интересной статье «Ранняя буржуазная революция в России (Пугачевщина)» тов. Меерсон переход к барщинному хозяйству в России ставит в непосредственную связь с быстро развивавшимся в XVI веке экспортном сел.-хоз. сырья на Запад.

«Поставщики сельскохозяйственных продуктов для стран промышленных, страны к востоку от Эльбы исторически были совершенно не подготовлены к тому, чтобы поставить для массового капиталистического сбыта крупное капиталистическое производство; им оставалось использовать существующее полунатуральное крестьянское хозяйство и крупное феодальное землевладение, чтобы создать из них такой экономический симбиоз, который дал бы возможность торговому капиталу хищнической паразитической эксплоатацией производительных сил мелкого производства, на застойной технической базе, сохраняя ее и неизменно ее воспроизводя, выбрасывать в каналы международного рынка, в промышленные города к Западу от Эльбы массу продуктов питания и промышленного сырья». «К половине XVI века и аграрная Россия была включена в круг поставщиков сырья для стран к западу от Эльбы».[1]

Крепостное (барщинное) хозяйство, следовательно, есть крупное товарное производство, основанное на феодальной организации труда и приспособленное к обслуживанию сел.-хоз. продуктами экономически передовые страны Европы.

Эта точка зрения логически стройная и довольно интересная, как смелая конструкция, однако не может быть выведена из анализа действительной сущности крепостного хозяйства и процесса его возникновения. Приводимые самым же Меерсоном факты экспорта сельскохозяйственных продуктов в XVI в., взятые им у Флетчера, не дают оснований для придания решающей роли экспорта сельскохозяйственных продуктов в судьбах русского сельского хозяйства. Вывозились почти исключительно сало, кожа и лен с пенькой, тогда как русское сельское хозяйство носило характер почти исключительно зерновой. На базе товаризации отдельных отраслей сельского хозяйства (скотоводства и свиноводства) не могло создаться баршинное хозяйство. Оно создалось на базе медленной товаризации зернового хозяйства, работавшего главным образом на внутренний рынок, и в своем дальнейшем развитии определялось темпом товаризации именно этого зернового хозяйства. Проблема ликвидации крепостного хозяйства встанет в связи с усилением экспорта зерновых культур в XIX в. и ростом внутреннего рынка для них. Скотоводство и льноводство были просто наиболее товарными частями этого в основном зернового хозяйства.

Вместе с тем, как мы уже указывали, слишком большой модернизацией будет рассматривать барщинное хозяйство, как товарное производство уже с XVI века. Только отдельные наиболее крупные хозяйства XVII в. (напр., Морозова и Алексея Михайловича) пошли довольно далеко в деле своей товаризации, хозяйство же среднего помещика (см., например хозяйство Безобразова, описанное Новосельцевым, или монастырское хозяйство хотя бы Солотчинского монастыря и т. д.) носит на себе печать

[1] «Вестник Коммунистической Академии», № 13, 1925 г., стр. 44.

потребительского хозяйства, связь которых с рынком не являлась решающим моментом их внутренней структуры.

Крепостное (барщинное) хозяйство есть приспособление феодального хозяйства к обслуживанию медленно развивающихся внутреннего и внешнего рынков в интересах удовлетворения возросших у помещика потребностей в деньгах. И только в результате долгой эволюции оно стало товаропроизводящим.

Как мы уже указывали выше, в русской исторической литературе впервые особенно четко связал процесс развития крепостного хозяйства с развитием торгово-денежных отношений М. Н. Покровский. Объяснение основного явления русского исторического процесса им было поставлено на новые и прочные рельсы. Продолжая работать в указанном Покровским направлении, необходимо исследовать, почему развитие торгово-денежных отношений привело в России к консервации феодализма в виде крепостничества и медленному разложению его в этой форме. Направление, по которому, на наш взгляд, нужно итти в деле объяснения этого явления, намечено нами выше. В объяснении своеобразия разложения русского феодализма до сих пор очень мало обращали внимание на уровень экономического развития русского феодализма до XVI в., а именно в низком уровне этого развития, в слабой товаризации особенно крестьянского хозяйства нужно искать исходный момент, определивший это своеобразие. Затем сугубое внимание нужно обратить на медленный темп расширения внутреннего рынка для сельскохозяйственных продуктов, что дало возможность сохранить феодальные формы эксплоатации, приспособив их в форме размежевания на денежный оброк и барщину к эксплоатации медленно развивающихся торгово-денежных отношений.

Огромную роль в деле распространения и укрепления барщинной системы сыграло систематическое сползание зернового хозяйства на черноземный юг и в Поволожье. Собственно сельское хозяйство удалялось от рынков сбыта сельскохозяйственных продуктов; потребительские центры же на юге росли очень медленно; южные города менее всего носили характер торгово-промышлен-центров. Крестьянин там не мог выступить продавцом продуктов в виду отдаленности рынков, и организация барщинного характера с доставкой сырья в центр на крестьянских подводах являлась неизбежным выходом из создавшегося положения.

Русские историки-марксисты эпоху господства крепостного хозяйства рассматривают в то же время, как эпоху первоначального накопления капитала, тем самым оттеняя сущность крепостного хозяйства, как своеобразной формы разложения феодализма, перерастания его в капитализм. Тов. Дубровский, считая крепостничество особой общественно-экономической формацией, тем самым должен отказаться от рассмотрения этого периода, как эпохи первоначального накопления. В этом одна из отрицательных сторон (наряду с другими) его теории. Чрезвычайно интересный угол зрения, под которым можно весьма плодотворно рассматривать

экономическое развитие России XVI-XVIII вв., в теории тов. Дубровского отпадает.

Вместе с тем становится не ясным, с какого времени нужно вести начальные стадии промышленного капитализма.

В России процесс первоначального накопления шел иначе нежели, например, в Англии. Как известно, накоплению капиталов за счет ограбления колоний и развернувшейся в связи с великими географическими открытиями XVI века торговле Маркс придавал огромное значение в деле перехода к капитализму.

«Не подлежит никакому сомнению, — и именно этот факт привел к совершенно ошибочным взглядам, — что великие революции, происшедшие в торговле в XVI и XVII веках после географических открытий и быстро подвинувшие вперед развитие купеческого капитала, составляют главный момент в ряду тех, которые содействовали переходу феодального способа производства в капиталистический. Внезапное расширение мирового рынка, умножение обращающихся товаров, соперничество между европейскими нациями в стремлении овладеть азиатскими продуктами и американскими сокровищами, колониальная система, — все это существенным образом содействовало разрушению феодальных рамок производства». [1] И еще: «Колониальная система способствовала тепличному росту торговли и судоходства. «Общества монополии» (выражение Лютера) были мощным рычагом концентрации капитала. Колонии обеспечивали рынок сбыта для вновь возникающих мануфактур, а монопольное обладание этим рынком обеспечивало усиленное накопление. Сокровища, добытые за пределами Европы посредством грабежа, порабощения туземцев, убийств, притекали в метрополию и тут превращались в капитал».[2]

Русские колонии были гораздо беднее и выступали главным образом, как поставщики сырья, не являясь в то же время рынком для обрабатывающей промышленности.

В то же время их эксплоатация проводилась главным образом дворянством в форме распространения барщинной системы, таким образом колонии обогащали землевладельческий класс, а не промышленников. Торговый же капитал, оперировавший в колониях в лице, например, Строгонова и др., так тесно был связан как с классом дворян-землевладельцев, так и с крепостной системой организации труда, что накопленными капиталами оплодотворял именно эту систему, хотя бы и в форме мануфактуры, но основанной на крепостном труде. Прилив капиталов в свободную капиталистическую промышленность шел очень медленно, наоборот, сливки накопления в среде крестьян-промышленников и торговцев оброчной полосы снимались в виде оброков помещиком и торговым капиталом. Что же касается внешней торговли, то она тоже оплодотворяла главным образом дворянство, ибо она главным образом была торговлей с.-хоз. сырьем. Запад не по-

---

[1] Маркс, Капитал, т. III, ч. I, стр. 256.
[2] Маркс, Капитал, т. I, стр. 605.

купал наших промышленных изделий, наоборот, заглушал нашу промышленность ввозом продуктов европейской культуры. Таким образом сливки с накопления внутри и вне России снимались дворянством и торговым капиталом, связанным с ним. Впитывая это, капитал, дворянство и торговый капитал медленно эволюционировали в сторону капитализма на базе крепостных отношений производства, тормозя на другом полюсе в среде оброчных крестьян, торговцев и ремесленников процесс развития свободных капиталистических отношений.

Б. Греков.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ КРЕПОСТНОГО ПРАВА В РОССИИ.

I. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И РАБОЧИЕ РУКИ В XV В. И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI В.

Начнем с общей постановки вопроса.[1] Какие причины в XVI в. делали закрепощение крестьян столь же хозяйственно целесообразным и политически неизбежным, как и их освобождение в середине XIX века?[2] Уже до исследования этого вопроса совершенно ясно, что мы имеем здесь дело с полным кругом развития одного из сложнейших процессов русской жизни, исходный и заключительный моменты которого, как две точки, определяющие положение прямой, даны в самой постановке проблемы.

Предполагаемый очерк имеет однако своей целью изучение не всего процесса в полном его объеме, а только части его, главным образом начального его периода, и в первую очередь пытается ответить на наиболее спорный вопрос, когда, какими путями и при каких обстоятельствах крестьянин очутился в «крепостной зависимости». Под этим термином формально разумеется зависимость, устанавливаемая известным частным актом владения. Но то состояние крестьян, о котором идет речь и которое обычно называется «крепостным», знаменуя новый этап в истории феодальных отношений, составляет гораздо более сложный институт, переживавший в течение трех веков своего существования заметную эволюцию и потому трудно поддающийся точному общему определению. Однако существеннейшим и неизменным признаком

---

[1] За последнее десятилетие интерес к вопросу выразился в ряде специальных работ: Дьяконов М. А., Поместье и крестьянская крепость, 1921. — Платонов С. Ф., Борис Годунов, 1921. — Гейман В. Г., Новый взгляд на вопрос о прикреплении крестьян, «Русск. ист. журнал», 1922. — Платонов С. Ф., Иван Грозный, 1923. — Кулишер И. М., Несвободное состояние крестьян в 16—17 ст. «Труд в России», I. — Тхоржевский С. И., Поместье и крестьянская крепость, Ibidem. — Греков Б. Д., Юрьев день и заповедные годы, «Изв. Академии Наук», 1926, № 1—2. — Его же, Очерки по истории хозяйства Новгород. Софийского Дома, «Летопись занятий Археогр. комиссии», вып. 34. Его же, Монастырское хозяйство XVI — XVII вв. 1924. — Пресняков А. Е., Вотчинный режим и прикрепление крестьян, «Летопись занятий Археогр. комиссии», в. 34. — Веселовский С. Б., Вотчинный режим, 1928. — Из истории закрепощения крестьян, «Ученые записки Института истории» М., в. V 1929. — Полосин И. И., Поместье и крестьянская крепость. — Ibidem, в. VI. Его же. — Le servage russe et son origine. Extrati de la Revue Internationale de Sociologie, Paris 1928.

[2] Покровский М. Н., Очерки по ист. рус. культуры, т. I.

крестьянской крепости для всех моментов жизни института нужно все-таки считать элемент личной зависимости крестьянина от землевладельца, не исключивший однако и принудительной связи крестьянина с землей, но, как говорит В. О. Ключевский, крестьянин прикреплялся к земле «лишь настолько, насколько этого требовали интересы, выходившие из другого источника и сторонним ингредиентом примешивавшиеся к крепостному праву».[1] Самое же право имеет несомненно в своей основе характер личный.[2]

Само собой разумеется, что крепостная зависимость, явившаяся на смену старым иного типа отношениям, была вызвана изменившимися хозяйственными условиями, требовавшими новых форм эксплоатации крестьянина, но в такой общей форме решение поставленной задачи едва ли может кого-либо удовлетворить; мы хотим, знать не только, почему и для чего, но и как пришли эти новые формы. Если мы не разберемся в основных группировках в среде землевладельцев и их взаимоотношениях, не учтем положения сельского населения в его отдельных слоях, наконец, если мы не изучим природы государственной власти, как она сложилась к средине XVI в., и не примем во внимание известной активной ее роли в данном вопросе, заранее оговариваясь, что признание известной роли в этом процессе государства и теория «государственного происхождения крепостного права» не одно и то же, — мы не сможем понять изучаемое явление во всей его сложности.

Источник многих недоразумений в построениях разных авторов, работавших на эту тему, заключается чаще всего именно в том, что они сосредоточивали свое внимание на одной из сторон дела, не охватывая всего процесса в целом.

Не лишним считаю в самом начале очерка напомнить в общих чертах важнейшие особенности в жизни московского общества и государства на рубеже XV и XVI вв. Это было время большой хозяйственной перестройки, серьезных успехов Москвы в деле подчинения себе соседних княжеств и переноса военно-опасных границ на далекие от центра расстояния, время роста и перерождения великокняжеской власти, неизбежно вступавшей в конфликт со старыми государями-вотчинниками, общим ходом вещей обреченными на умирание; именно в это время «вольный» слуга, когда-то имевший право на выбор себе господина, сделался более послушным, так как применять на практике старое право «отъезда» стало негде. Таким образом «путем чисто количественного нарастания вотчина Калиты упраздняла очень существенную сторону феодальных отношений»,[3] начавшаяся борьба с которыми однако продолжалась еще долго, заполнив XVI век наиболее интенсивным своим проявлением. Публицист XVI в. имел полное основание изображать московского царя вступившим в решительную борь-

---

[1] Ключевский В. О., Опыты и исследования, П. 1919, стр. 192.

[2] Ср. Веселовский С. Б., Арзамасские поместные акты, стр. XIII — XIV, Тхоржевский С. И., (Поместье и крестьянская крепость, «Архив истории труда в России», I, стр. 93) смотрит на вопрос иначе.

[3] Покровский М. Н., Русская история, т. I, стр. 187.

бу со своими вельможами, за которых «все царство заложилося». Поведение царя довольно правильно было оценено вельможами в том смысле, что им от царя предстоит «суетное житие» и потеря богатства.[1]

За всеми этими цветами публицистической стилистики скрывалась, конечно, подлинная жизнь с ее сложной и жестокой классовой борьбой, изучение которой должно вскрыть перед нами и основные моменты процесса, приведшего крестьянина в крепостное состояние. Не следует преувеличивать крестьянской «свободы» в период предшествующий: та совокупность отношений, которая за последнее время получила название «вотчинного режима», вскрывает перед нами факт многосторонней зависимости крестьянина от своего хозяина и в ту пору, когда право крестьянского выхода еще всеми буквами стояло начертанным в обоих наших Судебниках. Все, кто до наших дней следил за судьбой крестьян в XV-XVI вв., единогласно сходятся на том, что в течение этого времени положение части крестьянства материально ухудшалось, одним из ярких симптомов чего являлся несомненный рост крестьянской задолженности, по мнению целой школы наших ученых имевшей даже исключительно решающее значение в деле возникновения крестьянской крепости (В. О. Ключевский, М. А. Дьяконов и их последователи). Не осталось незамеченным также и расширение прав землевладельца на труд зависимого от него крестьянина. В. О. Ключевский еще в 1885 г. отметил бросающуюся в глаза перемену в положении некоторых общественных групп в начале XVI в. «Трудно объяснить, — писал он, — что именно произошло тогда в народном хозяйстве, но можно заметить, что произошло нечто такое, вследствие чего чрезвычайно увеличилось количество свободных людей, которые не хотели продаваться в полное холопство, но не могли поддержать своего хозяйства без помощи чужого капитала». Это замечание, вызванное наблюдением над фактом энергичного роста числа кабальных людей в конце 20-х и начале 30-х гг. XVI в., совершенно необходимо отнести и к другому аналогичному явлению того же времени — появлению и развитию бобыльства (никто из исследователей до сих пор не обследовал бобылей раньше начала XVI в.) Оба эти факта, конечно, стоят в одной причинной связи.

Сам В. О. Ключевский не производил расследования, что́ именно произошло тогда в народном хозяйстве, а между тем поставленный им вопрос такого свойства, что при решении задачи о происхождении крепостного права его обойти нельзя. После В. О. Ключевского над этим сюжетом размышляли не один раз. Так, А. И. Никитский в начале 90-х гг. прошлого века, изучая Новгородские писцовые книги, пришел к заключению, что перемена, происшедшая в народном хозяйстве, заключается в успехах «денежного» хозяйства. В сельском хозяйстве она вылилась между прочим в тенденцию землевладельцев расширять свою собствен-

---

[1] Чтения М. О. И. и Д. Р. 1908 г., кн. I. Ржига В. Ф. И. С. Пересветов.

ную барскую пашню. Перемену эту он относил к концу XV и началу XVI вв. и склонен был связывать эту новость с водворением московского владычества в Новгороде: до появления здесь московской власти, говорит Никитский, господская пашня не превышала 3 обеж, а после присоединения Новгорода к Москве «средней зажиточности помещик» стал запахивать на себя от 6 до 9 обеж. Хотя в общей массе владений, замечает Никитский, эта барская пашня представляла едва заметную величину, тем не менее он совершенно естественно счел необходимым остановиться на этом факте, как явлении симптоматическом.

Из каких ресурсов бралась эта новая помещичья пашня? А. И. Никитский утверждает, что «увеличение собственной помещичьей запашки производилось обыкновенно за счет крестьянской земли, такой, однако, которая по каким-либо причинам оставалась впусте. Таким образом на обращение ее в состав помещичьей пашни должно смотреть, как на чистое приращение в размерах производства страны, а не как на простой ущерб крестьянской земле. . .»[1] Всегда ли производилась эта новая операция с соблюдением предосторожностей, указанных А. И. Никитским, мы увидим ниже; что же касается самого отмеченного им факта в эволюции сельского хозяйства, то это несомненное «приращение производства» и, как таковое, заслуживает самого серьезного внимания. Оно, конечно, было способным породить те явления социальной жизни, о которых говорил В. О. Ключевский.

Н. А. Рожков, отводя факту появления и роста барской пашни решающее значение, в своих розысканиях тоже пришел к выводу, что в течение XVI в. барская пашня делает серьезные завоевания: запашка служилого человека в средине века доходила уже по его подсчетам до 16, 35, 38 и даже до 56% всей запашки.[2]

Весьма определенно о значении указанных перемен в сельском хозяйстве в XVI в. говорил в одной из последних своих работ В. И. Сергеевич. По его мнению, самое «прикрепление» крестьян явилось в результате замены «фермерского хозяйства барщинным». Фермерским хозяйством он называл мелкое крестьянское хозяйство, направленное на удовлетворение потребностей самого фермера и его семьи и мало зависимое от рынка. «Фермерское» хозяйство Сергеевич противополагает барщинному и по этому поводу замечает, что «фермерская система пользования землями была менее выгодна, чем барщинная, но перейти на барщину при свободном (Сергеевич безусловно преувеличивает «свободу» крестьян) крестьянстве не зависело от воли землевладельца. . . Такое положение дел должно было вызвать жалобы на недостаток рук, на неудобства свободного перехода крестьян и стремление к его ограничению и совершенной отмене».[3]

М. Н. Покровский в своей схеме процесса развития русской

[1] Никитский А. И., Экономический быт Великого Новгорода, стр. 210 — 211.
[2] Рожков Н. А., Русская история, т. VI.
[3] Древнее русское землевладение, Ж. М. Н. Пр., 1901, февраль, стр. 343.

жизни отвел, конечно, соответствующее место и этому важнейшему моменту, формулировав его сущность следующими словами: «Переход феодального вотчиника к денежному хозяйству стал... только внешним выражением гораздо более крупной перемены. Эта перемена состояла в разрушении феодальной вотчины как самодовлеющего экономического целого и появлении землевладельца, прежде гордого в своем экономическом уединении, на рынке как в качестве покупателя, так и в качестве продавца».[1] В самое последнее время по этому вопросу высказался и А. Е. Пресняков, подчеркнув необходимость продолжать изучение процесса «смены средневекового феодального хозяйства новой формой организации сельскохозяйственного труда — хозяйством крепостным» именно для того, чтобы вопросы о происхождении крепостного права поставить на твердые научные основания.[2] Как ни отчетливы мысли некоторых из цитированных авторов, однако они не избавляют исследователя от конкретной проработки и проверки поставленных вопросов. В свое время (1901) Сергеевич, разбирая труд Рожкова «Сельское хозяйство», писал: «Нелегкое дело доказать, что «редко где существовавшая в начале века монастырская пашня в конце его появляется везде». Для этого по его мнению надо проделать большую работу, часто по состоянию наших источников в его (да и в наше) время невыполнимую.

Не лучше обстоит дело и с изучением нашего внутреннего и внешнего рынков в XV — XVI вв., неизбежно связанным с рассматриваемым сейчас вопросом.

Нужно отметить, что с такой категорической отчетливостью и императивностью все эти сюжеты выдвинуты впервые нашим временем, и на нас лежит обязанность их обследования.

На Западе эта сторона дела давно уже основательно изучена, и итоги научных розысканий успели войти в учебники. Превращение рыцаря в сельского хозяина — для Западной Европы трафарет. Иное дело у нас, где до недавнего времени только единицы с некоторой опаской рисковали говорить о наших собственных рыцарях, а большинство решительно отрицало их наличность, связывая эту фигуру с чуждым нам феодализмом. При таких условиях в нашей науке эти первостепенной важности моменты остались почти не разработанными. Приблизительно в таком же положении стоял до недавнего времени вопрос о феодализме и в непосредственно соприкасавшейся с нами Польше. Новейшие польские историки, однако, сейчас уже с полным основанием и отчетливостью говорят о феодальных отношениях в Польше и в частности трактуют и о превращении рыцаря в сельского хозяина, приурочивая это явление к XVI в. по преимуществу и связывая с ним существенные изменения в социальном строе деревни: барский фольварк обрабатывают выделившиеся главным образом из крестьян-

---

[1] Покровский М. Н., Русская история, I 1924, стр. 190.

[2] Пресняков А. Е., Вотчинный режим и крестьянская крепость. «Летопись Занятий Археографической Комиссии», вып. 34.

ской среды «загродники», имеющие полную аналогию с нашими бобылями, и крестьяне, обязываемые барщиной.[1]

Те же явления с теми же следствиями можно наблюдать и в Западной Руси. Король Сигизмунд в своем специальном «Уставе на волоки» 1557 г. писал, что он желает иметь фольварки при каждом из своих замков и дворов, кроме тех, где скверная и малоплодородная земля. Люди, которых Сигизмунд-Август рекомендует сажать в своих фольварках, — это те же польские загродники, которые на Руси назывались огородниками. Им даются участки земли — «волока», с которых они должны и себя кормить и обрабатывать барское поле. Если они при этих условиях не смогут вспахать всего господского поля, им должны помогать крестьяне.[2]

То, что писал король Сигизмунд в 1557 г. в своем уставе на волоки относительно организуемых им фольварков, напрашивается на сравнение с фактами из нашей московской жизни, датированными двадцатью годами спустя. Московский царь тоже отдал распоряжение, чтобы в его дворцовых волостях крестьяне, сидящие на государственной земле, вспахивали бы ежегодно на государя по 4 десятины пашни. Для осуществления мероприятия определены были особые устройные комиссии.[3] К этой категории фактов нужно отнести и сообщение Новгородской Летописи о том, что в 1572 году царь Иван Васильевич, будучи в Новгороде, велел «кликать, которые люди кабальные и всякие и монастырские, чей кто ни буди, и они бы шли в государьскую слободу на Холыню, и государь дает по 5 рублев, по человеку посмотря, а льгота на 5 лет».[4] Едва ли не в том же ряду стоит аналогичный факт, относящийся к тому же времени, но связанный с именем Кирилло-Белозерского монастыря. 19 мая 1577 г. царь Иван Васильевич особой жалованной грамотой, конечно, по просьбе монастыря, обелил три ключа Кирилловской вотчины «для монастырского изделья». На основании этой грамоты собор монастырских старцев приговорил, чтобы крестьяне «за то им в монастырь по вся лета монастырское дело делали», пашню бы пахали на выть по две четверти ржи и ярового жита столько же. Если при этих условиях все-таки останется некоторое количество монастырской пашни не обработанной, то крестьяне должны «бога ради спахати згоном». После уборки хлеба они же, крестьяне, должны хлеб свезти в монастырские житницы и в случае необходимости обязываются также на Шекснинской пристани «ладьи подымати и хлеб носити», т. е. участвовать в снаряжении водного транспорта и погрузке в суда хлеба.[5]

Тут мы имеем налицо барскую запашку и ее спутницу, барщину. Можно думать, что поведение царя и одного из особо чтимых им

---

[1] Rutkowski T., Zarys gospodarskich dziejòw Polski w czasach przedrozbiorowych 1923, Baranowski I., Wieś ifolwark, 1914.

[2] Уставы на волоки, Р. И. Б., т. XXX. Артикул 20. Ср. Покровский М. Н., Русская история, т. II, стр. 153—155. 1923.

[3] «Летопись занятий Археогр. Ком.», вып. 34, стр. 111.

[4] Полное Собрание Русской Летописи, т. III, стр. 174.

[5] Рукопись Публичной Библиотеки № А. 1—16 л. 47 об. 48.

монастырей не было единственным примером в этом смысле, что это явление симптоматического характера и есть результат общих причин, вызывавших в жизни переустройство старых приемов сельского хозяйства.[1] Однако аналогии с хозяйственными процессами в ближайших соседних с Московским государством странах, находящихся приблизительно в одинаковых с Москвой климатических, почвенных и некоторых других условиях, и отдельные факты, взятые непосредственно из хозяйственной истории Москвы, все-таки могут и не удовлетворить требовательного читателя, который в праве будет настаивать на необходимости предварительного исследования подлинного вотчинного хозяйства за интересующий нас период времени. Однако исследование эволюции хозяйственных форм в вотчине затрудняется тем обстоятельством, что до настоящего времени мы за XVI в. почти не имеем материалов по истории вотчинного хозяйства. Приходится либо довольствоваться отрывочными данными, либо пользоваться источниками, лишь косвенно освещающими предмет. Необходимо все-таки иметь в виду, что факты этого рода всегда порождаются общими хозяйственными предпосылками и обособленно на сколько-нибудь длительном протяжении времени существовать не могут.

Вот перед нами знаменитая уставная грамота митрополита Киприана Константиновскому монастырю 1391 г.[2] В данном случае она интересна не только тем, что заключает в себе полный перечень повинностей крестьян в пользу своего хозяина в конце XIV века, а также и тем, что мы имеем возможность сравнить ее с другими грамотами тому же монастырю 1590 и 1602 гг., то-есть, можем, соблюдая условия единства места, изучать разные моменты единого эволюционного процесса. В конце XVI и в начале XVII вв. среди крестьянских повинностей этого монастыря главная — несомненно пашня, исполняемая крестьянами в виде барщины. Грамота этому сюжету отводит самое видное место: крестьяне должны монастырскую пашню обработать, засеять монастырским зерном, убрать и обмолотить хлеб. На каждую крестьянскую выть положено было в 1590 г. по 1½ дес., а в 1602 г. по 1 дес. Как мы видим, это немножко легче, чем в Кирилловском монастыре, но качество обязанностей совершенно то же. Мало похожего мы встретим в этой вотчине в конце XIV в. Дважды формулировались в грамоте обязанности крестьян: в первый раз игумен показывал об обязанностях крестьян, среди которых, между прочим, была повинность сообща обрабатывать «игумнов жребий» (самый термин

[1] О распространенности барщины в конце 20-х годов XVI в., правда, сильно ее преувеличивая, говорит и Герберштейн:—«Поселяне шесть дней в неделю работают на своего господина, а седьмой день предоставляется им для собственной работы. Они имеют несколько собственных, назначаемых им их господами полей и лугов, которыми они и живут; все остальное принадлежит господам. Кроме того, положение их весьма плачевно, потому что их имущество предоставлено хищению знатных лиц и воинов, которые в знак презрения называют их крестьянами или черными людишками». — «Записки о Московских делах». — Перевод А. Ю. Малеина, 1908, стр. 85—86.

[2] А. А. Э. I, № 11.

*

указывает на незначительность этой пашни), а в конце грамоты, где свидетельскими показаниями проверялись показания прежнего игумена, эта пашня оказалась пропущенной совсем: свидетели «те ж речи сказали и о озерах, и о истоках, и о бобровой ловле» и ничего о пашне: если бы она занимала более видное место в барском хозяйстве, этот пропуск был бы совершенно немыслим, что вполне и подтверждается грамотами 1590 и 1602 гг.[1]

Изменения, происшедшие в поместном хозяйстве в течение XVI в., нашли себе отражение и в формуляре жалованных поместных грамот. Новгородский архиепископ в первой половине XVI в. в жалованных грамотах своим помещикам о пашне не упоминал совсем: в той части грамоты, где излагались обязанности крестьян по отношению к помещику, обычно писалось «и вы б, крестьяне.., давали б есте ему (помещику) день, хлеб и деньги, и все пошлины по старине. А он (помещик) вас судит и ведает во всем».[2] Весьма вероятно, что в то время, когда писалась эта грамота (1559 г.), она была уже некоторым анахронизмом: есть основание думать, что помещичья пашня в это время не представлялась большим нововведением. Форма в данном случае пережила содержание тех отношений, которые она должна была отражать. Если это так, то исправление формы не заставило себя долго ждать, и в жалованных грамотах 80-х гг. того же века цитированное место звучит уже по-иному: «И вы б, крестьяне и бобыли.., своего помещика чтили и слушали во всем, и пашню на него пахали, и оброк ему всякий платили, чем он вас изоброчит, а он вас ведает и судит».[3]

В писцовых книгах XVI в. пашня софийского помещика уже отчетливо отмечена,[4] имеются также и указания на крестьянскую барщину. Так, в 1592 г. крестьяне софийского помещика Томила Тяполкова на него «всякое дворовое дело делают и пашню пашут».[5] В той же писцовой книге можно наблюдать энергичную деятельность софийских помещиков по собиранию в свои поместья рабочей силы, запахиванию пустошей, заведению починков; их пашня доходит иногда до значительных размеров (40 четвертей). Некоторые из помещиков даже устраивают свои усадьбы на пустошах, очевидно имея полную уверенность в возможности превратить их в жило.

Государев помещик переживал ту же эволюцию. И здесь «старина» постепенно заменялась новым положением, когда крестьяне обязывались своего помещика или его приказчика «слушать, пашню его пахать, где собе учинить, и оброк платить, чем

---

[1] Иванов, П. Описание гос. архива старых дел. М. 1850 г. стр. 237. А. Юр. Б., т. I, стр. 137.

[2] Греков Б. Д., Монастырское хозяйство XVI—XVII вв., Ленинград, 1924, стр. 148. Грамота 1559 г.

[3] Актовые Книги Археографической Комиссии (сокращенно А. К. А. К.), № 63, л. 77 об. Ср. Греков Б. Д., Хозяйство новгородских помещиков в XVI—XVII вв., «Ученые записки Института истории» т. VI.

[4] Московское Древлехранилище. Книга по Олонцу № 1, л. 84 и др.

[5] А. К. А. К., № 37, л. 99.

их (крестьян) он изоброчит». По этому поводу последний исследователь вопроса прямо говорит: «С начала 70-х гг. XVI в. поместные грамоты... принимают иную и совершенно ясно сформулированную редакцию...» Эту новую редакцию поместных грамот тот же исследователь объясняет новым усиленным нажимом на крестьянский труд. Грамоты последнего типа прочно утверждаются в поместной практике.[1]

Эти изменения в формуляре жалованных грамот и государевых и епископских отражают, конечно, те перемены. которые произошли в это время в хозяйстве как вотчинника, так и помещика.

Несмотря на скудость материалов по вотчинному и поместному хозяйству за XVI в., все же в нашем распоряжении имеется некоторая возможность заглянуть в подлинную жизнь вотчины как раз в интересующее нас время и проследить момент перерождения старых отношений в новые. Имею в виду вотчину Новгородского Софийского Дома. Все многочисленные факты, касающиеся форм хозяйства этой крупнейшей латифундии за конец XV в. и самое начало XVI в., приводят нас к совершенно твердому положению об отсутствии на всем протяжении софийских владений собственной барской пашни. Типичное для феодальной вотчины сочетание крупного землевладения с мелким крестьянским хозяйством встречаем во всех владениях Софийского Дома. Разнообразные «владычные поездники, молодцы, подъездчики, посельские, приказчики, ключники, борцы», то постоянно живущие на местах, то время от времени в Софийские волости наезжающие, чередуясь или совместно действуя, составляют тот орган софийской власти, который блюдет интерес своего господина. Главная их обязанность заключается в наблюдении за правильностью поступлений оброчных статей и собирании оброков. Ни разу ни один из них не встречался в роли организатора софийского «барского» хозяйства.

Собственную барскую пашню впервые по источникам можно разглядеть лишь в 40-х г. XVI в. Может быть, она появилась несколько и раньше. Обрабатывают ее в это время наемные дружины свободных рабочих, заменяющие здесь обычных холопов, которых церковные уставы не допускали в церковных имениях. Можно далее заметить, что с количественным ростом барской пашни меняется политика софийской администрации по отношению к земле, ею начинают больше дорожить, изобретают способы расширить площадь посева. Характерна в этом смысле специальная проверка прав на владение софийской землей разного типа держателями этой земли, проделанная особой комиссией со старцем Левкеем во главе в 1592 г. В то же время бросается в глаза факт появления в местах, где имеется барская пашня, бобыльского населения, обрабатывающего эту пашню. Бобыльский труд, не вытесняя совсем дружинников, дополняется крестьянской барщи-

---

[1] Полосин И. И., Поместное право и крестьянская крепость, «Ученые записки Института истории», т. IV, стр. 29—34.

ной. Те же явления можно наблюдать и в хозяйстве софийских помещиков.[1] Повышенную в размерах барщину взамен всех других повинностей можно наблюдать в Троице-Сергиевом монастыре в 1590 году.[2] Барщина таким образом объясняется как естественный результат хозяйственной эволюции, и приписывать ей без всяких оговорок «долговое происхождение» (Ключевский) не приходится.[3]

Эти наблюдения как нельзя лучше подтверждают правильность наших аналогий и вполне согласуются с положениями других исследователей, наблюдавших общий характер эволюции сельского хозяйства, но не имевших возможности следить за развитием хозяйственных отношений внутри вотчины или поместья.

Рассмотренный хозяйственный переворот прекрасно объясняет новые стремления землевладельца, принужденного выйти из прежнего инертного состояния, но было бы наивно думать, что из этих предпосылок «само собой» образовалось и крепостное право. Нельзя забывать, что землевладельцы были разные и что то, что было выгодно одним, могло быть совсем невыгодно и даже опасно другим. В таких случаях делается неизбежным их столкновение, с такой же неизбежностью принимающее формы политической борьбы. Так и было на самом деле: не случайно Иван Пересветов называл крупных собственников «ленивыми богатинами», которые все царство «измытарили», заботясь только о себе «о кормлениях, и о городах, и о наместничестве, яко гладные псы, хыстяся на кровь и на слезы рода христианского», в то время когда «воинники» (служилые люди) оскудели и обнищали. По его мнению, «все царство заложилося за «вельмож», и это есть причина той «усобной брани», которая «в царстве учинилась». Но царь Константин (Пересветов пользуется его именем в своих рассуждениях) решительно стал на сторону своих «воинников», особой заботой о коих «возвеселил вся войска своя».[4]

В политической литературе отразились подлинные взаимные отношения этих двух групп землевладельцев. Помещик, выдвинутый жизнью впротивовес старому боярству, победивший его на хозяйственном фронте, в XVI в. одерживает верх и в других отношениях, становится оплотом растущего самодержавия; в этой среде зарождается и культивируется убеждение, что русские самодержцы «изначала владеют всеми царствы, а не бояре и вельможи», устами которых говорил в своих писаниях кн. Андрей Курбский. Если мы не учтем этих отношений, мы рискуем запутаться и в специальном вопросе, подлежащем нашему разрешению.

---

[1] Подробнее об этом см. Греков Б. Д., Очерки по истории хозяйства Новгородского Софийского Дома. «Летопись занятий», вып. 33, и его же, Хозяйство новгородских помещиков в XVI — XVII вв., «Учебные записки Инст. истории» т. VI.

[2] «А пашня есмя велелы вам (крестьянам) пахати на выть по 5 десятин за всякие монастырские доходы», А. А. Э., т. I, № 348.

[3] Работа закабаленных долгами людей на барском поле XIV — XV вв. — явление иного порядка: это не крестьянская барщина.

[4] Ржига В. Ф. и И. С. Пересветов, Чтения М. О. И. и Др. Р. 1908 г., т. I. «Знатных лиц» и «воинов» различает и Герберштейн.

Помещик и поместье давно уже стали предметом обследования, и не со вчерашнего дня эти сюжеты привлекаются к решению вопроса о возникновении крестьянской крепости. С. В. Рождественский и после него С. И. Тхоржевский[1] указывали на то, что «Уложение» 1556 г. о службе определило норму «со ста четвертей доброй, угожей земли человек на коне и в доспехе в полном, а в дальний поход о дву конь». Оба исследователя подчеркивают, что здесь речь идет прежде всего о земле, даже независимо от ее населенности. Помещик сам должен был озаботиться о рабочих руках, каковые и попадали к нему в поместье либо в форме холопов, либо в виде арендаторов крестьян или же временно наемных рабочих. Вполне справедливо отмечает С. И. Тхоржевский, что «главная масса холопов, естественно, была сосредоточена в вотчинах (а не поместьях) крупных землевладельцев, располагавших средствами для их покупки».[2] Следовательно, с разложением вотчины в XVI в. должно было уменьшаться и количество холопов. Помещик средней руки рассчитывал, главным образом, на труд своих крестьян и только тогда, когда крестьяне из его поместья «брели розно», он жаловался, что ему приходится «пашнишко пахать своими людьми», то-есть холопами. «Экономически принуждать» крестьянина работать на барском поле, как это делал феодал-боярин в XV в. («издельное серебро»), средний помещик не имел возможности за отсутствием денег. Называть крестьян в пустое или полупустое поместье в XVI в. — есть главная забота помещика. Возможность предоставить приглашаемому крестьянину льготу, конечно, облегчала помещику заселять свое поместье, но она же могла быть и источником непрочности крестьянина в его поместьи. С. И. Тхоржевский высказывает очень правдоподобное предположение, что «отжив льготные годы, крестьянин становился плательщиком всех государственных (и владельческих. *Б. Г.)* повинностей и, естественно, снова начинал подумывать о том, чтобы уйти к новому землевладельцу опять на льготу».[3] При этих обстоятельствах появились правила обоих Судебников о крестьянском отказе.

Мы уже имели случай видеть завоевания помещика, поскольку они отразились в формуляре жалованных поместных грамот. Теперь нам совершенно понятны и побуждения, которые заставляли его не останавливаться на добытых успехах и итти дальше. С. Б. Веселовский в предисловии к «Арзамасским поместным актам» отмечает еще некоторые новости в этом же направлении: 1. в писцовых книгах второй половины XVI века отсутствуют перечни крестьянских повинностей в пользу своих господ;[4] 2. служилый человек все больше и больше «осваивает» поместье: появляются выражения «родовое поместье», «отца и деда

---

[1] Рождественский С. В., Служилое землевладение в Московском государстве, стр. 332—333, Тхоржевский С. И., Поместье и крестьянская крепость, «Труд в России», I, стр. 74 и дальше.

[2] Opus cit., стр. 75.

[3] Opus cit., стр. 77.

[4] Ср. в жалованных грамотах «. . . . чем вас изоброчит». Стр. 52.

выслуга», которые столетием раньше показались бы и приказным и помещикам нелепостью».[1] Царь действительно «воем своим» стал «сердце веселить» и того, кто ему «верно служит, хотя от меньшого колена... на величество поднимать... и жалованье ему много прибавлять».[2] Союз царя и служилого человека-помещика приносил обеим сторонам явные выгоды.

К числу «новостей» необходимо прибавить и появление новых групп рабочего населения, выделявшегося главным образом из крестьянской массы, — это кабальные люди и бобыли. Эти новые общественные группы появились, как это и заметил В. О. Ключевский, в результате выше указанной перемены в хозяйственных отношениях: они явились оборотной стороной прогрессивного хозяйственного процесса: для обедневшего крестьянина бобыльство или кабальное холопство стало «пристанью», куда гнала его нужда, и в то же время это было средством для поднятия производства у тех хозяев, у кого была возможность приспособиться к новым требованиям, предъявляемым сельскому хозяйству. Бывший царский опричник Г. Штаден, умевший наблюдать и правдиво передавать виденное, говорит, что «теперь некоторые крестьяне имеют много денег...» Слово «теперь» должно обозначать, если не ошибаюсь, мысль о недавнем сравнительно появлении этих денег у крестьянства, стало быть это homines novi, и, как полагается им, они несколько смущены происшедшей с ними переменой: они «этим отнюдь не хвастаются», а стараются, спрятаться, чтобы им не чинили несправедливостей».[3] Все, что нам известно об этом времени, делает весьма понятным появление случайных богачей и неизбежных катастроф для потерявших равновесие.

Было бы очень важно проследить переходы имуществ из рук в руки в крестьянской среде в это время. В моем распоряжении имеется материал для этого только для одной Емецкой волости, принадлежавшей Антониеву Сийскому монастырю. В этой волости в течение 60 лет (с 1534 по 1595 г.) мы имем на 72 крестьянских двора 38 случаев продаж-покупок среди крестьян, при 35 продавцах и 29 покупщиках (3 человека продавали по 2 раза). Эти операции по десятилетиям распадаются в следующем порядке:

30-е годы	2
40 »	3
50 »	12
60 »	7
70 »	3
80 »	2
90 »	2
Всего	31[4]

то-есть, на 50-е и 60-е годы падает 61,3%. Покупали деды (12) и отцы (8) тех крестьян, коих застал обыск, результатами которого

[1] Веселовский С. Б. Арзамасские поместные акты, стр. XV.
[2] Ржига В. Ф., Opus cit., стр.
[3] Штаден, Г. О Москве Ивана Грозного, стр. 122.
[4] Три покупки не датированы.

мы сейчас пользуемся.[1] Очень интересен и повод для производства этого обыска. Монастырские крестьяне Емецкой волости подали царю челобитную на монастырь в разорении, которое они от него испытали. Крестьяне между прочим указывали, что монастырские власти «поотнимали лучшие пашенные земли и сенные покосы и привели к своим монастырским землям,[2] а у иных крестьян деревни поотнимали с хлебом и сеном и, многие дворы разломав, развозили ис тех деревень; крестьяне от того игумного насильства с женами и с детьми меж дворы волочатца». Далее говорилось о том, что игумен «вымучил» на иных на многих крестьянах и бобылях «порядные записи» и кабалы. Обыск подтвердил все эти обвинения. Крестьяне показали, что игумен Иона действительно «к своим монастырским деревням лучшие пашенные (крестьянские) земли и сенные покосы приводил». Тут же мы имеем очень интересные подробности об отдельных деревнях, разоренных монастырем, в роде: «дер. Часовенская на волоке. Двор разорен Селянинка Комарова, двор Микитки Дмитриева разорен. Да и иные крестьянские и бобыльские дворы разорены и развожены, а досталь сожжена. А ту деревню старцы припустили к своей монастырской земли. . .»[3] «Поч. Карчевский. . ., а распахали тот починок. . . деревни Кощеевы горы крестьяне Игнашка Петров с суседами. А у них отняли Сийского монастыря старцы, и на том починке двор поставили свой монастырский, и пашню пашут, и сено косят, и всякими угодьи владеют Сийского монастыря старцы. . .»[4] «Дер. Емельяновская. Во дв. был крестьянин Михалко Евсеев. А тот Михалко умер, а после его остался сын его Шумилко. И тот Шумилко из тое деревни выбит вон, скитаетца меж двор. А пашню пашут и сено косят Сийского монастыря старцы», и т. д. Во всей волости разоренных монастырем крестьянских дворов поименовано 13; сколько их скрыто в выражениях «да и иные крестьянские и бобыльские дворы разорены и развожены», сказать трудно. Если считать на все 59 дворов даже минимальное число разоренных 15, и то получим больше 25%. Это, конечно, не разбой, а экономическая политика, одно из средств расширить собственное сельское хозяйство и получить рабочие руки: разоренные крестьяне превращались в батраков. Это интересное дело относится, правда, к 1610 г., но приемы, здесь отмеченные, конечно, могут иметь более ранние прецеденты, способные объяснить, как именно в некоторых случаях пополнялись кадры бобылей и кабальных людей. Второй, надо думать, более распространенный и легальный способ привлечения на пашню рабочих рук был крестьянский «отказ» и привлечение кабальных. Свидетельств об этой

[1] К сожалению, материал не позволяет сказать о размерах владений покупщиков.

[2] Если бы Софийские дети боярские могли жаловаться на своего владыку, они рассказали бы то же самое (см. стр. 53.)

[3] Роспись деревням, которые отписаны из-за Сийского монастыря на государя. . ., л. 6.

[4] Ibid., л. 14 об.

обычной для того времени операции у нас имеется вполне достаточно.

Софийский старец Левкей, в 1592 г. возглавлявший специальную писцовую комиссию по пересмотру владений Софийских же помещиков,[1] и братия Сийского монастыря разными путями шли к одной цели, выполняли в сущности одну и ту же задачу — устройство пашни на себя. Помещик средней руки был заинтересован в том же еще больше, так как успех сельского хозяйства в его поместьи был единственным условием его личного благополучия. Разница лишь в том, что помещику рабочие руки раздобыть было труднее, так как он был беднее и ограниченнее в средствах.

К этому обстоятельству, игравшему весьма существенную роль в процессе возникновения «крепостного права», придется вернуться в другом месте, а сейчас — несколько слов о том, как помещик и крестьянин очутились на рынке и что они там делали?

Совершенно ясно, что вся эта перемена в хозяйстве и общественном строе деревни не что иное, как вторжение капиталистических отношений в деревню, превращение хлеба и др. сельских продуктов в товар. Нам остается только ознакомиться с состоянием рынка в Московском государстве в XVI в., чтобы в конкретной форме получить представление об этом предмете. Однако сделать это не так просто, как кажется. Если русская торговля сравнительно удовлетворительно исследована за XVII век, то XVI-му в. в этом отношении предстоит пожелать многого. Общая скудость источников за XVI в. причиной тому, что мы о торговле этого времени знаем очень немного. Прибытие Ченслера в Белое море, появление в Печенгской губе голландцев, еще несколько эпизодов из той же области и едва ли не все, чем приходится оперировать исследователю, желающему опереться на факты этой категории. Попробуем все-таки собрать еще несколько полезных справок. «В то время в городе Ревеле было грустно, и несчастье бесконечное и безмерное. С прискорбием собирались Ревельские торговцы и граждане в Розенгартене и на городской стене и с болью в сердце смотрели на корабли, проезжающие мимо Ревеля и направляющиеся в Нарву». Это Ревель переживает захват русскими Нарвы в 1558 г. Быстрота, с какой русские начали пользоваться приобретенной на Балтийском море гаванью, говорит о том, что все предпосылки для этой торговли в Московском государстве уже были готовы. Стихийное стремление к берегам Балтийского моря и в виду его крушения вынужденное обращение к северному морю, ставшему надолго единственной морской базой для торговой связи с Европой, не требуют особых комментариев.

Сухопутные торговые дороги исследованы еще меньше, а между тем и здесь попадаются интереснейшие факты. Вот, например, в мало кому известных погостах Новгородской Обонеж-

[1] «Летопись Занятий Археографической Комиссии,» в. 33, стр. 120—127.

ской пятины писцовая книга 1582-3 гг. сохранила нам старые следы сухопутной торговли, между прочим и хлебом. Во время составления книги вся местность лежала в развалинах, а до разорения во Введенском погосте на Ояти названо 24 амбара, «куда клали всякие товары», а в Вытегорском погосте в такие же амбары «сыплют хлеб и соль и всякий товар кладут тутошние крестьяне и приезжие торговые люди».[1] Если здесь только можно подозревать следы внешнего хлебного рынка, то внутренний рынок виден в различных проявлениях, отраженных в наших источниках: Аника Строганов в 1566 г. исполняет обязанность царского торгового агента по продаже царского оброчного хлеба. 15 сентября царь поручает ему продать немедленно («часа того») 1016 четвертей с осьминою ржи, 1 435 четвертей овса, и 87 четвертей ячменя, что составляет приблизительно 20 300 пудов. Деньги он обязан доставить в Москву. Он же является и казенным поставщиком хлеба. Ему поручено доставить в Астрахань, «закупив»: овес, крупу, толокно, муку. Всего 2 000 четвертей, то-есть около 16 000 пудов.[2] Показательно, что Строганов повидимому имеет возможность «часа того» как продать, так и закупить значительные количества хлеба. Соловецкий монастырь закупает ежегодно во второй половине века 8000 четвертей хлеба,[3] т. е. 64 000 пудов. Рынок, конечно, определяет и цены на хлеб. Флетчер указывает на то, что дороговизна в хлебе, которую он наблюдал, происходит не от недостатка в хлебе, а «от алчности дворянства, спекулирующего хлебом».[4] В перечне вывозных за границу товаров у Флетчера хлеб отсутствует, стало быть — он имел в виду внутренний рынок. В грамоте Бориса Годунова от 3 ноября 1601 г. с исчерпывающей полнотой изображены условия торговли, принявшей, правда, в этот год уродливые формы благодаря голоду. Выясняется, прежде всего, контингент торгующих хлебом. Это «богатые люди», архимандриты, игумены, епископские дети боярские, то-есть, помещики, Строгановы (речь идет о районе их влияния — Соли-Вычегодской). их приказчики, посадские люди, монастырские и дворцовые крестьяне и «многие приезжие прожиточные и пашенные люди». Особо названы «многие скупщики», корыстующиеся «хлебною продажею»; они «рассылают» по всей Вычегодской земле в станы, и в волости, и в села, и в слободы, и в погосты своих агентов, и сами ездят по тем же местам, скупают хлеб и, раздав в «дешевую пору» вперед задатки, продают его потом по «большой цене». Кроме того, окрестные крестьяне возят хлеб свой и «привозный» «на торжки и на ярмарки»; по дороге их перехватывают скупщики, выезжая для этого им навстречу, и закупают

[1] Руссов, Beiträge zur Kunde Esth-Liv-und Kurlands, Bd. IV, Heft 2, Reval 1889 г., p. 162. Цитировано по Кордту, Сборник И. Р. И. О., стр. XV. Неволин. О пятинах и погостах. Приложение XI, стр. 150 и 175.

[2] Введенский А. А., Торговый дом, стр. 91 и 99.

[3] Ключевский В. О., Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря, Первый Сборн. статей, 1919 г., стр. 31.

[4] О государстве русском, стр. 11. Изд. 1908 г.

у них хлеб. Конечно, здесь видно много нервности и злой воли, несомненно и грамота писана с расчетом на известное впечатление, но отрицать нельзя, что все элементы картины взяты с натуры и говорят нам о наличности внутреннего хлебного рынка: тут прямо говорится о том, что спекулянты не хотят продавать сейчас хлеб по четям, а норовят отпускать сразу большими партиями; значит, обыватель привык к свободной продаже хлеба в любых количествах, и эта привычка имеет, конечно, свою давнишнюю историю. Здесь кстати напомнить и о наших больших городах, живших подвозным хлебом и голодавших всякий раз, когда этот подвоз по тем или иным причинам нарушался.

К этой краткой характеристике хозяйственного состояния Московского государства XVI в. необходимо прибавить то, что нам известно о кризисе 70 — 80 гг. Прежде всего нам известно, что он несомненно был, известно также, что он был очень жесток и имел весьма широкий район действия. Само собой ясно, что во время массовых бедствий неимущие и мало имущие всегда страдают больше богатых, и что при этих условиях социальные противоречия обостряются с особой силой, давая в то же время maximum обнажения общих социальных тенденций, часто таившихся до сих пор в потенциально-скрытом состоянии. Что касается причин, вызвавших этот «кризис», то их было повидимому много, хотя и действовали они с разной силой. Мы видели рост нового типа барщинного хозяйства, массовое появление кабальных людей и бобылей, и расценивая эти факты в качестве симптома глубокого и сложного процесса, должны учесть и другой не менее сложный и важный факт — смену боярства новым классом служилых людей, что означало выдвижение на первый план среднего по размерам землевладения. В политических отношениях этот переворот принял форму опричины. Наконец, нельзя забывать, что явления эти развивались в обстановке непрекращающейся войны — Казанский и Астраханский походы, Ливонская война, нашествие татар, дошедших из Крыма до Москвы.

Население не только отрывалось от своего обычного мирного труда, должно было перековывать орала на мечи, но в то же время несло на своих плечах прогрессивно растущее бремя налогов. Не удивительно, что народная масса бросала насиженные места, «брела розно» от государственных податей, нашествия иноплеменников и разорения опричников. В источниках неоднократно встречаем объяснения причин разорения населения в роде: «двор немцы сожгли», крестьянин «от царевых податей безвестно сбежал», «запустел в 78 году», «двор сожгли опришные». «Тимошка умер, дети под окнами волочатца. . .» и т. д. и т. д. [1] Нельзя забывать, что интенсивно колонизирующаяся страна давала много возможностей и представляла не мало соблазнов для крестьянина, недовольного своим положением и ищущего случая переменить хо-

[1] Самоквасов Д. Я., Архивный материал, т. II, стр. 65, Обыск 21 марта 1571 г. и др.

зяина и условия своего существования вообще. Благодаря этим обстоятельствам разорялся, конечно, и служилый человек-помещик, оплот новой царской власти, разорялся он, так сказать, систематически с двух концов: война отрывала его от поместья, источника материальных благ, и бросала поместье на волю судьбы, отчего оно решительно пустело: кто из крестьян уходил сам, а кого, и это бывало гораздо чаще, вывозил богатый сосед, располагающий средствами для «отказов». Тут все могло быть «законно»: и сроки соблюдены, и «пожилое», и «повоз» заплачены, придраться не к чему, а результаты получались весьма определенные: воинский чин самым очевидным образом безнадежно «оскудевал» в то время, как преуспевал богатый сосед, каковым часто оказывался и монастырь. Повидимому это свойство монастыря было хорошо известно населению: когда в середине XVI в. устраивался в Пошехоньи Адриановский монастырь, то «нецыи люди», а по другому варианту «поселяне-невежи» «роптаху, глаголяще, яко на придвориях наших чернецы вселяются, да обладают нами».[1] Это, конечно, относится не к монастырю, как к таковому, а к богатому землевладельцу-хозяину вообще. Даниил Зоточник в XII в. в соответствующей обстановке давал добрый совет желающему обзавестись хозяйством: «не держи села близ княжа села: тиун бо его яко огнь трепетицею накладен, а рядовичи его яко искры». На защиту воинского чина стал царь, и в ряду принятых им в этом направлении мер видное место занимает церковный собор 1580 г., когда царь решил собрать своих богомольцев по вопросу о тех церковных преимуществах, которые расценивались как одна из причин оскудения воинского чина. Судя по отдельным резким выражениям по адресу отцов (пьянственное и непотребное житие и тому подобное) заподозрить царя в клерикализме нет никаких оснований. Он вел свою политическую линию весьма определенно. А что эта линия была намечена не одной его волей, видно хотя бы из того, что его преемник, имевший большую личную слабость к духовному чину, должен был переписать на свое имя, может быть и против своей воли, постановление церковного собора, продиктованное его покойным родителем. «До государева указу» духовенство обязывалось «всякие царские дани платить. . . с служилыми людьми ровно». Церковный крестьянин уравнивался в податном отношении с поместным.

II. КАК ФАКТИЧЕСКИ ПРОТЕКАЛ ПРОЦЕСС „ЗАКРЕПОЩЕНИЯ“ КРЕСТЬЯН.

Рассмотренные выше хозяйственные, социальные и политические условия делают в значительной степени понятными предпосылки возникновения крепостных отношений, но еще ничего не

---

[1] Житие Адриана, игумена Пошехонского, чудотворца. Рукопись Археографической Комиссии. Ср. Богословский М. М., Земское самоуправление, т. I, стр. 88. Павлов-Сильванский Н. П., Феодализм в удельной Руси, 1910, стр. 251.

говорят о том, как происходил самый процесс закрепощения крестьянской массы, в какие конкретные формы выливалась борьба заинтересованных в том или ином решении вопроса общественных групп, стоявших иногда на позициях, исключающих возможность соглашения, какую, наконец, роль играла в этом процессе власть. Между тем все эти вопросы, много раз обсуждавшиеся с напряженным вниманием в нашей науке в течение полутораста лет, остаются еще не до конца решенными и в наше время.

На них я и предполагаю остановиться. Думаю, что для начала полезно будет прежде всего напомнить состояние крестьян, как их рисуют нам памятники XV и значительной части XVI веков. Тут мы имеем разнообразие мнений, располагающихся в известном порядке между двумя крайними: от определения крестьянина XIV — XV вв. как «вольного и переходного съемщика чужой земли, свобода которого обеспечивалась правом выхода и правом ряда»,[1] до заявления, что «грамоты всех видов воспрещают землевладельцам принимать на свои земли каких бы то ни было тяглых людей».[2] Заниматься разбором всех этих мнений сейчас нет возможности, и мы ограничимся тем, что установим нашу собственную точку зрения на предмет. Крестьянин XIV — XV вв. есть зависимый от своего феодального владельца человек, зависимость которого выражается в обязанности давать владельцу часть своего труда натурой, продуктами или деньгами и находиться под его властью административной, финансовой и судебной. Когда землевладельцу нужно было крепче нажать пресс, он, если у него были деньги, делал это через ссуду, обязывая своего крестьянина служить ему «за рост». Типичная работа ростовщического капитала.[3] При этих условиях говорить о «свободе» трудно, однако крестьянин того времени, действительно, имел право уходить от своего хозяина-государя обычно один раз в году, по окончании полевых работ. Судебник 1497 г. этот срок фиксировал для всего Московского государства с 19 ноября по 4 декабря («неделю до Юрьева дня и неделю после Юрьева дня осеннего»). Грамоты этого и более раннего времени полны указаниями на то, как и при каких условиях перезывают к себе жильцов разные землевладельцы. Так как в расчет каждого крупного феодала входило привлечь к себе побольше податного населения (земли у него всегда было больше, чем обрабатывающих ее плательщиков оброков), то в программе его действий естественно намечалось два пункта: 1) сохранить своих старых жильцов и 2) назвать новых. В их практике успела выработаться целая система мер, направленных на осуществление этих пунктов программы, но из всего того, что мы знаем по этому

---

[1] Ключевский В. О., Курс, изд. III, ч. II, стр. 389. Ср. Чичерин Б. Н. — Опыты, стр. 174. Беляев И. Д., Крестьяне на Руси, стр. 9, 49.

[2] Самоквасов Д. Я. Архивный материал, т. II, ч. I, стр. 8—9. Кулишер И. М. предлагает формулу Самоквасова смягчить признанием факта, „что юридически свободы передвижения и в древней Руси не существовало“. Несвободное состояние крестьян XVI — XVII вв. — «Труд в России», I, стр. 185.

[3] С. Г. Г. и Д., т. I, стр. 237, 272 и др.

предмету, ясно, что все эти подданные своих государей, будь то старожильцы, или призванные из «иных княжений люди» (они противополагаются друг другу), или, наконец, возвращающиеся на старые места бывшие старожильцы, которые «разошлись жити по иным местом», имеют и возможность и право переходить в другое подданство, искать себе другого государя. С середины XV в., когда, как мы знаем, в жизни Московского государства произошло много изменений, источники начинают среди этих людей выделять особо крестьян, и мы имеем одну грамоту Троицкого Сергиева монастыря, по которой великий князь разрешил монастырю «не выпущать ни к кому» крестьян-старожильцев из монастырского села Присек с деревнями.[1] Чем было вызвано это исключение для данного села, остается неизвестным. Известен и второй подобный же случай, где однако имеются намеки на мотивы этой меры: крестьяне уклонились от исполнения своей обязанности итти на княжескую «службу» «к берегу».[2] Эти распоряжения власти, указывающие на то, что с личностью крестьянина уже и тогда не считались, и в экстренных случаях путем изъятия из общего правила власть лишала его права перехода, в то самое время, когда общий закон определенно без всяких оговорок трактовал о праве крестьянских отказов (Судебник Ивана III и отдельные акты, ему предшествующие).

Царский судебник 1550 г., очевидно, в связи с учащавшимися процессами по вопросам, где возможно было произвольное толкование суда, нашел необходимым прибавить к статье о крестьянском отказе предыдущего Судебника несколько новых деталей. Здесь введено точное определение понятия «двор», увеличена сумма пожилого, внесена специальная оговорка относительно повоза, повинность особо важная и трудная для крестьянина вообще, а особенно для собирающегося покинуть своего старого хозяина, — повинность, широкое и произвольное толкование которой на практике могло очень затруднять осуществление крестьянского выхода и вывоза. Здесь сказался тот же «перелом» в народном хозяйстве, который отметил В. О. Ключевский в связи с молчанием первого Судебника о кабальном холопстве и появлением его во втором. Этим уточнением и расширением правил крестьянского отказа одинаково подчеркивались как факт существования и роста отказов в подлинной жизни, так и намерение власти не выпускать из своих рук регулирование вопроса.

Еще в середине XVIII в. Татищев отметил, что в Судебнике идет речь не столько о крестьянском выходе, сколько о вывозе крестьян имеющими на это средства землевладельцами; отсюда и его справедливое заключение, что «вольность» крестьянская была выгодна «духовным и вельможам», имеющим множество пустых

[1] А. И. I, № 59.
[2] А. А. Э. I № 64, Акты Юрид. быта, I, 37.

земель, и перезывавшим к себе крестьян. от малоземельных дворян».[1]

Как бы то ни было, в Судебнике и выход и вывоз покрывался общим термином «отказа». Что отказы были явлением частым, видно между прочим из показания Генриха Штадена, до 1576 г. наблюдавшего московскую жизнь. «Все крестьяне страны, пишет он, имеют в Юрьев день свободный выход. Они принадлежат тому, кому захотят». Во время бурь опричины крестьяне массами переходили к новым владельцам; между прочим от иностранцев, замечает Штаден, крестьяне часто уходили все поголовно, и поместья их тогда «пустели в день св. Юрия». Царь в таких случаях давал иноземцам до трех раз новые поместья, «в которых бы жили крестьяне». «Теперь (разумеется время кризиса) с великим трудом и то однажды иноземец может получить населенное крестьянами поместье. Причина — в большей своей части страна запустела».[2]

Что крестьянские отказы проделывались по всем правилам Судебника, видно и из фактов подлинной русской жизни. Так, в 1574 г. к царю поступила жалоба Илантова монастыря на нарушение Судебника 1550 г., которое монастырь усматривал в том, что «князья и дети боярские на крестьянах, которые из-за них пойдут, емлют за дворы пожилого да полувытного по 5 рублей». На эту жалобу последовала резолюция: «с тех крестьян. . . пошлин и пожилого имать с ворот со крестьянина по полтине да по 2 алт. по Судебнику». В 1577 г. суд для решения спора по поводу ушедших крестьян интересуется вопросом, в Юрьев ли день они вышли и исполнили ли при этом требования, предусмотренные Судебником. Правила Судебника очевидно не были мертвой буквой.

Конечно, на отказы нужны были деньги. Все это очевидно, и об этом сейчас можно было бы не распространяться, если бы не существовало в нашей науке очень популярное мнение о том, что «крепостное право» есть в конечном счете результат прекращения крестьянского выхода, который «замер сам собой» благодаря крестьянской задолженности. И. М. Кулишер в 1924 г. писал, что значение задолженности в процессе возникновения крепостного права, выдвинутое В. О. Ключевским, «в настоящее время может считаться общепризнанным».[3] Действительно, «задолженность» в 1885 г. прочно заняла место нескольких туманных «обстоятельств», выдвинутых (1858 г.) М. П. Погодиным в качестве оружия против тех, кто в источниках склонен был находить иное объяснение того же явления. Она же царит в известных и очень ценных работах по крестьянскому вопросу М. А. Дьяконова. Между

---

[1] Судебник государя ц. и в. к. Иоанна Васильевича и некоторые сего государя и ближних его преемников указы, собранные и примечаниями изъясненные покойным тайным советником и Астраханским губернатором В. Н. Татищевым. М. 1768. Примечания к указу 1601 г.

[2] Штаден Г., О Москве Ивана Грозного, стр. 123.

[3] Кулишер И. М., Несвободное состояние крестьян в 16 — 17 ст. «Труд в России», I, стр. 189.

тем здесь как будто бы не все благополучно: несомненному факту крестьянской задолженности придано значение, возбуждающее большие сомнения. Прежде всего царский Судебник, предусматривающий даже многие мелочи в связи с крестьянским отказом, ничего не говорит о крестьянских долгах в качестве препятствия ни для выхода ни для вывоза, а между тем, если допустить, что именно задолженность создала крестьянскую крепость, то она должна была быть явлением для крестьян всеобщим, и в таком случае закон, стоявший, так сказать, в центре развивающихся событий, не мог бы обойти молчанием эту сторону дела. Ни из чего не видно, чтобы предварительная уплата долга была всегда непременным условием «отказа». Источники XVI в. прекрасно знакомы с разными видами незаконных отказов и очень часто их называют: мы встречаем выход или вывоз «не по сроку», «безотказно и безвыходно», «беспошлинно», «без отказу и без пошлин» и т. д., но нигде нет указаний на невыплату долга в качестве признака незаконности отказа. Само правительство, распределяя между помещиками крестьян, не справлялось об их задолженности.[1] Уменьшение случаев крестьянских выходов за счет увеличивающегося числа вывозов крестьян — факт хорошо известный, но, независимо от причин, его вызвавших,—что он может дать для решения основного вопроса? Крестьянину без помощи третьего лица стало труднее уходить от своего хозяина. Третье лицо, располагающее средствами для уплаты пожилого и, весьма вероятно, крестьянских долгов, все чаще и чаще появляется в качестве законного свозчика крестьян. Надо думать, что это лицо, затрачивая средства, имеет серьезные хозяйственные побуждения производить свои операции и заинтересовано в том, чтобы закон попрежнему охранял его право. Так могло бы тянуться очень долго, а между тем мы видим, что с какого-то момента, крестьянский выход начинает квалифицироваться как побег, а вывоз либо начинает заменяться открытой или замаскированной куплей, либо расцениваться в качестве уголовного деяния.

«Само собой» это произойти не могло прежде всего потому, что нельзя забывать в этой драме персонаж, не всегда остававшийся пассивным, — это тот, от кого перевозили крестьянина. Слишком большое место занимал крестьянский труд в истории русского хозяйства, чтобы не стать предметом жаркого столкновения поразному заинтересованных в решении этого вопроса общественных групп, — столкновения, в котором государственная власть по своей природе не могла оставаться нейтральной. Теория происхождения крепостного права из крестьянской задолженности не находит себе подтверждения и в известных нам фактах. Говорить о затруднениях крестьянских переходов должно: действительно, условия выхода крестьянина по Судебнику для редкого крестьянина были по силам даже без всякой задолженности, и мало кто из крестьян мог выполнить их без посторонней помощи. Выход

[1] Тхоржевский С. И., Поместье и крестьянская крепость, стр. 78—81.

вытеснялся и заменялся вывозом. Легко убедиться в том, что это так и было в действительности: в хорошо всем известной вотчине Семена Бекбулатовича на 305 случаев, когда крестьяне покидали старые свои места, приходится 18% выходов и 60% вывозов.[1] Документы второй половины XVI в. и начала XVII в. даже тогда, когда говорят о выходе, дают понять, что под ним разумеется вывоз: «царь... Борис Федорович. велел крестьянам давать выход, а... возити крестьян дворяном...»[2] Самый вопрос, стало быть, переносится в плоскость отношений двух общественных групп, интересы которых в этом деле оказались трудно примиримыми. Центр тяжести исследования должен быть естественно перенесен именно сюда.

Группировка борющихся сил, прекрасно обрисованная в писаниях Пересветова и почти не менявшаяся на протяжении всей борьбы служилого человека за рабочие руки, особенно ярко сказалась в конце Ливонской войны, во врем кризиса 70—80-х гг. и между прочим выявилась в заседаниях боярской думы и церковного собора 1580 года. Царь с боярской думой приговорил «о землях, которые за монастыри»... Была написана какая-то «уложенная грамота», и Поместный приказ получил распоряжение действовать «по той грамоте и по уложению». В данном случае боярская дума только провела в жизнь постановление специального церковного собора, продиктованное самим царем, которому для соблюдения канонических приличий нужна была только санкция высшего церковного учреждения по уже предрешенному вопросу. Духовенство, действительно, собралось «повеленим благоверного царя» Ивана Васильевича «некоих ради церковных вещей», о которых царь «со своими бояры и со всем своим синклитом» уже «многое попечение сотвори». «Вещи» эти—был старый вопрос о монастырской земле, которая рассматривалась в связи с «оскудением велиим воинского чина», что ничего хорошего для церковного землевладения не предвещало. Духовенство принуждено было «уложить» то, чего требовал от них царь, именно, чтобы «воинский чин на брань против врагов креста Христова» мог ополчаться крепко, с 15 января[3] прекращается поступление земель в церковь по душам. В протоколе этого заседания не получила словесного оформления другая сторона того же предмета, вскрытая на заседании собора 1584 г. О церковных землях, тех самых, о которых шла речь на предыдущем соборе, теперь говорилось, что они находятся «в тарханех», и потому с них никакие царские дани и земские размеры не идут, «а воинство, служилые люди, те их земли оплачивают, и сего ради многое запустение за воинскими людьми в вотчинах их и в поместьях платячи за тар-

[1] Лаппо И. И., Тверской уезд в XVI веке.

[2] А. А. Э, II № 20.

[3] Относительно соотношения дат соборного постановления и боярского приговора в изданных источниках имеется несоответствие. Первое датировано 15 января 1580 года, второй 15 января 1581 года. Весьма вероятно, что заинтересованные группы оттягивали опубликование закона.

ханы; а крестьяне, вышед[1] из-за служилых людей, живут за тарханы во льготе, и от того великая тощета воинским людем прииде».

Церковь приглашалась принести материальные жертвы в пользу служилых людей. С 1 сентября 1584 г. тарханы отменяются «на время до государева... указу», «покаместа земля поустроится и помочь во всем учинитца царским осмотрением». С этого момента церковь должна платить всякие царские подати и земские разметы со всеми людьми ровно». Все земли, заложенные в монастыри и другие церковные учреждения, отбираются на государя, т. е. в казну поступает очень значительный фонд бывших в залоге земель, которые, конечно, предназначены в поместную раздачу. Церковной земле частично пришлось пережить ту же судьбу, что в гораздо большем масштабе пережила незадолго перед тем земля боярская.

Мы и здесь видим интересы служилого человека — помещика на первом плане. Не можем также не заметить, что вопрос о крестьянах и специально «о крестьянских отказах» неизбежно и решительно вплетается в сложную политическую программу, которую надлежало разрешить теперь же, так как никогда еще служилый человек не попадал в столь затруднительное положение.

О монастырских землях в этой насыщенной политическим беспокойством атмосфере заговорили после заключения перемирия в 1580 г. Постановление о запрещении принимать в монастыри земли по душе датировано 15 января этого года. Мы видели также, что в связи с этим постановлением царь с боярской думой составили «уложение» и вероятно не только о землях, а и по крестьянскому вопросу, хотя это последнее до нас и не дошло. Из церковного соборного постановления мы только знаем, что царь со своим синклитом сотворил многое попечение «о сем». А так как в понятие «сего», как мы это видели, входил неизбежно и прежде всего крестьянский вопрос, то нет ничего невероятного в допущении, что в одном из царских «уложений» шла речь и о крестьянских отказах. Предположение тем более вероятное, что 1581 год, как всем сейчас хорошо известно, был «заповедным», т. е. таким, на который распространялось (заповедь) запрещение перевозить крестьян, и что о заповедных годах, конечно, должно было быть особое правительственное распоряжение («уложение»)

1581-й год был несомненно первый «заповедный» год, потому что в 1580 году еще спокойно и на самом законном основании крестьян вывозили, не подозревая даже о том, что это последний год старого порядка в этом отношении. Так было, конечно, не только в Тверской вотчине Семена Бекбулатовича,[2] а и в других местах: отказчики новгородского архиепископа разъезжали по соседним волостям с целью вербовки крестьян для Софийского

---

[1] Вероятно, здесь либо разумеется положение 1581 г. и последующих заповедных годов, либо незаконный выход.

[2] Писцовые книги XVI в. Тверской г., вотчина Семена Бекбулатовича.

*

Дома. Сведения у нас имеются за 1577.[1] Штаден в 1576 г., уезжая из Москвы, твердо знал что в с е к р е с т ь я н е страны имеют в Юрьев день свободный выход и принадлежат, кому захотят.[2] Ни одного намека на запрещение.

В последнее время появилось однако в нашей науке мнение о том, что «заповедные годы» явились результатом предварительного в течение нескольких лет применения на практике «заповедей крестьянского выхода.[3] Основанием для такого положения послужил «обыск» в поместьи Юрия Нелединского 26 января 1571 г.[4] Этот обыск должен был выяснить размеры поместья в данном погосте, и «хто имяны дети боярские ис того Юрьевского помистья из деревень крестьян за собя в свои помистныя деревни вывез, и о кою пору, о сроци ли о Урьеви дни, с отказом ли или без отказу, после сроку сильно, и Юрия Нелединского сколь давно государь царь и в. к. взял к соби в свою государьскую опришнюю, в коем году и о кою пору». Опрошенные крестьяне ответили о своем помещике следующее: «А про Юрья... про Ондриева сына Нелединского, ведомо нам, как из Новгорода привезли з а п о в е д н у ю г р а м о т у и в ы с ы л ь н у ю в великое говино в лети 7070 осьмом году, а велели опришных в ы с ы л а т ь из жемшины, а д о т о е мы г р а м о т е про Юрья не видали, потому что Юрьи жил не в нашем погосте...» А о крестьянах они же сказали: «а которые... крестьяне ис того Юрьевского помистья в нашем погосте выходили за детей боярских сее осени в лето 7079 году о сроце и после сроку, и ни отказу и выходу не платили, потому что Юрьева прикащика о ти поры у нас не было, а вышел из нашего погоста Юрьев прикащик в лете 7078 году...» Многих крестьян из этого поместья вывезли «сильно без отказу и без пошлин», «без выходу». Комиссия, производившая «обыск», отписала на государя поместье, потому что Юрий Нелединский в качестве царского опричника, вероятно, получил новое и едва ли не лучшее, а относительно крестьян в резолютивной части обыска написано вот что: «которые крестьяне ис того помистья после Юрья выходили вон за дитей боярских б е з о т к а з у, и Петр Григорьев (уполномоченный для обыска подьячий) по наказу и по обыску... из-за тих детей боярских тех выхотцов крестьян вывез опять назад... в ех дворы с женами и з детьми и з животы».[5]

В документе нет никаких оснований для заключения о том, что здесь разумеется «заповедь крестьянам Нелединского выходить, а окрестным детям боярским — вывозить их за себя». Непонятно также, почему С. И. Тхоржевский считает, что здесь идет речь о двух грамотах «высыльной» и «заповедной». В показании крестьян ясно сказано, что это грамота «высыльная и заповедная» одна:

[1] Рукопись Публичной Библиотеки Софийская, № 1548.
[2] Ш т а д е н Г., О Москве Ивана Грозного, стр. 121.
[3] Т х о р ж е в с к и й С. И., Поместье и крестьянская крепость. «Архив Истории труда в России», т. I, стр. 85—86.
[4] С а м о к в а с о в Д. Я., Архивный материал, т. II, ч. 2, стр. 48.
[5] Ibid., стр. 50, 54.

«а до тое мы грамоте, говорят крестьяне, прю Юрья не видали». Тут же крестьяне дают намек и на содержание грамоты, через которую «велели опришных высылать из жемшины».

Мне представляется дело в следующем виде: царь потребовал к себе из земщины своих опричников, а поместья, оставшиеся на территории земщины, в виду того, что в отсутствии помещиков вообще поместья подвергались большому риску, и в частности поместья опричников, заповедал охранять от расхищения: в писцовой книге 1571 года видно, что поместья опричников, оставшиеся в земщине, стояли все пусты.[1] Вот почему (отвечаю на замечание по моему адресу И. И. Полосина) я не принял во внимание эту заповедную и высыльную грамоту в своей старой работе, когда утверждал (и продолжаю утверждать), что первый заповедный год есть 1581-й, и ни о какой предварительной практике заповедей «отказов владельческих крестьян наши источники XVI века не говорят».[2] В самое последнее время вышла работа С. Б. Веселовского по этому же вопросу, и он тоже считает первым заповедным годом — 1581-й.[3] «Уложение» Грозного в январе этого года весьма возможно считать уложением о заповедных годах.

Как будто в таком смысле и понимают известный текст судного дела рязанского помещика Шиловского с дьяком Шерефединовым С. Ф. Платонов и С. Б. Веселовский. «Еще при Грозном, говорит С. Ф. Платонов, были принимаемы какие-то, нам точно неизвестные меры относительно крестьянского «вывоза», и было дано какое-то «уложение», чтобы крестьян насильством не возили или чтобы и вовсе не возили в известные сроки — в «заповедные лета», которые точно наперед определялись правительством. Этим временно отменялось право крестьянского «выхода».[4] Аналогичное мнение по тому же предмету принадлежит и С. Б. Веселовскому, который по этому поводу напоминает, что уложениями назывались обыкновенно такие указы, которые имели **общее и длительное значение**, были законами в современном смысле слова в противоположность указам-распоряжениями по частным случаям.[5]

Очень соблазнительно принять такое толкование слов, сказанных на суде рязанцем Шиловским, во-первых, потому, что оно подводит нас к моменту установления нового института, а во-вторых потому, что в устах рязанца эта фраза дает нам основание распространять действие закона на более широкую территорию, чем позволяют данные, напечатанные о заповедных годах, относящиеся все к Новгородской области. Действительно термин «уложение» употребляется в актах XVI в. в смысле специального

[1] Тхоржевский С. И., стр. 86.
[2] Polosin, Le servage russe, с. 14. Греков. Б. Д., Юрьев день и заповедные годы.
[3] Веселовский С. Б., Из истории закрепощения крестьян. «Уч. записки Института истории», т. V, стр. 207 и 216.
[4] Платонов С. Ф., Смутное время, 1923, стр. 31; Борис Годунов, стр. 76.
[5] Веселовский С. Б., Opus cit., стр. 208.

постановления, имеющего длительную силу: в Новгородском Софийском Доме из казны раздается каждый год милостыня «по прежнему уложению».[1] Указ 1607 года называет себя тоже «уложением»[2] и т. д. Более чем вероятно, что и в данном обыске стороны ссылаются на особый закон Ивана Грозного. Однако в специальной литературе по этому предмету высказано сомнение. И. М. Кулишер допускает, что «под уложением здесь понимается Судебник, правила которого были нарушены при вывозе крестьян».[3] Действительно, Судебник 1589 года совсем неофициально в приписке (другим почерком) один раз назван «изложением», или, быть может «уложением», но заметивший этот штрих автор вполне справедливо не склонен придавать в данном случае этому термину какое-либо серьезное значение.[4] С другой стороны, в Судебнике 1550 г. сказано, что его «уложил» царь Иван Васильевич. Стало быть в предположении И. М. Кулишера, по существу, нет ничего невероятного, но чтобы разобраться в этом споре, необходимо обратиться к самому источнику и познакомиться с его собственной терминологией.

Т. Д. Шиловский жаловался на помещика дьяка Андрея Шерефединова в насильственном захвате вотчины. Во время суда истец указывал и на другие преступления того же дьяка и между прочим на то, что он «государевы поместные земли к вотчине пашет и крестьян насильством твоих государевых сел и из-за детей боярских возит мимо отца твоего, а нашего государя уложения». Что здесь разумеется: Судебник или специальное постановление? Есть основание думать, что не Судебник, и вот почему: 1) Судебник в деле называется Судебником и делается на него официальная ссылка: «в государеве указе в Судебнике написано: кто купит вотчину чужими деньгами. . .»[5] 2) Обычно, когда дело идет о нарушении ст. 88 Судебника (о крестьянском отказе), акты, как это хорошо видно между прочим и из обыска поместья Нелединского (см. стр. 68), говорят о вывозе крестьян «беспошлинно», «не по сроку», «без отказу» и т. п. и ни на какое уложение не ссылаются. Здесь же в деле мы имеем несколько упоминаний о том же предмете, и ни разу ни истец ни ответчик не вспомнили условий отказа по Судебнику. Оба они говорят лишь о запрещении вывоза вообще. Вот эти места: ответчик в свое оправдание говорит: «поместною землею не владею и крестьян не разваживал». Истец в доказательство своего обвинения приводит конкретный случай: «тот же Андрей велел вывести крестьянина одногодка», на что ответчик возразил: «яз, господине, того мужичка за собою не знаю». На правила Судебника в прениях сторон ни одного намека. Значит, нарушены были не правила Судебника, а какой-то другой закон. Отсюда, мне кажется, естественно заключить об «уложении» Гроз-

[1] Греков Б. Д., Монастырское хозяйство, стр. 100.
[2] Татищев В. Н., Судебник, стр. 135.
[3] Кулишер И. М., Opus cit., стр. 198.
[4] Андреев А. И., О происхождении и значении Судебника 1589 года.
[5] Лихачев Н. П., Сборник актов, вып. I, стр. 269.

ного, запрещавшем крестьянский выход и устанавливавшем, весьма вероятно, «заповедные годы». Как будто бы есть основание связывать это «уложение» с 1581 г., что и делают оба вышеуказанные авторы.

Если даже в этих весьма правдоподобных предположениях не все точно установлено, то остается все же незыблемым факт первого заповедного 1581 г., установленного каким-то распоряжением власти, за которым без перерыва шли последующие годы по 1586 включительно. Затем в наших данных идет некоторый пробел, удачно заполняемый однако соображениями С. Б. Веселовского, исходящими из фактов 1590 и 1592 гг.[1] Как бы то ни было, перед нами факт длительного применения заповедных годов, которые по идее были мерой временной.[2] Можно думать, что их устанавливали «до государева указу», «покамест земля поустроится», подобно отмене тарханов; несомненно так понимали «заповедь» и современники. Крестьянин Иван Бояринов, поряжаясь в 1584 г. в крестьяне за Прилуцкий монастырь, в порядной записи писал: «и жити мне в той же деревне на Олексине в том же моем дворе, а из-за Прилуцкого монастыря и из тое деревни не вытти нигде до государеву указу»...[3]

Надежда на этот государев указ, иначе на выходные годы, жила в населении очень долго, даже тогда, когда как будто не было уже никаких видимых оснований для ее осуществления. В порядной 1620 г. крестьянин обещает новгородскому митрополиту не сойти «без государева указу» и без митрополича ведома.[4] С. Б. Веселовский указывает на 11 псковских порядных первой половины XVII в., в которых крестьяне обязываются жить и никуда не выходить «до государевых выходных лет». Подобные отклики можно найти и в «государевых делах», то есть в политических процессах того же времени: в 1647 г. в Одоеве была молва: «прежние государи выход давали, и тюрьмам роспуск бывал, а нынешний государь к нам немилостив». В Арзамасе в 1633 г. при вести о рождении наследника, говорили: «дал нам Бог — родился царевич, будет нам выход».[5] Тут сказалось отношение крестьянства к новому своему положению: едва ли случайно в их глазах ассоциировались тюрьма и крепостная зависимость от хозяина, не случайны также и столь же настойчивые, сколько и бесплодные ожидания поворота в своей судьбе; нельзя считать случайным и зачисление в категорию государственных преступлений крестьянских

[1] Веселовский С. Б., Opus cit., стр. 208—209.

[2] Их временность видна между прочим и в их официальном наименовании: если бы выход и вывоз отменялись навсегда, незачем было бы вводить термин „заповедный". Как будто есть некоторое основание предполагать в 1592 г. какое то новое распоряжение по этому вопросу.

[3] Гейман В. Г., Сборник Российской Публичной Библиотеки. Вып. I, Петроград 1924, стр. 293.

[4] Неизданные Акты Новгородского Софийского Дома. Археограф. Комиссия А. Н. СССР.

[5] Веселовский С. Б., Opus cit., стр. 215—216, ср. Дьяконов М. А., Заповедные и выходные годы, стр. 20.

вожделений, связанных с идеей выходных годов. Об этом давно говорил Энгельман: протестовать было трудно — служилый человек являлся главнейшей опорой власти, и всякий, кто шел против него, делался врагом существующего строя и царя.[1]

После опубликования акта о «заповедных годах» мы встречаем ряд заметных перемен в трактовке крестьянского выхода, отраженных в дошедших до нас актах. Так, например, термины «выйти» и «выбежать» делаются синонимами. В обысках 80-х годов мы имеем безразличное употребление терминов «выйти» и «выбежать»: «Из-за Ивана... Непицына... в заповедные годы... збежали...», «а вси тии крестьяне вышли ли в заповедные годы...».[2] 17 февраля 1604 года царь Борис Федорович приказал обыскать дворцовые волости на предмет выяснения урожая, посевов, состояния платежеспособности населения и между прочим пожелал выяснить, «кто из тех сел и из деревень из-за государя... хрестьяня имяны вышли и за кого имянем, и отчего они из-за государя выбежали, от хлебного ли недороду, или от прикащицкого небреженья и насильства и от кого имянем.., и ныне те хрестьяне беглые, выбежав, за кем живут»[3] и так далее. В судах при разборе дел о беглых крестьянах не интересуются больше, соблюдены ли правила Судебника, а переносят все внимание на вопрос, не нарушен ли закон о заповедных годах. Один из образцов судебного разбирательства по этому предмету мы видели в деле Шиловского 1584 (см. стр. 70) 30 марта 1588 г. по государеву указу губные старосты «спрашивали и обыскивали» духовенство и местных крестьян «из-за князя Кропоткина крестьяне его... в заповедные годы за детей боярских вышли ли...». Опрашиваемые люди заявили, что в 1584 г. от кн. Кропоткина «в заповедные годы» вышел крестьянин такой-то, а в 1585 такие-то и т. д. В других случаях в подобных же обысках спрашивают: в заповедные годы вывезли ли?[4]

Когда в 1592 г. братия Корельского монастыря подала в суд жалобу о беглых крестьянах и попробовала сослаться на правила Судебника, суд их поправил и в назидание присовокупил «да и впредь бы есте из Никольские вотчины крестьян в заповедные годы до нашего укзу... не вывозили.[5]

В этой новой обстановке начинали становиться обычными случаи сделок на крестьян в роде той, которая отмечена в Актах тяглого населения Дьяконова.[6] В 1598 г. старец Голутвина монастыря Гурий помирился без суда с помещиком Пятым Григорьевым в тяжбе о крестьянах следующим образом: старец в монастырскую

---

[1] Энгельман И., История крепостного права в России, М. 1900. Стр. 55.
[2] Самоквасов Д. Я., Архивный материал, II, ч. 2, №№ 16, 20, стр. 449, 453 и др.
[3] Акты Археографической Комиссии по Нижнему Новгороду.
[4] Самоквасов Д. Я., Архивный материал, II, ч. 2, № 16, 18, 20.
[5] Р. И. Б. т. XIV, стр. 135—137.
[6] Дьяконов М. А., Акты тяглого населения, в. II, № 33.

вотчину взял помещиковых крестьян — «Романа Степанова, да Тимофея Лукина с братом, да Данила Михайлова с женами и с детьми и со всеми животы и статком». Причем последнюю семью Данила Михайлова, который жил вместе со своим зятем Федькою Степановым, стороны поделили между собою с их животами, женами и детьми «по половинам». Помещику Пятому Григорьеву Гурий «поступился» крестьян, Данила Тарасова да сына Федора Степанова, с женами и детьми и со всеми животы и статки». В 1586 г. помещики не только торгуют крестьянами, но и отпускают их на волю: помещик Калитин «вывез за собя» Суслову жену Окулинку, и через год «отпустил ее на волю, а сына «взял к себе во двор со всем животом». [1]

Указ 1 февраля 1606 г. царя Дмитрая исходит из совершенно ясного положения, что все крестьяне уже лишены права выхода, и склонен лишь в виду особых обстоятельств (голод) на этот раз сделать различие в квалификации правонарушения в зависимости от причин, заставивших крестьянина пойти против закона: указ находит возможным оправдать бегство тех, кто бежал от нищеты и голода, потому что «было ему прокормится не мочно». Такому крестьянину по указу разрешалось оставаться за тем, «кто его голодные лета прокормил», а старому его хозяину на него суда не давать: «не умел крестьянина своего кормить в те голодные годы, а ныне его не пытай». Всех, неподходящих под это исключительное условие, вышедших или, что то же, беглых крестьян, закон требует возвращать к старым господам на прежних основаниях. [2]

[1] Самоквасов, Opus cit., II, ч. 2, стр. 460.

[2] А. А. Э. II, № 40. М. А. Дьяконов указывает на Судебник 1589 г., где будто бы повторяется с незначительными только изменениями статья 88 Царского Судебника. Это недоразумение.

Судебник 1589 г. сейчас известен в нескольких редакциях. Так называемый Барсовский список статью 88 Царского Судебника пропустил совсем, как ненужную. Второй вариант имеет соответствующую статью, но в таком виде, что в ней можно признать только отдаленное и чисто внешнее сходство с 88 ст. Царского Судебника. Прежде всего эта статья имеет там характерный заголовок: «Хто за кем живет год, и какова мерная копна сена». Эта копна полагалась тому, кто покупал деревню. Копна в тексте названа «пожилой», совсем в другом смысле, чем этот термин употребляется в Царском Судебнике. Введено совсем новое действующее лицо — волостель, которого совсем нет в статье о крестьянском отказе. Если говорить вообще об отличиях этой статьи в новом Судебнике, то можно еще указать на замену «села» «деревней», «Юрьева дня» «Егорьевым днем», на уменьшение пожилого с двора со 112 денег до 50, на опущение всей расценки двора за 4 года и др. Составитель нового Судебника самым термином «крестьянин» пользуется гораздо реже, и там, где в Царском Судебнике говорится о крестьянине, новый автор предпочитает выражаться безлично «А кто, а у кого» и т. п., потому что составителю было ясно, что иначе на севере статья не будет иметь никакого смысла, так как северный крестьянин сам находился часто в положении хозяина своего подворника, о котором и идет специальная речь в новом Судебнике. Одним словом от ст. 88 Царского Судебника осталась одна тень, и если можно ссылаться на Судебник 1589 г. в истории крестьянского вопроса, то совсем не в том смысле, какой нужен М. А. Дьяконову, а только в доказательство того, какая большая пропасть к концу XVI в. легла между владельческим крестьянином

Можно ли после этого говорить, что «распоряжение личностью крестьян в смысле раздела их, уступки, отчуждения без земли идет параллельно с прекращением крестьянского перехода, а не вытекает из него», что скорее это распоряжение личностью крестьянина создавало прикрепление крестьян к земле, невозможность ухода от помещика»?[1] Думаю, что нет, потому что «невозможности ухода от помещика» при наличии других землевладельцев, имеющих средства и жаждущих перевести к себе крестьянина, его «окупив», без вмешательства закона быть не могло: лишенный права выхода крестьянин скорее мог превратиться в объект распоряжения своего хозяина, сначала фактически, а потом и юридически.

Можно, следовательно, считать установленным, что в период действия «заповедных годов» крестьянин находился в неволе до момента объявления «выходных годов», в действительности оказавшихся довольно редким и всего вернее вынужденным исключением из правила.

Все, что нам известно о положении помещика в это время, говорит о том, что в его интересах было, чтобы эти исключения стали редкими. Власть блюла этот интерес незыблемо. Выходных годов, предмет крестьянских мечтаний, мы знаем только два. Это не значит, что их не могло быть и больше. Можно только с уверенность говорить о том, что их не могло быть много, что они должны были тонуть в массе чередующихся заповедных лет, как это и подтверждается всем, хотя и далеко не полным материалом имеющихся в нашем распоряжении источников: дети боярские, получившие в свое время право не выпускать от себя рабочие руки, держались за него очень крепко, в чем мы будем иметь не один случай убедиться. Известная нам практика выходных годов весьма характерна и заслуживает того, чтобы на ней остановиться. Имею в виду указы о крестьянском выходе Бориса Годунова 1601 и 1602 гг. Прежде всего здесь следует отметить, что оба указа принципиально распространяют свое действие на всю территорию государства: царь и его сын «пожаловали во всем своем государстве от налог и продаж велели крестьянам давати выход». Независимо от того, насколько этот принцип был фактически ограничен, нам важно подчеркнуть его основную общую идею, потому что она постулирует признание за законом о заповедных годах такое же широкое пространство действия, что однако оспаривалось в свое время М. А. Дьяконовым, имеющим

и его черносошным бывшим товарищем: они друг друга уже перестали понимать и владельческого крестьянина отчасти только мог бы понять на севере подворник, половник или бобыль. М. А. Дьяконов ссылается еще на грамоту патриарха Новинскому монастырю 1590 г. Но эта грамота написана «по прежней жаловальной Макария, митрополита всея Руси, грамоте» и, весьма вероятно, писана тенденциозно.

[1] Кулишер И. М., Opus cit., стр. 181 — 182.

в этом отношении сторонников и сейчас.[1] Разрешать можно то, что было запрещено, если разрешение распространяется на все государство, стало быть и запрещение действовало на всей его территории. Сейчас как будто мы имеем и другие прямые доказательства этому положению: заповедные годы известны не только на Новгородской определенной территории, их знают и рязанские и псковские помещики и вологодские монастыри. Наоборот, в источниках нет решительно ни одного намека на территориальное ограничение действия закона о заповедных годах. Оно появилось в нашей литературе как продукт вполне понятной осторожности исследователей.

Провозгласив однако широкий принцип, на практике закон вводит ряд существенных и характерных ограничений: 1) не получили права вывозить к себе крестьян все богатейшие землевладельцы: высшие чины от бояр до голов стрелецких, и вся высшая церковная иерархия и монастыри; 2) запрещено вывозить дворцовых и черных крестьян; 3) изъят весь Московский уезд. Во всех прочих уездах право вывоза ограничено количественно: «возити меж себя одному человеку из-за одного же человека крестьянина одного или дву, а трех или четырех из-за одного никому не возити». На тех же основаниях выход был предоставлен в следующем году.

Если мы вообще знаем слишком отрывочно социальную политику Бориса, то в данном случае красная нить, которая проходит через всю вторую половину XVI в., сказывается и на отношении его Годунова к боярству и магнатам церкви. Для них запрещение крестьянской возки осталось в силе, и право вывоза предоставлено только среднему и мелкому служилому люду и то с соблюдением ограничительных условий. Надо думать, что эта мера была учтена и крестьянством, как осуществление ожидаемой возможности переменить хозяина, и перешла в потомство в виде воспоминания о добром старом времени. По свидетельству современников царь Борис был «обидимым от рук сильных изыматель крепок», «о бедных и о нищих крепце промышляеше, и милость — к таковым велика от него бысть», и нет ничего невероятного в том, что закон 1601 и 1602 гг. есть одно из проявлений едва ли не вынужденной заботливости государя о массе населения.[2] В донесении Михаила Шиле о поездке его в Москву имеется хотя и неясная характеристика отношения Годунова к крестьянам. — «Крестьяне и бедные люди, жившие под властью бояр и при других великих князьях, считавшиеся рабами своих господ, тогда пожалованы его державностью (Борисом Годуновым): для всякого дворянина, владевшего крепостными людьми и крестьянами, сделано по-

---

[1] «Запрещение крестьянского выхода на некоторый срок в д а н н о й м е с т н о с т и (обширной или незначительной) очевидно вызывалось обострением потребности удержать крестьян, которые почему-либо получали добавочные мотивы или облегченную возможность уйти с д а н н о г о места». Т х о р ж е в с к и й С. И., Opus cit., стр. 84.

[2] П о к р о в с к и й М. Н., Русская история, II, стр. 24. Изд. III.

ложение, сколько должны служить и что именно давать ему его поданные, и теперь каждая деревня или каждый крестьянский двор знает, как велики их повинности господам».[1] В чем именно это «пожалование» заключалось, сказать трудно. Однако ясно, что здесь речь идет о фиксировании крестьянских повинностей в пользу господ. Некоторый свет на эту пока еще темную страницу из экономической и социальной политики Годунова может пролить документ, помещенный в рукописи Кирилловской библиотеки № 70-1309.[2] Из него видно, что Годунов действительно интересовался этим сюжетом, и по его указу в Кирилловском монастыре Комиссия в июле 1601 г. выясняла состояние хозяйства, и, сколько где на монастырь пашни пашут и сен косят, и что с которого села каких доходов денежных, и хлебных, и столовых в год емлют. Этой же комиссии было поручено точно урегулировать барщину монастырских крестьян: «. . . в которых селех пашни монастырские есть, и в тех селех велено учинити крестьянам пашни пахати на монастырь по 2 десятины на выть». Причем пашня должна быть поблизости от крестьянских дворов. Что касается оброков, то как будто здесь такой точности и определенности не видно: «А будет в котором селе вытей много, а пашни мало, и что за пашнею вытей останется (то есть часть крестьян останется без барщинных обязанностей), и на те выти велено положити посопной хлеб».

Последнее требование вылилось в то, что в тех селах, где крестьянам в десятины пашни не досталось, и «на тех крестьян положили п о с о п н о й х л е б и д е н е ж н ы е о б р о к и и с т о л о в ы е з а п а с ы. А что в селех остались пустые земли у десятин, а роздати было крестьяном в десятины нельзе для того, что те села от их же сел отдалели, и те пустые земли в селех розданы слугам монастырским». Конечно, точное определение повинностей есть плюс по сравнению с произволом хозяина, но здесь мы видим точное распоряжение только относительно десятинной пашни, правда, с некоторым соблюдением крестьянских интересов; оброки остались повидимому без регламентации, и это наводит на мысль о том, что, быть может, здесь мы имеем обычную меру относительно десятинной пашни, предпринятую в виду наступающего голода. О десятинной пашне у нас имеются сведения за 1557, 1601 и 1620 гг. Но даже если это и так, то некоторый элемент заботы о крестьянине безусловно здесь усмотреть можно. Тот же мотив можно встретить и в указе 1601 г. о выходных годах. Там сказано, что царь и его сын «пожаловали во всем своем государстве от налог и продаж[3] велели крестьянам дати выход». В указе 1607 г.[4] сказано, что Борис издал закон 1601 и 1602 гг.

[1] Чтения М. О. И. и Д. Р., 1845 г. кн. 2, стр. 17.

[2] Публичная Библиотека. Рукопись Кир.-ил. Библ., № 70 — 1309, л. 20, об. Н и к о л ь с к и й Н. К., Кирилло-Белозерский монастырь, т. I, в. 2, стр. 69. С т а ш е в с к и й Е., Очерки по истории царствования Михаила Федоровича, стр. 40.

[3] Т а т и щ е в от себя прибавил: «охраняя».

[4] О нем подробно ниже.

«видя в народе волнение велие». Если сопоставить эти два мотива, то мы легко можем заметить, что второй есть следствие первого. В недавно изданных актах Троицкого Сергиева монастыря имеется прекрасное объяснение этих «налог и продаж». В свозных книгах этого монастыря (1614 г.) много раз рассказывается о разных лицах, не желавших возвращать беглых троицких крестьян обратно. О них стереотипно записывается в книгу, что они учинились сильны, крестьян не дали «теми крестьяне и ныне владеют и, не проча их впредь себе, всякими налоги их утесняют и продажи немерные чинят и розными муками их мучат».[1]

Нерассчетливая эксплоатация крестьянина применялась, стало быть, не всегда, а в особо экстренных случаях, и в 1601 г. такой случай, очевидно, наступил. «Продажи и налоги» стали расти, вызывая в «народе волнение велие», еще и потому, что с этого года начался трехлетний голод, прекрасная почва для обострения и без того не гладких отношений.

Любопытно отметить одну маленькую подробность, на которую, кажется, никто не обращал внимания. Указ 1601 г. дан окольничему Морозову в Москве 28 ноября с тем, чтобы Морозов разослал его дальше. Указ 1602 г. подписан 24 ноября, получен в Новгороде 29 ноября. Воевода посылает его пятиконецким старостам 30 ноября. До мест ему дойти понадобится еще несколько дней, может быть неделя. Правда, в законе срок отказов несколько удлинен — «Юрьев день осенний» (26 ноября) да после Юрьева дни две недели», но во всяком случае срок этот истекает 10 декабря. Если даже к этому времени получится на местах разрешение на возку крестьян, но как ее осуществить с соблюдением указанных сроков? Задача невозможная, если мы представим себе всю процедуру отказа, который начинался с предварительного сговора заинтересованных сторон. Значит, стороны уже успели сговориться. Другими словами, правительство повидимому старалось узаконить совершающийся на его глазах факт, внося в него некоторые поправки.

Закон во всяком случае рождался в обстановке далеко не мирной. Что мы не ошибаемся, видно из текста указа 1602 г., который имеет только то новое по сравнению с предшествующим, что запрещает бесчинства, сопутствовавшие прошлогодней возке: землевладельцы, чтобы не лишиться своих крестьян, насильно удерживали их самих и их имущество, делали всякие «зацепки» и «продажи», в результате чего во время возки возникали бои и грабежи.[2]

Весьма возможно, что и в следующий 1603 год правительство не в силах было справиться со стихией. По крайней мере на это указывают некоторые факты: в указе Димитрия 1 февраля 1606 года выделены голодные годы 1601 — 1603 в особую категорию, в напечатанных М. А. Дьяконовым отдельных на поместья книгах

[1] Памятники хоз. истории Троице-Сергиевой лавры, т. II, стр. 11 — 12, 29.
[2] А. А. Э. III, № 24.

1603 — 1606 гг. находим много легальных выводов 1601 — 1603 гг., Троицкий монастырь получил в 1614 году право возвращать беглых крестьян, начиная с 1 сентября 1604 года, которое и осуществлялось неукоснительно в указанных рамках, за исключением одного характерного случая бегства крестьянина в 111 году (1602-3), но из Троицкой вотчины села Тушина Московского уезда, на который, как нам известно, выходные годы не распространялись.[1] В отводной книге на владения Александро-Свирского монастыря в Обонежской пятине Пиркинского погоста записаны случаи как будто бы законного выхода крестьян из 111 и в 112 год, «да по сказке волостных людей ис тое деревни (д. Кипровская) в 111-м году вышел крестьянин... Андрюшка Долгой с зятьями с Левкою да с Сенькою в Гедевской погост в Нюбиничи за Федора Лодыгина, да во 112-ом году с тое же деревни вышел крестьянин Андрюшка Яковлев с братом с Сергушкой в Ымоченский погост в Ширеницы за Григорья Белутова».[2]

Только задним числом власть повидимому решила расправиться с виновными, выделив из них тех, кто заслуживал снисхождения: указ 1 февраля 1606 года подчеркивает, что до 1601 г. крестьяне никакого права выхода не имели и с 1604 начиная таким правом тоже не пользуются. Но это вообще время было сомнительное. Указ Василия Шуйского 9 марта 1607 года еще считает возможным ругать Годунова, царя же Дмитрия он просто игнорирует.

На этом знаменитом указе необходимо остановиться: он заключает в себе слишком много ценного по данному вопросу, и кроме того вокруг него наросло много комментаторских наслоений. Недаром последний по времени исследователь вопроса кладет его в основу своего исследования.[3]

Сто шестьдесят лет тому назад академик Миллер издал посмертный труд В. Н. Татищева, известного общественного и научного деятеля Петровского времени: «Судебник царя Иоанна Васильевича...» Как всякий посмертный труд, печатавшийся без участия автора, он, конечно, грешит некоторыми неточностями, недоговоренностью, пропусками и т. п. неизбежными дефектами. Нужно сказать, что с точки зрения археографической это произведение Татищева-Миллера не изучено совсем, а между тем такое исследование могло бы обогатить нашу науку вообще и в частности дать много нового по отношению к указу 1607 г.

Для примера археографических приемов Татищева я приведу ст. 88 Царского Судебника и указ 1601 г. Ст. 88 Царского Судебника я сличал с напечатанным текстом в Актах Исторических, стараясь угадать и принять во внимание один из вариантов, бывших в распоряжении Татищева. Получилась следующая картина:

---

[1] Памятники хоз. истории Троице-Сергиевской лавры, т. II, стр. 6 и 50.

[2] Актовые книги Александро-Свирского мон. 1606 г. Правда, тут же попадаются и крестьяне, ушедшие в 1604 г., о которых говорится «сшел» и не указывается, за кого именно. Можно думать, что «сшел» здесь — «выбежал».

[3] Веселовский С. Б., Opus cit., стр. 205 и дальше.

А. И.	Татищев
и неделю по Юрьеве дни . . .	или неделю по Юрьеве дни . . .
А дворы пожилые . . .	А за дворы пожилые . . .
в полех . . .	в полях (в степи)
рубль два алтына . . .	рубль 6 копеек . . .
а в лесех, где 10 верст до хоромного лесу . . .	а в лесе, где за 10 верст хоромного леса довольно . . .
за двор полтина и 2 алтына . . .	за двор полтина и 6 копеек . . .
А который кр-н живет за кем год, да пойдет прочь . . .	А который кр-н за кем (вотчинником) живет год, да идет прочь . . .
а два годы поживет . . .	а два года живет . . .
а три годы поживет и он платит три четверти двора . . .	а за три года три четверти . . .
рубль и два алтына . . .	рубль и 6 копеек . . .
А за повоз имати со двора по 2 алтына . . .	. . . со двора 6 копеек . . .
и он с того хлеба или с стоячего даст боран 2 алтына . . .	и он с того жита [1] пожатого или стоящаго дает забором [2] 12 денег . . .
а покаместа . . .	а покамест . . .
в полную в холопи . . .	в полную в холопство . . .

Как видно, Татищев считал вполне допустимым подновлять текст путем изменения формы слов и замены одних слов другими, сокращать текст, передавать его смысл своими словами, непонятые им слова заменять казавшимися ему более понятными. Вольное обращение с текстом однако не искажало смысла текста: 88 статью Царского Судебника в передаче Татищева можно вполне узнать и понять так, как и в подлинной его передаче.

При издании Указа 1601 г. Татищев пользовался теми же приемами: 11 слов вставил новых, 6 слов заменил соответствующими другими: вместо «ноября, городовым, отказывати и возити, недели, два алтына:» написал: «новембрия, дворовым, отписывати, седмицы, 6 копеек», ошибочно написал 21-й день вместо 28, опустил несколько слов, по его мнению лишних, в титулах царствующего дома, вместо «отказывати и возити» написал только «возити», в другом месте пропустил «меж себя» при слове «возити», пропустил также несколько союзов, переставил несколько слов и допустил ряд изменений в форме слов. Но мысль текста и здесь передал совершенно точно. Отсюда можно сделать вывод, что Татищев, подготовляя к изданию тексты собранных им документов, старался сохранить точный смысл документа, но пользовался археографическими приемами, с нашей современной точки зрения неприемлемыми.

Эти наблюдения должны облегчить нам подход к интереснейшему документу, напечатанному только в издании Татищева и с тех пор никому нигде, ни в подлиннике, ни в современной копии, не встречавшемуся. Об указе 9 марта 1607 г. писали много. Карам-

[1] Жито вместо хлеба имеется в одном из вариантов.
[2] В одном из вариантов «заборон».

зин не без основания заподозрил его в подлинности на том основании, что его слог и выражения необыкновенны в бумагах того времни,[1] и с этой сомнительной репутацией указ живет до настоящего времени. Одни из исследователей все-таки находили возможным с разными оговорками пользоваться им, другие решительно от этого воздерживались. Нужно сказать, что с 80-х годов XIX в. в нашей науке создалась почва весьма неблагоприятная для реабилитации этого документа: он решительно мешал нашим ученым, отвергавшим участие государства в возникновении крепостных отношений. Направление, выросшее в качестве реакции против юридической школы Чичерина, своеобразно понимавшей и сущность и роль «государства» в эволюции общественных явлений, имело в своем лагере крупных представителей и долго пользовалось исключительным авторитетом. Формальная возможность опорочить силу этого документа спасала положение.

В. О. Ключевский однако признал, что «содержание самого указа с изменениями почти все вошло в «Уложение 1649 г.» Что же касается вводной его части, иначе «доклада», то он же заметил, что доклад в указе 1607 г. не подделка, а комментарий издателя, частью пересказ с его же пояснениями.[2] П. Н. Милюков, хотя и весьма мало использовал в своем объяснении возникновения крепостного права в России указ 1607 г., но отметил, что Татищев сделал оговорку, от внимания исследователей ускользнувшую, о том, что фразу «царь Борис Ф. те книги оставил и переход крестьянам дал, да не совсем, что судьи не знали, как по тому суды вершити» он, т. е. Татищев, прибавил сам.[3] В самое последнее время на защиту памятника выступил С. Б. Веселовский и пришел к следующему выводу: показания татищевского документа в о б щ е м и о с н о в н о м п о д т в е р ж д а ю т с я другими источниками, и следовательно, заслуживают полного доверия. Относительно «доклада» названный автор думает, что Татищев получил неисправный и неточный список, в котором доклад «подвергся сокращению и пересказу, быть может, тенденциозному по отношению к Борису Годунову и к «старейшим боярам». «Судя по его (Татищева) точности и издательской добросовестности вообще, можно думать, что он скопировал доставленный ему список дословно».[4]

С запасом наших наблюдений над издательскими приемами Татищева мы можем подойти и к указу 1607 г. На стр. 127 «Судебника» Татищев рассказывает, где он нашел текст указа. Среди материалов, списанных «точно» и сверенных с вариантом («свожено» и «поправлено») в архивах Казанском, Астраханском и Сибирском оказалось несколько документов «сих государей» (Ива-

---

[1] К а р а м з и н, История Государства Российского. Примечание к т. X. 349.
[2] К л ю ч е в с к и й В. О., Происхождение крепостного права в России.
[3] Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, под словом «Крестьяне».
[4] В е с е л о в с к и й С. Б., Opus cit., стр. 206.

на, Федора и Бориса). Болезнь помешала Татищеву сделать полную выборку «из тех немалых книг», и он «приобщил токмо полученые в быстность. . . (его) в Казани от любомудрого и хвалы достойного губернатора князя Сергея Голицына три «документа», среди которых последний и есть указ «Царя Василия Шуйского о беглых, как следует», т. е. тот самый, который помещается в книге Татищева. Он действительно состоит из двух частей: доклада и указа. Указ даже по стилю не вызывает никаких сомнений в подлинности и в содержании своем подтверждается целым рядом современных и последующих вплоть до Уложения царя Алексея документов. Доклад составлен частично в выражениях «необыкновенных в бумагах того времени», но только частично. Начало, например, не вызывает никаких сомнений: «Лета 7115 марта в 9 день государь ц. и в. к. Василий Иоаннович (в тексте безусловно было «Иванович»: Татищев всегда царей Иванов переделывал в Иоаннов. — *Б. Г.)* вся Руси с отцом своим Гермогеном патриархом (часть титула Татищев без сомнения выпустил. — *Б. Г.)* со всем освященным собором и со своим царским синклитом (совсем, как в постановлении собора 1580 г. — *Б. Г.),* слушав доклад Поместной избы от бояр и дьяков (тут начинается новый стиль. — *Б. Г.),*[1] что переходом крестьян (после 1601 г. — *Б. Г.)* причинилися великие крамолы, ябеды и насилия немощным от сильных (дальше идет историческая справка. — *Б. Г.)* чего-де при царе Иоанне Васильевиче не было, потому что крестьяне выход имели вольный, а царь Федор Иоаннович по наговору Бориса Годунова, не слушая совета старейших бояр, выход крестьянам заказал, и у кого, колико тогда было, книги учинил; и после от того началися многие вражды, крамолы и тяжи. Царь Борис Федорович, видя в народе волнение велие, те книги оставил и переход крестьяном дал, да не совсем, что судьи не знали, како по тому суды вершити. И ныне в том учинилися распри, и насилия, и многим разорения, и убивства смертные, и многие разбои, и по путям грабления содеяшася и содеваются». Трудно сказать, чья рука здесь работала, но мне представляется более вероятным, что именно Татищева, и вот почему. Когда Татищев комментировал указ 1601 г., то, остановившись над текстом «от налог и от продаж охраняя, велели крестьяном дати выход», он сделал следующее замечание, очень сходное с соответствующей фразой из «доклада» 1607 г. Он писал: «от продажи охраняя, то есть от судов, тяжей, ябед и наглых немощных от сильных разорений и грабленний». Таккак в подлинном докладе приблизительно в этих же выражениях, вероятно, характеризовалось создавшееся положение, требовавшее реформы, то Татищев свободно использовал их для своего комментария к указу 1601 г. и в пересказе доклада 1607 г. Что Татищев над этим местом много думал и работал, он говорит сам в тех же примечаниях к указу 1601 г. По его мнению закон 1601 г. «не ясен». «Для сего я некогда, — цитирую Татищева, — в с е т е

[1] Вероятно, Татищев начинает излагать суть доклада своими словами.

обстоятельства собрав, истолковал, и мое мнение представить желал, да вспомня пословицу... (он не дописал, какую именно. — *Б. Г.*) оставил». У Татищева в голове законы 1601 и 1607 г. были связаны; это видно и из примечания к «докладу» 1607 года. Тут Татищев написал фразу «Сие я на тот закон (1601. — *Б. Г.*) напомнил. И подлинно разумети было нельзя», которую можно понять, только сопоставив ее с примечаниями к закону 1601 г. Эти соображения заставляют меня притти к заключению, что В. О. Ключевский был прав, когда писал, что Татищев «изложил доклад своими словами и с собственными пояснениями», и что доклад в указе 1607 г. «не подделка, а исторический неудачный комментарий издателя». Весь вопрос заключается в том, чтобы разобрать, что именно принадлежит докладу, и что Татищеву, и что именно «неудачно» в его комментарии. А для этого прежде всего нужно внимательно рассмотреть самый доклад. Необходимо сознаться, что сделать это очень нелегко, и трудность эта происходит, как мне кажется, главным образом от своеобразного построения всего татищевского положения вообще и в употреблении терминов «переход» и «выход» в различных значениях.[1] В чем заключается доклад Поместной избы, переданный на обсуждение в Думу? А в том, что Борис Годунов запутал крестьянский вопрос, который сейчас требует радикального пересмотра. Но Татищев разрывает характеристику создавшегося положения вставкой, в которой он приводит историю вопроса от Грозного до Годунова. Сделать эту справку он мог в результате большой предварительной работы по собиранию и толкованию относящихся к сюжету материалов. Характеристика положения, надо думать, принадлежит докладу («переходом крестьян причинилися распри, и насилия, и многим разорения, и убивства смертные, и многие разбои, и по путем грабления содеяшася и содеваются»). Здесь разумеются выходные годы Годунова и их последствия, как мы в этом можем убедиться по указу 1602 г., где они весьма точно формулированы. Известно, что новый закон по своему вполне логично реагировал на этот доклад, указав «которые крестьяне от сего числа перед сим за 15 лет в книгах 101 (1592-3 году) положены, и тем быть за теми, за кем писаны»,[2] и установив штраф за прием беглого в размере 10 руб. за двор и за «одинокого мужика» с соответствующей мо-

---

[1] Если мы не учтем разницы в понимании Татищевым этих терминов, то получится, что право крестьянского выхода при Годунове стало источником беспорядков, а при Иване оно же было основанием общественного спокойствия. Между тем мысль как указа 1607 г., так и комментария Татищева сводится к тому, чтобы опорочить действия Годунова и подвести основания для закона Шуйского: здесь осуждается полумера Бориса, действительно способная запутать и без того сложную обстановку. В виду того, что «и ныне» продолжаются следствия этих полумер, новый закон решается на отчетливое прикрепление всех, занесенных в книги 1592 — 92 г.

[2] Мы знаем случаи возвращения обратно вывезенных после этого указа крестьян «по государеве ц. в. к. Васильеве грамоте», Памятн. хоз. истории Троице-Сергиевского монастыря, т. II, стр. 68. Однако этот закон действовал очень недолго.

тивировкой «не принимай чужого», которая потом неоднократно повторялась в официальных актах.

Татищев по расследовании вопроса вставил добытые им факты: при царе Иване Васильевиче таких безобразий-де не было, потому что выход крестьяне имели вольный, а потом царь Федор по наговору Бориса вопреки советам, и, как мы видели, и интересам бояр, крестьянский выход уничтожил, причем новому описанию (книги 1592-3 г.) придал значение крепостного документа, т. е. поступил совершенно так же, как и Василий Шуйский.[1] Затем Борис Годунов,«видя в народе волнение велие», хотел изменить порядок, до него заведенный, но своими мерами только осложнил дело. Так изображали вопрос в Думе перед Василием Шуйским. Причем, в угоду новой династии, даже преувеличивали совсем немного: в указе 1602 г. это волнение изображено в красках тоже достаточно ярких. Итак, что же здесь собственно «неудачного»? Если не считать за весьма неудачный прием комментирования документа путем разъясняющей его смысл вставки, хотя бы в особом примечании и оговоренной, то мало удачной нужно признать форму исторической справки, слишком суммарной и не всегда согласованной с текстом доклада. По существу же справка оказывается сделанной более или менее точно, и вновь открытые документы и наблюдения нескольких современных нам исследователей приводят к тем же самым выводам.[2] Разница только в том, что первые «заповедные годы», первый акт запрещения крестьянских переходов в XVI в., мы имеем от 1581 г., то-есть как будто не Федор Иванович, а его отец «выход крестьянам заказал». Это единственное разногласие, которое у нас имеется. Оно может быть объяснено тем, что Татищев, не зная ни «Уложения» Грозного, ни заповедных годов, а имея перед собою, вероятно, какие-нибудь сведения о распоряжениях Федора Ивановича по крестьянскому вопросу, до нас не дошедшие, может быть именно 1592 года, сделал свой собственный научный вывод и вставил его в текст издаваемого им закона, что и оговорил в примечании к указу 1601 г., как мы это видели. Во всяком случае разногласия между всем, что нам известно, и тем, что сообщает Татищев, очень незначительны и не принципиального, а скорее хронологического характера. Добытый таким путем результат оправдывает проделанную работу по обследованию татищевского издания и дает

[1] От 1592/3 гг. мы имеем ряд описаний земель преимущественно вотчинных. Есть также основание думать, что в этот срок затевалось большое описание земель, неизвестно, в какой мере, осуществленное: в ввозной грамоте от 11 марта 1593 г. на пустошь, что б. сельцо Ярышево, Суздальского уезда сказано: «и вы б все крестьяне, которые в той пустоши... учнут жити... (своих помещиков) слушали, пашню на них пахали... до тех мест, как тое пустошь писцы наши или большие мерщики опишут, и измерят, и учинят за ними пашни по нашему указу». (Описание документов и бумаг М. Архива Мин. Юст. т. I. Акты Калачева, т. I, стр. 75).

[2] Эту же точку зрения с некоторыми отклонениями разделяют С. Ф. Платонов, С. Б. Веселовский, М. Н. Покровский, И. И. Полосин и А. Е. Пресняков.

*

возможность проверить те положения, которые такими большими усилиями удалось получить науке за последнее время.

Татищев, имевший в руках ценнейший по данному вопросу материал, сейчас нам недоступный, подтверждает положение о том, что выход крестьянам был «заказан», а не замер сам собой.[1] Акт, о котором говорит Татищев, надо думать так или иначе связан с указом о заповедных годах.

Это была мера, которая давала служилому человеку возможность отстоять свои хозяйственные и общественные позиции в борьбе с крупными землевладельцами светского и церковного характера в момент разложения старых феодальных отношений в деревне. Как ни ясно бросается в глаза союз царя с этим классом средних и мелких землевладельцев, но очевидно не легко было совсем оторваться от прошлого: мы не видим решительных действий власти в этом вопросе, и для того, чтобы временная мера превратилась в постоянную, понадобился некоторый срок, по истечении которого в общественных низах все еще не было полной уверенности в незыблемости нового порядка. Есть основание думать, что и правящие круги не всегда были тверды в этом отношении. Об этом говорит ряд фактов. В 1608 г. казанский Илантов монастырь просил царя Василия переписать на его имя их старую грамоту от 1574 г. Грамоту переписали, но то место, где говорилось в крестьянских переходах по Судебнику 1550 г., написали по-новому: «которому крестьянину случитца поити за монастырь из-за кого ни буди в выход в незаповедные лета»... Очевидно, даже в 1608 г., то-есть после указа 1607 г., дьяки, составлявшие грамоту, считали выходные годы мыслимыми. В наказе 1610 г. от имени королевича Владислава С. Левшину для управления Чухломой предписывалось крестьян «беречи... от продаж и от насильств, и крестьян из-за государя никуда не выпускать, и самому не вывозить ни от кого» «до государева указу».[2] В том же году в отошедшей от Москвы к шведам новгородской территории особое новгородское правительство говорит тем же языком: в наказе Вельяшеву для управления дворцовыми волостями указывалось «крестьян из тех погостов никуды не выпущати и возити их из-за государя никому не давати, а за государя в те погосты крестьян до государева указу ни из-за кого не возити, опроче вольных людей».[3] Грамота на вотчину Юсуповым 22 авг. 1610 г. данная от имени Тушинского царя, подтверждает право вотчинника не выпускать крестьян, а ушедших отвозить обратно.[4]

Все эти напоминания как будто бы делаются излишними после указа 1607 г., но факты говорят о том, что заинтересованные в сохранении нового порядка владения крестьянами группы ста-

[1] О роли государства в этом процессе см. также Покровский М. Н., Марксизм и особенности исторического развития России, стр. 84.

[2] Древ. Росс. Вивл., Изд. 2-е, т. XI, стр. 368—369.

[3] Д. А. И., т. I, стр. 296.

[4] О роде кн. Юсупова, ч. II, стр. 122.

раются получать специальное подтверждение своих прав. Объясняется это характером переживаемого момента: время, когда не было ничего прочного, когда революция угрожала уничтожить вчерашнего победителя и все его распоряжения, делает вполне понятным недоверие к законам, издаваемым сомнительными царями вообще и Василем в частности. Есть основание думать, что указ этот действительно предан был забвению, и отдельные его части восстанавливались по требованию заинтересованных общественных групп новыми законодательными актами. И это обстоятельство особенно интересно. Права землевладельца на крестьян, возникшие задолго до закона 1607 г., не возбуждали сомнений новых представителей власти и решительно подтверждаются и в Москве, и в Тушине, и в отошедшем к Швеции Новгороде. Несмотря однако на дальнейшую судьбу этого «соборного уложения», оно для нас представляет выдающийся интерес в качестве показателя направления развивающихся отношений. Согласно смыслу этого закона крестьянин находится в полном распоряжении у своего господина и трактуется вместе с холопом: «А которые после сего Уложения крестьяне, или холопи, или раба побежит...» «А примут чьего холопа, или крестьянина, или рабу...» «А государю искати своего холопа, и рабу, и крестьянина в 15 летах от побега...» и т. п.

Опасение эмансипаторской политики со стороны нового царя-иноземца (Владислав), который мог повторить опыт Бориса Годунова, вылилось в форму особого соглашения с польским королем Сигизмундом. Перед опасностью восстания деревенских низов боярство и дворянство нашло общий язык, и, как говорит М. Н. Покровский, «правнуки Пересветова соглашались теперь всю власть отдать «ленивым богатинам», лишь бы удержать свое социальное положение. Последнее и гарантировалось договором... Бояре, становясь московским правительством, формально обещали от лица царя Владислава «жалованье давати из четверти по всякий год, по прежнему обычаю»... А относительно рабочих рук приходилось принимать особые меры предосторожности: теперь в конкуренцию могли бы оказаться вовлеченными и землевладельцы соседней Литвы. Оттого договор и определял: «торговым и пашенным крестьяном в Литву из Руси и из Литвы на Русь выходу не быти, также и на Руси промеж себя крестьянам выходу не бытъ»,[1] а холопы должны попрежнему оставаться в холопстве.[2] Соглашение состоялось 17 августа 1610 г., и в ноябре того же года Владислав, как мы видели, уже давал наказ Левшину, где о запрещении крестьянского выхода говорилось весьма вразумительно. От 15 мая 1611 г. мы имеем жалованную грамоту Сигизмунда Якову Маржерету на вотчину, и в грамоте этой прописано: «ему капитану... тою вотчинною владети, крестьянам его слушать во всем, пашню на него пахать и доход

[1] А. А. Э., II, стр. 284. Покровский М. Н., Русская история, т. II, стр. 65.
[2] Платонов, С. Ф., Лекции. Изд. 10-е, стр. 275.

ему всякой платити, да *крестьяном* же из-за него за бояр наших, и за окольничих, и за дворян и за детей боярских, и за патриарха, и за монастыри *не выходить* и никому их *не вывозити*». Вышедших велено возвращать к старому владельцу.[1] Собравшись под Москву вместе с казаками в самую критическую минуту 30 июня 1611 г., дети боярские приговорили «крестьян и людей по сыску отдавать назад, старым помещикам». Династия Романовых не внесла в эту сторону дела ничего нового: после «Смуты» в официальных актах уже нет указаний ни на выходные ни на заповедные годы. Крестьянская крепость успела установиться совершенно прочно. Да и могло ли быть иначе, если почти во всю первую четверть XVII в. были налицо все основные предпосылки, вызвавшие к жизни в свое время отмену крестьянских переходов и перевозов в XVI в.?[2] К 20 годам XVII в. мы видим «аграрный кризис» в больших размерах, чем в 70-80-х гг. XVI в., вопрос о материальном обеспечении служилого человека острее, чем тогда, и его политическое положение достаточно прочным. Те же знакомые нам картины: сокращение пашни, рост перелога, количественное уменьшение тяглоспособного крестьянина и умножение числа бобылей.

Правда, аграрный кризис ликвидировался быстрым темпом, но получивший в свое распоряжение крестьянские руки землевладелец не только не склонен был отказываться от них, но обнаруживал явную тенденцию к расширению на них своих прав.

III. БОРЬБА ПОМЕЩИКА ЗА ОТМЕНУ «УРОЧНЫХ ЛЕТ».

Борьба за отмену «урочных лет» есть второй этап борьбы за прекращение разорительной для землевладельцев игры в крестьян, которая не прекратилась и после отмены Юрьева дня, а приняла лишь новые формы. Тут же назревал еще один вопрос — это освоение поместья, превращение его в вотчину: «Мало-по-малу... закреплять за собою имение стало такой же привычкой землевладельца, как и закреплять крестьянина».[3] Несмотря однако на то, что по вопросу о прекращении крестьянских выходов, о закреплении за собою крестьянских рабочих рук средний и мелкий служилый человек достиг полной победы, плоды которой ему удалось сохранить в самое опасное и трудное время, это было еще не все, что требовалось помещику. Когда крестьянину приходилось плохо, он находил выход из положения в бегстве, находились также и люди, которым эти побеги были наруку.

Дети боярские после «Смуты» жалуются и на бегство крестьян и на то, что беглые находят себе прием у «сильных людей всяких чинов», которые в целях их сокрытия в течение урочных лет «отвозят беглых крестьянишек.... в дальние свои поместья и вот-

---

[1] Акты Западной России, т. IV, стр. 409—410.

[2] Готье, Ю. В., Замосковный край в XVII в.

[3] Покровский М. Н., Русская история, изд. V, т. II, стр. 106; Готье Ю. В., Замосковный край, стр. 390—392.

чины, надеючись на... государевы на указные годы на 5 лет». «И как твои государевы указные годы выйдут, пишут помещики, и оне привозят тех... беглых крестьян и людишек в ближние свои поместья и в вотчины, которые их поместья с нами... смежно..., и достальных наших крестьянишек... подговаривают. И обида й продажа великая нам, холопем твоим, от них в их больших поклепных искех...»[1] Это новая сторона дела. Служилому человеку нужно было одержать победу и здесь.

Мы видели, что после 1607 г. уже не было речи о выходных годах; после «Смуты» в официальных актах нет указаний ни на выходные ни на заповедные годы. Внимание служилого человека теперь сосредоточено на вопросе отмены «урочных лет». «Заповедные годы» мыслились как запрещение крестьянских отказов «без урочных лет», т. е. без всяких исковых сроков о беглых. Можно было возвращать беглого в любой момент, когда бы ни нашел его хозяин. Такой порядок вполне удовлетворял служилого человека. По крайней мере об этом времени у него сохранились самые приятные воспоминания. В челобитьи 1637 года служилые люди просят отменить «урочные годы, — пять лет», пожаловать их «вечным» государевым жалованьем, «как было при прежних государех». В челобитьи 1641 г. они же писали так: «в прежних-де годех и при прежних государех в тех беглых крестьянех урочных лет не бывало».[1] В другом варианте того же челобитья мы имеем к этой фразе существенное дополнение: «крепки им крестьяне были по поместным дачем и по писцовым книгам и по выписям, кому кто старее в дачех».[2] Вот этого именно помещики и хотели теперь и писали об этом прямо в челобитьи, чтобы «урочные лета... отставить, а тех... их беглых крестьян отдавати по поместным их дачем и по писцовым книгам и по выписям, кому хто чем крепок».[3] Когда же произошло досадное для служилых людей событие, которое дало некоторую компенсацию крупным землевладельцам за «заповедные годы»? Это было в 1597 г. Об этом законе писали очень много, но главным образом с определенной целью выяснить отношение этого указа к «прикреплению» крестьян. Для нас эта сторона дела отпадает, так как «прикрепление» мы имеем возможность рассматривать по материалам, более содержательным и надежным, и в данном случае нас интересует вопрос о введении пятилетней исковой давности на беглых крестьян. В. О. Ключевский разошелся в данном случае с детьми боярскими первой половины XVII века: они считали, что пятилетней давностью исков обязаны именно этому закону, и едва

---

[1] Смирнов П. П., Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVII в. Чтения М. О. И. и Д. Р. 1915 г., кн. 3. стр. 38, 39, 42.

[2] А. И. III № 92. С. В. Рождественский по этому поводу заметил „трудно объяснимым представляются заявления челобитья, что «в прежних-де годех и при прежних государех... (дальше идет текст). Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому. Примечание на стр. 157. Если иметь в виду схему Ключевского-Дьяконова, то с автором нельзя не согласиться.

[3] Смирнов П. П., Opus. cit., стр. 43.

ли ошибались, так как официальный писцовый наказ 1646 г. тоже совершенно ясно об этом говорил: «Во 106 году ноября в 24 день блаженные памяти царь и в. к. Федор Иванович всея Руси указал и бояре приговорили: беглых крестьян патриарху и властем, и монастырем, и бояром, и всех чинов людем по суду и по сыску отдавать с женами и с детьми и со всеми их животы за пять лет».[1] Такое понимание указа детьми боярскими в XVII в. В. О. Ключевский считает «экзегетическою вольностью» и сам предлагает иное толкование указа: «то, что установил закон, говорит он, можно назвать давностью, но только временной и обратной: она простиралась лишь назад, не устанавливая постоянного срока на будущее время.[2] С этим согласиться трудно: бежавших, например, от помещика, мурзы Шейдякова крестьян («от литовского раззорения и от воровские войны разбрелись») в 1614 году царской грамотой было велено разыскивать, «сколь давно они... вышли и много ль за тем живут, за кого вышли: больши ль 5-ти лет или меньше. В первом случае крестьяне остаются на своих новых местах, во втором — «велено отдавать» их мурзе, «сыскивая допряма накрепко».[3] В виду того, что и все известные нам факты подкрепляют точку зрения детей боярских, придется и нам примкнуть к их пониманию этого указа. Обычно к его объяснению привлекается тень Сперанского, который будто бы лучше других понял настоящий смысл указа. Действительно, Сперанский указал на главную суть этого закона: указ по его мнению касается исков о беглых крестьянах: иски об их возврате до сих пор были «бессрочные», как он полагает, указ же 1597 г. «отсек все иски, возникшие за пять лет перед тем, и дал ход тем только из них, кои были не старее сего срока».[4]

На самом деле указ не отсек возникших за пять лет исков, так как в нем прямо сказано, что иски, уже возникшие, должны быть рассмотрены, независимо от срока их возбуждения, а на будущее время действительно ввел пятилетнюю исковую давность и положил таким образом начало «урочным годам». С. Ф. Платонов совершенно справедливо указал на то, что этой мерой смягчалось применение меры, установившей «заповедные лета»: «нарушивший заповедь и убежавший в неуказаные лета крестьянин получал возможность остаться на новом месте, если со времени его ухода истекало пятилетие».[5] Если мы вспомним, что за таким крестьянином часто стоял крупный землевладелец, законом о заповедных летах лишенный права на собственные средства «окупить» себе крестьянина, то мы легко поймем, что закон 1597 г. есть уступка именно этой группе землевладельцев. Так ее и понимали дети

[1] А. А. Э., IV. стр. 24.

[2] Ключевский В. О., Происхождение крепостного права в России.

[3] Моск. Древлехран. Татарские дела, Кор. 1, столбец 1 — 2.

[4] Сперанский М. М., Историческое обозрение изменений в праве неземельной собственности и в состоянии крестьян, «Архив исторических и практических сведений», 1854, № 2.

[5] Платонов С. Ф., Борис Годунов, стр. 77.

боярские, перед которыми встала новая задача защитить себя от своего противника и с этой стороны. Требования об отмене урочных лет делались все настойчивее по мере того, как положение помещика становилось сложнее и затруднительнее, а политический момент более благоприятным. Дело в том, что с того времени как крестьянские переходы были формально запрещены, стало очень трудно «называть» себе крестьян, а без них земля теряла всякую ценность. Обеспечением службы служилого человека естественно становится не столько земля, сколько «крестьянские дворы». Вопрос о населенности вотчины и поместья делается до чрезвычайности острым. С конца XVI в. главное внимание отдельщиков обращено на крестьянские и бобыльские дворы, с перечисления коих и начинаются «отдельные книги», а затем уже отмечается количество отделяемой земли: раздел земли стал второстепенной операцией по сравнению с разделом дворов. В 1625 г. вологодские помещики жаловались: «а дачи за нами... небольшие, и в оклады нам не сполнено, а на 80 по 3 крестьянина, а на 50 по 2 крестьянина». В 1627-28 гг. бил челом помещик В. Шайдуров на то, что в его отсутствие отдельщик отделил другим помещикам «наперед лутчих крестьян выбором с семьями и сыновьями» и отнял у него усадебный двор с крестьянином и четырьмя взрослыми сыновьями, которые его (помещика) «поили и кормили и на службу помогали».[1]

В связи с этим явлением, конечно, стоит и давно уже всем известная замена писцовых книг переписными, где на первый план вместо земли выдвинута живая крестьянская рабочая сила, и введение так называемой дворовой четверти. С 1620 г. в разное время для разных городов стали издавать указы, «по чему крестьян и бобылей в живущую пашню на четь класть». Помещики становятся на ту точку зрения, что они служат с крестьян, а не с земли, и правительство с ними соглашается: в 1633 г. перед отправлением в Смоленский поход служилые люди обратились к царю с просьбой выдать им жалованье, так как они бедны, и им «с наличного количества крестьян подняться и на службе быть не мочно». На это последовал приговор: выдать государева жалованья беспоместным и пустопоместным — по 25 рублей, у кого до 15 крестьян — 20 рублей, а за кем больше 15 крестьянинов, и тем жалованья не давать».[2] Подготовлялся переход исчисления достатка помещика на цифру крестьянских душ. При таких обстоятельствах совершенно понятно, что служилые люди проявляют большую нервность в вопросе о беглых крестьянах. Нельзя забывать, что отсутствие помещика из поместья, а это для служилого человека XVII в. было явлением обычным, очень удобное условие для крестьянских побегов, находивших, если верить дворянским

---

[1] Материалы для истории делопроизводства Поместного приказа по Вологодскому у. в XVII в., собран. В. Н. Сторожевым, в. I. стр. 34, 38. 90. Цитирую по Тхоржевскому, Opus. cit., стр. 94.

[2] Тхоржевский С. И., Opus cit. стр. 95—96.

челобитным, частое поощрение и во всяком случае благоприятную обстановку. Исследователь этих челобитных не мог не отметить, что в 1637 г. (к этому году относится одна из известных нам челобитных) «дворян и детей боярских разных городов занимал в сущности один вопрос крестьянский».[1] Иначе не могло и быть, когда «сильные люди всяких чинов тем их беглым людем и крестьянам на пустых местах слободы строят», или «отвозят... в дальние свои поместья и в вотчины», надеясь по истечении пятилетнего срока владеть нелегально полученной рабочей силой уже на самом законном основании, а между тем, жалуются дети боярские: «в пять лет мы... тех своих крестьян и людишек за твоею государевою беспрестанною службою и за московскою волокитою проведать не можем, а на них (сильных) не можем и суда добитца. А хто и суда добьетца, и мы... волочимся за судными делами на Москве в приказех лет по 5 и по 10 и больше»...[2] Таким путем «беглые крестьяне из лет выходят».

Дело розыска беглых осложнялось для потерпевшей стороны еще тем, что нужны были средства для собирания сведений о том, куда девался беглый крестьянин. Богатейший Троицкий-Сергиев монастырь, например, конечно, мог поставить у себя эту часть образцово, но кто был победнее, тому сделать это было трудно. Троицкий монастырь, например, прекрасно знал не только когда именно, куда и откуда сбежал его крестьянин, но и имел возможность следить за его биографией после бегства: ему известно, например, что беглую из приселка Тумы монастырскую крестьянку, вдову Зиновия Первушина, новый ее хозяин, «хотя тою Троицкого крестьянкою завладеть, дал (замуж) за прихожего человека за Ивашка Сергеева, прозвище Девулютова, четвертой год»;[3] известно также, что монастырский крестьянин Тимошка Чюпыш из приселка Колычева, «своровав, збежал, покиня жену свою Ульянку, да женился на иной жене у сына боярского у Демида Петраковского, а из-за того Демида ныне живет за Григорьем... А выбежал из-за Троицкого монастыря 9 годов»[3] и т. д. и т. д. Для того, чтобы наблюдать, собирать и хранить сведения о своих крестьянах, нужна была настоящая организация, совсем недоступная провинциальному сыну боярскому. Неудивительно, что этот богатейший монастырь в самый разгар хозяйственной разрухи, лишь только установилась власть, к которой можно было обратиться с челобитьем, бьет челом царю Михаилу Федоровичу о разрешении сыскивать беглых своих крестьян за 9 лет.[4] Монастырь 22 февраля 1614 г. получил просимое; форменная бумага была в руках, но это еще не значило, что дело приняло желательный для монастыря оборот, и ровно через год монастырь опять

---

[1] Смирнов П. П., «Чтения М. О. И. и Д. Р.» 1915, III, стр. 7.
[2] Памятники хоз. и соц. истории Московск. Государства, т. II, стр. 66.
[3] Ibidem, стр. 78.
[4] Как видно из этого факта и из дальнейшего течения вопроса, закон 1607 г., установивший 15-летнюю давность исков, действительно не выполнялся, (см. стр. 85).

обратился к царю с той же просьбой, указывая на то, что в прошлом году некоторые из командированных для указанной «свозки» «дворяне и дети боярские, поимав наказы, разъехались по домам, а крестьян троицких не свозили», иные из них оказались исполнительнее, но результат был тот же, потому что те, у кого троицкие крестьяне жили, «многие учинилися сильны, тех... крестьян вывозить им за себя не дали, а которые были вывезены, и они тем крестьянам хлеба не дали, и те крестьяне к ним к хлебу опять выбежали, а иных к себе насильством поимали». [1] Дело серьезно не клеилось. По новому челобитью монастыря царь поручал это дело уездным воеводам, дьякам и приказным людям. Теперь розыск пошел лучше, но далеко не блестяще. Одни из землевладельцев отвечали вежливо в роде «думного дворянина Кузьмы Минина», который заявил свозчикам: «мне-де тех троицких крестьян без государева указу не отдавать, потому, что теми крестьяны государь пожаловал меня», другие поступали иначе: князь Роман Петрович Пожарский «учинился силен» и, «скопяся против государева указу великим скопом, да свозчика... и троицких крестьян, которые с ним (свозчиком) приеждяли, хотели побити до смерти и впредь к себе для тех троицких крестьян въеждяти не велел: государева-де мне указу не слушивати». [2] Несмотря на то, что такие случаи свозчиком аккуратно регистрировались и неукоснительно «о том писано бывало государю», случаи повторялись часто.

С другой стороны к царю посыпались жалобы от дворян и детей боярских «многих» на то, что в троицкие вотчины «возят их старинных крестьян, которые жили за ними двадцать лет и больши. [3] Обнаружилось, что Троицкий монастырь решительно не пользуется симпатиями служилого человека, который вставил его в синодних своих врагов в челобитьи 1641 г.: среди бояр, митрополита, архиепископов, епископов, монастырей и пр. пр. выделен Троице-Сергиев монастырь. [4] Царь обещал издать какой-то новый указ относительно своза троицких крестьян, но почему-то этого не сделал. Все это показывает вообще сложность и трудность предприятия и особенно в обстановке, насыщенной отголосками еще не улегшейся революции. Однако монастырь продолжал действовать, и его настойчивость объясняется, конечно, теми рессурсами, которые позволяли ему организовывать дело на широкую ногу. [5] Среднему служилому человеку это дело было недоступно. Он тоже не прекращал своих действий, но они были направлены несколько в другую сторону: он хотел возвращения того старого порядка, когда никаких урочных лет не было, а крестьяне ему были крепки по писцовым книгам или другим до-

[1] Памятники хоз. истории Троицко-Сергиевского монастыря, т. II, стр. 22. Указ 18 февраля 1615 г.

[2] Ibibem, стр. 41.

[3] А. А. Э., III. № 66.

[4] А. И., III № 92, XXXIII.

[5] Так же действовал и монастырь Иосифов Волоколамский. Соловьев С. М., История России, кн II, стр. 1348.

кументам. Вот чего ему было нужно. Но по тактическим соображениям он требовал пока лишь уравнения своего положения с Троицким монастырем. Служилые люди замосковных и украинских городов воспользовались тем, что им предписано было «для государева и земского дела» послать в Москву к Рождеству 1636 г. из своей среды «лучших и в уме неоскудных людей», послали вместе с ними и свое коллективное челобитье, которое в феврале следующего года и было удовлетворено. О том же и с таким же результатом просили служилые люди — иноземцы. В челобитьях детей боярских излагались те разорительные для них затруднения, которые им приходилось испытывать от сильных людей, принимающих к себе их беглых крестьян, а часто просто их сманивающих. Из их челобитных видно, что у заинтересованного в приобретении рабочих рук богатого человека кроме легальных имелось в распоряжении несколько нелегальных средств: 1) скрывание беглых в отдельных своих владениях в течение пяти, а позднее десяти лет; 2) организация при помощи денег «волокиты» в Москве; [1] 3) сговор с беглыми крестьянами, легализированными по истечении урочных лет. Это последнее средство в челобитных изображается так: отсидевшие в медвежьих углах урочные годы беглые крестьяне переводятся на места, смежные с владенями детей боярских, и, «дружа» своим новым хозяевам, агитируют среди «достальных» крестьян служилого человека, которые до сих пор сидели смирно, а сейчас обнаруживают стремление сбежать, часто под вымышленными именами, «оттягиваясь от писцовых книг». Действуют они также и другим способом: своих земляков пишут в писцовые книги и в ссудные записи заочно.

Нужно сказать, что закон, запрещая прием беглого и его вывоз, делает различие между этими преступлениями: по указу 1642 г. беглый подлежит возвращению за 10 лет, а вывозной за 15: «не называй беглого крестьянина вывозным». Как мы видим, старая борьба за рабочие руки не улеглась, изменилась лишь обстановка. [2] Чувство раздражения против сильных людей, о котором писал С. В. Рождественский, находит себе полное объяснение. В 1641 г. от дворян и детей боярских «всех городов», собранных в Туле для службы, подано было новое челобитное на ту же старую тему, имевшее очень небольшой результат. Указом 9 марта 1642 г. срок исков доведен до 10 лет и распространен на всех землевладельцев вообще. Служилые люди, однако, на этом помириться не могли, и в год смерти царя Михаила они опять из Тулы со службы подают более резкое заявление о том, что «от служеб обедняли, и одолжали великими долги, и коньми опали, и поместья их и вотчины опустели, и домы их оскудели и разорены без

[1] Техника этого способа действий оказалась чрезвычайно живучей и между прочим прекрасно изображена в Записках Болотова, писанных 100 слишком лет спустя, где автор повествует и о своих собственных предприятиях того же рода.

[2] Что жалобы детей боярских не преувеличены, см. доказательства у Бахрушина С. В. Сборник статей в честь М. К. Любавского, стр. 761 и др.

остатку от войны и от с и л ь н ы х л ю д е й». Этим они мотивировали просьбу «урочные лета отставить». Под Тулой в этом году стояло ополчение служилых людей под начальством князя Черкасского. Здесь оно присягнуло молодому царю и отсюда и обратилось к нему с указанной просьбой. И опять ответ последовал отрицательный: «той статье о крестьянах быть по уложению прежних государей и, как учинено при его государеве отце, ... царе и в. к. Михаиле Федоровиче..., во 149 году, что перед уложением прежних государей прибавлено пять лет и учинено вдвое 10 лет». (Указ 19 октября 1645 г.). Едва ли такое решение могло способствовать успокоению служилой массы. Очень скоро после этого отказа по причинам, о которых можно догадываться, дело приняло иной оборот. В следующем году (1646) писцам, отправлявшимся для составления переписи, дана была инструкция: «где наедут пустые дворы, и учнут им помещики и вотчинники сказывать, что от них из тех дворов крестьяне и бобыли побежали, и им о том расспрашивать подлинно и писать тех крестьян и бобылей, и их детей, и братью, и племянников с отцы и с прозвищи, кто в котором году выбежал в у к а з а н н ы е 10 л е т, а далее 10 л е т н е п и с а т ь...; а как крестьян и бобылей дворы их перепишут, и по тем переписным книгам крестьяне и бобыли, и их дети, и братья, и племянники б у д у т к р е п к и и б е з у р о ч н ы х л е т».[1] Все-таки власть стояла на своем и с указных 10 лет не сходила, но почему-то однако решила высказать обещание, что желание дворян и детей боярских будет исполнено.

Нужно ли было этими словами успокоить дворян и детей боярских подобно тому, как два года спустя та же власть в своем обещании говорила о том, что во всем Московском государстве «суд и расправа» будет «во всяких делах всем ровна», мы точно не знаем. Нам известно только, что дворяне и дети боярские этому обещанию не поверили, и в 1648 г., когда опять зашаталась Московская земля, и явно встал призрак революции, они снова уже вместе с дворянами и жильцами московскими обратились с новым челобитьем к царю о том, что, бывая на царских службах «по вся годы», лишены возможности в течение 10-летнего срока бороться с сильными людьми в деле возвращения своих беглых. Еще и еще раз они рассказали повесть о своих злоключениях и требовали: 1) полной отмены урочных лет, 2) запрещения принимать беглых и налажения наказания за нарушение запрещения, 3) пытки для убежавших под чужим именем крестьян.[2] С. В. Рождественский совершенно справедливо указал на то, что «это тре-

[1] А. А. Э., IV, стр. 26.

[2] «...впредь бы беглых крестьян примати никому не велети; а кто учнет чужих крестьян и бобылей вперед за себя приимать, и нам бы (государю) велети тем людям за то учинити наказанье, чтоб в нашем Московском государстве промеж всяких чинов в том ссор и продаж не было; а которые-де крестьяне, оттягиваясь от писцовых книг, имена свои переменивают, и дети отцов своих отпираются, и тех бы крестьянских детей указали мы во крестьянстве пытать». А. И. IV, № 30.

бование. . . придает челобитью 1648 г. значительно более радикальную окраску сравнительно с предшествующими». В новой обстановке собора 1648-49 г. это челобитье имело успех и было удовлетворено полностью: XI глава Уложения, особенно статьи 2, 3 и 22 ответила на все эти пункты совершенно в том смысле, как требовали этого служилые люди, и сделала из этих основных положений соответствующие выводы. XI глава Уложения — блестящая победа помещика, итог его полувековой борьбы за отмену урочных лет.

Ведь политическое выступление служилого человека в 1648 году есть ответ на создавшееся положение в ближайшее время после ликвидации «Смуты». Нельзя забывать, что «уже на другой день Смуты началась настоящая оргия крупных земельных раздач, своего рода реставрация того, что уничтожило когда-то опричина».[1] В этих условиях не удивительно, что власть оказалась снова в руках тех, с кем не мог мириться служилый человек. Не удивительно, что современникам июньские дни 1648 года в Москве представлялись днями расчета с боярством и думными людьми, и что служилый человек считал царской «милостью» правительственные распоряжения, направленные против врагов служилого класса.[2]

Эта борьба помещиков за отмену урочных лет имеет для нас и другой особый интерес: ее детали служат проверкой наших основных выводов относительно времени отмены крестьянских отказов. Если бы правила Судебника о крестьянском отказе не были отменены в свое время, и новое положение не успело бы привиться в жизни, то неужели помещик первой половины XVII в., с такой настойчивостью отстаивающий свои интересы, не потребовал бы самого главного и основного — запрета крестьянского выхода и вывоза? Если об этом он ни одним намеком не обмолвился в своих челобитных, значит, с этой стороны для него все обстояло благополучно, и свое внимание он направлял на следующую позицию, которую намерен был бы взять и после долгих усилий, наконец, взял.[3]

---

[1] Покровский М. Н., Русская история, II, стр. 102. Один из героев этого времени князь Артемий Шейдяков даже воскресил у себя в имении старых послужильцев, раздав от себя «своим служилым татарам деревни в поместья». Соловьев С. М., История России, т. II, стр. 1350.

[2] Бахрушин С. В., «Московский мятеж 1648 г.» Сборник статей в честь М. К. Любавского, стр. 757—763 и др.

[3] Мы имеем довольно редкий тип «порядной» (в строгом смысле слова это договор найма личных услуг) 1640 г., где ярко изображены права землевладельца на своего крестьянина, уже прочно существующие за 8 лет до Уложения Алексея Михайловича: вольный человек поряжается во крестьяне на изделье, т. е. на крестьянскую барщинную работу, но желает сохранить за собой свою вольность, для чего он и оговаривает все, что он предвидит опасного на этом пути: землевладелец обязуется „не называть (его) старым своим крепостным крестьянином, ни поместным, ни купленным, ни поступным, ни выменным, ни закладным, ни найденышем своим, ни вскормленником своим»; „во крестьяне ни в холопи (его) не крепить, ни на сени не брать, ни в приданые, ни в даные, ни в поступные, ни продавать, ни променивать, ни в заклад закладывать», «сильно ...не кре-

Важно также отметить и еще один момент, который до сих пор не разгадан в нашей науке. Это известное место в Уложении гл. XI, ст. 3 «...по нынешней государев отказ государевы заповеди не было, что никому крестьян не приимати, а указаны были беглым крестьяном урочные годы». Неизбежно, конечно, напрашивается сопоставление этого места с требованием служилых людей в челобитьи 1648 г. Там ведь стоят оба пункта и отмена урочных лет и заповедь о неприеме беглых в качестве desiderata. В Уложении мы видим их исполнение. Тут все согласовано. Между челобитьем и Уложением никакого противоречия не имеется. Поэтому самое легкое и наименее удовлетворительное объяснение этого места в Уложении это то, которое утверждает, что «ссылка Уложения, будто бы до его издания не было установлено государевой заповеди о неприеме беглых крестьян, совершенно неправильна».[1] Не могло Уложение, выдержавшее несколько современных изданий, не исправить грубой ошибки, если она имела место, не могли и дети боярские требовать так упорно того, что у них уже давно было, не могла и власть, к которой они обращались с требованиями, не указать им на это обстоятельство. Стало быть нужно искать другого более правдоподобного объяснения.

Мне кажется, что если мы вспомним судьбу указа 9 марта 1607 г., который потерял свое значение вместе с низложением его автора, и что служилым людям после «Смуты» при новой династии пришлось начинать сызнова борьбу за отмену урочных лет и за признание бегства уголовным преступлением, если мы вспомним, как упорно велась эта борьба, и как часто власть ограничивалась одними только обещаниями, тогда нам эта фраза Уложения будет больше понятна. Ведь кроме указов 1607 и 1642 гг., как на прецеденты Уложения в этом отношении, больше ссылаться не на что. Для решения вопроса необходимо проследить судьбу указа 1642 г.: ведь почему-то служилые люди не нашли возможным с ним считаться, как с законом, и потребовалось новое их энергичное выступление для того, чтобы Уложение вписало на свои страницы давнишнюю их программу. Недостаточно одного формального сопоставления текстов для решения вопросов, которые в свое время решались «кровью и железом», нужно учесть конкретную обстановку, в которой разворачивалась эта жизненная драма, и тогда быть может станет понятнее то, что до сих пор не поддавалось объяснению.

Состояние наших источников по данному вопросу не позволяет уточнить изображенный в настоящем очерке процесс и на-

нить и не кабалить и в книги не записывать», обещает „от, сторон оберегать. никому в обиду не давать“, лишнего изделья не требовать и никаких „наметов... не прибавливать и столового запалу ...не имать». Порядчик обязуется быть своему хозяину «во всем подручну и послушну». Порядная относится к Псковской территории и заключена Ординым-Нащокиным с некиим Василием Дворяшенковым, Белым Голубем, 8 декабря 1640 г. Рукоп. Гос. Публ. Библиотеки.

[1] Дьяконов М. А., Очерки по истории общественного и государственного строя древней Руси.

место неизбежных при этих условиях гипотез поставить точно проверенные факты. Во всяком случае новая постановка вопроса и новые документальные данные, появившиеся в нашем распоряжении после В. О. Ключевского, заставляют отойти от его схемы.

Резюмируя вкратце итоги попытки пересмотреть вопрос, мы приходим к нескольким основным положениям.

Вопрос о прикреплении крестьян возник в момент разложения старых феодальных отношений и замены их новыми, в момент, когда рынок вызывал к жизни барскую пашню и барщину, когда падала политическая мощь боярства и энергично рос его счастливый конкурент — помещик, прекрасно сумевший использовать для себя создавшееся положение. Государственная власть в силу своей природы не могла оставаться пассивной в этой борьбе.

«Крепостное право», как мы его понимаем сейчас, есть продукт очень сложного общественного процесса, протекавшего в атмосфере борьбы за рабочие руки на протяжении нескольких десятилетий, в течение коих служилый человек не только одерживал победы, но не раз принужден был и отступать: в наиболее острый момент хозяйственной разрухи и международных осложнений в 1581 г. он через «заповедные годы» получил право, хотя и на время, не выпускать от себя крестьян и возвращать беглых без ограничения исковым сроком, в 1597 году введением пятилетней исковой давности он снова был поставлен в трудное положение, потребовавшее от него длительной борьбы за отмену «урочных лет», которая, осложняясь отдельными разной степени важности эпизодами в связи с переживаемыми этапами «Смуты» и последующих событий, разрешилась в желанном для него смысле в итоге бурных событий 1648 года.

В период острой борьбы за рабочие руки между уходящим и идущим ему на смену классами неизбежно ставился и решался вопрос не об одном только крестьянстве, а о всех видах рабочей силы. Судьба кабальных людей, вполне аналогичная крестьянской, в этом смысле весьма показательна. Речь об этом важном и интересном предмете будет особо.

С. Томсинский.

КОЛОНИИ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА НАКАНУНЕ ВОССТАНИЯ РАЗИНА.

I. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ.

Для того, чтобы выяснить характер восстания под руководством Степана Разина, надо разработать вопросы: 1) о характере эпохи и 2) о соотношении классовых сил накануне восстания. По этим двум вопросам ограничусь следующими замечаниями. [1]

1. Разинщина и пугачевщина произошли в эпоху первоначального накопления капиталов, которое в России затянулось на несколько столетий.

Процесс так наз. первоначального капиталистического накопления, по мнению Маркса, не может быть ни чем иным как процессом отделения рабочего от собственности на условиях его труда; это — процесс, превращающий, с одной стороны, общественные средства производства и существования в капитал, с другой стороны, непосредственных производителей в наемных рабочих. Следовательно, так называемое первоначальное накопление есть лишь исторический процесс отделения производителя от средств производства. Он представляется первоначальным, так как образует предисторию капитала и соответствующего ему способа производства. [2] Маркс замечает далее, что «история (т. е. история экспроприации самостоятельного производителя. — *С. Т.)* в различных странах имеет различную окраску, пробегает различные фазы в различном порядке и в различные исторические эпохи. В классической форме она только совершается в Англии. [3] Маркс к этому вопросу опять возвращается в третьем томе «Капитала», где он говорит: «Современный способ производства в своем первом периоде, мануфактурном периоде развивался только там, где условия для этого создались еще в средние века». [4] В своем письме «Отечественным запискам» в конце 1877 г. Маркс указал, что события, поразительно аналогичные между собой и происходившие в исторически различной среде, приводят к совершенно различным результатам, но при изучении особенностей отдельных

---

[1] Описание Дона, инонационалов и определение колоний даны в статье о разинщине в сборнике «Проблемы марксизма» 1930 г. № 2.

[2] Маркс К., Капитал, I, 1925, стр. 707.

[3] Маркс К., Капитал, I, 1928, стр. 574.

[4] Маркс К., Капитал, III, ч. I, 1922, стр. 317.

стран «никогда нельзя притти к пониманию, пуская в ход повсюду и всегда ту же отмычку к какой-либо историко-философской теории».

Маркс великолепно знал, что в эпоху первоначального накопления Португалия и Испания имели крепостных крестьян, применяли рабский труд в колониях, однако, он указывает, что «различные моменты первоначального накопления распределяются теперь между различными странами, а именно — между Испанией, Португалией, Голландией, Францией, Англией.[1] «Следовательно Маркс относит к первоначальному накоплению те процессы, которые связаны не только с раскрепощением, но и с закрепощением. В письме к В. Засулич о русской общине Маркс разрешает это кажущееся противоречие. Он дает методологическую установку для понимания этого процесса в истории России. Он ей пишет: «Чтобы экспроприировать земледельцев, нет необходимости изгнать с земель, как это было в Англии и в других странах, нет необходимости уничтожить. Наоборот, попробуйте вырвать у них продукт их земледельческого труда сверх известной меры и, несмотря на имеющихся в вашем распоряжении жандармов, вам не удастся удержать их на земле».[2] Следовательно, экспроприация крестьян совершается не только изгнанием их с земли, но и «если у них вырвать продукт их земледельческого труда сверх известной меры». В России, как известно, в крепостную эпоху продукт крестьянского труда вырывался «сверх известной меры». Кроме того, многочисленные категории посессионных рабочих были совершенно лишены собственности. Россия второй половины XVII в. не была отсталой страной по сравнению с Испанией: колониальный грабеж первой производился в не менее гигантских размерах, чем в Испании. Маркс писал, что переход от феодального способа производства совершается двояким образом. «Производитель становится купцом и капиталистом. Это действительно революционизирующий путь. Или же купец непосредственно подчиняет себе производство. Какое бы влияние ни оказывал последний путь исторически, — примером может служить английский суконщик XVII в., который подчиняет своему контролю ткачей, все же оставшихся самостоятельными, продает им шерсть и закупает у них сукно, — однако сам по себе не ведет к перевороту в старом способе производства, который скорее консервируется и удерживается при этом, как необходимое для него самого предварительное условие. Таким образом, например, еще до половины настоящего столетия фабрикант во французской шелковой промышленности, в английской чулочной и кружевной промышленности по большей части лишь номинально был фабрикантом, в действительности же — простым купцом, который предоставлял ткачам работать их старым раздроб-

---

[1] Маркс К., Капитал, I, 1928, стр. 603.
[2] Архив Маркса и Энгельса, I, стр. 278. Подчеркнуто мною. — *С. Т.*

ленным способом и который господствовал над ними, как купец, на которого они фактически работали». В России переход от феодализма к капитализму совершался вторым путем, т. е. фабрикант был купцом, подчинявшим себе производство кустарей или ремесленников. В зачаточном состоянии этот процесс уже наблюдался в Московской Руси, где монастырь или помещик был тем купцом, который подчинял себе своих крепостных или полусвободных ремесленников и кустарей. В Московской Руси уже отмечаются факты подчинения себе крестьянами-купцами кустарей и ремесленников.

Таким образом, этот процесс происходил одинаково в России и на Западе, но у нас он совершался крайне медленно и затянулся на несколько столетий.

Кулишер,[1] кажется, является первым экономистом, который относит XVI-XVIII вв. к эпохе первоначального накопления, но он механически переносит на Россию западно-европейский процесс. Он, как и Зомбарт, видит источники накопления в подрядах, откупах, в торговле и промыслах. Он совершенно обходит процесс экспроприации крестьянской земли, значение отработочной ренты и систему колониальной политики Московской Руси. В России первоначальное капиталистическое накопление происходило в своеобразной форме в барщинном и оброчном хозяйстве, где помещик сплошь и рядом присваивал даже часть необходимого продукта крестьянина. Первоначальное капиталистическое накопление «сверх известной меры» происходило и в мануфактуре — в поташных, юфтяных, горных заводах. Колоссальный источник дохода давал планомерно организованный грабеж колоний. Огромные богатства Строгановых, Морозовых и т. п. выросли на колониальном грабеже.

В Западной Европе в недрах феодализма стали развиваться капиталистические элементы, разложившие старые общественные отношения. В России феодальные отношения в течение XVI-XVIII в. переросли в своеобразную форму феодально-крепостнических отношений: феодал, переходивший к ведению собственного хозяйства, становился крепостником, который до Октябрьской революции сохранил свои феодальные привилегии. Крепостничество является не самостоятельной общественной формацией, а последним этапом в развитии феодализма и своеобразной формой процесса первоначального капиталистического накопления в России.

В эту эпоху происходили перемены в области техники, которые нельзя не учесть. «Одна эпоха отличается от другой не тем, что производят, но как производят». В этом отношении накануне восстания произошли перемены. До 1632 г. приготовляемое в России железо было так называемое ручное, т. е. оно вываривалось в маленьких горнах, непосредственно из руды и выковывалось ручными молотами. С 1632 г. руда перерабатывалась в железо

[1] История русского народного хозяйства, т. II, гл. XVI.

*

«мельнишним», вододействующим способом,[1] т. е. при помощи водяной силы.

В это же время впервые выливаются из московского чугуна пушки. В первой четверти XVII в. появляются в вотчинах Строганова горизонтальные и вертикальные мельничные колеса: до этого времени мукомольными орудиями были ступы и ручные жернова.[2]

Одновременно идут упорные поиски руд во всех уголках Московского государства. В дворцовом селе Измайлове под Москвой мы находим заступы, резцы для сечки соломы, грабли с железными зубцами, сохи, косули и плуги. В конце XVII в. даже делается попытка научить крестьян пахать в Сибири на быках плугом.[3]

В связи с этим нельзя не дооценить те перемены, которые происходили в технике иконописи, архитектуры и музыки. Если учесть внешнюю и колониальную политику Московии, стоявшую в тесной связи с политикой крупных европейских государств, и ее роль на европейском рынке, то нельзя не придти к выводу, что установившееся название («Московское государство», «Московия») далеко не отражает тех процессов, которые происходили в этой стране. Начало «Российской империи» следует отнести к более раннему времени, чем обычно думают.

2. Считая крепостничество самостоятельной общественной формацией, т. С. Дубровский[4] проходит мимо таких важных источников накопления, как колониальные войны, и игнорирует накопление в мануфактуре и роль самой мануфактуры. (Между тем, роль России на мировом рынке и ее колониальная экспансия были возможны благодаря развитым центрам мануфактуры в Москве, Петербурге, на Урале и т. д. Экспорт полуфабрикатов в XVII-XVIII в. играл большую роль.) Кроме того, он исключает роль купеческого капитала. С точки зрения т. Дубровского в России господствовала только диктатура крепостников, — между тем, в своеобразных российских условиях крепостник был неотделим от купца и составлял оборотную сторону медали торговца. Особенность России состояла в том, что в лице помещика персонифицировался ростовщик, землевладелец и торговец. В «Теории прибавочной ценности» (1,26) Маркс пишет: «Борьба между денежными капиталом и землевладением наполняет с небольшими перерывами все столетие от 1650 до 1750 гг. так как дворяне с неудовольствием видели, что ростовщик забирает их в свои руки, а возникновение в конце XVII в. новейшей системы кредита и государственного долга дало этим ростовщикам возможность успешно бороться с ними в области законодательства». В России этого не было: Московское восстание 1648 г. направляется одновременно против ростовщиков, спекулянтов хлебом, владельцев крупной мануфактуры и помещи-

[1] Рукописи Гамеля, т. 23, стр. 393. (Рукописное отделение Академии Наук.)

[2] А. Теплоухов, К истории мукомольного производства. Труды Пермской Ученой Архивной Комиссии, 1915, XII.

[3] Рукописи Гамеля, т. 7.

[4] Аграрные проблемы, 1929 г., № 2.

ков. (Выразителем интересов этих групп был боярин Морозов, против которого было направлено восстание 1648 г.) На западе ростовщик урезывал часть дохода помещика. Наш помещик и монастырь выступали перед крепостным, как ростовщики и землевладельцы. Поэтому эксплоатация крепостного приняла в России наиболее суровый характер и содействовала концентрации крупного землевладения. Эта особенность и затянула надолго процесс первоначального капиталистического накопления. Этот процесс т. С. Дубровским не замечается. Этого не понимает и проф. Н. Пчелин.[1] Он строит свою «конструкцию» (стр. 234), выражающуюся в том, что «дворяне остаются дворянами, классом землевладельческим, но не торговым». Этот вывод у него вытекает из того, что в деревне XVII в. господствовало исключительно натуральное хозяйство. Экономические отношения он выводит не из анализа данных о состоянии деревни, а из поверхностного разбора «новоторгового устава». Для того чтобы противопоставить купца помещику, Пчелин заявляет, что производственная структура русской деревни почти до нашего времени (до 1929 г.!) оставалась в том же состоянии (стр. 209). Такие выводы, опирающиеся исключительно на цитаты из работ Струве, Петрушевского и Готье, носят реакционный характер: они изображают историю России застойной. Эта трактовка делает невозможной понимание ни предпосылок революции, ни крестьянских восстаний.

Анализируя экономику страны после Октябрьской революции, Ленин пришел к выводу о существовании у нас пяти хозяйственных укладов, т. е. о наличии крайней пестроты в экономике страны. Своеобразная пестрота существовала и в XVII в. Экономика второй половины XVII в. характеризуется наличием свободного крестьянского землевладения на Украине, в некоторых местах Придонья, Поволжья и закрепощенным крестьянином в Замосковном крае. Борьба крестьян в переходную эпоху первоначального капиталистического накопления имела прогрессивный характер, так как она шла по линии развития производительных сил. Антимарксистской является установка Плеханова: «Крестьянское движение имело реакционный характер на том основании, что оно не было в силах победить». Декабрьское восстание было разбито, поэтому не надо было браться за оружие. Вот, собственно, политический смысл плехановского толкования истории крестьянских движений.

Крестьяне не были в силах закрепить свои успехи на Украине и на Дону, беглые крестьяне не были в состоянии, выражаясь словами Маркса, «развить и выявить имевшие уже налицо условия их существования» (Капитал, 1,245), так как они освобождались «не как класс, а поодиночке». Однако помещик из метрополии по-

---

[1] Из истории экономического развития России в XVII в. «Изв. Педагогического факультета». 1929 г. т. XVI, Баку, Азербайджанский Госуниверситет.

бедил крестьянина колоний не только своей лучшей экономической организацией, но главным образом своим военно-полицейским аппаратом. В борьбе с юридической школой марксисты недооценили роль дворянского госаппарата в процессе закрепощения крестьян. Я учитываю экономическое превосходство крупного феодально-крепостнического землевладения, но не следует упустить из вида, что только сильным напряжением всех сил военизированного аппарата помещику Замосковного края удалось после многих десятилетий отчаянных гражданских войн закрепить мужика. Энгельс указал, что существование крупного землевладения, в особенности на Востоке, сделалось возможным лишь «вследствие сноса крестьянских дворов, разразившегося начиная с XVII в., в особенности же после 1648 г.»[1] В другом месте Энгельс замечает, что победа дворянства в крестьянской войне положила конец свободе немецкого крестьянства. Это замечание Энгельса приложимо не только к Германии, но и к России.

Вторая половина XVII в. характеризуется процессом усиленной экспроприации крестьянской земли в районах восстания и закрепощением свободных и полусвободных крестьянских масс. В колониях экономическая заинтересованность крестьян в материальной помощи помещика отступала на задний план, и помещик должен был создать гигантский аппарат, для того чтобы быть в состоянии присвоить продукты чужой рабочей силы.

II. ДЕРЕВНЯ АКТИВНОГО РАЙОНА ВОССТАНИЯ.[2]

В каких условиях происходило первоначальное накопление капитала в колониях?

Установившаяся официальная терминология «вотчина» и «поместье» не дает возможности правильно классифицировать типы хозяйств: способ ведения хозяйств в колониях во второй половине XVII в. не находился в зависимости от юридической природы землевладения. Накануне восстания Разина на юге существовали следующие типы хозяйств: феодальное, крепостное и самостоя-

[1] Капитал, I, 330.

[2] К активному району восстания я причисляю местность между Доном и Волгой, правый берег Оки, правый берег Волги от Н.-Новгорода до Саратова. Получив большой размах в активном районе, восстание имело небольшой отклик в пассивном районе, расположенном на границе между восставшей Украиной и правым берегом Волги. К пассивному району следует отнести Слободскую Украину и Белгородскую черту. Слободская Украина занимала область Харьковской и часть Курской и Воронежской губ. На севере она граничила с Белгородской чертой, на северо-востоке с Воронежской губ., на западе ограничивалась Донцом, на юге — Сев. Донцом. В 1678 г. на Белгородской черте были города: Мценск, Елец, Ливны, Курск, Новосиль, Епифань, Чернь, Данков, Лебедянь, Талецкой, Чернавской, Ефремов, Оскол, Землянской, Обоянь, Суджа, Сумы, по черте от Белгорода направо были: Болхов, Карпов, Хотмыжской, Вольной, Алешня, Ахтырка, от Белгорода налево: Короча, Яблонов, Новый Оскол, Верхососенск, Усерд, Ольшанской, Острогожск, Коротояк, Урыв, Воронеж, Костенская, Бел-Колодезь, Орлов, Сокольской, Усмань, Доброе, Козлов, Бельский, Чернавской (Прибавление к IX т. дополн. к актам историческим). Я беру главным образом левый район Белгородской черты.

тельное крестьянское. Феодал обычно не вмешивался в производственную деятельность крестьян, а ограничивался только взиманием оброка. Крепостник вел собственное хозяйство, в той или иной степени связанное с рынком. Мелкое помещичье имение, имевшее крепостных, следует отнести к феодальному типу хозяйств: его основой было натуральное хозяйство и исключительно хищнические методы колонизации. Однако между феодальным и крепостническим методами хозяйствования не было той грани, которая позволила бы противопоставить феодализму крепостничество как общественную формацию. Кроме того, почти всегда встречаются землевладельцы, сдающие землю в аренду и одновременно ведущие самостоятельное хозяйство. Ни феодал, ни крепостник в XVII в. не встречаются в чистом виде.

В активном разинском районе — на правом берегу Волги, в Пензенской, Нижегородской и Тамбовской губ. — быстро развивалось мелкое помещичье землевладение. Более точные данные имеются о Темниковском у., где за вторую половину XVII в. мелкие помещичьи дворы увеличились в $4^2/_7$, дворы духовенства — в $3^1/_7$ и крестьян — только в $2^1/_2$ раза. Однако мелкое помещичье землевладение в активном районе разинщины переживало затруднения, оно давало большой процент беглых и запустевших крестьянских дворов. Крестьянское хозяйство в этом районе развивалось исключительно в зависимости от роли и характера хозяйства крупных крепостников. В этом районе господствовали те же феодалы-крепостники, которые играли руководящую роль в хозяйственной и политической жизни метрополии — царский двор, Морозовы, Романовы, Ромодановские и т. д. Они вели собственное хозяйство, в политическом отношении они оставались феодалами. В особенности огромны были владения боярина Морозова,[1] который в трех станах Нижегородского уезда имел 4 села, одну слободку, одно сельцо, 18 чищеб, 37 полян, огромные сенные покосы, $7^1/_2$ пустошей, $22^1/_2$ мельницы, 4 майдана, гигантские бортные ухожаи, рыбные ловли, множество перевозов. В Арзамасском, Темниковском и Алатырском уездах он имел 559 дворов крестьян, бобылей и мордвы и собирал десятки тысяч рублей оброку в год. Кроме того, он имел большие владения в Галичском уезде, Костромской губ.[2] Хитрово, усмиритель разинщины, имел 17 497,5 дес. пахотной земли в 21 уезде по рр. Оке, Дону и Суре. Он был крупнейшим вотчинником и ростовщиком Симбирской губ., где получил ряд владений «по случаю всемирной радости — рождения царевича Алексея Алексеевича».[3] Князь Пожарский владел в Нижегородском уезде 151 деревней, 10 починками, селом, погостом и сельцом, боярин Шуйский — 234 деревнями, 24 починками, 7 займищами и т. д. Какой-нибудь десяток крупных крепостников и монастырей дер-

---

[1] Здесь приведены данные только о владениях в районе восстания.

[2] Материалы по истории землевладения. Вотчинное хозяйство бояр. Морозова, под ред. А. Новосельского и А. Яковлева, т. I и II. (Рукопись хранится в Археографической Комиссии Академии Наук.)

[3] Мартынов П., Боярин Богдан Хитрово. 1901.

жал в своих руках всю хозяйственную жизнь колонии. Каждый из них владел землей во многих районах, рыбными ловлями, соляными промыслами, пасеками и т. д. Мелкому помещику приходилось бороться не только с крупными помещиками, но и с полковыми казаками, имевшими крепостных. Мелкие помещики, как и дети боярские, часто экспроприировались наравне с крестьянством. Этим объясняется участие в восстании и детей боярских активного района.

Мелкие и средние помещики пытались исключительно внеэкономическим принуждением вырвать продукт крестьянского труда «сверх известной меры» в то время, как монастыри и крупные крепостники предоставляли крестьянам и некоторые временные экономические выгоды.

Применение наемного труда, привлечение специалистов в разных отраслях хозяйства, лучшие приемы обработки земли применялись только в крупных хозяйствах. Средние и мелкие хозяйства носили исключительно потребительский характер.[1] Основой крупных хозяйств было расширенное воспроизводство, связанное с рынком и ни в какой мере не зависящее от юридических норм землевладения.

Активный район восстания характеризуется тем, что его продукты играли большую роль во внешней торговле Московского государства.[2]

В хозяйстве крупных крепостников Романова (в Лебедянском у.) перелог составлял 23,14% пахотной пашни, у мелких крепостников перелог был равен или больше пашни.[3] Не везде было одинаково соотношение перелога к пашне: хозяйство крупного крепостника Морозова было лучше поставлено в Нижегородском, чем в Галичском у. Костромской губ. В общем в колониях перелог и дикое поле еще долго преобладали над пашней.

Посмотрим, как обеспечивалось землей крестьянство: так, например, в Лебедянском уезде, Тамбовской губ., богатом землей, в среднем на крестьянский двор приходилось 2,32 дес. в одном поле, т. е. меньше, чем приходилось на двор крестьян Морозова (от 3 до 4 дес. в одном поле) в более населенном Нижегородском уезде. В Арзамасском у. в дер. Казаринове на крестьянский двор приходилось гораздо меньше — по $^1/_4$ дес., в д. Арбузово — по $1^1/_2$ дес. в одном поле.[4] В дворцовых селах крестьянам жилось свободнее, и они лучше обеспечивались. Дворцовые крестьяне Вер-

---

[1] Новосельский А., Вотчинник XVII в. в своем хозяйстве. 1929. М. и Заозерский А., Царь Алексей Михайлович. «Русская Мысль» 1917 г. май-июнь.

[2] Поташ доставлялся из Нижегородской, Симбирской и Тамбовской губ., смольчуг (густая смола) — из Пензенской губ., рыбий клей из Поволжья и Дона, щетина — из Нижегородской, Казанской и Тамбовской губ., холст, сукно — из Нижнего, сало — из Симбирской и Пензенской губ., юфть, воск — из Казанской и Симбирской губ. и т. д.

[3] Черменский П., Колонизация Тамбовской губ. «Известия Тамбовской Ученой Архивной Комиссии», 1911, вып. 57.

[4] Архив кн. В. Баюшева, 1882, ч. I.

хоценской волости Тамбовской губернии имели по 2 дес. пашни в трех полях, по 2 дес. лугов. Сверх тяглой нормы они пахали некоторое количество на выть (48 десятин пашни в трех полях или 50 десятин сенокоса). Эта земля называлась завытной. К дворцовым селам приписывалась резервная земля для будущих тяглецов, которую крестьяне брали на оброк. В общем дворцовые крестьяне некоторых сел имели по 12 дес. на душу в трех полях, т. е. три-четыре раза больше, чем в Замосковном крае. Дворцовые и черные крестьяне, находившиеся в лучшем положении, чем помещичьи крестьяне, населяли в активном районе восстания больше семи тысяч дворов. [1] Благосостояние этих крестьян не имело прочного фундамента: дворцовые и черные крестьяне составляли резервный фонд для награждения помещиков. В 1667 г. полоцкая шляхта получила на Закамской линии по 60 и 100 четвертей и по 6 и 12 дворов крестьян из дворцовых сел Казанского, Царевококшайского и Яранского у. [2] Каждые двадцать дворов должны были дать по крестьянину с женами, детьми и хлебом. Оставшимся на местах приходилось распределять между собой тягло ушедших крестьян. Таких примеров можно привести немало. Монастырские крестьяне были обеспечены лучше помещичьих. Отношение крестьян земельного фонда к фонду Троицкого монастыря на реке Цне составляло 11 к 3, деревни Глубокой на реке Цне как 4 к 3, в слободе Троицкой как 9 к 20, в селах Верхоценской волости Тамбовской губернии как 4 к 1. [3] В селах казанского архиерейского дома крестьяне владели большими участками «доброй» земли: в с. Кирельском 18 дворов имели лишних (сверх нормы, которая составляла $2^2/_5$ дес. на двор) 30 дес., крестьяне дер. Неудашней — около 15 дес. на двор. [4] Следовательно, крестьян по обеспеченности землей следует расположить в следующем порядке: монастырских, дворцовых и крупных вотчинников. В активном районе попадаются крестьяне, сидевшие на собственной земле. В документах Арзамасского уезда за 1681 г. имеются сведения о крестьянине Оксене, отдавшем в аренду свои сенные покосы, занимавшие большое пространство. [5] Крестьяне крупного крепостника Морозова часто арендовали землю. За озимую десятину крестьяне платили оброк по 8 а. и 2 д., за яровую — по 6 а. 4 д. В 1667 г. крестьяне пользовались пустошью в 113 дес. за 45 рублей и озимой пашней в 119 дес. за 59 рублей. Крестьяне Троице-Сергиевского монастыря Алтырского района сняли в аренду в 1657 г. в с. Четвертакове 120 дес. за 50 руб. [6] Крестьяне арендовали землю

[1] Черные и дворцовые дворы были в Царевококшайске, Свияжске, Царевосанчурске, Козьмодемьянске, Нижегородском, Арзамасском и Казанском уездах (А. Яковлев, Приказ сбора разных людей, 1917, Известия Тамбовской Ученой Архивной Комиссии, 1911 г. вып. 57).

[2] Преображенский П., Колонизация Самарского края, 1923, стр. 23.

[3] Николин Н., Материалы по истории Тамбовского края 1884, «Летопись занятий Археографической Комиссии 1865—66 г.», IV.

[4] Покровский И., Казанский архиерейский дом, стр. 55.

[5] Архив кн. Баюшева, 1882, ч. I.

[6] Шумаков С., Обзор грамот Коллегии экономии, 1899, стр. 80.

не только у помещиков, но и у крестьян. Земля не только сдавалась в аренду, но и продавалась крестьянами: в 1645 г. кулеватовские крестьяне Григорьевы купили у тамбовского крестьянина Сухосери два огромных бортных урожая за два рубля.[1] Обычно крестьяне платили денежный и натуральный оброк, который значительно колебался — по 15 руб. с выти в хозяйстве Б. Морозова и по 5 руб. — у кн. Одоевского в Костромской губ. (вотчины которого тоже были охвачены восстанием).

Крестьянское население отличалось значительной дифференциацией. Крестьяне одного и того же села обрабатывали неодинаковое количество земли: в пределах Чебоксарского и Нижегородского уездов отношение высшей группы к низшей группе крестьян составляло 5 : 1 ($7^1/_2 : 1^1/_2$ дес.), иноземцев — 13 : 3 ($6^1/_2 : 1^1/_2$ дес.), мордвы 6 : 1 ($1^1/_2 : ^1/_4$ дес.). Имеются данные 1671 г. о расслоении крестьянского населения активнейшего участка движения — сел и деревень Верхоценской и Рыбной пустоши монастырских вотчин Тамбовской губ.[2] Тягловое бремя было не одинаково наложено на деревни: тягло 270 дворов в одних селах и деревнях составляло 10 вытей,[3] в других 275 дворов распахивали $7^1/_3$, в третьих — 384 двора распахивали $13^1/_4$ и 242 — $7^1/_6$ вытей и т. д. В таком случае неодинаковой была и тяжесть отдельных работников: на долю одного рабочего одной и той же и разных деревень приходилось распахивать $^3/_8$, $^1/_2$, $^1/_4$, $^1/_3$, $^1/_6$, $^1/_{16}$ колов пашни. Так же были дифференцированы бортники Нижегородского края: отношение между крайними группами русских бортников (за 1642 — 68 гг.) составляло как 10 : 1, мордовских — 14 : 1. Мордовские бортники были богаче русских. Среди церковных крестьян часто преобладали «лучшие»: в восьмидесятые годы XVII в. 22 села церковных крестьян Темниковского у. Тамбовской г.[4] имели 407 дворов «лучших», 2028 — средних и только 152 — «меньших». Маломощные крестьяне были только в четырех, средние — в 20 и крепкие крестьяне — в 13 селах из 22. Надо думать, что не земледелие было основным занятием церковных крестьян. Об этом говорит обеспеченность крестьян землей: на 11 лучших и 48 «молодчих» приходится церковной земли 18 дес. в с. Уреях Пензенской губ., в Красной Слободе Тамбовской губ. на 90 лучших, на 6 средних и 29 «молодчих» крестьян приходится 30 десятин земли и т. д., такое количество земли не могло служить источником для возникновения «лучших», да еще в таком преобладающем числе. Хотя земельный простор был так велик, что можно было поднимать целину и снова ее забрасывать, однако среди крестьян чувствовалась земельная теснота. Простое воспро-

---

[1] «Известия Тамбовской Архивной Комиссии», 1887 г., стр. 6.

[2] «Известия Тамбовской Ученой Архивной Комиссии», 1911 г., в. 45.

[3] Выть составляла 16 колов, кол «высевается ржи в Московскую меру по 3 чтв. с осминою в поле, а дву потом уж», в других деревнях высевалось по 4,5 и 8 чтв. в одном поле.

[4] Подсчитано по В. И. Холмогорову, «Материалы для истории и статистики Темникова, Тамбовской губ.», Тамбов, 1890 г.

изводство крепостного хозяйства было возможно только на экстенсивной основе. Крепостное хозяйство находило выход только в беспрерывной колонизации новых земель.

Среди крестьян были развиты и неземледельческие промыслы. Монастырские «вкладные» проливают свет на дифференциацию крестьян: суммы, вырученные крестьянами от продажи Мамонтовскому монастырю своего имущества, колебались между 2 и 156 р., пожертвования от 7 до 300 г.[1] Полковые казаки были богаче крестьян: у них продажи монастырям колебались от 6 до 320 р. и пожертвования от 10 до 15 лисиц. Полковые казаки, находящиеся в лучшем положении, не так щедро жертвовали монастырям, так как они меньше крестьян опасались захватнической политики «нищей братии». Продолжительная налоговая практика духовенства выработала нормы обложения, «молодчих», средних и «лучших» в деревне и в городе. В городе налог взимался с этих групп[2] пропорционально — 1 : 2 : 6, а в селах — 1 : 2 : 4. Эта пропорция еще не дает представления о степени дифференциации, так как в действительности противоположность была гораздо резче.

Крестьяне активного района вели большую торговлю по Оке, Волге и Дону. Крестьяне — торговцы солью, рыбой, хлебом, владельцы собственных крупных судов, откупщики, целовальники, таможенные головы, мельники бортники, владельцы крупных извозов и т. д. С другой стороны они выделяли ярыжек, бурлаков, стрельцов, ремесленников и т. д. Почти исключительно в руках крестьян находились на откупу мельницы и перевозы. Откупщик-мельник из крестьянской среды сбивал посадских и детей боярских. Перевоз на реке Оке и мостовщина были отданы на откуп «крестьянам с товарищи».[3] На крупных торгах крестьяне удачно боролись с посадскими. Расслоение крестьян видно из того, что на Пяткинской мельнице на реке Цне было 100 рабочих.[4] У многих крестьян вотчинника Б. И. Морозова были судовые, соляные и пр. промыслы.[5] На откупах 13 озер и двух заводей в Свияжском уезде Казанской губ. конкурировали крестьяне, бобыли и посадские. Крестьянская буржуазия даже пользовалась большим кредитом: лысковский крестьянин Ивашко Антропов, торговец солью, получил у Морозова заем в две тысячи (!) рублей,[6] его же крестьяне были откупщиками мельниц «вина и сусла». Крестьянин с. Лыскова Исаев вез из Астрахани «небольшое судно с солью, а у

---

[1] Подсчитано по кн. И. Н. Николаева, Материалы, относящиеся к истории Тамбовского края, Тамбов, 1884 и П. Пискарева, «Мамонтова пустынь Тамбовской губ.», 1887.

[2] Шимко И., Патриарший приказ.

[3] «Сборник Нижегородской Ученой Арх. Комиссии», 1915 г., т.т. XV и XVI.

[4] Дубасов Н. т. IV, стр. 37.

[5] Материалы для истории землевладения, т. I, Вотчины Морозова в Рязанском у.

[6] Материалы для истории землевладения, ч. II, стр. 533, л. 64.

Ивана Спешнова с Петром был промысел судовой большой».[1] Следует иметь в виду, что эти крестьяне, конечно, нанимали рабочих и приказчиков. В вотчине Морозова было не мало крестьян, занимавшихся отхожими промыслами в Москве и в городах по Волге. До чего была развита торговля в некоторых селах, видно из того, что в Мурашкине было 11 торговых рядов.[2] Владельцы бортными участками экспортировали мед за пределы своего края. Судя по вкладным книгам, крестьяне Верхнеценских сел (Тамбовской г.) владели большими бортными участками. Вкладные книги говорят о больших богатствах крестьян, которые продавали и жертвовали монастырям Тамбовской, Пензенской и Нижегородской губ. значительные доли своих владений. В то время как хозяйство Замосковного края в первой половине XVII в. останавливалось в своем развитии,[3] монастырское хозяйство активного района развивалось и быстро росло. От крупных вотчинников и мелких помещиков крестьяне спасались в монастырях и патриарших слободах. Последние имели право освободить крестьян от строения городов, ямской повинности, постоя солдат, доставки подвод и т. д. Крестьянские вклады монастырям, как это ни хочется «святителям», меньше всего были вызваны религиозными соображениями.

Для того чтобы получить представление о значении церковно-монастырских привилегий, приведем следующие цифры: монастырские крестьяне составляли среди ремесленников Н.-Новгорода в 1664 г. — 19,88%, среди торговцев — 17,79%, совмещали работу по найму с торговлей — 42,04%.[4] Монастырские крестьяне имели собственные суда, которые «ходили в Астрахань с запасом, а оттуда с солью и рыбой». Шесть отругов одного монастырского крестьянства возвращались из Астрахани «с заморским товаром». Один монастырский крестьянин «ездит за море за товарами». Крестьянин жаждал попасть в льготный монастырь, дабы избавиться от посягательств крупного помещика. Желая откупиться от монастырей, задержать их наступательное движение, крестьянин давал свои вкладные «на помин души» или продавал монастырю за бесценок часть своего надела. Крестьяне, не имевшие права продавать свою землю, нашли способ обходить запрещение: продажа часто совершалась под видом уступки или дарения. В монастыри крестьяне часто постригались под видом «убогих», дабы избавиться от закрепощения. Они шли охотно в монастырь, в особенности в патриарши слободы. В 1657 г. помещики и дети боярские Казани, Свияжска, Тетюша и других городов жаловались, что «их деревнишки стали пусты» из-за того, что крестьяне переходят в патриарши владения «за льготы». Я уже не говорю о тех многочисленных случаях, когда помещики были бессильны перед патриаршим насильственным свозом их крестьян.

[1] Материалы для истории землевладения, т. II, стр. 407.
[2] Волконский А., Село Б. Мурашкино, «Русский Архив» 1875 г., ч. I.
[3] Готье Ю., Замосковный край, стр. 455, 525.
[4] Переписная книга за 1664 г. (Неопублков.), подсчитал П. В. Акимов.

Под покровом монастырей работали ремесленники: в казанском архиерейском доме жили кожевенники, калачники, мучники, скорняки, скатертники, кумачники, котельники и т. д. Небогатые монастыри имели много побуждений приписываться к патриаршему дому, который пользовался особыми льготами. Патриаршие монастыри имели еще право приписывать только незакрепощенных крестьян. Находилось, конечно, не мало «гулящих» крестьян, готовых выгоднее себя продать на том основании, что, якобы, на них нет претендентов. Крупнейшая крестьянская буржуазия преобладала в монастырях: вдова Оксинья Митрофановна показала, что ее муж, крестьянин Саввинского Спасского монастыря (Ярославской г.) с сыном своим вел большую торговлю «с многими русскими и немецкими городами». После смерти мужа она предъявила к ограбившим ее иск на 20 000 руб. [1] Богатые монастырские крестьяне даже приписывались к гостинной сотне. Максим Шаровников, крестьянин Богоявленского монастыря Костромской губ., в 1682 г. был переведен в гостинную сотню, так как он «крестьянин добрый и прожиточный и многие торговые промыслы в Сибири и в Астрахани и у г. Архангельского и за морем у него есть. И приказчики его в тех городах для торговых промыслов живут беспременно». [2] Монастыри так привлекали крестьян, что даже мордва в 1666 г. деревни Городище (Тамбовской губ.) отказалась от своих земельных владений и поселилась «за Троицким монастырем». За промежуток времени от 1640 до 1686 гг. в Мамонтовой пустыне насчитывается 32 вкладных, 11 купчих, 6 мировых и 4 раздельных записи. «Вкладная» была часто замаскированной купчей.

Благодаря пожалованиям, вкладам и разделу владения Мамонтовой пустыни в половине XVII в. раскинулись по рекам: Цне, Челновой, Вороне, Хопру и т. д. К числу наиболее крупных и образцовых пчеловодов на Дону в средине XVII в. принадлежали Ореховской юрт Савальской вотчины, Тамбовского епископа. В особенности обширно было хозяйство последнего. Савальская вотчина вела беспощадную борьбу с донскими казаками и крестьянами, которые в ее владениях ловили рыбу, рубили бортные деревья и т. д. [3]

Активный район характеризуется ростом ярмарок, которые устраивались в первую очередь при монастырях, которые этим привлекали крестьян. Целые монастыри заселялись исключительно беглыми не только из помещичьих, но и из дворцовых сел: так, например, Новоспасский монастырь Шацкого у. с 1648 г. заселялся беглыми из д в о р ц о в ы х сел.

О степени расслоения населения активного района восстания

---

[1] Памятники истории крестьян и холопов в Московском государстве XVII в., т. II, под ред. А. Новосельского и А. Яковлева. (Рукопись хранится в Археографической комиссии в Ленинграде.)

[2] М и л о в и д о в И. В. Содержание рукописей архива Ипатьевского монастыря, 1887 г., стр. 37.

[3] В е й н б е р г Л. Б. Очерк с.-х. промышленности Воронежской г., вып. I, 30.

можно судить по данным о численности бобыльства. В монастырях и церквах активного района бобыли составляли значительную общественную группу.

Что представлял собой бобыль? «В Воронеже на посаде слобода боярина Н. И. Романова, а в ней 70 чел. бобылей живут на время для промыслов». В вотчине Б. И. Морозова бобыль «побрел из с. Лыскова с торговым промыслом в Астрахань».[1] Бобыли Белева Спасского монастыря «разъезжают по торгам и по промыслам». И те бобыли «денежные и хлебные и всякие подати платят с посадскими людьми вместе».[2] Выбранный в целовальники Козьмодемьянский бобыль Ильин «животами прожиточен». Бобыль Микишка Макаров вотчины Морозова купил 250 п. соли.[3] В с. Архангельском, Казанской губ. было много бобылей, впоследствии перешедших в казанское купечество.[4] В Свиняжском у. Казанской губ. дворцовые бобыли арендовали рыбные ловли.[5] С другой стороны мы имеем бобылей — рабочих, голытьбу и т. д. На церковной земле «с. Мочасово (Нижегородская губ.) живут бобыли и питаются от церкви божией и работают на попов».[6] Про усманских бобылей сказано: «Земляные дачи за ним нет, кормятся работою». Про бобылей тверской вотчины Морозова сказано, что они как безземельные не платят тягла. Переход крестьян в бобыли разрешался только в редких случаях. Так, одна вдова крестьянка просила кн. Одоевского «снять с нее тяглую землю и велеть жить в бобылках», так как муж ее утонул, и она осталась с большой семьей, она кормится христовым именем, ей нечем платить оброку и мирских податей». Князь велел перевести ее в бобылки, если подтвердятся ее показания.

Ю. Готье (Замосковный край, стр. 133—135) соглашается с Беляевым, Дьяконовым, Лаппо-Данилевским, что бобыль —обедневший, опустившийся в хозяйственном отношении крестьянин. Буржуазного историка ввела в заблуждение официальная терминология. Только Б. Д. Греков, правда, нерешительно выделяет некоторые случаи зажиточных бобылей. Бобыли были продуктом разложения феодального общества и давали элемент, стоящий вне тяглового общества.

Первоначальное накопление капиталов в крестьянской среде «регулировалось» монастырями, помещиками и крупной городской буржуазией.

---

[1] Материалы для истории землевладения. Вотчинное хозяйство боярина Б. И. Морозова, под общ. ред. А. Новосельского и А. Яковлева, т. II, стр. 495 (по рукописи).

[2] Сахаров И., История общественного образования Тульской губ. М. 1832 г., стр. 109.

[3] Материалы для истории землевладения, т. II, стр. 377.

[4] Покровский И., Казанский архиерейский дом.

[5] Мельников С., Акты исторические и юридические, Казань, 1859, 131 стр. и след.

[6] Выписка из писцовых книг на с. Мочасово, «Действия Нижегородской Арх. Комиссии», 1913 г. т. XV, вып. 2, стр. 9.

Монах в рясе был подлинным помещиком, который льготы церкви использовал, главным образом, для себя. Крестьяне это особенно стали чувствовать со второй половины XVII в. Грамоты коллегии экономии переполнены протестами и жалобами крестьян на монастыри, которые «наглостно» их выживали с земель, сенных покосов, рыбных ловлей, травили скотину и переводили ее в свои владения. От «святителей» попадало не только крестьянам, но и детям боярским. Желая воспользоваться привилегиями, крестьяне вынуждены были бегать в монастыри, но в его лице они встречали крепкого, хорошо организованного конкурента, который лучше помещика налаживал свое хозяйство. Крестьяне окраин наталкивались не только на монополии местных монастырей, но и на монополии монастырей центра и патриарха. Московские монастыри (Троице-Сергиевская лавра, Новоспасский, Чудов и др.) высылали на Волгу крупные рыбные артели. Рыбный промысел на Волге находился в руках крупных архиерейских домов, владевших тарханными грамотами. Особенно успевали в торговле учреждения патриарха, казанского и астраханского митрополитов, Троице-Сергиева, Чудова, Свияжского, Богородицкого-Казанского, астраханских и прочих монастырей.[1]

Монастыри производили большие ростовщические операции хлебом. Часто они скупали наличный хлеб и заставляли голодающее население покупать хлеб по непосильной цене. В неурожайный 1671 г. отовсюду слышались жалобы на монастыри. Так, например, Калдаловский монастырь Тотемского района, пользуясь голодным 1671 годом, «всякий хлеб с осени закупил во многих местах из Устюжского у. из розных волостей и четвертей». Этот монастырь ухитрился провезти только мимо одного г. Тотьмы 3 000 подвод с хлебом в то время, как «многие люди от хлебной скудости с голоду помирают».[2] Троицкий монастырь (Тамбовской губ.) владел обширными бортными и рыбными ловлями по р. р. Цне, Хопру.[3] Старо-Кадомский монастырь имел в своих руках перевозы и рыбные ловли на озерах и р. р. Мокше и Еремше в Кадомском у. Таможенные откупа на р. Мокше находились в руках Пурдышевского монастыря. Макарьевский монастырь под Нижним-Новгородом собирал огромные пошлины с торговцев всей страны, приезжающих на ярмарку, и держал в руках не только администрацию ярмарки, но и полицию.[4] Рост церквей Замосковного края (за 1628 — 1657 гг.) равен отношению 100 : 140, в активных районах разинщины — 100 : 196,[5] в активном астраханском районе 100 : 305. В активном инонациональном районе (Тамбове, Козлове, Шацке, Кадоме, Темникове) были 124 церкви и дворы попов, в пассивном районе (Лебедянске, Усмани, Добром и Челнавском) — только 24 церкви и двора духовенства. Эти

[1] Книга Указов XVII в., стр. 175.
[2] Отписка таможенного и кружечных дворов, № 75, связка 440, л. 2.
[3] Дубасов И., История Тамбовского края, т. III, стр. 27.
[4] Титов, А., Макарьевский Желтоводский монастырь, 1910 г.
[5] Подсчитано по кн. Шимко И., Патриарший приказ, М. 1894.

цифры — яркий показатель остроты социальных отношений накануне восстания.

Положение крестьян начинает значительно ухудшаться с 50-х гг. XVII в., когда в колониях с новой силой стали ограничиваться права монастырского землевладения. В переписной книге казанского архиерейского дома 1646 г. (составленной еще до Уложения), уже не видно архиерейских торговцев крестьян. Жалобы крестьян усиливаются с того времени, когда правительство стало ограничивать права патриарха и церкви. Нажим на крестьян тогда удесятерился. Поэтому со второй половины XVII в. начинается повальное бегство крестьян из монастырей, так, например: в 8 селах активного Темниковского района за 50 — 90 гг. число крестьянских дворов при церквах уменьшилось с 584 до 403, причем в трех селах из восьми число дворов уменьшилось на 50%.[1] Беглые, как и в Западной Европе, пытались спастись в городах, но оттуда их изгоняли, так как «крестьяне не посадские люди и на посаде не живали».[2] Беглые сотнями направлялись большею частью на Дон. Крупные вотчинники так же, как и монастыри, имели возможность своеобразно «регулировать» крестьянскую торговлю: разрешали ярмарку в одном месте, запрещали в другом и т. д. В 1660 г. заведующий таможней боярина Морозова возбудил вопрос о запрещении крестьянского базара в с. Старом-Покровском, где «торгуют беспошлинно», и о принуждении торговать в с. Мурашкине, чтобы «от недобору в конец не погибнуть».[3] Крестьяне села Лыскова заявляют Морозову, что они обеднели и не в состоянии снабжать своего вотчинника рыбой из-за того, что рыбный откуп находится в руках Шорина, крупного купца того времени.[4] Симбирские крестьяне «скудные, бедные, помирали голодной смертью», так как они не имели права ловить рыбу в истоках и озерах, которыми владели государевы откупщики.[5]

Наконец со второй половины XVII в. государственными и монастырскими кабаками начинает вытесняться бортный промысел крестьян. Медоварение было столь выгодным предприятием, что глава казанского архиерейского дома «святитель» Гурий предложил спаивать инонационалов: «поити их у себя квасы и посылати их поити медом».[6] Запретив медоварение, правительство сделало кабак источником своих доходов. Соблюдая свои интересы, кабацкие головы обязывались собирать кабацкие деньги с прибылью; для этого они могли действовать «бесстрашно и в том приборе никакого себе опасения не держать», а главное «питухов от кабаков не отгонять». Правительство добилось своего: кабаки давали

---

[1] Подсчитано по кн. В. и И. Холмогоровых, Материалы для истории статистики и археологии Темникова в XVII и XVIII вв. Тамбов, 1890 г.

[2] Грамоты Коллегии экономии. Дела Чебоксарские 14434/4. л. 13.

[3] Материалы по истории землевладения, т. II, стр. 497.

[4] Там же, т. II, стр. 406.

[5] Зерцалов А. Н., Материалы для истории Симбирска и его уезда. Симбирск, 1896.

[6] Покровский И., Казанский архиерейский дом, 1906, стр. 98.

не меньше 1 500% дохода. Крестьяне не были в состоянии выдерживать конкуренцию с крупными пасечниками: один Ромодановский имел в районе Белогородской черты (635) немного меньше пасек, чем десять мелких помещиков (743). Крестьянское бортное хозяйство было слабее помещичьего. [1]

Городская буржуазия также требовала ограничения крестьянской торговли. С соответствующей декларацией выступили Московские гости в 1649 г. Провинциальное городское купечество разгоняло крестьянских торговцев. В 1669 г. поступило заявление Ипатьевского монастыря Костромской губ. о том, что костромское купечество «волочит в земскую избу и сажает в чепи и в железа торгующих крестьян и бобылей». [2] Такое вооруженное выступление городской буржуазии против крестьянского купечества неоднократно встречается в районе Оки и верховьев Волги.

В 1588 г. торговцы крестьяне в Туле составляли 31%, в 1625 г.— 8,55%, в 1865 г. — 0,58%. [3] Однако активный район восстания отличался тем, что крестьянская торговля в нем, вопреки ограничениям до разгрома разинщины, занимала значительное место в то время, как «участие крестьян в торговле и промыслах в пригородных местностях Замосковного края оказывалось ничтожным». [4] Хотя в активном районе, как и в Замосковном крае, происходило сокращение крестьянской запашки, однако был еще значителен удельный вес самостоятельных крестьянских хозяйств в активном районе. Активный район восстания характеризуется и тем, что со второй половины XVII в. там начал создаваться крепостной рабочий.

Правительство не могло скрыть, что «пущими заводчиками» были рабочие поташных заводов Нижегородского у. Иностранный путешественник [5] также отмечает, что самые неустрашимые и храбрые повстанцы были в Лыкове, Мурашкине и Павлове, т. е. в дворцовых селах и вотчинах боярина Морозова. Правда, торговая крестьянская буржуазия храбро дралась с правительственными армиями, но движущей силой этого района были рабочие поташных (будных станов) майданов. В Нижегородском у. на майданах было около полуторы тысячи рабочих. Среди них было 246 поляков, повидимому, составлявших квалифицированную рабочую силу. Майданные рабочие рекрутировались из среды бедных: «а буде которые бедные крестьяне взять нечего, тех отсылать к будному делу зола жечь». Крестьяне из дальних деревень и вотчин должны были к майданам дрова, золу, поташ доставлять в Нижний-Новгород и Вологду для отправки за границу. Рабочие обязаны были с выти (48 дес. пашни в трех полях) жечь 640 четвертей золы, вместо обычного денежного оброка доставлять на

[1] Токмаков И., Материалы по истории пчеловодства в России, 1885.
[2] Миловидов И., Содержание рукописей Ипатьевского монастыря, 1887, стр. 34.
[3] Белоцерковский Г., Тула и Тульский у. в XVI — XVII вв. Киев 1915.
[4] Готье Ю., Замосковный край, стр. 530.
[5] Посольство Конрада фон-Кленка. СПБ. 1900, стр. 455.

вить 40 саж. дров, косить на боярина по 300 коп. сена. Сергачские крестьяне жаловались на то, что их заставляют дрова носить на майдан, в то время как на других майданах носят дрова будники. Вотчинник принуждал лысковских и мурашкинских крестьян возить поташ «без найму и без подмоги». Крестьяне, одинокие и бесконные, не поспевавшие дров рубить, возить и золы жечь, должны были на свои средства покупать дрова и золу. От этого они «оскудели, хлеб у них родится и пропадает, потому что исполняют майданную работу».[1] Крестьяне жаловались, что после морового поветрия наложили на них большое тягло с великою надбавкою. Лысковские крестьяне указывали, что они «всякое изделие делали, золу и дрова ставили без пощады».[2] Вотчинник давал инструкции в связи с возможными чрезвычайными обстоятельствами: в случае татарского набега крестьяне должны были мурашкинский поташ перевезти водою в Нижний Новгород, а поташ в Запьянах закапывать в ямы на высоких местах в лесах.[3] Приказчик, следуя инструкции, бил рабочих нещадно за малейшую ошибку: «который золу худо привезет, того бить батоги и ту худую золу велеть высыпать на земь и золу велеть добрую привесть». Беглых били кнутом «нещадно», водя в торговые дни «по улицам, а где торгов нет, то на сходах». Пойманных заставляли работать в кандалах или отправляли для расправы в Москву. Рабочие страдали от слишком усердствующих приказчиков. Даже вольнонаемные рабочие жаловались на приказчика: он их, «сирот, мучил, бил не про дело, напрасно, без вины, многих изувечил и глаза подбил, посылал на работу до света за два часа; с работы спущал час ночи».[4] Рабочие, обычно, отправлялись искать правды в Москве к боярину. К кадрам рабочих следует отнести ярыжек, образовавших большие повстанческие отряды на Волге и на Дону. В районе разинщины были и большие кадры ремесленников и подмастерьев в монастырях и вотчинных, военизированных ремесленников, плотников, вольнонаемных и сельскохозяйственных рабочих, принимавших активное участие в восстании. Кадры сельскохозяйственных рабочих, повидимому рекрутировались из среды разорившихся или беглых крестьян. У Морозова, как и у его соседей, крупных вотчинников, было не мало крестьян, у которых было «взять нечего». Большие группы крестьян не могли засеять пашню без займа у феодалов-крепостников.

Итак, накопление в крестьянской среде урезывалось и перекачивалось в хозяйства монастырей и помещиков. Крестьянин лишался не только прибавочного, но и необходимого продукта своего труда. Борьба из-за рабочей силы между различными группами владельцев пагубно отражалась на состоянии крестьян: так, например, борьба из-за бобылей между Мамонто-

[1] Материалы по истории землевладения, т. II, стр. 397.
[2] Там же, т. II, стр. 406.
[3] Материалы по истории землевладения, т. II, стр. 492.
[4] Забелин, Большой боярин. «Вестник Европы», 1871 г., № 1.

вым монастырем и помещиками привела к тому, что «бобыли в конец погибли и их животина померла».[1] Хищнический способ ведения хозяйства, крайне тяжелая сторожевая служба больших категорий крестьянства надолго подорвали развитие производительных сил, приводили к такой потере крови, что хозяйственный организм не мог оправиться в течение десятилетий. Поэтому техника хозяйства держалась на одном уровне. По данным И. Миклашевского техника сельского хозяйства южной окраины Московского государства держалась на одном уровне со второй половины XVII в. до второй половины XIX в. Методы эксплоатации нашего феодала-крепостника ничем не отличались от хозяйственных методов Испании в своих колониях. У обоих получились одинаковые результаты: хищническая система надолго задержала рост первоначального капиталистического накопления.

Казачество колоний следует отнести к той категории, которая находилась между свободным и закрепощенным крестьянством. Оно наделялось сравнительно большими земельными и сенокосными участками, получало жалованье и пользовалось свободой торговли. С другой стороны его положение было неустойчиво: в любой момент оно могло быть экспроприировано. Казачество было расслоено: небольшая часть перерождалась в помещика, владевшего крепостными. Поэтому классовые противоречия в его среде были крайне обострены.

Недаром упорная гражданская война разразилась в этих районах и направлялась в первую очередь против монастырей, крупных феодалов-крепостников, крупной торговой и ростовщической буржуазии.

III. ГОРОДА АКТИВНОГО И ПАССИВНОГО РАЙОНОВ.

В большинстве посадов (90 посадов из 117) было менее 200 дворов. Ко второй половине XVII в. насчитывалось всего пять посадов, имевших больше тысячи дворов: Москва, торговые центры верхнего Поволжья (Ярославль, Кострома) и среднего Поволжья (Н. Новгород, Казань).[2] Города на правом берегу Волги были мельче. Они отличались своим военным характером. В качественном отношении южный и поволжский города отличались от деревни свободным населением. Военный элемент (стрельцы, казаки) большей частью был вооруженным торговцем, находившимся в более выгодных условиях, чем невооруженный посадский и крестьянин. Как строго проводился принцип непринятия в город тяглого населения, видим из того, что, например, в Козлов проскользнул лишь один тяглый крестьянин. Торговлей занимались дети боярские, сторожевые и полковые казаки, дворники, пушкари, духовенство и проч. В мелких посадах они торговали предметами

[1] Известия Тамбовской Архивной Комиссии, 1887 г., XV, стр. 30.
[2] Яковлев А., Приказ сбора ратных людей, 1917 г.

*

своего производства. Портные, кузнецы, валяльщики, сапожники, овчинники, кожевенники, лапотники сами продавали предметы своего производства.[1] Однако в крупных городах кустарь начинал овладевать производством: в 1664 г. в Нижнем Новгороде 21,32% ремесленников продавали свой товар через посредника, 45,03% сами доставляли товар на рынок и 66,35% работали на заказчика.

В крупных городах население было значительно дифференцировано. В 1664 г. в Нижнем Новгороде 24,41% городского населения работали по найму, 37,51% занимались ремеслами, 33,34% — торговлей, а 4,44% совмещали работу по найму с ремеслом и торговлей.[2] Высшая группа торговцев в Нижнем Новгороде (в 1629 г.) была в 240 раз богаче низшей,[3] в Саратове (с 1634 г.) в 12 раз,[4] в Астрахани (с 1660 г.) в 860 раз, в Балахне (с 1674 г.) в 148,5 раз.[5] Отношение налогов в Нижнем Новгороде и Чебоксарах высших групп к низшим составляло 1 : 9,5. Эти цифры, однако, как я указал, еще не дают представления об огромной роли торгового капитала; торгуя с Востоком, Михаил Гурьев за свой счет строил Яицкий городок: только один каменный «опричь деревянного» стоил ему 200 000 р. по расчетам XVII в.

Откупщики на Волге большей частью рекрутировались из среды посадских. Откупная сумма (района г. Саратова в 50—60 гг.) на 1596 р. распределялась следующим образом: один откупщик платил 1000 р., а одиннадцать 596 р. Среди последних сумма откупа колебалась между 8 и 132 руб.[6] Здесь мы, таким образом, имеем выразительные данные о роли крупного капитала в городах. Также значительно было расслоение и среди той части городской буржуазии, которая переходила к организации производства: среди владельцев соляных варниц Балахны в 1674 г. было 35% крупных, 41% средних и 24% мелких фирм. В течение XVII в. происходила концентрация фирм: крупные фирмы увеличились на 50%, средние уменьшились на 49% и мелкие сократились в $3^3/_4$ раза. В конце XVII в. замечается концентрация лавок во многих городах. Наконец, налоговая политика и денежная инфляция окончательно разоряли мелкую городскую буржуазию: так, например, жители Юрьевца-Поволжского, до которого докатилось восстание, жаловались, что они оскудели «от великих платежей стрелецких и иных податей».[7] Переписная книга Нижнего Новгорода за 1664 г. отмечает 43 фирмы, разорившиеся «из-за медных денег». Бобыли в городах разинщины во много раз

[1] Черменский П., Очерки из истории колонизации Тамбовского края. «Известия Тамбовской Архивной Комиссии», 1911 г., вып. 54.
[2] Переписная кн. Н.-Новгорода на 1664 г. (неопублик.). Проценты вычислил П. В. Акимов.
[3] «Действия Нижегородской Архивной Комиссии», т. XII, вып. II.
[4] «Труды Саратовской Архивной Комиссии», 1915 г., вып. 33.
[5] «Действия Нижегородской Архивной Комиссии», 1889 г., т. 12.
[6] Гвоздаво-Голомбиновский А. А., Материалы для истории г. Саратова, М. 1892.
[7] Писцовая книга Юрьевца Поволжского 1676 г.

превосходили численность бобылей Замосковного края. Города активного района тем отличались от городов Замосковного края, что их посадские не выделились в значительную особую сословную группу. Это говорит о том, что в городах колонии еще господствовали более свободные общественные отношения, чем в городах метрополии.

Процент посадских жителей: [1]

В активном районе восстания:		В городах Замосковного края:	
В Шацке	0	В Орле	10%
« Коротояке	$2^1/_5$%	« Ельце	13%
« Козлове	6%	« Курске	43%
« Острогожске	$6^1/_2$%	« Калуге	66%
« Темникове [2]	7%	« Ярославле	71%
		« Серпухове	74%
		« Костроме	95%

Тип посадского накануне восстания характеризуется следующими данными: так, например, в Нижнем Новгороде в 1664 г. [3] среди лиц, работающих по найму, посадские составляли 70%, среди ремесленников — 79,04%, среди торговцев — 82,21%, среди совмещающих работу по найму с ремеслом — 90,9%, среди совмещающих работу по найму с торговлей — 56,8%. Вместе с тем, эти цифры категорически опровергают представление о натурально-хозяйственном укладе наших городов в XVII в.

Город Западной Европы боролся одинаково против светского и монастырско-церковного феодала. В борьбе с светским феодалом наш город опирался на помощь монастырей и патриарха. (Значительные богатства в городах принадлежали духовенству: в Нижнем-Новгороде в 1664 г. гости имели 84 лавки, духовенство — 80. Лавки «святителей» были сконцентрированы в руках меньшего количества владельцев.) Только крупные города Поволжья были в состоянии вылупиться из скорлупы монастырского посада. Потребительское хозяйство большинства помещиков мало интересовалось судьбой города. Попадая в руки крупных крепостников-феодалов, города начинали хиреть: из закрепощаемой деревни они не были в состоянии черпать новых слоев населения. Кризис, охвативший города Замосковного края в первой половине XVII в., поразил города разинщины только после разгрома восстания. Город активного района значительно отличался от города пассивного района своей величиной: в Тамбове было 733 двора,

[1] Данные относятся к 1668 — 1678 гг. и взяты из Очерков по истории колонизации и быта степной окраины, т. I, 1887 г., стр. 216, и из работы П. Черменского — Очерки из истории колонизации Тамбовского края в «Известиях Тамбовской Архивной Комиссии», 1911 г., вып. 54, и пр. материалов.

[2] Исключение составляет Кадом и Воронеж. Кадом имел 63% посадских. Этот факт объясняется древностью города и значительным торговым движением по реке Мокше. Этим же объясняется значительное число (20%) посадских в Воронеже.

[3] Переписная книга, рукопись хранится в Археографической Комиссии Академии Наук.

в Козлове — 981, Шацке — 689, Темникове — 513, Кадоме — 243. Города пассивного района отличаются незначительным числом дворов.[1] По данным П. Смирнова (Города Московского государства, ч. I, 132) средний размер посада составлял 153,8 двора в двадцатые годы XVII в. Деревни и села активного района были так многочисленны, что многие из них численностью превосходили московский посад начала XVII в.: из 60 сел Темниковского у. (1676 г.) 8 сел были крупнее среднего Московского посада, а одна слобода (Красная) имела даже 743 дома. В Шацком у. было 12 таких сел из 105, в Кадомском у. — 2 из 112.

Город активного района был переполнен деклассированным элементом — бурлачеством, голутвенным элементом, ссыльными, украинскими политическими эмигрантами, которые шли «от нетерпимого великого голода» на заработки. Города Симбирской черты почти исключительно комплектовались из ссыльных, беглых и стрельцов, т. е. из наиболее революционно-настроенных групп. В городах этого района были значительные слои казенных ремесленников и рабочих, пушкарей, затинщиков. Последних следует отнести к категории низко оплачиваемых рабочих, которых обычно набирали из среды черных людей.[2] П. Смирнов (ч. I, 169) отмечает, что стрельцы и казаки по смете 1632 г. составляли около 40, а по смете 1661 — 63 гг. около 80% всего количества ратных людей казанского дворца. Города активного района отличались наличием большого числа вольнонаемной рабочей силы. Во второй половине XVII в. десятки тысяч крестьян служили на волжских насадах. Купец Гурьев возил на Яицк с Руси «мастеровых людей, наймуя их великою ценою втрое и четверо». Кроме того, беглые жили «в служилых, в наймах, в извозе, на будных заводах, на стругах и торговые люди их наймовали в работу и извоз».

Иным было соотношение классовых сил в городах пассивного района, не присоединившихся к восстанию. В 77 городах степной окраины и Белгородской черты среди 80 000 жителей было 44,1% детей[3] боярских, которых следует отнести к лучше оплачиваемой служилой группе. В то же время в активном районе, в частности в районе приказа казанского дворца, на 30787 служилых было только 1481 дворян и детей боярских. Таким образом, социальные группы в городах пассивного района разинщины не были заинтересованы в том, чтобы бороться за изменение существовавших общественных отношений.

Поведение городских жителей во время восстания определялось не столько соотношением классовых сил в городе, сколько

[1] «Известия Тамбовской Архивной Комиссии», вып. 51.

[2] По указу 1640 г. лебедянские стрельцы вербовались «из бобылей, половинщиков и из церковных бобылей и из гулящих людей. По Корсунской черте (Симбирской г.) затинщики за скудостью землю не пашут». (В. Холмогоров, Материалы по истории Симбирского края, 1898.)

[3] Благовещенский Н., Четвертное право 1899, с. 85.

классовой борьбой в деревне: в то время деревня еще господствовала над городом. Поэтому участие городских жителей в восстании объяснялось не только ролью низших слоев в городах, но главным образом значением феодально-помещичьей и монастырской колонизации в районе города.

IV. ДЕРЕВНЯ ПАССИВНОГО РАЙОНА ВОССТАНИЯ.

Какой была картина общественных отношений в Слободской Украине, по Белгородской черте — в пассивном районе, где восстание нашло слабый отклик?

Слободская Украина колонизировалась теми элементами, которые вынесли на своих плечах тяжесть борьбы против польской шляхты. В 1640 г. Польша жаловалась на то, что 20 тысяч «изменников-черкасс» перебежали в слобожанщину, «а царское величество их жалует и на службу свою посылает». В 1654 г. на слобожанщине считалось 80000 казаков и крестьян.[1] В 1669 г. слободским полкам было предоставлено право беспошлинной торговли. За это они должны были служить «над изменники черкассы, над татары промыслы и поиски чинить и великому государю всякого добра хотеть и искать лучшего». Почти та же служба, которая в конце XVII в. возлагалась на пограничные станицы и сторожи, расположенные по черте от р. Орел через Новгород-Северск, Путивль, Рыльск, Мещерск, Тулу, Епифань, Данков, Ряжск и Шацк, во второй половине XVII в. была возложена на слободские казачьи поселения, размещенные по черте, далеко отодвинувшейся на юг и шедшей от того же Путивля, но по направлению не к северу, а к югу, через Суджу, Сумы, Лебедин, Ахтырку на Харьков и поворачивавшей к северу на Острогожск и Землянск. Земля, отведенная колонистам, была богата лесами, сенными покосами и хлебородна. Она давалась по разрядам службы: детям боярским — по 12½ дес. пашни и 70 копен сена, казакам 20 и 40, стрельцам и пушкарям 8 и 15.[2] Правительственные документы определяют казаков Острогожского полка Ив. Дзинковского, принявших участие в восстании, как «семьянистых и прожиточных»: среди них было 66% богатых и средних и только 30% бедных.[3] Мельница, церковь, скотина и «всякие многие заводы по цене на многие тысячи», оставшиеся после казни Дзинковского, показывают, что этот полк вел большие торгово-ростовщические операции. Указ 1647 г. велел принимать «переезжих людей семьянистых и прожиточных, от которых измены не чают, а худых и одиноких не пропускать». Однако и им Москва мало доверяла, — они отдавались под надзор специальных воевод. По данным Миклашевского, слобожане были удовлетворительно обеспечены скотом. Жалованная грамота 1682 г. слободским полкам «пашенные земли пахать и всякими угодьями владеть по их черкасской обычности» констатировала то

[1] Щелканов В., История Харьковской губ. Харьков, 1882, стр. 21.
[2] Историко-статистическое описание Харьковской губ., стр. 70.
[3] Багалей Д., История Слободской Украины, 1918, стр. 28.

положение, которое создалось на Слобожанщине после разгрома Хмельницкого. Москва временно отказалась от посягательства на крестьянскую землю пассивного района. Крестьяне захватывали огромные земельные участки. В Белгородском у. «у крестьян земли много, а сколько четвертей той земли — не мерив, сметить не мочно». В Придонье крестьяне арендовали землю на выгодных условиях: в начале XVII в. арендаторы платили по 10 коп., а со средины XVII в. — 40 к. за $1^1/_2$ дес. (четь в трех полях), в то время как аренда земли в Нижегородском у. обходилась от 10 до 15 р. за десятину. Придонской край в начале XVII в. был — по выражению Вейнберга — своего рода Калифорниею, куда беглые стремились «добуваться». Земля, стоившая в конце XVI в. по 20, в начале XVII в. — 50 к., продавалась к средине XVII в. по 1 р. и по 2 руб. за четь. [1] Приблизительно столько же стоила земля в Симбирской губ.: четверть земли в Корсунском уезде до 1735 г. не превышала одного рубля. Между тем, в старых областях Замосковного края, в Вологодской губ., во второй половине XVII в. десятина пашни стоила 15 р. Только одна такая разница в плате, помимо других условий, могла вызвать приток колонизации на юг. Земля покупалась не только помещиками, но и к р е с т ь я н а м и с публичных торгов «из наддачи». В сельском хозяйстве окраины применялась н а е м н а я рабочая сила. Сельскохозяйственный рабочий Воронежской губ. во второй половине XVII в. получал ежемесячно от 6 до 20 алтын, хозяйские харчи [2] и был, таким образом, не плохо обеспечен. Если принять во внимание дешевизну земли в Придонье, то следует притти к выводу, что только подлинная голытьба продавала свою рабочую силу. Огромная масса крепостных рабочих составляла ядро той «голи кабацкой, с которой думушку думал Степан». Эта масса вербовалась главным образом из среды тех беглых, которые тысячами покидали Украину после поражения восстания Хмельницкого. Украинский колонист принес в Слобожанщину и Белгородскую черту плуг, садовое пчеловодство, усовершенствование медоварения, секрет улучшенной выделки кож, производства молочных продуктов и выгодный способ откармливания скота побочным продуктом винокурения — бардою и т. д. Вместе с хлебопашеством в пассивном районе (в особенности в Воронежской губ.) развивались не только лесное, но и садовое пчеловодство, садоводство, огородничество, бахчеводство, льноводство, хмелеводство, табаководство и овцеводство. Большое место занимала обработка сельскохозяйственных продуктов. В более обширных размерах существовали производства: винокуренное, медоваренное, мукомольное, рыбное, воскобойное, кожевенное, селитренное, шерстобойное, дрожжевое, уксусное, свечное и т. д. Сырье и полуфабрикаты через Вологду вывозились за границу. Во второй половине XVII в. кое-где начинается унаваживание полей, применение плуга, орга-

[1] В е й н б е р г Л., Очерк с.-х. промышленности Воронежской г., вып. I, стр. 51.
[2] В е й н б е р г Л., в. I, стр. 50.

низация конских заводов. Быструю эволюцию проделывает мельница: ступа, домашний жернов выталкиваются водяной мельницей. В конце XVII в. ветряной двигатель преобладает над водяным. Эти новые технические приемы и усовершенствования сначала применяются монастырями и вотчинниками и только затем крестьянством.

Как развивалось самостоятельное крестьянское хозяйство, независимое от помещичьего? Скудные данные любопытны. Бегали не только слабые, но и сильные группы крестьянства: среди 33-х беглых г. Платова (Воронежской губ.) было 15,1% безлошадных, 57,6% с одной лошадью, 24,2% с 2—3 и 3% с 4 до 5 лошадьми.[1] Беглые на новом месте пытались наладить хозяйство: беглый из вотчины Морозова (из с. Мурашкино) в 1659 г. посеял на новом месте «ржи полтретья загона ($2^1/_4$ ч. корсунской меры), а будет той ржи овинов в десять, пуд пшеницы, три четверти овса, четыре овина проса, да и льну».[2] Урожайность крестьянских полей была не ниже помещичьих: посевы ржи и овса беглых демшинских крестьян (Воронежской губ.) давали урожай не ниже помещичьего: $11^1/_6$ десятины дали 6 копен, 2 дес. — 11 копен, $^{11}/_{12}$ дес. — 7 коп. и т. д.[3] В вотчинах боярина Морозова урожайность была ниже. Беглые крестьяне торговали, служили по найму — на извозе. Беглый крестьянин Волотка Казанцев с Петрушкой имели в Симбирске семь мельниц, за которые они предложили на торгах по 400 р. ежегодно.[4] Однако беглые не добились успеха на новом месте, где «они не покидали сферы сословного слоя, образовав лишь новое условие, и сохраняли свой прежний способ работы». (Маркс, Капитал, I, 245.) Хозяйство беглых на новом месте не было устойчиво; в любой момент оно могло быть разрушено. Указы XVII в. предлагали изгонять с новых мест и закрепощать крестьян, которые «учнут жить» на «пустоши и диком поле». В лучшем случае они возвращались на старые места.[5]

Закрепощение крестьян происходило только в восточной части степной окраины в Воронежском и Лебедянском у. Воронежские и костенские украинцы в начале XVII в. за измену были отданы и проданы в работу помещиками.[6] В Лебедянском уезде в 1646 году помещики имели 15,06, монастыри — 18,12, вотчинники — 66,82% дворов уезда.[7] В Тульском уезде в 1646 г. помещики имели 48,41, вотчинники — 41,45, монастыри — 9,14% дворов.[8] В Лебедянском уезде у двух крепостников было почти столько же селений (15), сколько у 182 помещиков (16). Другое соотношение классовых сил было к Западу от р. Воронежа, по Белгородской черте.

---

[1] Миклашевский И., К истории хозяйственного быта Московского государства.

[2] Материалы по истории землевладения, т. II, стр. 387.

[3] Вейнберг Л., 54. Очерк с.-х. промышленности Воронежской г., в. I, стр. 51.

[4] Зерцалов А. Н., Материалы для истории Симбирска 1896 г.

[5] Грамоты Коллегии Экономии. Казанская губ. № 11.505/48, л. 88.

[6] Донские дела (неопубликов.) т. VI, стр. 559.

[7] Известия Тамбовской Ученой Архивной Комиссии, 1917 г., 57.

[8] Щепкина Е., Тульский уезд в XVII в., 1892 г.

Слободская Украина, как и вся южная окраина, характеризовалась большим количеством мелких помещиков (детей боярских): так, например, в Чугуеве привели «к присяге против Разина» 1024 чел., среди которых было 488 дворян и детей боярских, 128 рядовых станичников, ремесленников, огородников, 457 рядовых стрельцов и 40 гулящих. Они занимались торговлей, строили пасеки и «всякие промыслы владели». Крупное помещичье землевладение с крепостными крестьянами во второй половине XVII в. в пассивном районе встречалось редко. Иногда крестьяне юга ставились даже в больше привилегированное положение, чем дети боярские: указ 1680 г. запретил отдавать детям боярским пасеки с публичных торгов: «Мимо крестьян на оброк не отдавать, чтобы от того угодья не запустели». Повидимому, правительством хозяйственная деятельность крестьян оценивалась выше деятельности мелких помещиков. Слободская Украина не поддержала восстание острогожского полковника Дзинковского. Через Белгород на Киев направлялась огромная армия «для разрешения» польско-украинского вопроса. Но развитию восстания мешала не только армия. Слободская Украина находилась на особом привилегированном положении, крестьянство еще имело возможность захватывать огромные пространства земли свободно торговать. Слободские украинцы, наиболее торговый элемент, требовали отмены внутренних пошлин, свободного пропуска на Дон торговцев. Протестуя против московских монополий, чугуевцы отказались продавать московским солдатам съестные припасы. Монастыри Слобожанщины были очень богаты: так, например, — Змиевский Николаевский монастырь на собственные средства построил кирпичные заводы, рыбные дворы, пивоварки, мельницы, сукновальни, просорушки, сотни ульев и т. д.[1] Однако влияние монастырского хозяйства здесь было гораздо слабее, чем в активном районе восстания. В особенности монастыри были слабы в правом районе Белогородской черты.

Слабый отклик разинщины в Степной окраине Московского государства (Белогородском, Оскольском, Воронежском у.) стоит в связи с процессом образования однородцев. Юридическая терминология И. Миклашевского (К истории хозяйственного быта Московского государства, 1894 г.) и Н. Благовещенского (Четвертное право, 1894 г.) затрудняет понимание процесса. Оба исследователя отмечают, что было много помещиков без крестьян. Хотя служилые получили землю на поместном праве, однако нельзя их отнести к помещикам, так как они не имели крестьян. Без крепостной рабочей силы они фактически оставались крестьянами, хотя и стремились стать помещиками. Это их удерживало от того, чтобы присоединиться к восстанию Разина. Нельзя не отметить неверного разрешения Н. Благовещенским вопроса о

[1] Максимов Е., К вопросу о колонизационном значении монастырей Слободской Украины, «Киевская Старина», 1887 г., т. XIX.

происхождении однодворцев. Автор «Четвертного права» видит причину роста однодворцев и дробления их землевладения в общинной форме земельной собственности и в лености и неумении служить (стр. 89). Скорее прав Г. Шмелев,[1] соглашающийся с Кочаровским (Русская община 1900, I), что четвертное землевладение было общим, а не общинным. Поэтому все здание Благовещенского построено на песке. Захирение служилых, превращение их в однодворцев объясняется: 1) тем, что они не получили крепостных крестьян, и 2) восстанием Разина. Крестьянин на южной окраине ценился баснословно дорого: в 1683 г. крестьянская семья продавалась за 50 р., калмыцкая работница — 30 р., а молодой крестьянин — за 100 руб. «московских денег ходячих».[2] В начале XVIII в. крестьяне значительно подешевели.[3] В 27 городах Белогородского полка в 1675 г. из 30 717 служилых только 717 имели 1016 зависимых крестьян. Трудно было удерживать крестьян на границе между метрополией и колонией, где для них открывалось дикое поле. Восстание Разина сократило население в Воронежском уезде на 50%, в Лебедянском у. — в девять раз, также значительна была убыль населения в Тульской губ.[4] Иной была роль однодворцев в пугачевщине: к средине XVIII в. выяснилось, что правительство их закрепощает наравне с государственными крестьянами. Пассивную роль крестьянства и однодворцев в разинщине следует объяснить и тем, что низшие слои Украины поддерживали Москву в борьбе с Польшей. Иным было настроение тех однодворцев и детей боярских, которые находились в соседстве с крупными боярами. Елецкие мелкие помещики заявили, что они меньше страдали от литовского плена, от крымцев и нагайцев, чем от большого боярина Ив. Ник. Романова, к которому сбежала третья часть их крестьян и бобылей. Они были недовольны и тем, что от них крестьян выводили и угрожали даже, что пойдут «до иного государя». Крестьяне и дети боярские Слободской Украины были превращены в крепостных только в XVIII в.; до того времени они пассивно относились к тем восстаниям, которые происходили и после подавления Разина, и приняли слабое участие в самой разинщине. Небольшим размахом отличалось движение также и на севере, в районе Унжи, Ветлуги, Устюга, Соли Вычегодской и т. д. Слабый размах движения объясняется небольшой ролью помещичьего землевладения на севере и большим удельным весом торговой буржуазии, перешедшей на сторону правительственных войск в торговых селах и городах, в то время как торговая крестьянская буржуазия на Волге и в районе р. Оки выступала в рядах восставших.

* * *

[1] Отчет Комитета о втором присуждении премии Харьковским Земельным банком в память Александра Второго, 1901, стр. 25.

[2] Благовещенский А., Четвертное право, 1899 г., стр. 26.

[3] В 1701 г. за Андрюшку и его детей заплатили 60 руб. В 1720 г. за женку с детьми — 8 р. Материалы исторические и юридические б. приказа Казанского дворца.

[4] Белоцерковский Г. М., Тула и Тульский у. в XVI и XVII вв. Киев. 1915.

Анализ общественных отношений двух районов указывает, что не торгующее крестьянство было движущей силой восстания, а непосредственный товаропроизводитель, продукт которого в активном районе «урезывался сверх известной меры». В пассивном южном и северном районах, где торгующее крестьянство и городская торговая буржуазия играла большую роль, восстание не развернулось, так как непосредственный товаропроизводитель (крестьянин) полностью еще не закрепощался. Непосредственный товаропроизводитель активного района был основной силой движения, там барщинная система хозяйства быстро вытесняла даже оброчное хозяйство, дававшее крестьянству относительную самостоятельность распоряжаться продуктом. Наибольший размах движения приняло в деревне, т. е. там, где подавлялся непосредственный товаропроизводитель, а не в городах (Казани, Нижнем и т. д.), где купечество активно боролось против восставших. Производитель стремился стать купцом и капиталистом и пытался пойти «по действительному революционизирующему пути» (Маркс), но эта попытка надолго потерпела поражение.

Анализ классовых взаимоотношений в колониях накануне восстания Степана Разина опровергает реакционную схему Плеханова-Рожкова о характере крестьянских движений. Действительность разбивает положение Рожкова, что «Болотников и Разин желали возврата назад к тому положению, в котором находилась Россия в Киевский период, когда главными отраслями хозяйства были охота и рыболовство», что «если бы это совершилось, то пришлось бы снова пережить тот исторический период, который прошел между IX и XVII в.в.»[1] Борьба крестьян, подтачивавшая устои феодально-крепостнических отношений, шла по линии развития производительных сил и поэтому имела прогрессивный характер.

---

[1] Рожков Н., Методика преподавания истории, 1918, стр. 23.

М. Мартынов.

ПУГАЧЕВСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА ЗАВОДАХ ПРИКАМСКОГО КРАЯ.

I. ПРИКАМЬЕ НАКАНУНЕ ПУГАЧЕВЩИНЫ.

В последнее время русская историческая наука выдвинула ряд важных вопросов, относящихся к изучению пугачевского движения. В связи с исследованием его предпосылок был поставлен вопрос об общем характере движения и, в частности, о том, является ли оно революцией или войной. Это в свою очередь привело к выяснению роли торговой буржуазии и горнозаводских рабочих в пугачевском движении.[1] Эти вопросы требуют для своего разрешения тщательного изучения архивных документов по пугачевскому движению, на которых, по словам одного публициста 80-х годов, долгое время лежала «печать строгой административной тайны».[2] Лишь Октябрьская революция сделала их доступными научным работникам и позволила привлечь к изучению пугачевщины ряд новых материалов, в том числе и те, которые легли в основу этой статьи. Собранные нами материалы относятся к истории пугачевского движения на заводах Прикамского края, которое имело так много общего с движением в других районах восстания, что его возможно рассматривать, как вполне типичное. Остановимся прежде всего на предпосылках движения.

В течение XVIII в. боролись две системы — свободного товаропроизводителя с системой крепостнических отношений. Как тот, так и другой способ производства стали интенсивно развиваться в Прикамском крае в XVIII в. В период массового возникновения новых заводских предприятий на Урале, в 40—60-х годах XVIII в., в Прикамском крае возник ряд железных и медных заводов. В обследуемом нами районе, от р. Волги до р. Тулвы, в это время появилось 4 железных завода: Рождественский (1740 г.),

---

[1] Томсинский С. Г., Роль рабочих в пугачевском восстании, «Красная Новь», № 2, 1925, стр. 126. — Покровский М. Н., Новые данные о Пугачеве, «Вестник Коммунистической Академии», № 12, 1925. — Меерсон Г., Ранняя буржуазная революция, там же, № 13, 1925. — Томсинский С. Г., О характере пугачевщины, «Историк-марксист», № 6. — Мартынов М. Н., Пугачевское движение на заводах Южного Урала, «Записки научн. о-ва марксистов», 1928, №№ 1 и 2. — Тхоржевский С. И., Крестьянство и пугачевщина, «Записки научн. о-ва марксистов», 1928, № 4.

[2] Добротворский Н. А., Пугачев на Каме, «Исторический Вестник» 1884 г., дек., стр. 719.

Воткинский (1759 г.), Ижевский (1760 г.), Камбарский (1767 г.) и 5 медных: Тайшевский (1743), Иштеряковский (1758), Бемышевский (1756 г.), Варзино-Алексеевский (1758 г.) и Пыжманский 1763 г.). Один лишь медный Шильвинский завод появился в 1734 году.[1] Среди основателей заводов был такой влиятельный государственный деятель елизаветинского царствования, как временщик и фаворит граф Шувалов, которому принадлежали два крупных железных завода: Воткинский и Ижевский. Тут же был генерал-майор Тевкелев, вчерашние кузнецы, а сегодня — дворяне Демидовы, купцы — Осокин, Кобелев, Красильников, Иноземцев и Яковлев.

Появление заводов способствовало росту крепостнических отношений в Прикамском крае, так как горная промышленность в первой половине XVIII в. была поставлена в привилегированное положение, и к заводам влиятельных сановников и дворян правительство в целях содействия промышленности приписывало для работы целые деревни государственных крестьян. Заводовладельцы-купцы имели право покупать к заводам крепостных крестьян и пользоваться их трудом почти на таких же условиях, на каких помещики эксплоатировали своих крестьян в сельском хозяйстве. Из приписных и крепостных людей постепенно формировался кадр постоянных рабочих на заводе, мастеровых, которые выполняли все основные работы на заводе. Кроме того, заводовладельцы прибегали к труду вольнонаемных рабочих, часто приравнивая их к крепостным людям. В Прикамском крае, в районе от Волги до Тулвы, было всего два завода с приписными крестьянами: Ижевский и Воткинский. Остальные заводы пользовались трудом крепостных крестьян и так же, как и первые два завода, имели вольнонаемных рабочих.

Приписка государственных крестьян к камским заводам, Ижевскому и Воткинскому, была совершена при основании заводов в 1759 — 60 гг., когда совершенно прекратилась приписка крестьян к частным заводам, так как правительство было обеспокоено недовольством и волнениями приписных крестьян. Однако «надежной персоне», графу Шувалову, который имел большое влияние, удалось легко добиться приписки к своим заводам 13 000 душ ясашных крестьян. Крестьяне были приписаны на своеобразных условиях: граф Шувалов имел право переселять их на завод. Впоследствии права Шувалова над приписными увеличились, так как крестьяне были обязаны направлять жалобы на шуваловских приказчиков непосредственно Шувалову, а не в государственные учреждения. Благодаря этому Шувалов превратился в настоящего помещика над крестьянами. Когда через несколько лет шуваловские заводы перешли к казне, положение приписных крестьян мало изменилось.[2]

[1] Гессен Ю., История горнозаводских рабочих России до 60-х годов XIX в. М. 1926, стр. 78 — 80.

[2] Семевский В. И., Крестьяне в царствование Екатерины II. СПБ. 1901, т. II, стр. 343 — 344.

Работа на заводах была тяжелая. Приписные были обязаны рубить и возить дрова, подготовлять древесный уголь, сплавлять коломенки и поставлять лыко и деготь.[1] За свою работу они получали «плакатную плату», которая шла в уплату подушной подати. В летнее время приписной крестьянин без лошади получал по 5 коп. в день, а с лошадью — 10 коп., зимою плакатная цена была ниже: без лошади — 4 коп., а с лошадью — по 6 коп. По ценам 20-х годов XVIII в., когда были введены эти ставки, реальная заработная плата была сравнительно высокая. Тогда за 1 пуд хлеба в Кунгуре платили 6—7 коп.,[2] и за поденный заработок было возможно купить в летнее время 30 фунтов, а в зимнее — 24 фунта хлеба. В начале 60-х годов, когда хлебные цены выросли почти в 2 раза, реальная «плакатная плата» уменьшилась, и это привело к резкой разнице между казенными расценками и ценами на вольнонаемный труд. «Плакатная плата» в 60-х годах стала от 2 до 5 раз ниже цен на вольнонаемный труд. На Камских казенных заводах, как это видно из составленной нами таблицы, разница между плакатными и вольными ценами была меньше, чем на других заводах Урала, но тем не менее очень значительна.

Плакатные и вольные цены на заводские работы на Урале в 1767 г. [3]

Название работ	Южный Урал		Северный Урал		Прикамье			
	Авзяно-Петровский завод		Петропавловский завод		Мотовилихинский завод		Камские заводы	
	Плакатные	Вольные	Плакатные	Вольные	Плакатные	Вольные	Плакатные	Вольные
Рубка дров за 1 куб. саж.	35 к.	70—80 к.	30 к.	62 к.	25 к.	50—60 к.	25 к.	50 к.
Обработка угольных куч	6 р.	15—18 р.	6 р. 80 к.	14 р. 80 к.-16 р. 80 к.	3 р. 40 к.	9 р.	3 р. 40 к.	7—9 р.
Поденная работа за 1 день	—	—	4—5 к.	10—12 к.	4—10 к.	9—25 к.	4—5 к.	20 к.

Помимо падения реальной заработной платы положение приписных крестьян ухудшилось также и под влиянием падения цен

[1] Сборник Русского Исторического общества, т. 115, стр. 260—264. В дальнейшем ссылки на эти сборники будут обозначаться условно: «Сб. Р. И. О».

[2] Чупин Н. Цены различных товаров в Пермском крае в 1721—22 г., «Ирбитский ярмарочный листок», 1865 г., № 20. Цены, сообщаемые Чупиным, основаны на данных заводских книг по Ухтусскому и Кунгурскому заводам. Пажитнов, исходя из соображений И. Германа, считает, что в начале XVIII в. четверть ржаной муки стоила от 65 к. до 1 руб., т. е. значительно выше данных Чупина. В распоряжении Германа не было достоверных сведений о ценах на хлеб в 20-х г. XVIII в. и он писал, вероятно, по местным воспоминаниям, которые, правильно отмечая общую тенденцию к повышению цен, тем не менее не могли быть точными. Поэтому и вычисления Пажитнова, основанные на данных Германа, отличаются теми же недостатками. Пажитнов, Положение рабочего класса в России, Л. 1925, т. I, стр. 114.

[3] Составлено по данным наказов Екатерининской комиссии. Сб. Р. И. О. т. 115, стр. 250, 260, 265, 294 и след.

на русское железо в Англии, куда во второй половине XVIII в. поступало от 10 до 40% всей железной продукции. Падение цен началось с 1758 г. и продолжалось до 70-х годов. До 1764 г. железо гороблагодатских заводов продавалось до 80 коп. за пуд, в 1764 г. не выше 72 коп., а в 1766 г. цена упала до 68½ коп.[1] Несмотря на падение цен, добыча железа не уменьшилась, а увеличилась. С 1758 г. вплоть до 1769 г. вывоз русского железа за границу непрерывно возрастал, поднявшись с 653 тыс. до 2 473 тыс. пудов. Заводы Прикамского края в этом отношении также показательны.

Заводы	Выковка полосного железа в пудах	
	1766 г.	1767 г.
Воткинский	122 790	136 377
Ижевский	98 954	137 436
Рождественский	29 256	33 322[2]

Если данные о выковке железа на Воткинском заводе в начале 60-х годов принять за 100 (40 000 пудов), то для 1766 г. получим 307 (123 000 п.), а для 1770 г. — 375 (150 000 п.).

Рост продукции железной промышленности был достигнут усиленной эксплоатацией горнозаводского населения. В это время начал энергично работать государственный аппарат, чтобы внеэкономическим путем увеличить бремя обязательных заводских работ. С 1747 г. по 1760 г. подушная подать была 1 р. 10 коп. с души, в 1761 г. она была повышена до 1 р. 70 коп., а в 1769 г. до 2 р. 70 коп.[3] Таким образом, за период 60-х годов она выросла почти в 2½ раза. Благодаря этому число рабочих дней, в течение которых приписные крестьяне должны были работать на заводах, увеличилось сначала с 122 до 158 дней, а затем стало еще больше.[4] Вместе с тем на заводах была введена более суровая дисциплина. Приписные крестьяне не успевали в урочное время отрабатывать свою подушную подать и часто оставались должными заводской конторе. В начале 60-х годов 10 481 приписных крестьян Ижевского и Воткинского заводов должны были уплатить 34 239 руб. подушных денег, т. е. почти в два раза выше обычной подати.[5] Благодаря этому крестьянам приходилось работать на заводах значительно больше времени, чем это было установлено законом. Даже правительство должно было признать, что «налог работ усмотрен столь велик, что работник этого в день заработать отнюдь не может: ни пеший, ни конный, что на него полагается».[6] Обремененный непосильными работами, при-

[1] Полн. собр. законов. Закон от 24 июня 1766 г. № 12684.

[2] Чулков, Историческое описание Российской коммерции, т. VI, кн. II, стр. 552, 581, М. 1786.

[3] Чечулин Н., Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II, стр. 22—23. СПБ. 1906.

[4] Крамаренков, Записка по истории горного дела в России, «Архив истории труда в России», кн. I, стр. 97, 104—105, 109, 110.

[5] Томсинский С. Г., О характере пугачевщины, «Историк-марксист», № 6, стр. 67.

[6] П. С. З., № 11790. Именной указ 9 апреля 1763 г. См. также К. А. Пажитнов, Промышленный труд в крепостную эпоху. Л. 1924, стр. 29.

писной крестьянин становился неоплатным должником перед заводской конторой. В начале 60-х годов те же 10 481 приписных крестьян камских заводов задолжали 9 033 руб., по 86 коп. с души, т. е. почти половину ежегодной подушной подати. [1]

Крепостные заводские рабочие находились в еще более тяжелых условиях. Эксплоатация их не была ограничена законодательными нормами и была настолько ужасна, что служила предметом боязни для других групп заводских рабочих. Еще Н. Попов должен был отметить бедность «многих господских крестьян». По словам самих крестьян, это происходило оттого, что они часто отлучались «для исправления работ на заводах своих господ». [2] На некоторых заводах, как, например, на медном Варзино-Алексеевском, крепостные занимались сельским хозяйством, а на железном Рождественском заводе заводские крестьяне были превращены в настоящих крепостных рабочих. Большинство из них не имело пашни и получало хлеб из заводских «магазейнов».

Вольнонаемный труд широко применялся на заводах Прикамского края. Вольнонаемные люди замечены нами на Ижевском, Тайшевском, Варзино-Алексеевском, Иштеряковском, Бемышевском и Пыжманском заводах. [3] В вольнонаемные люди шли обыкновенно наиболее разоренные крестьяне, страдавшие от непосильных налогов и натуральных повинностей. Однако и довольно зажиточные вотяки не отказывались работать по вольному найму на казенном Ижевском заводе. [4] Вольнонаемные люди часто попадали в кабальную зависимость от заводовладельцев. Они нанимали рабочих на один год или на летнее время, а затем, закабалив их путем выдачи авансов, не отпускали с завода. [5] По данным комиссии, учитывавшей убытки заводовладельцев во время пугачевщины, задолженность горнозаводских рабочих, в частности вольнонаемных рабочих, на заводах Осокина достигала 20 026 руб., П. Демидова 5 597 р. 76 коп., в том числе на Рождественском заводе 1 688 руб. 4 коп., Иноземцева — 12 000 руб., Красильника — 3 900 р. и т. д. Общая сумма задолженности на всех заводах, пострадавших от восстания, равнялась 216 556 руб. 96½ коп. Вольнонаемные люди неохотно шли на тяжелые заводские работы, где их ожидало закрепощение. Осокин жаловался комиссии, что вольнонаемные люди, «забирая задатки, убегают». [6] В другом положении находились вольнонаемные люди из вотяков. По словам Рыч-

---

[1] Томсинский С. Г., Ibid.

[2] Попов Н., Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному ее состоянию, ч. I, стр. 227, СПБ. 1811.

[3] Пермский Гос. Музей. Бумаги Шишонко, т. VI, л. 34—37. Чулков, стр. 587. Н. Рычков, Продолжение журнала, стр. 94, СПБ. 1772.

[4] Рычков Н., Журнал или дневные записки, стр. 71, СПБ. 1770. Его же, Продолжение журнала или дневных записок, стр. 16 и 17. СПБ. 1772.

[5] Сб. Р. И. О., т. 115, стр. 349. СПБ. 1903. См. также С. Ташкин, Инородцы Приволжско-Приуральского края, 107 стр., Казань 1922.

[6] Архив берг-коллегии, д. № 1339 Б. л. 1551. Краткая ведомость о разорении л. 1527, ведомость № 2.

кова, они работали на заводах добровольно, по соглашению. Заработная плата, получаемая на заводских работах, играла в их хозяйстве побочную роль и шла на уплату налогов, давая возможность отчислять в «запасной капитал» деньги, вырученные от продажи хлеба.[1] Развитие сельского хозяйства спасало вотяков от закабаления.

Во время русско-турецкой войны состав вольнонаемных людей значительно изменился. Ясашные татары, чуваши и новокрещенные черемисы уходили на горные заводы, нанимались там в вольнонаемные люди и нарочно забирали у заводчиков вперед деньги «в надежде той, как об этом говорил указ Государственной берг-коллегии, что по неотдаче им за заработанные деньги с тех заводов могут они миновать рекрутской отдачи».[2] Во время длительной войны, потребовавшей мобилизации до 300 тысяч человек, националы предпочитали заводскую барщину изнурительной военной службе.

Совершенно в другом положении находились мастеровые. Крепостная фабрика в первый период своего существования ценила труд квалифицированных рабочих и ставила их в привилегированное положение. На заводах с приписными крестьянами мастеровые вербовались из тех крестьян, которые по рекрутским наборам были должны итти в солдаты. На заводах с крепостным трудом заводовладелец зачислял в мастеровые своих крепостных крестьян. Часто все крепостные были на заводе мастеровыми, а вспомогательные заводские работы выполнялись вольнонаемными рабочими. На заводах, где различие между основными и вспомогательными заводскими работами проводилось довольно четко, мастеровые составляли тонкий слой среди заводского населения. На Ижевском заводе из 8956 горнозаводских людей в 70-х годах было всего 450 мастеровых, а на Воткинском в 1786 году из 15 474 чел. было 586 мастеровых.[3]

В начале XVIII в. положение мастеровых на уральских казенных заводах было сравнительно лучше, чем рабочих других категорий в тогдашней России. В среднем, годовой заработок высших разрядов мастеровых на Урале в начале XVIII в. был 36 — 48 руб. в год, а низших — 24 руб., между тем, как мастеровым, вывезенным из провинции в Петербург, платили 22 руб.[4] Реальная заработная плата уральских мастеровых была также значительно выше, чем в Петербурге, так как уральские хлебные цены были ниже петербургских. Даже в 1770 г. куль ржаной муки стоил в Петербурге 3 р. 20 коп., т. е. 35 коп. за пуд, а в Кунгуре, в том же

[1] Рычков Н., Продолжение журнала, стр. 16.

[2] Пермский Гос. Музей. Бумаги Шишонко, т. VIII, л. 249 — 256.

[3] Рукописное отд. Библиотеки Академии Наук., Воронцов. фонд, д. № 1026, л. 343.

[4] Пажитнов К., Положение рабочего класса в России, т. I, стр. 148. Л. 1925. Герман И., Историческое начертание горного производства в Российской империи, стр. 49 — 70, Екатеринбург 1810.

году, от 15 до 26 коп. за пуд,[1] т. е. в среднем, почти в два раза дешевле.

В 20-х годах XVIII в. при низких ценах на хлеб материальное положение мастеровых людей на уральских горных заводах было, несомненно, вполне благоприятным. Если принять условно нормальную потребность в хлебе в 18 пудов в год на человека, то даже низшая категория мастеровых людей на эти деньги могла купить от 340 до 400 пудов хлеба в год, а высшая от 690 до 800 пудов, т. е. в 4 — 9 раз больше годовой потребности в хлебе всей семьи мастерового. Благоприятное экономическое положение уральских мастеровых было отмечено известным знатоком местного края Н. Чупиным, «Плата за труд, — говорит он о 20-х годах XVIII в., — в сравнении с ценностью жизненных припасов была значительна. Главнейшие жизненные припасы, равно как и кожи, сало, деревянные изделия и лошади были очень дешевы».[2] В средине XVIII в. номинальная заработная плата мастеровых людей была изменена: для высших групп мастеровых — мастеров она была повышена на 25%, а для низших групп — учеников и молотобойцев была уменьшена на 10 — 25%. Мастера стали получать от 24 до 71 руб. в год, в среднем 50 руб., ученики от 12 до 24 руб., в среднем 13 руб., подмастерья от 24 до 30 руб., в среднем 25 руб., слесаря — 30 руб., молотобойцы — 14 руб.[3] В переводе на хлеб, эта заработная плата выражается в следующем: мастера — 588 пуд., слесари — 352, подмастерье — 288, молотобойцы — 164, ученики — 152.

По сравнению с реальной заработной платой начала XVIII в. эти ставки были ниже, но все же они оставались попрежнему высокими, так как реальная заработная плата приписных крестьян не превышала 50 — 60 пудов хлеба в год.

Если принять во внимание, что мастеровые казенных заводов бесплатно получали хлеб из магазейнов,[4] то будет понятно, почему они могли вести торговлю на заводах и ярмарках и отдавать деньги в кредит. Даже на частных заводах мастеровые, по словам Попова, являлись теми «богатыми жителями», которые, торгуя или занимаясь «прибыльным ремеслом», одевались в русское платье, сшитое из хороших иностранных сукон. «Жены и дочери мастеровых, по описанию того же Попова, почти не отличались в праздничные дни своими нарядами от купеческих, употребляя также больше шелковую одежду и украшая подобно им уши, руки и шею лучшими серьгами, перстнями и склаважами».[5]

Накануне пугачевщины состав мастеровых значительно изменился. Во время русско-турецкой войны, когда было проведено шесть рекрутских наборов, кадры мастеровых значительно уве-

---

[1] Пажитнов, стр. 137. Приложение.
[2] Чупин Н., ibidem.
[3] П. С. З., т. XI, IV, ч. II.
[4] Попов Н., ib., стр. 85.
[5] Попов Н., ib., стр. 225 и 301.

личились.[1] Вновь избранные мастеровые были ближе к приписным крестьянам, чем к старым заводским мастеровым.

Развитие горнозаводской промышленности не только закабаляло и закрепощало местное население, но нарушало его земельные права. Постройка заводов происходила, главным образом, на землях туземцев. Из 98 заводов, описанных И. Германом, на территории, находившейся в начале XIX в. в ведении екатеринбургского горного начальства, 69 заводов было возведено на землях националов. В Оренбургской губернии заводы были основаны исключительно на башкирской земле. В Пермской губернии из 63 заводов 11 было построено на землях башкир, 8 — татар и 4 — вогул.[2] Остальные заводы были построены на казенных и частных землях, бывших ранее также во владении туземцев. Из обследуемых нами заводов Рождественский завод П. Демидова имел леса, купленные у башкир.[3] Камбарский завод А. Демидова был построен на земле «наемной» у вотчинников башкир и имел леса, купленные, повидимому, также у них. Иштеряковский завод С. Иноземцева был построен на земле, купленной у башкир. Тайшевский завод того же владельца был построен на земле, арендованной («из оброку») у ясашных татар, и пользовался лесом «по найму» у крестьян «коронного ведомства». Бемышевский завод был построен на «владельческой» земле. Варзино-Алексеевский завод майора Тевкелева был построен на собственной крепостной земле[4] и т. д.. Заводовладельцы за бесценок покупали или брали на оброк земли туземцев, а иногда и прямо захватывали их. Так, например, граф И. Г. Чернышев, «без всякого договора» и без всякого платежа ясашным татарам Кунгурского уезда вырубил у них «знатное» число деревьев, а также захватил «знатное» число сенных покосов.[5] Заводчики считали, что они и без заключения договоров «вольны» строить заводы на землях инородцев. Когда же заводчики «чинили» договоры, то они часто обманывали башкир и фактически владели не теми землями, которые были отведены им. По стопам заводовладельцев часто шли и крестьяне, прикрываясь именем сильных заводчиков. Приписные крестьяне графа Чернышева насильно селились в татарские села и «усильством своим» косили сено на лугах. Дворцовые и помещичьи крестьяне в этом отношении не уступали заводским крестьянам. Беззащитные туземцы стали лакомым куском для «россиян», имевших сильных покровителей.[6] Крестьяне именитого человека гр. Д. Строганова «збили башкир Гаинской волости дер. Куяловой с их земель», разорили их жилища и заставили их поселиться в

[1] Архив Гос. Совета, СПБ. 1869, стр. 23.
[2] Вычислено по данным И. Германа. Описание заводов, под ведомством екатеринбургского горного нач. состоявших. Екатеринбург. 1808.
[3] Чулков, ibid., стр. 581.
[4] Герман, ibid., стр. 64, 365, 378 и 383.
[5] Сб. Р. И. О., т. 115, стр. 363. — Ташкин, инородцы Приволжско-Приуральского края. Казань, 1922. стр. 108.
[6] Сб. Р. И. О., т. 115. — Ташкин, ibid., стр. 141, 143.

верховьях речки Муллы.[1] Жители Осинской дворцовой слободы захватывали земли тулвинских башкир, которые считали их своими родовыми землями и защищали их с оружием в руках. Башкиры часто нападали на деревни, окружающие Осу, заставляя русских жителей обращаться за помощью как к местным властям, так и к монастырям. «Бывали и такие случаи, повествует местный историк, что монастыри вооружали своих крестьян, посылали осинцам подмогу».[2] Несколько другой характер носило заселение туземных земель государственными крестьянами — колонистами, не приписанными к заводам. Они вступали в договорные отношения с башкирами и получали на оброк «за знатную» сумму плодородные земли. Главные выгоды извлекали из этого башкирские старшины, которые владели значительным количеством земли.

Хищническая деятельность русских колонизаторов в Прикамском крае сопровождалась руссификаторской политикой русского правительства. «Россияне» утвердились в этом крае «навсегда», как говорит Н. Попов, «посредством огнестрельного оружия».[3] Даже в XVIII в. вотяков все еще насильственно обращали в христианство, облагали тяжелыми поборами, лишали имущественных прав и самостоятельного суда.[4] Они жили, по их словам, в «несносных изнеможениях и нуждах!»[5] Правительство уничтожило свободный выбор башкирами своих старшин и стремилось сделать старшин проводниками русского влияния. Оно запретило постройку среди них новых мечетей, заставило башкир нести тяжелую военную службу и доставлять лошадей для гоньбы. Башкиры страдали от отсутствия выборного суда и притеснений местных властей.[6] Служилые мурзы Старой и Новой Слободы и разных дорог Казанского уезда были прикреплены для заготовки лесов к адмиралтейству. Они были ограничены в имущественных правах, насильственно обращались в христианство, были обложены тяжелой подушной податью и подвергались грубым оскорблениям и насилиям.[7]

Развитие промышленности в Прикамском крае приводило к росту кабальных и крепостнических отношений. Туземцы и колонисты-крестьяне одинаково эксплоатировались заводовладельцами, которые разоряли их хозяйства и нередко заставляли их переезжать в новые места. В Англии помещики в XVI — XVIII веках огораживали общинные земли, чтобы пустить на поля овец и получить шерсть для продажи. Русские заводовладельцы в XVIII в. захватывали леса туземцев для того, чтобы сжечь их для

[1] Пермский Окр. Архив. Пермская Ученая Архивная Комиссия, д. № 116, л. 17. Грамота Гаинской волости.
[2] Пермский Гос. Музей, Бумаги Шишонко. Особая рукопись об. г. Осе.
[3] Попов, ibid., стр. 190, 215.
[4] Луппов П., Христианство у вотяков. Вятка. 1901, стр. 107 — 108. Сб. Р. И. О. т. 115, стр. 368 — 391. Архив Государств. Совета. Материалы Екатерининской комиссии, д. № 242. Наказы вотяков Арской дороги.
[5] Пугачевщина, т. I, стр. 163. Центрархив. М. — Л. 1926.
[6] Ташкин, ibid., стр. 155, 166, 170, 179 и след.
[7] Сб. Р. И. О., Наказы, стр. 308 — 322. — Ташкин, ibid., стр. 80 — 133.

добычи железа и меди. Появление «индустриальной», по выражению М. Н. Покровского, барщины, угнетение и закрепощение как туземцев, так и колонистов-крестьян могло явиться благоприятной почвой для появления отдельных выступлений и разрозненных бунтов и восстаний, которые заполняют историю Прикамского края в первой половине XVIII в. Но те же заводы содействовали образованию большого хлебного рынка, росту кустарных и отхожих промыслов и, тем самым, развитию товарных отношений в местном сельском хозяйстве. По словам старожил, как передает Попов, до появления заводов жители Прикамского края были богаты скотом и хлебом, но «часто при сем изобилии не в состоянии были заплатить небольшой подати, потому что некому было продавать избытков своего земледелия и скотоводства. Жители, имея довольно хлеба и скота, не заботились о большем приобретении и оставались часто в бездействии, которое походило на леность».[1] Но вот стала развиваться горнозаводская промышленность. По данным И. Германа одни мелкие заводы требовали в самом начале XIX в. свыше 100 тысяч пудов хлеба в год: для Камбарского надо было 36 000 пудов, Тайшевского — 24 000 п., Бемышевского — 21 500 п., Рождественнкого — 10 250 п. и т. д.[2] В 1804 г. в 379 заводских магазейнах Пермской губернии хранилось 23 485 четвертей 7 четвериков ржи и 4 640 четвертей 1 четверик ярового хлеба.[3] Заводы скоро изменил и облик прикамской деревни. «Начались горные заводы, сообщает тот же Попов, и (земледельческая) деятельность увеличилась, хлеб и скот нужны были заводским жителям, а земледельцам металлические изделия, необходимые в сельском хозяйстве. Итак, распространилось земледелие». В это же время из России стали усиленно вывозить за границу хлеб, пеньку, лен и железо, и появился довольно обширный внутренний рынок.[4]

Стимул для товаризации прикамской деревни был дан настолько сильный, что крестьянское хозяйство, где господствовали натуральные отношения, теперь начинает быстро перестраиваться на новый лад и, сохраняя свои примитивные способы производства, приспособляется к властным требованиям рынка. Во время путешествия по Вятской провинции в 1770 г. капитан Н. Рычков, участник экспедиции Академии Наук, был поражен видом огромных скирдов хлеба, который хранился в гумнах вятских селений. Третью часть своего хлеба вотяки продавали по разным городам и заводам, торгуя при этом не только хлебом, но медом и скотом.[5] По материалам Екатерининской комиссии и Воль-

---

[1] Попов, ibid., стр. 222.

[2] Герман, ibid.

[3] Попов, стр. 86, 222.

[4] Кулишер, История русской торговли. П. 1923, стр. 192. — Меерсон, Пугачевщина, «Вестник Коммунистической Академии» № 13, стр. 87, — Лященко, Очерки аграрной эволюции. П. 1923, стр. 102 — 117.

[5] Продолжение журнала или дневника записок путешествия кап. Рычкова. СПБ. 1772, стр. 15 — 16. — Его же, Журнал или дневные записки, СПБ. 1770, стр. 164.

ного Эконом. общества видно, что торговля охватила довольно широкий круг предметов. Ясашные некрещеные вотяки продавали хлеб, мед, сукно, овчины, шерсть и кожи.[1] Предметами торговли старокрещенных вотяков были сани, железо, сукно, холст, лапти, мука, хлеб, крупа, калачи, говядина и т. п.[2] Башкиры Уфимской провинции сбывали на рынок меха, мед, воск, сало, кожи, скот и проч., снабжали жителей заводов съестными продуктами и продавали лошадей.[3] У некоторых башкир было по 1000 и более лошадей, а также коров. Собственники 15 лошадей и 5 коров «считались бедными».[4] Башкиры и татары устроили несколько небольших кожевенных предприятий, которые работали главным образом на нужды уральских заводов. Татары и мурзы, приписанные к Казанскому адмиралтейству, продавали в городах домашний скот, лошадей, кожи, мед и воск.[5]

Товарно-денежные отношения проникали в хозяйство не только националов, но и «россиян». Наиболее ярким показателем этого была экономическая дифференциация прикамского крестьянства. Уже в XVII в. были зажиточные хозяйства одновременно с бедными, которые продавали свою рабочую силу.[6] В конце XVIII в., по данным Н. Попова, в Прикамском крае уже существует довольно резкая дифференциация среди крестьян.

Лошадей и жеребят имели[7]

Группы хозяев	Красноуфимск. уезд	Осинск. уезд	Пермск. уезд	Кунгурск. уезд
исправные	20 — 25	—	—	10
посредственные	12 — 18	5 — 8	4 — 6	5
одинокие	3 — 9	1 — 2	1	2
бедные	1 — 2	—	—	—

По количеству лошадей особенно сильное различие между крестьянами было в Красноуфимском и Кунгурском уездах. Такое же значительное расслоение отметил недавно А. П. Пьянков, изучая земельные отношения среди крепостных крестьян в имениях Голицыных в Пермском уезде. По его данным, 28,4% дворов, с размером пашни 10 десятин на один двор, сосредоточило в своих руках 48,8% всех пахотных земель и 43% всех покосов.[8]

Под влиянием развития товарно-денежных отношений в При-

[1] Сб. Р. И. О., т. 115, стр. 364.

[2] Ташкин, ibid., стр. 58.

[3] Поленов Д., Исторические сведения о Екатерининской комиссии, СПБ. 1871, стр. 113.

[4] Архив Вольно-Эк. Общества, д. № 325 л. 108. Сообщение Уфимск. провинц. канц. П. Рычкову 16 мая 1766 г. — Труды Вольно-Эк. Общества, ч. VII, стр. 201, Ответ П. Рычкова.

[5] Сб. Р. И. О., т. 115, стр. 320. — Поленов, ibid., стр. 142, 223.

[6] Пьянков А., Хозяйство уральской деревни в эпоху торгового капитала, Пермь 1926, стр. 26 — 31.

[7] Попов Н., ibid., стр. 115. Данные относятся к зимнему времени.

[8] Пьянков А., Поземельный строй прикамской крепостной деревни конца XVIII в., Пермь 1929, стр. 38 — 40.

камском крае «россияне» стали хищнически эксплоатировать не только свои земли, но и арендованные («кортомные») у башкир и татар. В этом деле особенное усердие проявили крестьяне-богатеи, запашки у которых доходили до весьма значительных размеров — до 33 десятин и больше. Пользуясь обилием плодородной земли, они широко применяли переложную систему земледелия и, «не признавая за нужное удобрять оную (землю), переменяли, по словам Попова, только через несколько лет свои пашни». Они нанимали поденных рабочих и «выжженщиков.[1] Как по р. Вятке, так и по р. Каме путешественники находили в это время ряд селений, жители которых вели сельское хозяйство с целью продажи хлеба на рынок. Так, по р. Ченце (приток р. Вятки) жили крестьяне, которые занимались исключительно земледелием («будучи упражнены единым только хлебопашеством») и благодаря этому были «несравненно зажиточнее противу живущих» в других частях Вятской провинции. «Множество хлеба», которое родилось на их «изобильных» землях, «повсягодно скупали богатые купцы и крестьяне и увозили по рекам в разные места».[2] Жители села Ицкое Устье, Сарапула и Ильинского имели много пахотных земель и вели крупную торговлю хлебом.[3] Товарно-денежные отношения проникали и в крепостную деревню Прикамского края. В имениях Голицыных богатые крестьяне превратились в такую крупную экономическую силу, что заставляли бедняков-крестьян работать у себя по найму и отбывать за них барщину.[4] Река Кама в это время уже превратилась в важную транзитную артерию края, по которой летом проходили огромные суда, нагруженные не только солью, железом, медью, но и прикамским хлебом. Н. Рычков придает особенное значение этой реке, так как «места, вокруг ее лежащие, изобилуя пахотною землею и великим числом обитающих земледельцев, снабжают хлебом те места, которые оным нуждаются». Хлеб погружали в огромные баржи, называемые «каюками» и «бархатными», которые поднимали до 35 тысяч пудов. Этот хлеб местные жители отправляли для продажи в различные города и в казенные «магазины».[5]

Развитие товарно-денежных отношений среди населения создавало условия, при которых закрепощение и обезземеление оказывалось особо тягостным и усиливало стремление к сопротивлению. Обязательные заводские работы возмущали приписных крестьян, главным образом потому, что они не давали им возможности заниматься земледелием и разоряли их хозяйства. В 20-х годах XVIII в. заводские работы были важным подсобным заработком для крестьян, но в 60-х годах положение изменилось.

---

[1] Попов Н., ibid., стр. 86—87.
[2] Рычков, Продолжение журнала, стр. 67.
[3] Рычков, Журнал, стр. 58. — Берх. Путешествие в города Чердынь и Соликамск, СПБ. 1821, стр. 75.
[4] Пьянков А., Поземельный строй, стр. 40.
[5] Рычков, Журнал, стр. 40, 174.

Хлебные цены выросли в 2—3 раза, «плакатная плата» осталась прежней, а условия заводских работ сделались хуже. Обследовавший в начале 60-х годов ряд уральских заводов кн. А. А. Вяземский считал повышение доходности крестьянского хозяйства самой главной причиной волнений приписных крестьян, так как за заводские работы «положена столь малая плата, что она не только не сравнительна с выгодами, получаемыми ими самым легким трудом по доброте обитаемых ими земель, от изобильного хлебопашества и великого скотоводства, но еще нарочито уменьшена».[1]

Под влиянием роста хлебных цен поднялось массовое движение приписных крестьян Прикамского края в 50—60-е годы XVIII в. Захватив сначала приписных крестьян Авзяно-Петровского завода по нижнему течению Камы, волнения перебросились и на крестьян, приписанных к другим заводам. Волновавшиеся крестьяне неоднократно требовали, чтобы «нас всех приписных от заводов вовсе велено отрешить и в заводские работы, впредь бы не употреблять».[2] В наказах в Екатерининскую комиссию приписные крестьяне добивались или увеличения плакатных цен до вольнонаемного уровня или же совершенного освобождения от заводских работ. Наиболее полно эти настроения отразились в наказе приписных крестьян Кунгурского уезда. Они просили «избавить» их «от несносных тягостей и не допустить до последнего конца к совершенному разорению и недостаточеству» или, в крайнем случае, довести плакатную плату до уровня цен на вольный труд.[3] Как зажиточные, так и бедные слои приписных крестьян были одинаково заинтересованы в освобождении от невыгодных заводских работ. Даже крепостные заводские рабочие просили «определить (их) попрежнему в крестьянство» и уравнять с приписными крестьянами.[4] Недовольство приписных крестьян обязательными заводскими работами было так сильно, что крестьяне массами убегали с заводов, и заводы нередко были вынуждены прекращать свою деятельность или сокращать свое производство. Варзино-Алексеевский завод в 1767 году бездействовал за неимением руд и угля, а также «за побегом» работников.[5] В 1773 г. на этом же заводе две медных печи «стояли праздны», так как не было достаточного количества мастеровых и работных людей, несмотря на то, что заводовладельцы нанимали вольнонаемных людей и закабаляли их путем выдачи денег вперед.[6] Неспокойно было и в крепостной вотчине, крестьяне которой должны были вдобавок не только работать на барщине, но и защищаться от набегов туземцев. Кабальные крестьяне села Крылова кн. Голицына, по словам

[1] Крамаренков, Записка, стр. 104.

[2] Семевский В. И., Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. II, СПБ. 1901, стр. 327.

[3] Сб. Р. И. О., т. 115, стр. 263, 267, 268 и след.

[4] Сб. Р. И. О., т. 115, стр. 273 и 275.

[5] Чулков, ibid., стр. 598—99.

[6] Пермский Гос. Музей. Бумаги Шишонко, т. VI л. 34—37. Рапорт Варзино-Алексеевской заводской конторы, поданный 23 мая 1775 г.

местного историка, часто «не выжив урочное по кабалам время, убегали, оставляя землю впусте».[1]

Настроения, охватившие русское крестьянское население Прикамья накануне пугачевщины, разделяла с ним и масса местного нерусского населения туземных национальностей. Направленное против насильственной и жестокой руссификации края башкирское движение должно было носить яркую национальную окраску.

В 1755 г. в Башкирии под предводительством Батырши вспыхнуло одно из наиболее крупных башкирских восстаний. Оно должно было превратиться в восстание всех мусульман против русского владычества. В воззвании Батырши была дана краткая и яркая программа требований восставших, проникнутая жгучей ненавистью к заводовладельцам, казне и помещикам. «Всем верным, исповедующим единого Бога, писал он, — советую... с неверными россиянами в согласии не быть, правоверных не разорять и кровь их не проливать, имения не грабить и самих в плен и слуги не имать. Неверным россиянам головами вашими во всякой службе, то есть лопатничей работе не быть и им, неверным, городов не строить, их от жила до жила и от города до города на подводах наших не возить, ясака и фуража не давать и на землях и на заводах, искони ваших владеемых, им, неверным, города, крепости и заводы строить воли не давать и в других службах не находиться».[2] Воззвание Батырши является программой обороны от наступательных действий крупного русского капитала, поддерживаемого завоевательной и руссификаторской деятельностью русского правительства. Поэтому она ограничивается отрицанием необходимости подчинения требованиям завоевателей.

Через десяток лет местное туземное население в связи с выборами в Екатерининскую комиссию 1767 г. выступает и с положительной экономической программой, составленной в интересах туземного торгового капитала и развития новых капиталистических отношений в колониях. В наказах националов депутатам в Екатерининскую комиссию дана детально разработанная экономическая программа, требующая права свободной торговли на рынках и в городах, права свободного передвижения по торговым местам, права свободного заключения сделок, урегулирования судопроизводства, возвращение захваченных земель и уничтожения права свободной эксплоатации руды. Служилые мурзы, имевшие крепостных людей и обязанные наравне с общей массой татарского населения Старой Слободы отбывать работы по адмиралтейству в корабельных лесах, вместе с этим населением требовали уничтожения невыгодных казенных расценок, так как эти расценки по сравнению с ценами на вольнонаемные рабочие руки были ниже от 2 до 6 раз.[3]

Борьба с крепостнической мануфактурой могла объединить

---

[1] Там же, Особая рукопись об г. Осе. Блинов, Заселение Закамья, Сб. Пермск. губ. земства, 1898, № 34, стр. 12.

[2] Дубровин, Пугачев и его сообщники, П. 1889, т. I, стр. 260—261.

[3] Сб. Р. И. О., т. 115, стр. 312, 308, 310, 311, 307, 314, 321 и др.

различные национальности Прикамья, русское и туземное население его. Внедрение крепостничества в Прикамский край постепенно сглаживало националистические черты в колонизации края, закабаляя и экпроприируя рабочие руки и земли как русского, так и туземного населения. Этот процесс не развился еще, однако, настолько, чтобы слить туземных аборигенов и русских колонистов в одну общую массу.

Мы уже видели, как часть воззвания Батырши, вождя крупнейшего башкирского восстания, могла бы объединить башкир с русскими крестьянами. Но в этом воззвании была и другая часть программы восстания. «Попрося помощи (Аллаха) и положа на него надежду нашу и упование и, представя ему ходатая, избранного пророка Аллаха, оных неверных россиян разорять начнем и их из земли своей изженем и сгубимте», [1] писал Батырша, рисуя перспективы восстания. До пугачевщины это движение против крепостных способов эксплоатации протекало в узко национальных формах. Восстания башкир и волнения приписных крестьян шли разрозненно и никогда не сливались в одно общее движение. Лишь во время пугачевщины была сделана попытка разрушить национальные формы народных движений и слить их в одно целое.

II. «НАЕЗДЫ» ПУГАЧЕВЦЕВ НА ЗАВОДЫ.

Пугачевское движение на заводах Прикамского края имело свою внутреннюю историю, богатую содержанием, изучение которой бросает свет на роль различных социальных групп в пугачевском движении, организацию и формы этого движения.

Уже в конце октября 1773 г. в Прикамский край стали проникать слухи о появлении нового государя под Оренбургом. Эти слухи разнесли по деревням приписные Авзяно-Петровских заводов, которые в это время в количестве нескольких сот пришли с заводов домой. Местные власти послали навстречу им с севера отряд башкир Ерматынской волости Ногайской дороги, чтобы задержать крестьян и вернуть их обратно. Но этот отряд не остановил заводских работников, так как был напуган слухами, что они идут «с разными пушками и прочим оружием». [2] Губернские власти, бессильные остановить заводских рабочих, отдали приказ арестовать и содержать их под караулом, «дабы сей легкомысленной народ как в своих жительствах, так и окрестных селениях не могли сделать каковые возмущения и злоупотребления». [3] Между тем приписные крестьяне разошлись по деревням, и их появление с отпускными билетами в необычное время очень удивило местное население. Они агитировали за «государя Петра Федоровича» и в деревнях и на базарах, уверяя всех, что он не Пугачев, а истинный государь. Им верили далеко не все. «Ребята, полно, — гово-

---

[1] Дубровин, Пугачев и его сообщники, П. 1889, т. I, стр. 261.

[2] Государственный архив, п. 467 ч. VII, д. № 33 л. 29. Рапорт старшины Кусяткулова от 29 окт. 1773 г. (в дальнейшем ссылка на Государственный архив будет обозначена: Г. А.).

[3] Ibid., Предложение Казанского губернатора Брандта от 3 ноября 1773 г.

рил им крестьянин К. Нырков села Котловки. — Правда ли это? Не разбойники ли какие на заводах то были?». [1] На базарах шли оживленные разговоры о подлинности нового царя. Любопытно, что некоторых приписных крестьян подлинность эта мало интересовала. В конце октября на базаре в пригороде Мензилинске возник горячий спор о Петре III, во время которого приписной крестьянин Лебедев, защищая новую власть, сгоряча бросил фразу: «нам все цари, кто бы ни был». За это он был «нещадно» наказан плетьми. [2] В это время местные власти были еще достаточно сильны и энергично боролись с распространением слухов, подрывавших их авторитет.

В течение целого месяца в деревнях шло глухое брожение, но оно не могло еще вылиться наружу и перейти в восстание. Приписные крестьяне оказались не способными организовать выступление и стать во главе его. Даже для приписных крестьян была нужна внешняя сила, достаточно авторитетная и решительная чтобы организовать восстание и слить его с общим движением. Такую роль сначала хотели взять на себя отдельные пугачевцы, которые проникли в этот край, повидимому, из-под Уфы, через Нагайбацкую крепость. Они находили среди местного населения активных помощников, составляли небольшие отряды и нередко действовали весьма успешно, внезапно «наезжая на наиболее важные села и заводы и захватывая местную администрацию».

В начале декабря пугачевский отряд в 30 человек «имел разъезд» до Ижевского завода и искал там командира, но не нашел. В ночь на 6 декабря небольшой отряд пугачевцев из 4 казаков и 150 вооруженных башкирцев приехал в дворцовое село Каракулино (между Елабугой и Сарапулем) и захватил там дворцового управителя и бирского воеводу. Воевода был закован в ручные и ножные «железа» и «несколько штрафован телесно», а затем увезен. 9 декабря в г. Сарапуль приехали трое «калмыков» и искали там одного старшину.

В это же время среди осинских крестьян шла «нескрытая молва», что казачья команда идет по р. Тулве, а одновременно с этим началось движение в районе реки Ижи, среди крестьян Терсинской волости и на небольшом Варзино-Алексеевском медном заводе. Крестьяне волости, а также и сам завод принадлежали майору Тевкелеву. Еще перед пугачевским движением вотчинные крестьяне этой волости «неоднократно были в супротивлении». Теперь они вновь стали волноваться. Напуганная беспорядками майорша Тевкелева передала завод на попечение компанейщика армянина Фитонова и уехала в Казань. После отъезда помещицы деятельность агитаторов-пугачевцев усилилась. Они стали часто приезжать сюда и, чтобы придать себе вес в глазах населения, называли себя казаками. Особенно была успешна агитация трех дворовых. Они «соглашали» крестьян «в послушание» и «в поддан-

[1] Ibid. д. № 33, л. 134. Показание от 27 дек. 1774 г.
[2] Ibid. д. № 30, Показание от 4 ноября 1773 г.

ство Петра III», обещая им «вольности». Под влиянием их агитации местные крестьяне сговорились с заводскими людьми, чтобы не повиноваться компанейщику Фитонову и его приказчикам, а также арестовать Фитонова.

В начале декабря (7 — 10 числа) пугачевский отряд из 600 казаков, башкирцев, вотяков и черемисов прибыл из-под Уфы на реку Тулву и поднял там восстание среди башкир.

Тулвинские башкиры были наиболее многочисленной группой среди башкир Прикамского края. Из 11 094 башкир мужского пола, числившихся в самом начале XIX века в Пермской губернии, осинских или тулвинских башкир было 3 474 м. д., т. е. 31%. Они жили по р. Тувле и ее притокам, а также по речкам Буи, Ари и Тачыну. По своему культурному уровню они были значительно выше башкир других уездов, вели оседлый образ жизни и занимались скотоводством и земледелием. По зажиточности среди них особенно выделялись старшины, которые были крупными землевладельцами и имели «лучшие» дома и горницы, устланные коврами. Пригородок Оса были центром обширной дворцовой волости и играл для тулвинских крестьян такую же роль, какую Уфа имела для всех башкир, а Яицкий городок для яицких казаков. В 1737 году Оса была включена в пределы Уфимской провинции для того, чтобы отсюда было лучше смотреть и наблюдать движения» тулвинских башкир.[1]

Движение среди тулвинских башкир началось по инициативе башкирского штаба, находившегося под Уфой, в с. Чесноковке. С начала восстания и до середины декабря, когда главным пугачевским штабом в Берде был назначен под Уфу яицкий казак И. Зарубин, чесноковский штаб находился исключительно в руках башкир и был центром восстания во всей Башкирии. В это время башкиры имели сильное влияние в пугачевском стане. Вся Башкирия с заводами находилась в их руках. Даже Зарубин, который впоследствии стал по распоряжению пугачевского стана в Берде во главе восстания в Башкирии и стремился ограничить их влияние, в первое время своей работы на новом посту должен был признать авторитет башкир. Это особенно наглядно сказалось в назначении Зарубиным старшины Аисы «командующим» над крупным Воскресенским заводом и «окольным» населением.[2] О настроении восставших башкир возможно судить по манифестам Пугачева, изданным еще в конце сентября и в начале октября 1773 года. В первом манифесте «император Петр Федорович» жаловал башкир всех «до последка» землями, водами, лесами, пашнями телами, денежным жалованьем, свинцом и порохом.[3]

[1] Попов, Н. Jbid, т. I стр. 175 и 176 и т. II, стр. 273.

[2] Мартынов М., Пугачевское движение на заводах Южного Урала, «Зап. Научн. об-ва марксистов, 1928, № 2, стр. 91.

[3] Пожалование телами имеется лишь в одной редакции этого манифеста, напечатанной Центрархивом. См. эти редакции: А. С. Пушкин, История Пугачевского бунта, СПБ. 1881, стр. 178 — 180. — Дубровин, т. II, стр. 39. — Пугачевщина. т. I, изд. Центрархива, стр. 29 — 30.

Манифест обращался к башкирам, не затрагивая их отношений к тептерям и беднякам, которые нередко находились у богатых на положении крепостных. Однако этот манифест, с увлечением встреченный богатыми муллами и старшинами, повидимому, вызвал сильный протест со стороны башкирских низов и заставил Пугачева издать новый, более радикальный манифест, требовавший от башкирцев под угрозой смерти, чтобы они шли в пугачевскую армию и освобождали людей, находящихся в тюрьмах и в «невольности» у хозяев.[1] Среди тулвинских башкир был также прочитан какой-то пугачевский манифест, после чего они были приведены к присяге. Возмущенные и изнуренные постоянными военными мобилизициями они немедленно перешли на сторону пугачевцев. Один из очевидцев сообщает, что «все они, башкирцы, одобряют означенную воровскую толпу и точно предводителем оной почитают за бывшего Императора Петра Третьего».

Появление пугачевцев на Тулве вызвало сильное беспокойство среди осинского местного начальства. Напуганное скоплением башкир на Тулве, оно решило отправить туда делегацию. Делегация была принята старшиною Абдуловым, который прочитал манифест, а затем через переводчика заявил делегации, что «от государя будет иметь от государственных сборов облегчение и будет всем вольность», добавив при этом, что при сопротивлении осинцы «будут истреблены».[2] 22 декабря большой вооруженный отряд башкирцев во главе с Абдеем и Кинзем Абдуловым, арестовав осинского воеводу, приехали в г. Осу, а на другой день сюда же прибыл «походный сотник» башкирец Батыркай Иткенев.[3] 24 декабря походные сотники е. и. в. Киндей Чугалев, Абдукарим Антулов, Абдул Шарынов и Батыркай Иткинев издали для г. Осы «наставление», где кратко, по-военному, требовали от старосты И. Дьяконова и земского писаря М. Голдобина, как представителей городского населения, выполнять следующие распоряжения: 1) задерживать всех правительственных курьеров («посланных»), 2) иметь «смотрение» над казенным вином и солью, 3) продавать соль и вино, а вырученные от продажи деньги сохранять и записывать «в приходную и расходную книги без всякой утайки, как его императорского величества указы повелевать будут», 4) «никому напрасно обид и притеснения не чинить», 5) обывателям, как в городе, так и в уезде «быть послушными», 6) противников новой власти задерживать и посылать при рапортах в армию.[4] Это «наставление» оставляло на местах старые учреждения, но наделяло их новыми обязанностями,[5] причем важнейшие дела непосредственно передавались в «армию». В те-

---

[1] Пугачевщина, т. I, стр. 30—31.
[2] Г. А. VI р. п. № 467, ч. II, д. № 218, л. 6—10. Показание М. Голдобина.
[3] Показание М. Голдобина. Л. 16, ibid.
[4] Пугачевщина, т. I, стр. 92. См. также показание М. Голдобина.
[5] Ibid., стр. 243.

чение четырех месяцев, вплоть до середины апреля, это наставление применялось в Осе.

Башкиры пробыли в г. Осе три дня и, забрав из мобилизованных казаков 30 человек, разбились на три отряда и отправились вниз и вверх по реке Каме:[1] один — на юг, на Рождественский и Камбарский заводы, другой на восток, на Шермянский завод, а третий на северо-восток, к Аннинскому заводу и к с. Муллы.[2] Первый отряд быстро поднял восстание в двух крупных районах: в Терсинской волости, по реке Иже, и в Сарапульской волости. В середине декабря дворцовые крестьяне Сарапульской волости, в окрестностях Камбарского железного завода, перешли «в подданство» башкирского полковника, старшины дер. Каргалы. Их переход на сторону пугачевцев произвел сильное впечатление на заводское начальство и, повидимому, на заводе создалась такая напряженная обстановка, что администрация была вынуждена отправиться к башкирам и признать пугачевскую власть. Она привезла на завод манифест и обещала башкирцам приготовить на заводе фураж.[3] 18 декабря 1773 г. на завод приехали пугачевцы остановили все заводские работы и мобилизовали пятую часть всех крепостных мастеровых (25 из 129). Затем на этот завод вновь приехали пугачевцы (на этот раз исключительно русские) и через заводского приказчика произвели новую мобилизацию. При этом было избрано 50 человек в казаки, а атаманом был поставлен один заводский крестьянин. Этот отряд был направлен в с. Мазулино, под Сарапуль.[4] В 20-х числах декабря башкирцы, вооруженные стрелами, копьями и ружьями, стали наступать на Сарапуль, который был центром обширной дворцовой волости. По дороге к Сарапулю они обложили население единовременными взносами до 100 рублей и бесплатно забирали провиант и фураж. Заняв 25 декабря Сарапуль башкирцы захватили там ружья и пушки и, увлеченные победой, стали бесчинствовать и насиловать женщин.

Менее решительно и более осторожно действовал другой отряд пугачевцев, отправленный из Сарапуля в Терсинскую волость.[5] В 20-х числах декабря в этой волости пугачевцами были заняты деревни Терси и Варзино-Алексеевский завод. На заводе был арестован упоминавшийся уже компанейщик Фитонов, который был привезен в дер. Терси. Здесь между компанейщиком и пугачевскими вождями-татарами было заключено любопытное соглашение. В выданном Фитонову «одобрительном» письме пугачевцы

---

[1] Показание М. Голдобина.

[2] Г. А. VI, № 467, ч. II, д. 218, л. 6—10. Показание М. Голдобина.

[3] Пермский Гос. Музей. Сборник материалов по пугачевскому бунту, составленный В. Шишонко, л. л. 22—26. Сообщение воеводы Н. Миллера от 23 дек. 1773 г.

[4] Ibid., п. № 463, ч. III, д. № 136. Показание крепостного крестьянина от 7 апреля 1774 г.

[5] Архив Берг коллегии. д. № 1339 А. л. 22. Рапорт Венцеля от 16 января 1774 г. В дальнейшем ссылки на этот архив будут обозначаться условно: Б К.

заявляли, что не будут чинить обид ни ему, ни его товарищам. В то же время они заставили его подписать множество писем на татарском языке, в которых Фитонов обещал не взыскивать с них денег, взятых на заводе, и добровольно отпускал заводских людей в пугачевские отряды. Очевидно вожакам-татарам, выступавшим в этом районе, было недостаточно иметь санкцию на свою деятельность со стороны «императора Петра Феодоровича». Они хотели застраховать себя и с другой стороны, со стороны старых владельцев. Рядовые люди из состава отряда не склонны были, повидимому, разделять осторожную и двойственную тактику своих вождей-татар. В то время, как Фитонов сидел под арестом, один ясачный вотяк говорил ему: «По какому указу заводы и сенокосные луга вы, заводовладельцы, держите». Во время волнения у заводчика Тевкелева было увезено до 200 возов сена.[1] О тех же настроениях свидетельствует показание старого крепостного слуги графа И. Л. Воронцова, А. Анфиногенова. За три дня до Рождества Анфиногенов приехал в дер. Терси с 54 бочками вина, которое он должен был отвезти в г. Кунгур. «Бывшие в оной деревне башкирцы и калмыки, остановя их обоз, спрашивали, куда де вы это вино везете и чье оно. А как он отвечал им, что графа Воронцова и везет отдавать в казну в город Кунгур, то они, браня его, со смехом говорили, куда де чорт вас несет, это де принадлежит нашему царю Петру Федоровичу и надобно отвезти в его армию под Уфу. А как он стал было тому противиться, то оные разбойники, б и в его без милости п л е т ь м и, хотели еще саблею снести и голову, браня при том, што де тебе, каналье, за господское добро вступаться, вить де вы теперь все от государя пожалованы вольностью и т е п е р ь в ы с а м и с е б е г о с п о д а».[2] Попировав в течение этих четырех дней, пугачевцы все же отправили затем вино «под Уфу» — «графу Чернышеву» — Зарубину.[3]

В это же время башкирами был захвачен небольшой Рождественский завод Демидова, построенный на купленной у башкирцев земле. Он имел 4 молота, 519 мастеровых из собственных крестьян и выковывал еще в 1766 — 67 годах от 29 до 33 тыс. пудов железа.[4] Благодаря подчинению пугачевцам таких важных адми-

---

[1] Б. К. д. № 1339 А л. 40. Ibid. См. также Пермский Гос· Музей. Бумаги Ш и ш о н к о, т. VI, л. 34 — 37. Рапорт Варзено-Алексеевской конторы.

[2] Г. А. VI р. п. № 467, ч. I, д. № 55. Показание Анфиногенова от 11 января 1774 г.

[3] Этот эпизод показывает, между прочим, что хотя восстание шло в глухом и далеком от главного зарубинского стана углу, пугачевцы сознавали себя одним из отрядов пугачевской армии, связанной и объединенных одним главным центром восстания на Ср. Урале и в Прикамье, под Уфой.

[4] Ч у л к о в, ibid., стр. 580 и 664. — Б. К. д. № 1339 Б., л. 1330. Ведомость №. 2. — Г е с с е н, ibid., стр. 81. — П о п о в, ibid, ч. I, стр. 328. В среднем, с 1775 по 1796 г. на заводе выковывалось 47 тыс. пудов железа. (Г е р м а н, 120). Известный пермский историк Ч у п и н указывает, что к Рождественскому заводу были приписаны дер. Зобичевская и Пристаничная (Ч у п и н. Сборн. статей, стр. 182). Г е р м а н же пишет, что приписных крестьян у завода не было.

нистративных центров, как Оса, Бирск, Сарапуль и Каракпулино, на Рождественском заводе создалась такая же обстановка, как и на Камбарском заводе. Заводская администрация, спасая себя и опасаясь за разорение завода, была вынуждена отправить делегацию к башкирам на Тулву и признать пугачевскую власть. Вскоре после этого на завод приехала башкирская команда, и заводские люди по их требованию дали им казаков, пушек и ружей. За это приказчик Китаев получил от команды особую охранную грамоту («билет»), в которой башкирцам было запрещено «наезжать» на завод и чинить заводским людям «обиды и налоги». Но за этой командой вскоре приехала на завод новая партия башкирцев во главе со старшиной Тульвинской волости С. Илишевым, насчитывавшая до 300 человек, в том числе 9 заводских людей Рождественского завода, отправленных ранее под Кунгур. Прибытие башкир было, повидимому, непосредственно связано с получением на заводе от заводовладельцев Демидова значительной суммы 2 000 руб. для выдачи жалованья мастеровым и работным людям за время с 1 сентября по 25 декабря. В начале восстания заводовладельцы погашали свою задолженность по отношению к заводским людям, чтобы не дать лишнего повода для недовольства. Пугачевцы захватили эти деньги, 3 полуфунтовых пушки, 67 солдатских фузей и 6 господских лошадей. Это был не простой грабеж, как утверждают коментаторы издания Центроархива, а вполне законная, с точки зрения пугачевцев, конфискация господского имущества в пользу новой революционной власти.[1] По словам угольного мастера В. Колесова, башкиры открыто заявляли крестьянам, что «все те деньги и пожитки (они) берут на Государя Петра Федорович Намъ дѣ п р и к а з а н о от него у всехъ господъ пожитки собирать, а въ домы крестьянские не вступать и нашего имѣнія не брать, а заводы все запечатать, и вы де мужики на господина не работайтѣ до указу, и будте послушны одному государю, а въ противномъ случаѣ всехъ выжжемъ и вырубимъ».[2] Одновременно с конфискацией заводского имущества пугачевцы немедленно уничтожили и крепостнические отношения. Пугачевцы запечатали завод и амбары, забрали себе ключи от зданий и, сковав приказчика Китаева и расходчика Кондурина, увезли их заложниками на Тулву. Вместе с ним уехал заводский крестьянин С. Волков с 50 заводскими людьми, «выбранными» в казаки. Вскоре оказалось, что сомнения тульвинских башкир в верности заводских людей Рождественского завода были не напрасны. Во время наезда расходчик И. Кондурин, как потом выяснилось, покорыстовался «господской казной»,[3] а сам он вместе с приказчиком Китаевым вскоре снова оказались на свободе и вернулись на завод.[4] Они привезли с со-

---

[1] Пугачевщина, т. I, стр. 254.
[2] Показания Колесова.
[3] Пугачевщина, т. I, стр. 255.
[4] Когда в 1775 г. на Рождественском заводе стали подсчитывать убытки, причиненные заводу во время пугачевского движения, то в учстной ведомости были

бою новый пугачевский указ на татарском языке, которым завод ограждался от «обид» башкирцев и татар. Однако за внешней покорностью пугачевской власти скрывалась рабская угодливость и преданность хозяину. После возвращения на завод приказчика и расходчика и, повидимому, по их инициативе, заводские рабочие собрались на мирской сход и постановили отправить в Казань письмо о событиях на заводе. Отправлению письма помешало, однако, возвращение на завод С. Волкова, который за время пребывания среди башкир стал «главным над выбранными своими пятьюдесятью человеками из крестьян казаками». Волков был глубоко возмущен поступком приказчика, главным образом потому, что тот изменил данному башкирам слову и тем самым рисковал как своей головой, так и жизнью всех заводских людей. «Разве де ты забыл, — говорил Волков приказчику, — что бывши у башкирцов уже подписался быть верным государю, а теперь посылаешь с известием в Казань. Держись де одной стороны. Вить де на тебе голова то одна. Есть-ли де башкирцы сведают, что де всех вас выжгут и вырубят». Слова пугачевского атамана подействовали на трусливого приказчика, и он не послал письма.

Неудачная история с посылкой письма подорвала авторитет старой заводской администрации, и с этого времени Волков фактически стал во главе управления Рождественского завода. Тулвинские башкиры, пожаловав С. Волкова высоким званием «казачьего атамана», стали через него сноситься с заводом и подчинили Волкову как местное заводское население, так и соседних крестьян экономической вотчины. Вероятно, к моменту возвращения Волкова на завод необходимо приурочить «наставление» походного атамана Абдея Абдулова. В этом «наставлении» Абдулов требует от Волкова, чтобы он на смену старым казакам «выбрал» 100 человек новых из заводских людей и крестьян экономической вотчины. Для того, чтобы выбранные были вооруженными, молодыми, «хорошего состояния», имели «в руках болшой проворъ», Абдулов поручает Волкову и Баранову непосредственно произвести этот набор, а не передавать его деревенским старостам.[1] «Наставление» Абдея Абдулова было, повидимому, немедленно выполнено, и мобилизованные в «казаки» под командой приказчика были отправлены за 60 верст в Осу,[2] чтобы оттуда по распоряжению башкир двинуться в поход на Кунгур, куда в это время стали стягиваться пугачевские силы.

Под влиянием подъема движения в Сарапульском и Терсинском районах начались волнения и на казенном Ижевском заводе, захватив главным образом, тех горнозаводских рабочих, которые по мнению начальника казенных заводов Венцеля были «худого

такие расходы, как на пересылку писем о приближении злодеев и на прогон — 229 р. и на выкуп захваченных служителей 150 р. Не за них ли был заплачен такой большой выкуп?

[1] Пугачевщина, т. I, стр. 191.

[2] Jbid., т. I, стр. 183.

состояния». Это были приписные крестьяне, вотяки и недавно набранные мастеровые. Между тем «лучшие и зажиточные» люди, старые мастеровые, оказались весьма склонными» защищать завод от пугачевцев. [1]

В это время на Воткинском заводе было совершенно спокойно. Когда сюда дошли слухи о том, что под Оренбургом появился новый государь, то, по словам заводского конюха, жители были «тверды» и не верили слухам. Управитель завода А. Клепиков также не мало способствовал сохранению порядка и тишины на заводе. [2]

После захвата Сарапуля пугачевцы смело двинулись на Ижевский завод, всячески подчеркивая, что они — посланные от императора Петра III. В их отряде был священник Д. Иванов, который дорогой приводил церковно-служителей и прихожан к присяге, давал им для подписи какой-то «присяжный лист» и заставлял священников упоминать на эктениях имя Петра III. [3] Имя «императора Петра Федоровича» освящалось церковью и придавало движению необычайную силу и авторитет. Особенно возбужденное настроение было среди приписных крестьян, которые с появлением новой власти ждали осуществления своих заветных желаний. Во время работ они, по словам Венцеля, «чинили несравненное против прежняго огурство» и «льстили себя надеждою быть от заводских работ навсегда свободными».

Успех восстания придавал силу и смелость пугачевцам, которые постепенно продвигались к заводу. Они запретили дворцовым крестьянам работать по выгрузке коломенок с гороблагодатских заводов и прекратили продажу овса и сена для заводских лошадей. Вотяки сами отказались возить чугун и железо. Пугачевцы упорно и последовательно проводили блокаду завода, заставив заводское начальство освободить крестьян от возки чугуна, так как те нигде не могли достать фуража для своих лошадей. Не получая ниоткуда военной помощи, главное начальство решило скрыться и передать завод в руки низшей заводской администрации. Спешно уехал в Казань Венцель, а затем и управитель Ялымов. Завод перешел в ведение надзирателя унтер-шихмейстера А. Губанова, а заводская казна — канцеляриста Калганова. [4]

Вскоре после бегства заводского начальства мурза Еска Кудашев подъехал к заводу и отправил туда двух попов и одного дьякона с указом «для увещевания» заводских людей. Попы огласили на заводе указ Пугачева, которым, как показывал впоследствии А. Губанов, «все заводские жители как от работ, так и от платежа подушных денег могут быть свободными». [5] Повидимому,

---

[1] Б. К. д. № 1139 А., л. 22—27. Рапорт Венцеля от 16 января 1774 г.

[2] Г. А. VI р. п. № 476, ч. VI, д. № 122. Показание конюха К. Подкина от 25 марта 1774 г.

[3] Г. А. VI р. п. № 503, ч. VI, д. 133. Ф. Гиляровского от 6 февраля 1774 г.

[4] Б. К. д. № 1339 А. л. 21. Рапорт Венцеля.

[5] Г. А. VI р. д. № 464. Показание А. Губанова. См. также д. № 467, ч. VI, д. № 122.

*

в таком духе толковали на Ижевском заводе один из пугачевских манифестов, где император Петр Федорович жаловал своих подданных разными льготами, а в частности и «вечной вольностью».

Но появление пугачевских комиссаров не было одинаково принято всеми группами заводского населения. Между ними начались споры о том, самозванец или нет появившийся Петр III. Яркую картину этой борьбы мы находим в показаниях А. Губанова. Заводская администрация в лице Губанова и других лиц решила выступить против признания новой власти, но встретила резкий отпор со стороны заводской массы. Заводские люди с угрозой набросились на Губанова. «Когда де у тебя брюхо цело, — говорили они, — так и противься, а нам де противиться нечем». Получив сильную поддержку со стороны населения, приехавшие попы стали грозить смертной казнью тем, кто не пойдет за новым императором. Угроза подействовала и, в результате, после бурных споров с противниками, заводские люди мудро порешили: «есть ли он подлинно государь, так они верят».[1]

Пугачевцы, стоявшие недалеко от завода, быстро получили сведения о решении заводских людей. Поздно вечером к мурзе Еске Кудашеву приехало новое заводское начальство, а священник вместе с заводскими людьми преподнесли ему хлеб и соль и просили его не разорять завода. Заводские люди были отпущены домой, священник и канцелярист под конвоем татар были уведены на завод, а Губанов оставлен в лагере.[2] 1 января 1774 г., от 300 до 800 пугачевцев,[3] вооруженных саблями, ружьями, луками и стрелами, вступили на завод. Среди них были татары, башкирцы и вотяки и четыре старшины: мурза Еска Кудашев, раньше служивший у заводчика Тевкелева, походный старшина Абзаил Ибраимов, Бакей Абдулов и Вялим Яфаров. Судя по именам и фамилиям это были татары, за исключением последнего, который был, повидимому, омещеряченным башкиром.[4] Главную роль среди них играл мурза Кудашев. Утверждение новой власти на заводе проходило в обычных для многих заводов Урала формах. Был объявлен какой-то манифест Пугачева, причем старшины сообщили населению, что недоимки и подушные деньги не будут взыскиваться в течение семи лет. Господские дома были разграблены, а заводская казна, исчисленная впоследствии в сумме 8 223 руб. 11¾ коп. была конфискована и отправлена Кудашевым в Чесноковку «его высокографскому сиятельству Ивану Никифорову» — Зарубину. При отправке ее были соблюдены надлежащие формальности. Заводский канцелярист составил рапорт, а для сопровождения

---

[1] Г. А. VI р. д. № 464. Показание Губанова.

[2] Г. А. VI л. № 464, ibid., а также п. № 467, ч. VI, д. № 122.

[3] Б. К. д. № 1339 А, л. 22. Г. А. VI п. № 467 ч. IV, д. 92. Показание Воробьева. — См. также Дубровин, т. II, стр. 202.

[4] Национальный характер пугачевских вождей определен путем анализа имен и фамилий, сделанному научным сотрудником Русско-Азиатского Музея Ак. Наук Н. Н. Дмитриевым, которому считаю долгом выразить искреннюю благодарность.

казны были выделены А. Губанов, счетчик С. Кожевников, фурнир Киселев, капрал Гуляев и 8 заводских солдат. Вместе с ними были отправлены в Чесноковку отобранные у солдат и найденные на заводе ружья, патроны, пули и две медные пушки. На Ижевском заводе пугачевцы набрали в казаки 120 — 170 человек.[1] Всем остальным было предложено уезжать с завода «куда, кто хочет», причем старшины им выдавали особые «вольные» билеты «о покорении» за подписью Кудашева. Кто уезжал в деревню, тому было приказано, «чтоб они у прочих всякого звания людей к таковому подданству приводили». Приписные крестьяне, за исключением сибирских, немедленно воспользовались полученной свободой и разошлись по домам, а оставшимся мастеровым было разрешено брать провиант из казенных магазинов. Венцель передает, что пугачевцы, разграбив дома управителей, то что «с собой не увезли, разбили и разрубили». Показания молотового подмастерья и работника набрасывают тень на деятельность и самого мурзы Кудашева. При отъезде с завода пугачевцы не взяли с собою мобилизованных ими казаков, так как те дали взятку Кудашеву. — «Как они, — заявляют про себя заводские люди, — так и все, заплатя ему по рублю, а другие и больше, — освободились» от военной службы.

«Наезд» пугачевцев на Ижевский завод немедленно отозвался на Воткинском заводе, и приписные крестьяне Воткинского завода стали разбегаться по домам.[2] Управитель завода Клепиков, чувствуя свое бессилие защитить завод, бросил его и уехал на север, поближе к строгановским вотчинам, где надеялся организовать отряд для борьбы с пугачевцами. Там в это время было все спокойно, и население охотно шло в отряды для борьбы с пугачевцами. Даже в конце февраля 1774 г. оттуда сообщали князю Вяземскому, что «по то число (до 23 февраля) в тамошнем краю было еще спокойно».[3] Клепиков уехал совершенно свободно и, по словам мастеровых, говорил при отъезде: «Ну, ребята, прощайте. Я от вас еду для того, что боюсь попасться злодеям в руки».[4] Мастеровые выражали сожаление и просили управителя остаться на заводе, «не отрекаясь от стояния против злодеев».[5] Но после отъезда Клепикова заводские люди, ожидая скорого прибытия пугачевцев, по словам заводского конюха, «между собою советовали, што им делать тогда, когда и к ним башкирская команда на завод приедет и положили, наконец, встретить ее с честью».[6] Тот факт, что даже конюх, скупой на подробности, говорит о со-

---

[1] В одном документе приводится цифра 120, в другом — 170. Как и всегда в подобных случаях, мы приводим и то и другое число.

[2] Г. А. VI р. п. № 467, ч. VIII, д. № 60, л. I. Доношение из Гороблагодатского горн. нач. от 18 апреля 1774 г.

[3] Бумаги кн. Вяземского. Дворц. архив, 343/1082 л. 184. (В дальнейшем ссылки на эти бумаги будут условно обозначены: „Б. К. В.“).

[4] Г. А. VI п. № 467, ч. VIII, д. № 128. л. II. Показание мастеровых Воткинского завода от 8 апреля 1774 г.

[5] Б. К. д. № 1339 А. л. 313. Рапорт.

[6] Г. А. VI р. д. № 467. ч. VI д. № 122. Показание конюха Падкина.

вещаниях заводских людей, после которых было принято решение «встретить пугачевцев с честью», показывает, что это решение не сразу было принято. Более откровенно показание плотинного мастера Митюгова, стоявшего впоследствии во главе заводского правления. Он отмечает, что новый управитель завода Бекишев склонял заводских людей встретить пугачевцев «с честью», так как заводским людям «по неимению никакой обороны противиться будет не можно», и они в случае сопротивления разорят и завод и себя.[1] Все это, кажется, дает нам полное основание утверждать, что мастеровые люди решили принять пугачевцев главным образом вследствие того, что они не могли оказать им сопротивление.

2 января 1774 г. в пяти верстах от завода в деревню Гавриловку приехали пугачевцы: два башкирца и два русских. Воткинцы обрадовались этому и отправили особую делегацию, чтобы встретить пугачевцев и пригласить их на завод. Но пугачевцы должны были срочно ехать в Кунгур и не приехали на завод. Это вызвало волнение на заводе, так как воткинцы хотели получить действительных представителей новой власти. Между тем, в это время с Ижевского завода к ним приехал заводский конюх с указом от императора Петра Федоровича. Конюх надеялся, что население примет его за действительного комиссара, и вручил указ новому управителю завода.

Заводские люди не только отказались признать конюха комиссаром, но даже винили его за то, что настоящие пугачевцы не приехали на завод и, наконец, «осердясь, били его, приговаривая, для чего он не допустил к ним такую команду, которая подлинно от государя императора прислана, и хотели, связав его, отослать к графу Чернышеву».[2] Непризнанный комиссар уехал и скоро отомстил за это заводским людям. После отъезда конюха все приписные крестьяне, узнав об указе, разъехались по домам, многие мастеровые отказывались работать на молотовых и дощатых фабриках, и завод замер. Но заводские люди не прекратили поисков настоящих пугачевцев. 7 января «согласясь того завода мастеровые», как показывает мастеровой Козлов, собрав с каждого человека по пяти копеек и выбрав двух делегатов: молотового мастера Н. Запольского и плотника М. Козлова, отправили их вместе с управителем и священником к казачьему сотнику Коробейщикову в Сарапульскую волость. Делегаты просили у Коробейщикова дать им «билет о безопасности». Тот расспросил их о положении на заводе и, узнав, что на нем все согласны служить государю и не будут сражаться с пугачевцами, обещал этот билет им выдать по приезде в Сарапуль. Но в Сарапуль приехал конюх Кузьма, который, как пугачевский «казак», пользовался здесь большим влиянием[3] и, повидимому, благодаря его настояниям, воткинцы не получили обещенного билета. Так неудачно закон-

---

[1] Г. А. VI р. п. № 467. VIII, ч, д. № 60, л. I. Доношение гороблагодатского нач. от 18 апреля 1774 г. с показанием крестьян.

[2] Г. А. Ibid, д. № 122.

[3] Б. К. д. № 1339, А, л. 28, Секретный рапорт Венцеля от 23 января 1774 г.

чились попытки воткинцев установить непосредственные связи с пугачевцами.

Почти одновременно с Ижевским заводом пугачевцы заняли частный медный Бемышевский завод, расположенный вблизи реки Вятки. Достаточно было отряду приписного к адмиралтейству татарина Мясогута Гумерова появиться в окрестностях завода, где постоянно работало до 300 крепостных мастеровых, не считая вольнонаемных, как вольнонаемные люди, «без всякого резону (говоря словами казанского горного начальства) разошлись по своим домам». 31 декабря пугачевский отряд из татар, вотяков и мещеряков во главе с Мясогутом прискакал к Бемышевскому заводу и с криком и визгом окружил его со всех сторон. Завод был захвачен, заводские книги сожжены, господский дом разграблен и плавка меди была запрещена. Уезжая с завода, Мясогут увез три пушки, одну медную и две чугунные.

Так в сравнительно короткое время, в течение одного месяца почти все заводы и наиболее важные центры Прикамского края, в районе от реки Вятки до р. Тулвы, перешли в «подданство» новой пугачевской власти. Остались не взятыми лишь Мензелинск и Елабуга, да в несколько особенном положении оказался Воткинский завод. Инициатива восстания в этом районе шла от тулвинских башкир, которые в большом количестве примкнули к «императору Петру Феодоровичу». Под их непосредственное влияние вскоре перешел весь левый берег Камы, в районе от Тулвы до Вятки, а также часть правого берега Камы, вблизи Рождественского завода. Правый же берег реки Камы, между рекой Вяткой и до Воткинского завода, был в руках татар, которые выступили немедленно вслед за тулвинскими башкирами. Во главе движения националов были старшины, мурзы, муллы и князья.

В этот период восстания националам, главным образом, башкирам, принадлежала активная руководящая роль, отмеченная даже казанским губернатором Брандтом. «Заразившая чернь, писал он в рапорте от 8 января 1774 г., везде приемлютъ злодейские башкирские партии... везде по два и по три башкирца имеют способность по жительствам ездют, а дале внутрь здешних пределов предавшихся из русских мужиков таким же количеством посылают, народ обольщают».[1] Националы совершали наезды на главные опорные пункты русской колонизации края: на заводы и укрепленные селения, объявляли среди населения пугачевские манифесты, приводили его к присяге и собирали казаков, фураж и продовольствие. В упомянутых пугачевских партиях, разъезжавших по Прикамскому краю, мы нигде не встречали яицких казаков. Подъезжая к заводу или к селению, националы меньше всего были склонны действовать силой оружия. Они стремились к тому, чтобы население поднялось против своих властей и часто добивались успехов, рассылая манифесты и агитаторов. Лишь в крайнем случае они прибегали к более активным мерам воздей-

---

[1] Г. А. VI р. д. № 504, ч. II, л. 295. Рапорт Брандта от 8 января 1774 г.

ствия, блокируя заводы и нападая на них. Там, куда националы не отправляли своих отрядов для «покорения» населения, часто создавалась такая напряженная обстановка, что даже местные власти были вынуждены отправлять к ним делегатов и завязывать с ними сношения, как с истинными представителями новой власти.

Не менее активную деятельность националы развивали на заводах, после того как последние переходили на сторону восставших. Националы забирали господское добро и конфисковывали заводские деньги, отправляя их к Зарубину и нередко соблюдая надлежащие формальности при конфискации денег. Они распускали по домам приписных крестьян, выдавали им особые отпускные билеты, закрывали заводы и строго запрещали мастеровым людям работать. Националы не могли все же хорошо организовать восстание. В Прикамском крае создалось два штаба движения: один на р. Тулве в дер. Берде, а другой в Осе, где происходило формирование военных частей для похода на Кунгур. Оторванные друг от друга, эти штабы восстания замедляли темп работы по организации пугачевских сил и по оказанию помощи пугачевской армии, стоявшей под Кунгуром.

Выступая на заводах и в селениях Прикамского края, националы всегда подчеркивали, что они действовали от имени «императора Петра Феодоровича». Однако между местными очагами движения и главным штабом в Чесноковке не было живой связи. Националы отправляли туда конфискованные деньги, но не получали оттуда никаких инструкций и помощи. Между тем они были мало подготовлены к тому, чтобы создать в Прикамском крае действительно боевой фронт восстания и руководить движением. Они не сумели использовать собранных на заводах казаков. Татарские вожди брали взятки и распускали «казаков» по домам. Башкирские старшины насиловали малолетних девиц. Такие действия подрывали доверие населения к националам, заставляли его обращаться непосредственно в главный зарубинский стан за помощью.

Первоначальное преобладание национально-освободительной окраски в местном пугачевском движении вполне естественно для Прикамского края. Оно было вызвано самым ходом пугачевского восстания в районе, где коренным населением были националы, среди которых давно шло сильное национально-освободительное движение. К движению примкнула наиболее многочисленная и вместе с тем наиболее революционная часть заводских рабочих — приписные крестьяне, желающие освободиться от заводских работ и тяжелой подушной подати и сделаться, как говорили вотяки, «самим себя господином». Они с радостью встречали националов и ожидали от них, как от действительных представителей новой власти, осуществления своих заветных чаяний. Появление националом было сигналом для ухода приписных крестьян с заводов по домам. Пугачевские вожди, учитывая страстную жажду приписных крестьян бросить тяжелые заводские работы и уйти в деревню, поощряли эти стремления. Волнения за-

хватывали и крепостных крестьян, которые заставляли заводское начальство посылать делегации в лагерь пугачевцев. На частных заводах с крепостным трудом между общей работной массой и мастеровыми не было разногласий по вопросу о том, как относиться к пугачевской власти. Между тем, на казенных заводах, где мастеровые были поставлены в привилегированное положение, такого единодушия не наблюдается, и сознание своего бессилия бороться с пугачевцами могло, повидимому, играть решающую роль в их присоединении к пугачевскому движению.

III. ДВИЖЕНИЕ В ПРИКАМСКОЙ ДЕРЕВНЕ.

«Наезды» пугачевцев на заводы и уход с камских казенных заводов приписных крестьян вызвали сильный подъем массового крестьянского движения в Прикамском крае, особенно в районах, населенных приписными крестьянами. Заводские люди, расходясь по домам, всюду разносили весть о новой власти. Сначала местные деревенские власти с большой осторожностью относились к пришедшим с заводов крестьянам. В начале января староста Рождественской волости при возвращении домой заводских людей с билетами снял с них точные копии и послал эти копии в Казань. Но за время пребывания заводских людей в деревне настроение там быстро переменилось.[1] В середине января вятская провинциальная канцелярия доносила казанскому губернатору Брандту, что крестьяне Рождественской волости, приписанные к Ижевскому заводу, «заразясь ядом известного государственного злодея и самозванца Пугачева с его толпою, сделались тому последователями».[2] Хотя основная масса деревни, проникнутая новыми настроениями, не выходила из рамок пассивного протеста, но она не платила подушной подати и долгов, не давала рекрут и подвод и была полна слухов и надежд. Эти слухи доходили до самых темных углов района. Деревня готовилась к мобилизации и часто дожидалась лишь пугачевского комиссара, чтобы итти «в казаки». В татарской деревне Сосновый Враг, куда с Ижевского завода бежал осенью один приписной крестьянин, «проговаривали ему, чтоб итти в казаки вместе на помощь в армию к государю Петру Федоровичу, с коими он обще и согласился». Там, где осенью был произведен набор рекрут в екатерининскую армию, крестьяне крайне сожалели, что они не могут отдать своих сыновей послужить истинному христианскому делу освобождения от крепостнических отношений. Наоборот, служба в армии Екатерины казалась им делом антихристианским, службой чорту. Крестьянин деревни Аманеевой, Осинской дороги Уфимского уезда. Я. Иванов жаловался, что в сентябре[3] «народ налег» на него, тре-

---

[1] Г. А. VI. р. п. № 467, ч. IV, д. № 92, показание крышного мастера М. Воробьева.

[2] Г. А. VI р. п. № 467, ч. I, д. № 62, секретный рапорт Брандта 31 января 1774 г.

[3] Жалобчик, кажется, не ошибся в месяце, как предполагают комментаторы издания Центроархива. (Пугачевщина, т. I, стр. 255). Они считают, что сыновья

буя сыновей в рекруты и он должен был их отдать, а теперь ему говорили: «ты де своих детей отдал чорту служить».

Влияние событий сказывалось и в других областях быта. Закабаленные заводами рабочие и крестьяне спешили освободиться от своих долговых цепей, и заводские долговые книги бросались в огонь при криках: «Горите, наши долги». Но расширение этого приема ликвидации долгов и применение его к самим сторонникам Пугачева вызвало отпор. Имущественные права новых подданных твердо ограждались пугачевцами. Конюх Воткинского завода Кузьма Подкин рассказывает, что в с. Малкове Сарапульской волости один крестьянин отказался уплатить ему долг, мотивируя это своим переходом на сторону новой власти, которая освободила будто бы всех своих подданных от уплаты долгов. «Какие де деньги, я уже теперь казак, и государь прощает во всем». Лишь в Сарапуле, куда Подкин привез своего должника, с него были взысканы деньги, так как Подкин доказал там, что он тоже был казаком.[1] Право на получение старых долгов было сохранено за верноподданными императора Петра Федоровича.

В деревне растет напряженная атмосфера, готовая прорваться каждую минуту. Вспоминаются старые обиды и счеты. Заводские люди, иногда забывая осторожность, негодовали на деревенские непорядки. Один приписной крестьянин по возвращении домой напился пьяный и пошел к попу требовать с него обратно 70 коп. денег, взятых за венчание. Когда поп ему отказал, крестьянин стал грозить: «Полно де, батюшка, вить ныне вам есть уже от Пугачева передряга, да и тебе того не миновать». Крестьянин был взят под караул и наказан плетьми.

Заводские люди, вернувшись в деревни, не только занимаются агитацией, но берутся за оружие, мобилизуют население в казаки, стремятся сформировать отряды, становясь во главе их, и поднимают восстание в новых районах. Преобладание в местном движении влияния националов начинает падать, тем более что они оказываются часто плохими организаторами новой власти и не умеют сдерживать своих одноплеменников от грабежей и бесчинств. Русское население Прикамского края стремится освободиться из-под их влияния, и приписные крестьяне нередко становятся во главе этого движения. Нельзя, впрочем, сказать, чтобы эти русские организаторы оказывались успешнее своих предшественников из числа башкир или татар. Общая организационная слабость движения, невозможность быстро наладить снабжение оружием и слабая поэтому устойчивость больших, но нередко беспомощных мобилизованных масс, ярко сказываются в истории прикамского движения.

В это время приписным к адмиралтейству татарином Мясогутом было поднято движение в районе р. Вятки. С отрядом в

Иванова взяты были в войска Пугачева, но Пугачев брал людей не в рекруты, а в „казаки". Поэтому допустимо и принятое здесь нами иное понимание этого источника.

[1] Г. А. VI п. № 467, ч. VI, д. 122, показание Подкина.

25 человек Мясогут приехал в деревню Шупь Арской дороги, остановился у старосты, собрал мирских людей и читал им указ о наборе в пугачевскую армию 2000 человек, по одному человеку с десятка. За отказ он грозил, что будет казнить и жечь дома. Указ был немедленно выполнен, и было мобилизовано от 1 700 до 3 000 человек, которых отстригли по-казацки. Гумеров хотел выступить с ними против гусаров. Одной части отряда было приказано делать в лесу засеку, чтобы преградить путь гусарам, а другая должна была утаптывать снег около деревни для того, чтобы приготовить удобное поле для сражения. Но вновь мобилизованые стали роптать. «Как де нам зделать баталию, у нас де никакого оружия, кроме копьев нет, и наши души занапрасно погибнут». Видимо, и сам Гумеров понимал бесцельность борьбы безоружной армии с гусарами. Он пошел, как говорится в одном показании, «в бег», а затем разбежалось почти все его войско. Небольшая часть отряда была уведена татарином (из числа татар, приписных к адмиралтейству) Галпой Кадылевым в более безопасное место, под Мензелинск, где в отряде скопилось 500 человек, из которых было 350 татар и 150 русских. Собранные для борьбы с общим врагом русские стали держаться в отряде, по словам татар, отдельно и с ними не «якшались». Вскоре впрочем, и этот отряд совершенно распался.[1]

После бегства Гумерова в том же районе около Малмыжа появляется приписной крестьянин Ижевского завода Иван Бабушкин. С отрядом в 300 человек он сбирал по р. Вятке около с. Усады крестьян, разбежавшихся от Гумерова, и действовал в качестве его комиссара. Гумеров пользовался большим авторитетом среди крестьян, и Бабушкин ссылался на его распоряжения, когда надо было припугнуть или арестовать крестьян, не желавших итти в казаки. Он не имел права самостоятельно разбирать какие-либо спорные дела. Для этой цели он отправлял людей к Гумерову, как к верховному представителю власти. Он производил мобилизацию не непосредственно, а через местную крестьянскую власть. По приезде в Вятские поляны, как показывает экономический крестьянин с. Воздвиженского Арской дороги П. Максимов, Бабушкин «вызвал к себе волостного старосту и земского и объявил им, что он приехал по указу от государя и взял на службу множество людей». Но и деятельность Бабушкина кончилась плачевно. Когда его отряд стал «разбивать» дом одного зажиточного экономического крестьянина в Вятских полянах, то крестьяне поднялись против Бабушкина и разогнали отряд. В военном отношении приписной крестьянин Бабушкин оказался не удачливее башкирца Гумерова, а в отношении политического такта кончил тем, что был обращен самими же крестьянами в бегство, тогда как Гумеров, по крайней мере, добровольно «пошел в бег». Но выдвижение в качестве организаторов отрядов людей из числа приписных крестьян вместо башкирских и татарских вождей было

---

[1] Г. А. VI р. п. № 467, ч. I, д. № 48. Ibid., ч. I, д. № 64.

общим явлением. Оно поддерживалось и действиями местного прикамского главного штаба пугачевцев в Чесноковке.

После захвата с. Сарапуля, башкирцы стали бесчинствовать и озорничать. Тогда жители обратились с жалобой в Чесноковку, откуда приехал яицкий атаман Коробейщиков. Расследовав дело, атаман приказал молотовому мастеру Ижевского завода Т. Лазареву, по прозванию Неприятнову, повесить на релях как башкирского старшину, так еще одного башкирца за то, что они насиловали малолетних девушек. Неприятнов, по его словам, отказался это сделать. Тогда башкирец Еркей стал бить его плетьми и заставил исполнить приказание. Атаман приказал, видимо, в поучение другим, не снимать тел повешенных с релей, а сам уехал в Мензелинск. Впоследствии Неприятнов был отправлен с важным поручением в Нагайбацкую крепость, к Торнову. После отъезда казацкого атамана в с. Сарапуле самым влиятельным человеком стал конюх Воткинского завода Кузьма Подкин. Он был оставлен населением «жить в казаках». Атаман Носков приглашал его вступить в свой отряд, но сарапульцы, по словам Подкина, не отпустили его, и Подкин жил здесь почти до масленицы. [1]

Сарапульская история сильно повредила репутации башкир в глазах местного населения. К ним стали относиться с недоверием. Вскоре после Рождества партия башкир в количестве 500 человек приехала в деревню Бабкино, около Сарапуля, читала крестьянам указ Пугачева и убеждала их послать в Чесноковку делегатов, чтобы заявить о своем повиновении новой власти. Крестьяне, повидимому, долго совещались и после отъезда башкир отправили в Чесноковку выборных из «лучших» людей. Мы не имеем данных, чтобы судить о том, какие разговоры они вели в Чесноковке с Зарубиным. Повидимому, они настаивали на том, чтобы управление Осинской экономической волостью было изъято из ведения националов и передано им, так как Зарубин назначил из их среды станичного атамана, походного станичного эсаула и приказал им «иметь команду» над всей Осинской вотчиной. Вместе с тем он велел им набрать отряд для службы государю Петру Федоровичу и для защиты от правительственных войск. Получив новую власть, крестьяне организовали отряд и отправили его под Осу, а сами сделали копья и вооружились саблями.

На севере от Ижевского завода действовал отряд, возглавляемый «старшиной» А. Стрельниковым. В этом отряде были беглые заводские люди Ижевского завода, а также уголовные элементы. При приеме в отряд новых членов они приводились священником к присяге, причем каждому объясняли, что «кто из них напред сего какие преступления не сделавъ, все отпущаются, да и де и черни даны будут всякие выгоды, то есть через семь летъ уволены будут от подачей и где кто пожелает жительство иметь,

[1] Б. К. д. № 1339 А, л. л. 26 – 27, рапорт Венцеля от 16 января 1774 г. Г. А. VI р. п. № 467, ч. VI, д. № 122, показание Неприятнова. См. также показания Козлова и Подкина.

везде позволено будет». В этих обещаниях отразился состав отряда Стрельникова. Мы узнаем о деятельности этого отряда по показанию одного его участника, уголовного крестьянина П. Погудина. По его словам, отряд ставил себе одну задачу — бороться с возобновлением работ на заводах. На Воткинском заводе Стрельников объявил манифест и выдал господским людям билеты, «чтоб все шли на прежние жилища, фабрики же все запечатавши». То же было проделано на Ижевском заводе. Заводским людям были также выданы билеты на свободный уход по домам, а при отъезде с завода все фабрики были запечатаны для того, чтобы жители «более на оных работ не производили».[1] Едва ли в истории пугачевского движения где-либо так ярко сказался протест против крепостного труда на заводах, как в деятельности этого отряда.

Итак, «наезды» пугачевцев на камские заводы и уход с них не менее 6 000 приписных крестьян не только вызвали новый подъем движения, но и влили в него новую струю. Восстание перестает быть чисто национальным движением туземного населения. Русское крестьянство входит в непосредственные сношения с главным штабом Чесноковки. Во главе пугачевских отрядов начинают становиться «заводские люди» из приписных крестьян. Движение, которое получило от заводов сильный толчок для своего развития, вновь бросается на заводы. Лишь строгоновская вотчина со своими торгующими мужиками осталась в стороне от движения и собирала силы для борьбы с пугачевцами.

IV. ЗАРУБИНСКИЕ КОМИССАРЫ НА ЗАВОДАХ.

Усиление волнений среди прикамского русского крестьянства под влиянием возвращения с заводов работавших на них крестьян придало пугачевскому движению в Прикамье новую окраску. Его первоначальные ярко национальные цвета тускнеют, значение национальных мотивов слабеет, роль националов в движении перестает быть господствующей. Особенно это заметно во второй половине января 1774 г. Главные силы пугачевских войск в Прикамье состояли преимущественно из башкир, татар и вотяков под командой «полковника» Батыркая Ишменева. Поход на г. Кунгур, где во главе собранных правительственных отрядов стоял кунгурский купец Хлебников, был главным образом делом тулвинских башкир. После занятия башкирами Осы вооруженные силы Ишменева немедленно повели наступление на Кунгур, и Ишменев неоднократно собирал через Осу пополнения для пугачевской армии. 9 января 1774 г. эта армия Ишменева была разбита под Кунгуром, и ее поражение сильно подорвало авторитет и значение националов в глазах населения Прикамского края. Этому способствовали и дезорганизаторские поступки башкир, совершавших насилия и бесчинства. Главная пугачевская власть в крае, как мы уже видели, всячески стремилась содействовать переходу власти на ме-

[1] Г. А. VI р. д. № 467, ч. II, показание крестьянина П. Погудина.

стах непосредственно в руки местного населения. В этот новый период движения на заводах Прикамья совершенно перестает чувствоваться влияние националов. Они переходят в ведение назначенных Зарубиным комиссаров. Таким комиссаром на Ижевском заводе был Губанов, на Воткинским — Носков, а на Рождественском заводе — Волков.

Новый управитель Ижевского завода А. Губанов вышел из семьи мастерового и прошел суровую школу жизни. С 11-летнего возраста он работал на разных заводах, где его наказывали и батогами и плетью. В его служебном прошлом числились такие провинности, как воровство харчевых припасов, блудное дело, пьянство и «несмотрение» за мастеровыми. Лишь в 1773 г., после 30-летней заводской лямки, он был назначен Венцелем на должность унтер-шихмейстера.[1] Эти личные качества Губанова отразились на его деятельности во время восстания. 16 января унтер-шихмейстер А. Губанов приехал в Чесноковку и сдал Зарубину заводские деньги, которые были записаны на приход зарубинского стана. Заводские солдаты были зачислены «пушкарями» в армию. Зарубин беседовал с Губановым о посылке провианта в Оренбург и о борьбе с Клепиковым, который в это время формировал на севере отряд и намеревался строить в дер. Полозовой «городок». Губанов сумел внушить к себе доверие и получил от Зарубина «наставление», назначавшее Губанова надзирателем Ижевского завода. Наставление обязывало его принести «покорение» и быть «верноподданным» рабом его «императорского величества». Мастеровые передавались ему в «послушание», а завод должен был работать на пугачевскую армию. В «наставлении» нет точных указаний о том, что именно должно заготовляться на Ижевском заводе, так как об этом было дано Губанову какое-то личное распоряжение. Из дела же Губанова видно, что речь шла о том, чтобы «готовить на заводах сабли и на седла кожи», т. е. повидимому превратить завод в базу кавалерийского снабжения.[2] Заготовленные предметы было необходимо, как говорится в «наставлении», «с надежными и верноподданными рабами» отправлять в сию ж (т. е. зарубинскую) армию». Вместе с тем Губанову было предложено немедленно доставить в Чесноковку все, что может быть использовано для нужд армии: «седлы, кожи и протчее, какое ни есть принадлежащее».[3] Как форма документа, так и его содержание не оставляют никакого сомнения в том, что Зарубин смотрел на Губанова, как на преданного сотрудника, которому было возможно дать ответственное поручение. Подобные наставления давались Зарубиным лишь атаманам пугачевской армии. Поэтому мы едва ли поверим Губанову, который на следствии отрицал, что он не имел поручений от пугачевцев.

[1] Г. А. VI р. д. № 464. — См. Пугачевщина, т. I, стр. 184.
[2] Г. А. VI р. д. № 464, показание Губанова.
[3] Пугачевщина, т. I, стр. 204 — 205. См. также Б. К., д. № 1339 А., л. 313, рапорт гороблагодатского горн. нач. от 14 ноября 1774 г.

Зарубин был энергичным и предусмотрительным вождем. Дубровин называет его «вторым Пугачевым», но более умным, самостоятельным и энергичным.[1] В это время пугачевцы особенно нуждались в кавалерии, снабженной как ружьями, так и холодным оружием для борьбы с правительственными отрядами, наступавшими по разным направлениям на Уфу. Однако попытка Зарубина создать техническую базу для своей армии на Ижевском заводе встретила на заводе сильную оппозицию со стороны мастеровых. Повидимому, это были те «лучшие и зажиточные», которые еще при Венцеле были склонны поддерживать заводское начальство. Уход с завода приписных крестьян ослабил позицию пугачевской власти на заводах. Ни националы, ни действия отряда Стрельникова не переломили в мастеровых антипугачевских настроений. По приезде на завод Губанов привел мастеровых в повиновение, но ему не удалось заставить их работать на нужды пугачевской армии. Мастеровые, подстрекаемые, повидимому, агентами Клепикова, устроили подлинную «забастовку». Они отказались работать на старых условиях и потребовали прибавки. Губанов отказал и, пользуясь предоставленным ему правом «поступать неослабно», решил не давать провиант из магазейнов тем мастеровым, которые не соглашались работать на старых условиях. Забастовка затормозила работы на заводе. Губанов успел сделать всего четыре сабли, да и тех не мог отправить к Зарубину, так как в это время на камские заводы наступал Клепиков.

На Воткинском заводе пугачевским комиссаром был первостатейный крестьянин, приписной к Воткинскому заводу Андрей Носков. В начале января 1774 г. он по собственной инициативе явился в Чесноковку к Зарубину и получил от него разрешение образовать отряд, который должен был задерживать курьеров, захватить денежную казну в Свинской волости Вятской провинции и, наконец, получить порох в «Егошихе» (на Ягошихинском заводе). «Как «истинно верноподданный раб и сын отечества», он получил 10 января повеление от «графа Ивана Чернышева» набрать отряд до 500 человек и ехать в прикамский край, «ко увещанию непокорившихся и ко усмирению противящихся злодеев».[2] 19 января Носков с отрядом в 200 человек приехал на Ижевский завод, а оттуда быстро уехал на Воткинский завод.[3] Такая поспешность объясняется тем, что Носков был вынужден срочно организовать отряд для борьбы с Клепиковым. На север от Воткинского завода, в родной Носкову Сивинской волости, Клепиков, опираясь на крестьян строгановской вотчины, собирал силы для борьбы с пугачевцами. Одновременно с ним стали усиленно действовать отряды Башмакова, строгановского приказчика Волкова и приказчика кн. Голицына Варокина.[4] Для пугачевцев наступили

---

[1] Дубровин, ibid, т. II, стр. 199.

[2] Пугачевщина, т. V, стр. 130—132. Повеление графа И. Чернышева от 10 января 1774 г.

[3] Б. К. д. № 1339 А. л. 313. Рапорт гороблагодатск. нач. от 14 ноября 1774 г.

[4] Чупин Н. К., Сборник статей, касающихся Пермской губ. Стр. 176—81.

тревожные минуты. Сначала Носков «надеялся «на немалое споможение» со стороны Осинской земской избы, где были собраны значительные пугачевские силы.[1] Но осинцы в это время сами находились в безвыходном положении. Они деятельно поддерживали крепостных с. Беляевского в их борьбе с отрядами Волкова и Воронина. Они «нарядили» туда приписных крестьян, которые под командой полковника Фотея Тетерина повели наступление на Очерской завод. 10 января от имени Ф. Тетерина туда было отправлено письмо очерскому старосте, чтобы он повиновался е. и. в, «содержал» крестьян «в крепком содержании и силе нашей» и заготовил фураж и провиант.[2] Для пропаганды среди населения с отрядом ездил «наряженный казак» с золотым колпаком на голове и портретом императора Петра третьего. Он показывал подлинный манифест Пугачева, собирал фураж и набирал людей. Отряд Тетерина был вынужден отступить, а 20 числа он был разбит в с. Белявском, где было взято в плен 44 человека приписных осинских крестьян.[3] Поражение в с. Беляевском так поразило осинцев, что на просьбу Носкова 26 января они ответили: «недовольно тово, чтоб вам на помощь дать, но и сами здешние обыватели от таковых же возмутителей и бунтовщиков — как они называли сторонников Екатерины, — лишились домов своих, и бессменно стоят на бекетах». До 100 человек казаков потерпело неудачу под селом Беляевском, вследствие чего в Осе все были в большой опасности и не знали, «как спасти себя от смерти».[4]

Эти безнадежные известия не смутили Носкова. Когда Носков подъезжал к Воткинскому заводу, то навстречу ему выехали мастеровые завода и привезли связанным нового управителя завода Бекишева.[5] Носков приехал на завод 27 января с отрядом в 100 человек и был встречен мастеровыми и священниками завода с церковным звоном, хлебом и солью. Есаулом Носкова был приписной, переведенный крестьянин того же завода, Федор Калабин, по прозванию Шмота или Шмотин.[6] Носков, как и огромное большинство пугачевцев, был неграмотным, поэтому указ о верности Петру Федоровичу был прочитан на заводе подъячим, а сам Носков лишь уверял всех, что Петр Федорович стоит под Оренбургом[7] и «со устращиванием» спрашивал их, желают ли они итти в его команду.[8] Заводские люди немедленно заявили о своей преданности «его императорскому величеству, почитая себя верноподданными рабами», дали свое согласие вступить в команду Носкова,

---

[1] Пугачевщина, т. I, стр. 111.

[2] Бумаги кн. Вяземского, ibid., л. 171. Письма сообщников Пугачева в строгановскую вотчину.

[3] Ibid, л. л. 169 — 170. Письмо Я. Волегова от 24 января 1774 г.

[4] Пугачевщина, т. I, стр. 111.

[5] Г. А. VI р. н. № 467, ч. VIII, д. № 60, л. I. Доношение гороблагодатского горн. нач. от 18 апреля 1774 г. с приложением показаний крестьян.

[6] Пугачевщина, т. II, стр. 432.

[7] Г. А. VI р, п. № 467, ч. VIII, д. № 128, л. II. — Показание 6 мастеровых Воткинского завода от 8 апреля 1774 г.

[8] Г. А. р. VI д. № 467, ч. VIII, д. № 60, л. I.

и тот привел их к присяге. Присяга происходила молчаливо. Священник держал крест, мастеровые подходили ко кресту и целовали его, а рядом со священником стоял Носков с обнаженным тесаком, угрожая тех, «кто ко кресту не пойдет, зарубить». [1] Затем было выбрано новое правление завода для того, чтобы завод «с живущими при оном мастеровыми и работными людьми обижен и разорен не был». Носков принимал активное участие в образовании заводского управления и сам наметил в правление кандидатов, которые затем и были «избраны» на общем собрании заводских служителей. Особым «наставлением» атаман Носков предоставил правлению широкие полномочия как административно-судебного, так и полицейского характера. Правление было обязано разбирать и решать споры между мастеровыми, работными людьми и заводскими служащими, считаясь при этом с «самой справедливостью». Оно должно было следить за теми мастеровыми, которые станут «усиливатца», и брать таких людей «под караул». Оно имело право выдавать мастеровым и работным людям продовольственные продукты из казенных магазейнов, распределяя их по едокам («смотря по семейству»). В своей деятельности правление было обязано «напрасно» никому «обид и налог не чинить». Особенно было необходимо охранять духовенство, которому правление было обязано предоставлять различные привилегии и, в частности, оно не имело права без разрешения Носкова никуда посылать духовенство и не требовать его на «свои народные сабрания». [2] «Наставление» ограничивало деятельность правления исключительно территорией завода. Как по своей форме, так и по содержанию, это наставление резко выделяется от аналогичных «наставлений» зарубинского стана подробным перечнем прав и обязанностей заводского правления. [3] Появившееся в период ожесточенной борьбы с противником, наступающим с севера, это «наставление» было открытым вызовом тем националам, которые в это время в тылу совершали «наезды» на заводы и разоряли местное население. Вся деятельность Носкова на заводе показывает, что он вполне отдавал себе отчет в необходимости поступать с мастеровыми решительно, не останавливаясь даже перед применением жестоких мер. Окруженный людьми, которые лишь формально признавали пугачевскую власть, он действовал смело и энергично. Этого требовала та боевая обстановка, которая создалась вокруг завода.

На заводе Носков организовал крупный отряд в 1700 человек. Формируя его, он проявил ту же решительность и энергию, с какой он приводил мастеровых к присяге. Он переписал всех годных мастеровых людей, а затем быстро вооружил их отысканными в заводской кладовой, под колокольней, копьями, тесаками и саблями. В одну ночь на заводе были изготовлены две пушки

---

[1] Г. А. п. № 467, ч. VIII, д. № 60.
[2] Пугачевщина, т. I, стр. 178—179. Наставленпе Носкова.
[3] Ibid., т. I, стр. 79 и 82.

из чугунных «сопль». Надо удивляться энергии, с которой зарубинский комиссар сделал на заводе эти пушки. Заводский кузнец сначала отказался итти на кузницу, несмотря на то, что за ним был послан казак. Тогда за кузнецом был отправлен небольшой отряд в пять человек и привел его в кузницу, где кузнец и заклепал узкие концы чугунных «сопль». При отправлении отряда в поход дворцовым крестьянам выдавали казенный провиант, а безлошадным разрешалось взять казенных лошадей. Заводские мастеровые неохотно пошли за пугачевцами в поход на север, и Митюгов должен был ездить по заводу на лошади и насильно выгонял людей. 15 ижевских мастеровых на коленях просили Носкова отпустить их домой, и Носков, уступая просьбам, разрешил им итти на завод, хотя Митюгов и протестовал, говоря: «ибо де, что народу больше, то лучше». Однако он сам не был зачислен в отряд и оставлен на заводе для охраны построек и магазейнов».[1]

Сформированный с такими усилиями отряд был разделен на две части: одна была отдана есаулу Ф. Шмотину, а другой командовал сам Носков.[2] Носков пошел прямо на север под дер. Полозову, где находился Клепиков, а Шмотин с отрядом двинулся на северо-запад, на вотское село Дебесы, и запоздал к сражению, которое произошло 29 января.[3] В отряде Носкова было до 1 700 человек из приписных и дворцовых крестьян, но в нем не было ни одного ружья и две плохие пушки. В отряде Клепикова было до 500 человек, но зато они были вооружены ружьями и пушками. Пугачевцы были разбиты, причем у них было взято в плен 312 человек, из которых 115 человек было мастеровых. Дорога на завод была открыта, но Клепиков медлил итти туда, встревоженный слухами о наступлении новой партии пугачевцев. Лишь 3 февраля он занял завод и стал укрепляться, находясь «в осторожностях» и ожидая нового нападения «плута Носкова с крестьянином Шмотой». Положение Клепикова было незавидное. «Крайнюю имею опасность от села Сарапула, — писал он от 4 февраля строгановскому приказчику Волегову, — где превеликой скоп и прошу еще, государь, снабдить, буде более не можно, то хотя со сто человек, только вооруженных. Да пожаловать присылкой не замедлить... Весьма худые здесь обстоятельства и опасные».[4]

Пугачевцы, разбитые Клепиковым, в панике отступили и разбежались по деревням. Под влиянием грозной опасности, когда надо было показать силу воли и выдержку, комиссар Ижевского завода Губанов растерялся. Еще не так давно он был готов покорно служить пугачевцам и применять крутые меры к ослушникам новой власти, но в настоящее время он быстро изменил свою позицию и решил покаяться горному начальству. Он сбросил с

---

[1] Г. А. VI р. п. № 467, ч. VIII д. № 60. Доношение.
[2] Д. № 128 л. II. Показание мастеровых Воткинского завода от 8 апреля 1774 г.
[3] Пугачевщина, т. II, стр. 433.
[4] Б. К. В. л. 184. Письмо А. Клепикова Я. М. Волегову.

себя маску пугачевца, которую был вынужден носить в течение двух месяцев, и решил вновь показать себя исправным унтер-шихмейстером. Вместе с Киселевым, который ездил с ним в Чесноковку, он поехал на Воткинский завод к Клепикову и заявил там о своей преданности екатерининской власти. Клепиков принял их, сделал вид, что он был удовлетворен объяснениями, и предложил им ехать на Ижевский завод и изготовлять там сабли и лыжи для борьбы с пугачевцами, а Губанову, кроме того, отправиться в Сарапуль и разведать о пугачевцах. С этими поручениями Губанов уехал с Воткинского завода, а Клепиков немедленно сообщил о нем горному начальству, которое приказало взять Губанова под караул и отправить его в Казанскую следственную комиссию. При приезде из Сарапуля Губанов был арестован и увезен в Казань, а 25 марта на Ижевский завод явился Ялымов, а затем и Венцель. Заводские жители были приведены к присяге, и заводы снова стали работать, хотя и вяло.

На заводах были составлены списки лиц, которые были в злодейских толпах. На Ижевском заводе подобных лиц оказалось 120 человек, в том числе мастеров 21, подмастерьев 1, учеников 36, рабочих закомплектных 32, рабочих комплектных 27. На Воткинском заводе замешанных в пугачевщине было 123 человека, в том числе мастеров 22, подмастерьев 36, работников комплектных 27 и закомплектных 37. При сравнении общего количества мастеровых и работных людей Воткинского завода с количеством лиц, участвовавших в пугачевском движении, получается следующая таблица:[1]

Категории лиц (администр., хозяйствен. и конторских служителей)	Жалованье в год в рубл.	По штату	Участв. в движении	В %%
Надзирателей	36 — 48	2	—	—
Канцеляристов	60	1	—	—
Подканцеляристов	40	2	—	—
Копеистов	30	4	—	—
Писцов	12	2	—	—
Старост	18	1	—	—
Сторожей	12 — 16	9	1	1
Конюхов	15	20	5	25
		41	6	14,6

[1] Сведения о штатном количестве и размерах вознаграждения взяты у Германа (соч. о сибирских рудниках и заводах. СПБ. 1797, стр. 76—78), а данные об участвовавших в движении извлечены из Г. А. VI р. п. № 467 ч. IX, л. 170. Реестр.

Мастеровых и работных людей	Жалованье в год в рубл.	По штату	Участв. в движении	В %%
Мастеров	24—36	77	22	29
Подмастерьев	18—30	100	36	36
Работников комплектных	18	80	27	38
Учеников	12—24	14	4	29
Плотников	15—18	15	7	47
Кузнецов	15—18	8	—	—
Варовщиков	18	2	1	50
Столяров	15	2	—	—
Пильщиков	15	1	—	—
Молотобойцев	14	8	2	25
Работников	14	2	1	50
Работников закомплектных	14	82	37	45
Малолетних	2	20	—	—
Итого		417	137	32%
Всего		458	143	31%

Заводская администрация и заводские служители целиком отсутствуют в реестре. Из хозяйственного состава лишь конюхи оказались замешанными в движении, да и то лишь частично. Из мастеровых: столяры, пильщики и кузнецы, а также малолетние тоже оказались не занесенными в реестр. Что же касается остальных категорий, то можно заметить некоторую закономерность в отношении величины заработной платы к количеству лиц, участвующих в движении. Наименее обеспеченные и менее квалифицированные группы мастеровых и работных людей, как, например, закомплектные работники и плотники,[1] дали из своей среды наибольшее количество лиц, участвовавших в движении (от 45% до 47% штатного состава), между тем как наилучше обеспеченные группы: мастера, подмастерья, комплектные работники и ученики участвовали в движении в меньшем количестве (от 29% до 38%). В общем, вольно или невольно, но пугачевское движение захватило почти одну третью часть основного кадра заводских людей.

На Рождественском заводе процесс освобождения заводских людей от руководящего влияния националов начался позднее, чем на камских казенных заводах. Первый попыткой к этому необходимо считать собрание конторских служителей, мастеровых, работных людей и местных «казаков», созванное 20 января 1774 г.

[1] Мы берем лишь наиболее многочисленные разряды работных людей.

по вопросу о выборе начальника над мобилизованными казаками. На эту должность был единогласно выбран «казачий атаман» Семен Волков. Он был сыном молотового мастера, имел от роду 21 год и, по отзыву председателя казанской и московской следственной комиссий П. С. Потемкина, резко выделялся среди заводских людей «нарочитым понятием и смыслом, отличающим его от черни». [1] На Волкова были возложены обязанности чисто военного характера, связанные с управлением отрядом местных «казаков». Ему было поручено «содержать казаков в команде» и «не допускать (их) до самодовольства и озорнических поступков». Он получал право на общих собраниях команды «на страх другим» наказывать ослушников «казачьими плетьми» и притом «безо всякого милосердия». Одновременно с заботами о поднятии дисциплины в казачьей команде заводские люди заботились об укреплении связи команды с пугачевскими властями в Осе. Они требовали от Волкова и казаков, чтобы они были «в ведомстве и повиновении, кому в городе Осе от походных башкирских старшин приказано». [2] Заводские люди создали, таким образом, на заводе местный орган власти. Выбранными в него оказались те же, кто был назначен на эти должности башкирцами. Но предусмотрительные башкирские комиссары Волков и Завьялов, по вполне реальным соображениям и несомненно по собственной инициативе, прибегли к авторитету заводских людей для утверждения себя в этой должности, так как в это время в Прикамском крае стало уже заметно падение влияния башкир. После вынесения заводскими людьми этого приговора Волков уехал с завода в Осу, а на завод возвратился старый приказчик Китаев, который вместе с расходчиком Кондуриным вновь становится во главе управления заводом. Старая заводская администрация, еще не так давно возмущавшая Волкова, вновь занимает свое прежнее место. 27 января «нарочно посланный» на Воткинский завод привез оттуда известие, что Клепиков и Лоханин находятся в дер. Полозовой, «где намеряютца построить городокъ», а их «подзорщики» прямой дорогой через лес проникали в близлежащие от завода деревни Бабки и Верхние Гари и сеяли тревогу среди местного населения, агитируя против пугачевцев. Это дало повод старой заводской администрации, безболезненно и быстро укрепившейся на заводе, настаивать перед Осинской земской избой, чтобы заводские казаки были возвращены обратно на завод. Конец этого любопытного документа составлен в таком безапелляционном тоне, что скорее напоминает внушительное «наставление», чем безобидное «известие». «А если собою учинить помянутая изба не отважитца, — пишет приказчик, — то об оном надлежит писать башкирским старшинам, чего ради с сим послан нарочной». [3]

---

[1] Г. А. VI. р. п. № 467, ч. IX. Письмо Н. Потемкина гр. Панину из Казани в октябре 1774 г.

[2] Пугачевщина, т. I, стр. 183.

[3] Ib., т. I, стр. 184.

Заводский приказчик мало считался с авторитетом осинских властей, повиновение которым было, однако, для него обязательно. Приказчик спешил получить обратно заводских казаков, так как в это время секунд-майор Гагрин вел удачное наступление в районе Екатеринбурга, а 25-го января Кунгур уже был окончательно освобожден от осады. Вскоре после посылки в Осинскую земскую избу «известия» с просьбой о возвращении казаков Волков вместе со своим отрядом был отпущен на завод. Возвращение наиболее преданных пугачевщине заводских людей привело к немедленной смене властей на заводе, и старая заводская администрация окончательно уходит со сцены. Поражение пугачевцев под Кунгуром и при дер. Полозовой не только не ослабило революционную энергию заводских людей Рождественского завода, но вызвало среди них подъем самодеятельности. Именно в это время они создают новую выборную власть, завязывают непосредственные сношения с главным штабом в Чесноковке и совершенно освобождаются от подчинения башкирам. 1 февраля 1774 г. на Рождественском заводе совместно с жителями деревень Пристаничной и Зобачевской состоялся мирской сход, и на нем «по мирскому общему согласию» сын молотового мастера С. Волков и крестьянин В. Меркурьев (Завьялов) были избраны начальниками завода. По сравнению с приговором заводского населения от 20 января 1774 г. полномочия новой власти были значительно расширены. Тогда Волков был назначен начальником одного лишь казачьего отряда, составленного из заводских крестьян. В настоящее время новой власти было предоставлено право иметь над всеми мирскими людьми «команду, какъ прежде и бывшим командиром и ни до какихъ насъ своевольствъ, грабительствъ и озорничеств не допускать, да и нам быть, чтоб оным во всем послушным, а сверх того защищать от всяких дел (то есть) обид и налог разорения». В этом приговоре, предназначавшемся для передачи пугачевским властям в Чесноковке, подробно рассказывалось о захвате башкирским старшиной Семеном Илишевым заводской казны. По их мнению, забранные башкирами деньги нельзя считать «господскими», так как они были «мирским заработком». После увоза денег заводские люди оказались в тяжелом положении. «По увезении казны, — пишут они в том же приговоре, — остались мы, вышепоименованныя, совсем в крайнем разорении и нищете для того, что завод состоит без действиія и работ никаких при заводе не производитца, а люди при заводе находятца беспахотныя и пашен у себя не имеют и пропитание получать себе не знаем откуда, а разойтись з заводу для сыску себе пропитания никуда не смеем».[1]

Приговор находится, однако, в некотором противоречии с исторической действительностью. Один из лучших знатоков Пермского края конца XVIII в. Ник. Попов, автор «Хозяйственного описания Пермской губернии по гражданскому и естествен-

[1] Ibid., т. I, стр. 185.

ному ее состоянию», сообщает [1] о продовольственном положении Рождественского завода, что «хлеб и съестные припасы закупаются для них (заводских людей) из окрестных селений, а некоторые сеют и сами поблизости завода». [2]

В самом начале XIX в. по данным И. Германа для завода было потребно свыше 10 000 пудов хлеба, [3] который осенью, по дешевым ценам, заготовлялся заводом, а зимой выдавался населению. Такие закупки были обычным явлением для частных и казенных заводов прикамского края еще в 70-х годах XVIII в. При наличии у некоторых заводских людей пашен их нельзя всех считать «беспахотными», как это сделал приговор и с чем вполне согласился М. Н. Покровский. [4] Захват башкирами денег, предназначенных для выдачи жалованья заводским людям, должен был, несомненно, тяжело отразиться на материальном положении заводского населения, но едва ли мог довести его до «крайнего разорения и нищеты». Богатые запасы продовольствия в заводских магазейнах, а также хлеб, собранный со своих пахотных земель, мог предохранить его от голода и нищеты.

Вскоре после составления мирского приговора Волков и Меркурьев отправились в Чесноковку к Зарубину и передали ему этот приговор. [5] Делегаты завода нашли там радушный прием. В это время в Чесноковке совершенно изменились отношения к башкирам. Если раньше пугачевцы отводили руководящую роль туземцам: башкирам и татарам, то теперь они стали действовать наоборот. Своим главным союзником они стали признавать крестьян-колонистов и стремились создать из них активную боевую силу. В этот период восстания тактика пугачевцев заключалась в том, чтобы, не порывая дружеских отношений с лучшими элементами туземного населения и нейтрализуя в нем антиреволюционные тенденции, превратить горнозаводских людей и крестьян в действенную силу восстания. Лишь с точки зрения этой общей политики возможно понять отношение пугачевцев к делегатам Рождественского завода. По словам молотового мастера В. Колесова, [6] Зарубин произвел Волкова в атаманы и дал ему «наставление», в котором было приказано Волкову находиться «с своими казаками безъотлучно для обережения завода и в случае нападения войск защищаться, а самому не нападать и никого не обижать, башкирцам не поддаваться и с ними никуда в партии не ходить». Показание Колесова находится, однако, в резком противоречии с теми распоряжениями, которые были действительно даны Волкову в Чесноковке. По сравнению с подлин-

[1] Комитет по изданию книг при импер. Вольно-Эк. Обществе признал труд Попова «весьма обстоятельным и во всем удовлетворительным требованию», ibid., Предуведомление.

[2] Попов, ibid., ч. I, стр. 328.

[3] Герман И., ibid., стр. 120.

[4] Пугачевщина, т. I, введение, стр. 13.

[5] Показание В. Колесова, ibid.

[6] См. показание В. Колесова, ibid.

ным текстом «наставления» показание Колесова скорее свидетельствует о настроениях известной части заводских людей, чем о настоящем характере «наставления». Колесов не прав, утверждая, что Зарубин произвел Волкова в атаманы. Это сделали сами заводские люди, что видно из мирского приговора от 1 февраля 1774 г.. «Ис поданного мне Рождественского завода и деревень Пристаничной и Зобачевы усмотрено мною, — читаем в начале «наставления», — от мирских людей заручного письма, что вы, Волков и Завьялов (Меркурьев), с мирского согласия выбраны: ты, Волков, в атаманы, а Завьялов — в есаулы, и почему и надлежит всю свою команду содержать в добром порядке».[1] Выборы местным населением своих атаманов говорили о растущей самодеятельности народных низов, с мнением которых не мог не считаться такой умный и гибкий политический центр восстания в Прикамье, каким была Чесноковка. Однако, вполне доверяя местному населению в выборе начальства, зарубинский стан в то же время принимает решительные меры к тому, чтобы укрепить его авторитет в глазах населения и сделать его совершенно независимым от своих избирателей. Повидимому, с этой целью наставление не делает никакого различия между заводскими казаками и заводским населением, объединяя их в одно общее понятие «команды». Атаман и есаул должны быть главными и непосредственными начальниками над командой и были обязаны «содержать (ее) в добром порядке и ни до каких своевольств и грабительств не допускать». Завод не должен был работать «впредь до указа или до резолюции». Расположенные вблизи завода экономические села Дуброво, Степаново и Сайчатки с деревнями должны «быть во всем послушными» заводской власти и «наряды чинить в службе равным образом против протчих». Пугачевцы стремились сплотить крестьян и горнорабочих вокруг общего дела путем введения своеобразной военной диктатуры рабочих над крестьянами. Ослушников е. и. в. было разрешено подвергать телесному наказанию, «смотря по вине». С другой стороны, «граф Иван Чернышев» требует от выборного начальства, чтобы оно не причиняло своей команде «никаких обид, налога и разорений» и не брало взяток, а за непослушание угрожает смертной казнью. Такая строгая дисциплина чисто военного характера, которую Зарубин предполагал ввести на Рождественском заводе, несомненно, была связана с тем, что главный пугачевский стан смотрел на завод, как на важный местный очаг восстания, который будет проводить все распоряжения главного стана. Поэтому Зарубин требует, чтобы заводское управление выполняло манифесты его величества, ордера и «протчие повелительные письма», боролось с «злодейскими партиями» до «всеконечного (их) истребления», защищало «верноподданных сынов отечеству» и набирало в службу е. и. в. «хороших и доброконных и вооруженных ребят» в возрасте от 18 до 50 лет. Этим наставле-

[1] Пугачевщина, т. I, стр. 82.

нием должна быть установлена тесная неразрывная связь между Рождественским заводом и с. Чесноковкой. Завод должен был превратиться в один из опорных пунктов восстания, беспощадно борющийся с местными врагами пугачевцев и постоянно посылающий пополнения в главную пугачевскую армию.

В Чесноковке заводские люди узнали о судьбе денег, захваченных башкирами на заводе. Оказывается, из 2017 р. 50 коп., забранных башкирами, они сдали в Чесноковке Зарубину 1500 руб., а остальные 517 р. 50 коп., 3 пушки, 67 фузей и 6 господских лошадей взяли себе.[1] Если довериться в данном случае показанию Колесова, то Зарубин сначала оправдал конфискацию заводских денег, «в чаянии, что они господския»,[2] а затем, после объяснений заводских делегатов, изменил свое мнение. В «повелении» Зарубина обычный «наезд» башкир на Рождественский завод назван «разбойническим», и атаману Волкову и эсаулу Завьялову было приказано взыскать с башкирца Семена Илишева (Олющева) все оставшиеся у него деньги, оружие, лошадей и ключи от заводских амбаров и магазейнов, а если Илишев не подчинится, то заковать его и доставить в Чесноковку, где с ним будет поступлено «немилостиво». После получения от башкирцев этих денег Зарубин предписывал разделить их поровну между заводскими людьми. Зарубинский стан намечал довольно сложный путь возвращения заводским людям конфискованных у них денег, путь, в котором истцам, — заводскому управлению, предоставлялись функции судебных исполнителей. Так бессильна была в то время центральная власть на местах и настолько были ничтожны ее собственные финансовые ресурсы. Зарубин передал под охрану заводского начальства заводские амбары и магазейны, а находящиеся там железо и сталь предписал выдавать бесплатно «без всякого замедления» для изготовления военного снаряжения.[3] Тогда же был отдан приказ на имя осинского атамана С. Кузнецова о том, чтобы он «выдал остальные 150 рублей из соляных и питейных денег.[4] Снабженные широкими полномочиями заводские делегаты были немедленно отправлены на завод с особым указом от «графа Ивана Чернышева» (Зарубина), которым повелевалось «пропущать оных без задержания и давать уездные две подводы бес прогонов».[5] Это возвращение Волкова и Завьялова было началом нового периода в истории Рождественского завода в эпоху пугачевщины. Зависимость от башкир кончилась. Выборное заводское управление должно было действовать по директивам главного пугачевского стана. К сожалению, дальнейшая история Рождественского завода не может быть восстановлена с достаточной полнотой, так как наиболее ценные документы этого периода завода кем-то вырваны из архивного дела. На основании

---

[1] Пугачевщина, т. I, стр. 186.
[2] Г. А. VI п. № 467, VI ч., д. № 122.
[3] Пугачевщина, т. I, стр. 186.
[4] Ibid., т. I, стр. 187, 134.
[5] Г. А. VI р. д. № 422.

же отдельных документов, разбросанных по различным фондам, эта история рисуется в таком виде.

Новое заводское начальство заботилось об увеличении финансовых средств завода и прежде всего о получении денег, забранных башкирцами. Однако башкирца С. Иляшева не удалось найти. Оставался один путь для увеличения средств оскудевшей заводской казны — действовать через осинского атамана Кузнецова, но за два месяца, с февраля до апреля, Рождественский завод получил от него вместо 1500 рублей всего 370 рублей.[1] С целью увеличить финансовые средства завода и был, повидимому, распечатан казенный амбар с солью, находившийся в ведении Рождественского завода. Найденная в амбаре соль весом в 200 пудов, после надлежащих формальностей, была пущена в продажу по казенной цене.[2]

Несмотря на все финансовые затруднения, Рождественский завод был превращен в сильный опорный пункт пугачевского движения в прикамском крае. С 24 декабря и вплоть до 12 мая, когда, кажется, почти все заводы прикамского края были подчинены старым владельцам и были пущены в ход, он бездействовал[3] и находился в руках пугачевцев. Ряд соседних селений, как дер. Пристаничное, д. Зобачевка, с. Дуброво, с. Степаново, с. Сапчатки, д. Бабки и починок Кучижиха, находились под защитой завода. В минуту опасности они посылали на завод своих есаулов и нарочных и требовали от него помощи.[4] «Команда» казаков, организованная еще в конце 1773 г., была доведена до трех с половиной сот человек, равняясь, таким образом, $^3/_5$ всех заводских людей. Казаки получали жалованье в размере от 50 коп. до 1 рубля на человека. В особую тетрадь о суммах, куда вписывались расходы и приходы денежных средств во время пугачевщины, были занесены две выдачи жалованья заводским казакам. Они были вооружены кремневыми ружьями, причем на покупку 100 штук кремней были выданы деньги из средств заводской казны.[5] Волков писал к управителю Воткинского завода А. Клепикову, что у него на заводе «немалая» команда из «подлинных воинских казаков», присланных от графа Чернышева «с пушками и со степным оружьем».[6] Это было, несомненно, сказано с целью напугать Клепикова. Пугачевцы часто нарочно преувеличивали свои силы, чтобы поддержать настроение среди восставших и устрашить своего противника. Документы нигде не говорят о том, чтобы Зарубин посылал свои отряды в прикамский край и снабжал их оружием.

В пугачевском движении на Рождественском заводе, работавшем трудом крепостных крестьян, принимали одинаковое участие

---

[1] Г. А. VI р. п. № 416 ч. I, д. 16, л. 8. См. также Пугачевщина, т. I, стр. 255.
[2] Пугачевщина, т. I, стр. 187—188.
[3] Б. К. д. № 1339 Б., л. 1530. Ведомость об убытках.
[4] См. Пугачевщина, т. I, стр. 190, 188, 184 и др.
[5] Г. А. п. 416, ч. I, д. 16, л. 18. Тетрадь о суммах.
[6] Пугачевщина, т. I, стр. 188. Письмо от 16 марта 1774 г.

все слои заводского населения. Приказчик, мастеровые и рабочие люди действовали рука об руку со старостами, десятниками и со всем деревенским миром. На заводе, где не было приписных крестьян и где крепостной крестьянин был и мастеровым и работным человеком, не было почвы для существенных разногласий.

V. ПОДАВЛЕНИЕ ДВИЖЕНИЯ.

Пугачевский отряд, сформированный комиссаром Воткинского завода А. Носковым и двинувшийся затем под командой Носкова и его эсаула Ф. Шмотина к дер. Полозовой для отражения наступления на Воткинский завод отряда сторонников петербургского правительства, потерпел поражение в упоминавшемся уже бою 29 января 1774 г. и разбежался по деревням. Несмотря на эту неудачу, Носков и Шмотин не упали духом и стали набирать казаков для борьбы с врагами. В необычайно тяжелой обстановке они стремятся создать общий фронт против сильного противника, наступающего с разных сторон. Их смелая попытка окончилась неудачей, так как натолкнулась на полное бессилие как местных, так и главных центров движения.

Прежде всего пугачевцы обратились за помощью в главный штаб к Зарубину и сообщили ему о том, что они окружены «злодеями», которые «чинят великое грабительство і смертное убивство и конечное раззорение». Но Зарубин не мог послать отряд в далекий Прикамский край, так как сам испытывал нужду в порохе, оружии и в боеспособных людях. Пугачевская армия, собранная им под Уфу, была привязана к родным местам, и ее было невозможно послать за 300 — 400 верст. Вместо реальной помощи, Зарубин предложил Носкову действовать «обще» с другими атаманами и обязал вождей восстания под страхом смертной казни оказывать друг другу «вспоможение». Такую помощь должны были оказывать атаману Носкову атаман города Осы С. Кузнецов, сарапульский Яков Зылев и тулвинский старшина, мулла Абдулов.[1] Выступая с этим предложением, Зарубин имел живой опыт подобного объединения, которое было проведено Тулвой и Осой. Еще 4 февраля походный казачий командир Абубака Азметев «с товарищами» дал «подписку» осинскому выборному начальству в том, что башкиры будут «содержать» пикеты в опасных местах, а в случае нападения на Осу отправлять туда «пристойное» число «казаков».[2] Когда в начале марта в Осе было получено сообщение о наступлении правительственного отряда, то осинский атаман Треногин немедленно написал об этом письмо к тулвинским башкирцам. Башкирцы ответили согласием и со старшиной С. Сойдышевым вышли со своими силами к с. Беляевскому на помощь

[1] Пугачевщина, т. I, стр. 133. Наставление Л. Носкову от 4 февраля. Пермский Гос. Музей, Сборн. Шишонко, л. 190. Доношение приказчика Очерского завода от 11 февраля 1774 г.

[2] Пугачевщина, т. I, стр. 113.

осинцам, которыми командовал осинский писщик М. Голдобин.[1] В бою под селом Белявским со стороны пугачевцев участвовало 1250 человек, в том числе 1000 тулвинских башкир, мещеряков и черемис, но пугачевцы не могли хорошо вооружить такого большого отряда и были разбиты. Перед сражением башкиры перепились, сожгли постройки и грабили население. Отправляясь в поход, они потребовали сначала три ведра вина, якобы для раненых, а затем еще одно ведро «для дороги». Перед сражением они выжгли деревню Палугину с хлебом и сеном, а затем после сражения подожгли еще несколько деревень. Осинцы, возмущенные этим разбоем, отправили атамана Треногина в Чесноковку с жалобой Зарубину на башкир[2] и просили «у башкирцевъ в послушании не быть». Одновременно осинцы просили снабдить их двумя пушками и порохом, обещая самостоятельно бороться («стоять собою») с правительственными отрядами.[3]

Этот неудачный опыт не остановил Зарубина. Решительный и деятельный, он предпринял новую попытку объединения сил. Повидимому, под влиянием распоряжения из Чесноковки Шмота объездил весь край для того, чтобы найти поддержку для борьбы с врагами. «Реченной Шмота, — доносила Воткинская заводская контора 22 августа 1774 г., — тогда бежал вотскими жительствами к Ижевскому заводу, а оттоль в село Сарапуль, из села Сарапула в экономическое село по Сайгатку, из одного того же ведомства в деревню Бабку, в коей, сообщась Рождественского дворянина Демидова завода со злодеем, называющимся атаманом Волковым и его толпою, имели стойку».[4] Отсюда видно, что Волков сначала поддерживал Шмоту и, повидимому, договорился с ним и о дальнейших совместных действиях, так как Волков был признан впоследствии главным руководителем отряда, сформированного Носковым и Шмотой. В Прикамском крае, казалось, готов был образоваться довольно сильный пугачевский отряд, который мог причинить много беспокойства местным властям. Обнадеженные обещанием помощи, Носков и Шмотин с удвоенной энергией стали работать по созданию отряда. Формирование происходило в с. Степановском вблизи Воткинского завода, на другой стороне р. Камы, и заняло 4 недели. Комиссары ездили по деревням, где жили приписные крестьяне, ходили по крестьянским домам и «усильно» набирали в казаки, действуя от имени «Петра Федоровича». Одного крестьянина забрали с лошадью во время работ на поле. Других забирали в селах, куда они приезжали за солью. Кто отказывался, того искали, «немилосердно» били и грозили убить.[5] В отряде была введена суровая дисци-

---

[1] Показание М. Голдобина. Ibid., Пермский Гос. Музей. Сборн. Шишонко, л. 282.

[2] Пугачевщина, т. I, стр. 114, 157—158. Бумаги кн. Вяземского, л. 238. Из рапорта Башмакова от 11 апреля 1774 г., Чупин, ibid., стр. 182.

[3] Показание М. Голдобина, ibid.

[4] Пугачевщина, т. II, стр. 433.

[5] Г. А. VI р. № п. № 467, VIII ч., д. № 128, л. 13. Показание приписн. крестьян.

плина, за всеми участниками отряда было установлено строгое наблюдение, а беглецов возвращали и наказывали. Во время формирования отряда было получено известие о том, что отряд Клепикова намерен двинуться на с. Степановское и «в протчия жительства», захваченные восстанием. Опасаясь поражения своего плохо вооруженного небольшого отряда, Носков немедленно известил об этом Рождественский завод и просил у Волкова помощи. На Рождественском заводе теперь решили уклониться от посылки в с. Степановское вооруженного отряда и ограничиться отправкой на Воткинский завод письма, которое должно было иметь значение своеобразной дипломатической ноты. [1] По мнению одного из исследователей пугачевщины, С. Г. Томсинского, это письмо было вызвано тем, что «революционные» рабочие Рождественского завода были смущены подозрительным поведением рабочих казенного Воткинского завода и угрожали «подвинуться (на них) со всей артиллерией и силой». [2] На самом деле ничего «подозрительного» на Воткинском заводе в это время не было. После разгрома пугачевцев под дер. Полозовой Воткинский завод был занят правительственным отрядом под начальством Клепикова и там начались обычные репрессии над заводскими людьми.

В это время в Прикамском крае сложилась крайне неблагоприятная обстановка для пугачевцев. Ряд заводов был уже занят. Район от Красноуфимска до Екатеринбурга был очищен. На юге шло медленное продвижение правительственных войск по направлению к Уфе. Вокруг Рождественского завода, как одного из очагов восстания, все уже сжималось кольцо правительственных войск. При таких условиях было весьма рискованно выступать против опасного противника. Письмо к Клепикову, подписанное атаманом С. Волковым и писарем С. Курбатовым, является ярким показателем политики нового заводского управления, поставленного между двух огней. Это письмо было отправлено на Воткинский завод с молотовым мастером из крепостных крестьян В. Колесовым. Мирная выжидательная политика заводского начальства намечена здесь достаточно четко. Причины этой политики лежат, как оно хочет уверить противника, в том, что народ «приходит в крайнее разорение» от «збора и стойки казаков». С другой стороны, заводское начальство, призывая противника отказаться от наступательной тактики, выдвигает моральный аргумент, который был несомненно почерпнут из пугачевских воззваний. Борьба между отрядами Клепикова и Носкова кажется ему «междоусобством», противным с точки зрения христианской морали. «А сверх того подумайте, — пишут они, — для чего нам до время из своих мест выступать и чинить такое напрасное промеж собой, как есть со обоих сторон христиане, кровопролитие». [3] Этот мотив не яв-

---

[1] Пугачевщина, т. I, стр. 188.

[2] Томсинский С. Г., Роль рабочих в пугачевском восстании, «Красная Новь», № 2, 1925, стр. 126.

[3] Пугачевщина, т. I, стр. 188—189.

ляется новым в пугачевских документах. Он звучит и в воззвании полковника Ивана Грязнова от 8 января 1774 года, выпущенном к населению города Челябинска. «Нам кровь православных не нужна, — писал Грязнов, — да и мы такие ж, как и вы точно, православныя вѣры. За что нам делать междусобные брани».[1] Заводское начальство не обнаруживает, однако, перед противником слабости своих сил и беспомощности своего положения. Наоборот, оно пишет о том, что на заводе есть «немалая команда» из «подлинных» казаков, присланных «от графа Чернышева» и даже в этом письме оно не отказывается от пропаганды пугачевских идей. Вместе с письмом оно послало копию с какого-то пугачевского именного указа и призывает «притти в чювство и поверить, яко истинный отец отечеству и государь всероссіскій (Петр Федорович)». В случае же нападения Клепикова на с. Степаново пугачевское начальство Рождественского завода грозило, что «мы подвигнемся на вас со всею своею артиллериею и силою и поступим с вами так, яко с сущими законопреступниками и возмутителями».[2] Это письмо не оказало никакого влияния на горнозаводское начальство. Клепиков арестовал «казака» Колесова и в скором времени стал наступать на пугачевцев.

Между тем в с. Степановское к пугачевцам из отряда Носкова пришла особая делегация из торгового села Сайгатки в составе трех крестьян, в числе которых был первостатейный крестьянин, торговец А. Коровин. Селу Сайгаткам грозила опасность со стороны занятого правительственным отрядом Воткинского завода, и отряд был переведен туда. В отрядах Носкова и Шмотина было около 350 человек, но они были плохо вооружены. У пугачевцев были две пушки, из которых одна была деревянная, сделанная «на подобие чугунной» и выкрашенная в черный цвет.[3] Перед приходом противника была объявлена спешная мобилизация местного населения. Есаул с. Сайгатки Горбунов приказал «тутошним» жителям, а также приписанным к их селу крестьянам «быть во всякой готовности и исполнять приказание объявленного Шмотина». Везде были выставлены пикеты, а вокруг села был сделан забор из жердей. 31 марта к с. Сайгатки подошел правительственный отряд Ялымова. Пугачевцы встретили его выстрелами из ружей и пушки, бились 4 часа, но были разбиты. Из 61 человека, пойманных в с. Сайгатке, было 44 чел. местных экономических крестьян, 7 приписных крестьян Воткинского завода, 6 мастеров того же завода, 1 мастер Ижевского завода и 1 житель Воткинского завода. Кроме пленных, пугачевцы потеряли 7 человек убитых.[4] Так неудачно закончилась последняя попытка пугачевцев выступить против правительственных войск.

Разгром пугачевцев в с. Сайгатке побудил С. Волкова обра-

[1] Пугачевщина, т. I, стр. 75.
[2] Ib., стр. 189.
[3] Г. А. VI р. д. № 467, ч. VIII, д. № 128. Рапорт Ялымова от 1 апреля 1774 г., ibid,, д. № 128, л. 17. Показание экономич. крестьян с. Сайгатки.
[4] Ibid, л. 11. Показание мастеров Воткинского завода.

титься за помощью к осинскому атаману С. Кузнецову. Но в это время осинцы находились, по словам Кузнецова, «в болшей опасности» и «почти ожидали смерти». На Осу с двух сторон наступал противник. Один правительственный отряд шел из с. Беляевского, с севера, а другой с Аннинского завода, с северо-востока. Кузнецов был бессилен оказать какую-либо помощь Рождественскому заводу и отправил нарочного с этого завода к башкирам,[1] но и те, повидимому, не оказали Волкову помощи.

После ликвидации пугачевского движения на камских заводах правительственным отрядам было легко подавить и Осу и Тулву. 6 апреля отряд Башмакова, высланный из Юговского казенного завода, занял с. Осу.[2] Население было вновь приведено к присяге, наиболее видные участники восстания наказаны плетьми, а С. Кузнецов бежал из Осы через Тулву по направлению к Уфе на соединение с Зарубиным. М. Голдобин также скрылся, но затем явился, был взят под караул и отправлен на Юговский казенный завод.[3]

Из Осы открывалась свободная дорога на Тулву, куда и направилась карательная экспедиция гитен-фервалтера Ю. Ю. Берглина.[4] По опыту прежних усмирений тулвинские башкиры знали, что им не будет пощады, и приготовились к защите своих деревень. При первом же столкновении с отрядом Берглина под с. Крыловым 8 апреля тулвинские башкиры были разбиты и потеряли 13 человек: 12 башкир было убито и один русский из с. Крылова взят в плен, в отряде же Берглина лишь два казака были ранены стрелами. Вместе с башкирами против усмирителей действовали и русские крепостные крестьяне из с. Крылова. Вступив в это село, Берглин нашел его пустым, так как «большая часть крестьян, по словам местного писателя, не отставая от бунта, скрылась по окольным дорогам».[5] Продвигаясь выше, карательный отряд выжег деревню Бичюрину. В четырех деревнях жители, напуганные усмирением, бросили дома и скрылись. Также оказалась пустой и деревня Берда, которая считалась «главной злодейской квартирой». Там были найдены два «престарелых и на одрах лежащих» башкирца, скот и немного хлеба. Усмири-

---

[1] Пугачевщина, т. I, стр. 190—191. Показание Голдобина.

[2] Чупин, стр. 182. Б. к. В. л. 231. Сообщение прокурора Ф. Папова. Бумаги кн. Вяземского, л. 233. Сообщение Башмакова. Показание М. Голдобина, ibid., Голдобин указывает, что взятие Осы произошло 16 апреля. Эта дата находится в прямом противоречии с сообщением Башмакова, где, начиная с 9 апреля, дается ежедневно описание карательной экспедиции Берглина по реке Тулве. Между тем путь на Тулву был открыт после взятия Осы.

[3] Показание М. Голдобина, Пугачевщина, т. I, стр. 115.— Чупин, стр. 182.

[4] В обстоятельной статье о Башмакове, составленной известным исследователем Урала Н. К. Чупиным (см. Н. К. Чупин, Сборн. статей, касающихся Пермск. губ. Пермь. 1882 г. Статья Башмакова была впервые напечатана в Пермских губернск. ведом. за 1869 г.) на основании дел Екатеринб. горного арх., не приводится описания карательной экспедиции на Тулву, совершенной Берглиным в апреле 1774 г. Там есть краткое указание на поход Яковлева на Тулву в мае 1774 г. По нашим данным, Яковлев участвовал в экспедиции Берглина.

[5] Пермские. губ. вед. 1880. ст. Прядильщикова.

тели оказались достойными своей роли и «предали концу» этих башкирцев, причем одному из них, глухому, отрубили голову исключительно за то, что он, как спокойно повествует рапорт строгановского служителя А. Подвинцева от 19 апреля 1774 г., «ничего доказать не мог». [1] Затем были сожжены как Берда, так и еще ряд пустых деревень. Одну избу, где случайно были обнаружены 3 башкирца, в том числе одна женщина, усмирители подожгли, и башкиры заживо сгорели. [2] Всего было сожжено в 11 деревнях до 800 дворов.

После Тулвы остался не усмиренным лишь небольшой район Рождественского завода с деревнями, куда, благодаря наступавшей распутице, было трудно проникнуть в весеннее время. Когда Кама очистилась от льда и сверху стали спускаться караваны с солью, медной монетой и железом, 8 мая на Рождественский завод была отправлена военная команда в 100 человек, которая скоро усмирила крестьян и привела их к присяге. Водный путь по р. Каме стал свободным, [3] и с 12 мая завод уже стал работать полным ходом. [4]

После поражения отряда Носкова и захвата пленных горное начальство было уверено, что пугачевское движение на камских заводах ликвидировано. Наиболее видные пугачевцы, как Губанов и плотинный мастер Митюгов, были отправлены в Казанскую следственную комиссию. С заводских людей, участвовавших в отряде Носкова, была взята подписка в том, что они «должны не только быть верными подданными рабами высокому ее величества скипетру и державе, но и пролить за благоденствие ее императорского величества всю нашу кровь, стремиться всегда на поражение возмутителей общего покоя, особливо самозванца и государственного злодея Емельяна Пугачева и его толпы сообщников». Для того, чтобы заводские люди исполняли это обязательство, они были разбиты на десятки, причем каждый десяток был обязан круговой порукой и должен был по праздничным дням читать эту подписку.

На заводах наступает полоса реакции. Горные рудники стали местом ссылки крестьян, активно участвовавших в восстании. Горное начальство стремилось возможно скорее выжать из заводских людей недоимки, сильно возросшие за послений год. Жалование стало выдаваться не аккуратно и не полностью. Хлеба было мало. В то же время увеличилось бремя работ, так как на казенных заводах стали возводиться укрепления. Башкиры скрылись по лесам и в дальних селениях, по временам нападая оттуда на русских. [5] Между тем с Урала уже шли пугачевцы на Каму и Волгу, вновь поднимая население и мечтая лишь об одном, чтобы

[1] Пермский Гос. Музей, сборн. Шишонко, л. 339.
[2] Б. К. В. л. л. 233—234. Сообщение Башмакова.
[3] Чупин, ibid., стр. 182—183.
[4] Б. К., д. № 1339 Б., л. 1530. Ведомость об убытках.
[5] Пермский Гос. Музей, сб. Шишонко, л. 339.

«лихо бы де» им «добраться до Камы».[1] Этот поход пугачевцев выходит, однако, из рамок нашей статьи, и поэтому его удобнее рассмотреть особо.

Национально-освободительное движение среди местного нерусского населения, направленное против заводов как своеобразных цитаделей русской колонизации края, постепенно начало иссякать, бессильное сломить сопротивление правительственных отрядов. Насилия, грабежи, бесчинства, бывшие сравнительно редкими и случайными эпизодами в начале пугачевского движения, стали усиливаться и сильно ослаблять энергию восставшего населения. Одновременно с этим все резче бросались в глаза недостатки внутренней организации движения, заставлявшие отдельных лиц, всецело преданных новой власти, непосредственно обращаться к Зарубину, в Чесноковку. Все это побудило зарубинский стан изменить свое отношение к националам и ближе стать к делу восстания в Прикамском крае. На наиболее крупные заводы были назначены комиссары, в числе которых был приписной первостатейный крестьянин Носков, сын молотового мастера Волков и старый заводский служитель Губанов.

Руководящая роль в пугачевском движении на Прикамских заводах стала переходить к уральским казакам, которые через своих комиссаров, представителей наиболее зажиточных и обеспеченных групп заводского населения, стремятся стать во главе движения. На заводских комиссаров были возложены неодинаковые обязанности в зависимости от того, находились ли заводы в тылу или на фронте борьбы с правительственными отрядами. Рождественский и Воткинский заводы были превращены в базу формирования сил для активной борьбы с противником, а на Ижевском заводе была сделана попытка создать техническую базу восстания. Однако и в этот период местные очаги восстания, в том числе и заводы, действовали в Прикамском крае разрозненно, без всякой связи между собою. Лишь в последнее время, когда правительственные отряды стали теснить пугачевцев, были сделаны попытки объединить силы восставших, но эти попытки дали мало положительных результатов. Строгая дисциплина, которая была введена среди заводских людей, не спасала положение, так как боеспособных сил и оружия было мало, а башкиры, к которым обращались за помощью, грабили и разоряли русских. Главный центр восстания, в Чесноковке, давал советы, грозил, посылал своих уполномоченных, но был беспомощен провести в жизнь свои распоряжения. Локальность восстания разбивала попытки объединения пугачевских сил и делала их кратковременными и слабыми. Этому содействовала и национальная рознь. Происходившее в Прикамье закабаление одной и обезземеление другой части населения несколько сглаживало противоречия между колонистом-крестьянином и туземцем-землевладельцем и скотоводом,

[1] Пермский Окр. Арх. Дела Дедюл. Сот. правления (копии д. № 1) арх. № 1022. Предложение поручика Томилова от 26 июня 1774 г.

но не могло создать благоприятной почвы для общего восстания.

Итак, пугачевское движение в Прикамском крае выросло на почве развития крепостной горной промышленности мануфактурного типа в одной из колоний российской империи XVIII в. Уральское железо поступило на вольный рынок, в казну и особенно высоко котировалось на английском рынке.

Однако в эпоху первоначального накопления шла борьба не только за непосредственный захват важнейших источников производительных сил и за превращение рабочих рук в крепостных, но и за разрушение натурального хозяйства колоний. Рынок товаризировал натуральное хозяйство туземцев и колонистов. Товаризация хозяйства заставляла туземца крепко держаться за землю, между тем, как привилегированный заводовладелец насилием и обманом захватывал эти земли. В то же время проникновение товарно-денежных отношений в хозяйство колониста побуждало его особенно дорожить правом на свободное использование рабочих рук, между тем как заводовладелец приписывал их к заводу и принуждал их работать для капитала. Вот почему эпоха первоначального накопления в России была периодом ожесточенной классовой борьбы туземцев и колонистов против крепостничества.

Конфликт между новыми производительными силами и данными формами производственных крепостнических отношений был налицо, но это еще не свидетельствует о том, что здесь был конфликт вообще с крепостной системой. Объективно было возможным увеличить «плакатную» заработную плату приписных крестьян даже до уровня цен на вольнонаемном рынке или образовать вместо «индустриальной» барщины плантационное хозяйство и тем самым создать более благоприятные условия для дальнейшего роста крепостной горной промышленности. Разбив пугачевщину, заводовладельцы частично пошли по этому пути, сделав, как говорит Ленин, крепостное право основой «высшего процветания» Урала в «эпоху зачаточного развития европейского капитализма».[1] На данной стадии экономического развития Прикамья, в середине XVIII века, крепостная горная промышленность, борясь с непосредственным товаропроизводителем, еще не превратилась в «оковы», при которых не могло бы совершенно развиваться это хозяйство.

Анализ изучения пугачевщины с точки зрения ее предпосылок приводит нас к выводу, что пугачевщина могла вылиться в форму грандиозного массового восстания, но не могла превратиться в революцию.

Внутренняя история пугачевщины точно также не говорит за то, чтобы ее было возможно признать революцией. В пугачевщине, как в разинщине, движущей силой являлись непосредственные товаропроизводители — колонисты или туземцы. В период национально-освободительного движения туземцы, как верхи, так и

[1] Ленин, Развитие капитализма в России. Собр. соч., т. III, стр. 393. М. 1924.

низы, стремились действовать совместно. Такой же единый фронт возникает среди колонистов Прикамья, когда они становятся социальной базой восстания. Однако, в революциях крестьянство идет или под руководством буржуазии или пролетариата. В своей первой статье С. Г. Томсинский увидел в пугачевщине попытку «формировавшегося рабочего класса взять в свои руки руководство движением крестьянства и инонационалов». Впоследствии, несколько изменив свою точку зрения, он всё же признал «горнозаводскую работную массу стальным скелетом пугачевщины». Г. Меерсон склонен считать главной движущей силой пугачевщины колониальный торговый капитал, т. е. колониальное купечество и «торгующее» крестьянство. Однако, пролетариат в эпоху пугачевщины еще находился в стадии образования и поэтому не мог сделать попытки взять в свои руки руководство восстанием крестьянства и националов. Опыт прикамского края в этом отношении также показателен. Приписные крестьяне, возвратившись в начале движения с Авзяно-Петровских заводов, оказались неспособными поднять восстание в Прикамском крае. Что же касается мастеровых людей, то часть их в виде своеобразной «крепостной аристократии» из мастеровых казенных заводов была скорее объектом, чем субъектом движения, а часть — крепостные мастеровые частных заводов — действительно играли видную роль в движении. Однако, и здесь крепостные мастеровые стремились лишь поднять движение у себя на заводе или в близлежащем районе и боялись выйти за пределы этого района. Кунгурские купцы и торгующие крестьяне строгоновских вотчин были против движения.

В пугачевском движении в Прикамском крае, в период от ноября 1773 года и июня 1774 года, было фактически не одно, а два восстания: первое — туземцев, а второе — русских колонистов-крестьян. Главные штабы движения, как в Берде, так и в Чесноковке не придавали в это время никакого значения восстаниям в этом районе, откуда было легко повести наступление на Москву и через который впоследствии пошел Пугачев на Волгу. В результате, феодальная туземная знать, которая еще в самом начале движения действовала осторожно и нерешительно, впоследствии, когда движение стало носить яркий антифеодальный характер и раскрепощать подневольную массу вне зависимости от того, находилась ли она в кабале у туземного феодала или у русского помещика, стала отходить от движения.

Восстание пришлось поднимать вновь, опираясь, преимущественно, на местные очаги движения: заводы и крупные села, где были созданы земские избы и новые правления и назначены атаманы. Во время движения в Прикамском крае создаются элементы своеобразного казацкого государства. Сильная своей экономической программой, пугачевщина не была способна объединить восставших вокруг одного общего дела и создать совершенно новую государственную власть и новую идеологию. Новое вино она вливала в старые меха, так как она не имела класса, который бы мог возглавить это движение.

*

В. Кашин.

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ КРЕПОСТНЫХ КРЕСТЬЯН.

Капиталистическое развитие России после крестьянской реформы 1861 г. было не явлением, порожденным реформою, а выявлением факта, породившего реформу. Внутренние социальные силы дореформенной эпохи слагались в недрах крепостных форм общественного строя. Под юридическими очертаниями сословных группировок скрывались переставшие совпадать с ними линии классовых формаций. Исследование корней буржуазной России под темным покровом крепостной сословности требует не топографического противопоставления города деревне, не ограничения площади исследования признаком принадлежности к числу «градских обывателей», а классового анализа социальной действительности, скрывавшейся под оболочкой сословных категорий. Определение социальных источников, питавших развитие и рост русского капитализма, и установление путей формирования русской буржуазии немыслимы без точного определения роли различных классов крепостной России в ее экономической жизни. Менее всего в этом отношении сделано для истории крестьянства.

Не только иностранец начала XIX в. удивился бы той деревенской картине, которую рисует противник крепостного права и декабрист Н. И. Тургенев в книге, посвященной всяческому моральному и хозяйственному осуждению крепостной России, — это удивление склонен еще разделить и читатель XX века. «Если бы иностранец приехал в воскресный день в деревню, принадлежащую какому-нибудь крупному помещику Ярославской или Владимирской губернии, то он не поверил бы своим глазам при виде этих рабов, прогуливающихся в прекрасных синих одеждах со своими женами, одетыми в шелка и парчу и покрытыми дорогим жемчугом».[1] В представлении о крепостной деревне, свойственном иностранцу во времена декабристов и в значительной мере русскому историку через сто лет после них, место этим разодетым в парчу и жемчуг «рабыням» было преимущественно в гаремах помещиков, а никак не на улицах крепостных деревень. Мудрено было бы заточить туда же и «капиталистых» мужей этих рабынь, а встречались они везде и всюду, где только была крепо-

---

[1] Тургенев Н. И., Россия и русские, М. 1907, т. II, стр. 74.

стная деревня, неизменно служившая ареной процесса первоначального накопления. С сословной точки зрения накоплять крепостному крестьянину было, впрочем, нечего и незачем. С этой точки зрения все имущественные права таких крестьян полностью и всецело определялись статьями 1047 и 1048 свода законов, по которым крепостные крестьяне никаких «прав» на свое имущество не имели и иметь не могли, а вся их движимая и недвижимая собственность, достигавшая очень часто обширных размеров, в любой момент могла быть отобрана помещиком. Отношение историков к вопросу о праве собственности крепостных крестьян обычно и исчерпывалось указанием, что «крестьянин не имел права собственности как на недвижимое, так и на движимое имущество».[1] Было бы чрезвычайной странностью отсутствие в работах тех же историков ряда упоминаний о зажиточных и даже богатых крепостных крестьянах, о наличии у них покупных земель, лавок, домов, фабрик и даже их собственных крестьян, но эти общеизвестные отдельные факты сообщались лишь в качестве дополнения и своего рода поправки к основному утверждению и лейт-мотиву об отсутствии у крепостных права собственности. Эти факты рассматривались, как все еще заслуживающие некоторого удивления и отчасти недоумения бытовые штрихи, как своего рода хотя и массовые, но все же исключения, скорее как снисходительность помещика, чем как обыденное и нормальное явление. Вольно или невольно и обязательно с самыми лучшими намерениями историк рассматривал крепостное крестьянство, как сплошную массу бесправного и обездоленного населения. В полном соответствии с доминировавшей в русской исторической литературе «юридической» точкой зрения главное внимание обращалось на отсутствие у крестьян п р а в а собственности, а не на наличие и размеры самой их с о б с т в е н н о с т и. Основной задачей оставалось выяснение степени сословного бесправия крепостного крестьянства, а не определение его классового облика по признакам имущественного уровня и роли в хозяйственной жизни страны. В уже цитированной книге И. И. Игнатович, могущей считаться наиболее цельной и добросовестной сводкой данных о крепостном крестьянстве в XIX в., вопросу о степени хозяйственной обеспеченности и классовой расслоенности его посвящено в общей сложности всего лишь десятка полтора из 400 страниц этой книги.

В течение 24 лет, протекших между первым и третьим изданием книги И. И. Игнатович, книга эта значительно расширилась и выросла, но полторы страницы, посвященные вопросу о покупных землях крепостных крестьян, остались дословной перепечаткой из первого издания. В обзорах истории землевладения и земельного строя в России обычно не находим ни одного слова о наличии и степени распространенности среди крепостных кре-

[1] И г н а т о в и ч И. И., Помещичьи крестьяне накануне освобождения, изд. 3-е, 1925, стр. 50.

стьян владения их собственными землями.[1] Редкость упоминаний современников о недвижимой собственности крепостных, наличие которой они постоянно могли наблюдать, объясняется повседневностью этого явления. Столь же мало упоминали они и о степени материальной обеспеченности крестьян, их классовом расслоении, их торговой деятельности и т. д. Редкость же упоминаний об этой собственности в трудах историков может быть объяснена лишь тем, что история крепостного крестьянства нередко рассматривалась преимущественно сквозь довольно плотные страницы полного собрания законов, а с этой точки зрения дело обстояло просто. «Недвижимые имущества крестьяне могли приобретать только на имя своих помещиков. Следовательно права собственности они не имели, а имели какое-то сомнительное право владения. Домашний рабочий скот, земледельческие орудия и прочий хозяйственный инвентарь принадлежал опять-таки крестьянам «не вполне», т. е. не на праве собственности, а на сомнительном праве владения. Правда, это владение могло иметь постоянный характер в зависимости от установившихся обычаев и доходить до права предсмертного распоряжения, но от возможности юрист никогда не перейдет к заключению о необходимости, т. е. к законности... Прав имущественных помещичьи крестьяне не могли иметь и потому, что жизнь превратила их самих в имущество». Отсюда вытекало вполне естественное заключение, что «положение крепостного крестьянина можно сравнить с положением лиц ссыльно-каторжного состояния».[2] В приведенном рассуждении «юриста», задавшегося целью установить социальные черты определенной исторической эпохи в бытии общественного класса, плотные переплеты собрания законов заслонили действительную картину классовых соотношений. Все тот же враг крепостного права, Н. И. Тургенев, твердо держался противоположной оценки действительности. «Достоверно то, что каждый крепостной в России считает своей собственностью дом, где он живет, его обстановку, лошадей, коров и пр.; он их продает и покупает без всякой нужды в предварительном разрешении господина, кроме конечно домов, выстроенных из леса, который был предоставлен господином. Последний без сомнения может все отнять у крепостного, но этого почти никогда не бывает и подобное отнятие всегда считается несправедливым. Таким образом, бывают общества, владеющие приобретенными на собственные средства землями, которыми господа предоставляют им беспрепятственно пользоваться. Есть, как мы говорили, крепостные, имеющие значительные капиталы, дома в деревнях, фабрики. Нет ничего легче отличить все эти вещи от собственности господина».[3]

---

[1] Готье Ю. В., Очерк истории землевладения в России, 1915. Архангельский П. Г. Очерки по истории земельного строя в России, 1921. В книге Готье мельком упоминается лишь о законе 3 марта 1848 г.

[2] Алексеев С. Г., Местное самоуправление русских крестьян XVIII — XIX вв., 1902, стр. 64—65.

[3] Тургенев Н. И., Россия и русские, М. 1908, т. II, стр. 137.

Правда была несомненно на стороне современника, так как иначе нельзя было бы объяснить возможность самого образования многочисленного, крепкого и богатого слоя крестьянства, возглавлявшего крепостную деревню и руководившего ее экономической жизнью. В задачи, к разрешению или хотя бы посильному освещению которых стремится эта статья, не входит недопускаемая ее размерами тема социальной дифференциации крепостного крестьянства. Постановке этой темы на фоне хозяйственной жизни крепостной деревни посвящена нами особая работа, стремящаяся дать картину социальной динамики крепостной деревни в пределах одного, хотя и обширного комплекса вотчинных владений.[1] Здесь же мы ограничимся ознакомлением с той стороной имущественных отношений в крепостной деревне, которая связана с вопросом о земельной собственности или, как не совсем точно принято выражаться, о покупных землях крепостных крестьян. Трудный для освещения и мало поэтому затронутый вопрос этот именно по этим соображениям должен быть поставлен на очередь. Направление исследовательского интереса историка должно властно определяться наличием и расположением белых пятен на карте исторического знания прошлого.

I. ПУТИ И ФОРМЫ ПРИОБРЕТЕНИЯ ЗЕМЛИ КРЕПОСТНЫМИ КРЕСТЬЯНАМИ.

С сословной точки зрения у крепостных крестьян не было и не могло быть недвижимой собственности. С точки зрения исторической действительности она у них несомненно была. Задолго до признания законом права крепостных крестьян быть юридическими владельцами своей собственной недвижимости крестьяне эти, вопреки своему «крепостному состоянию», принимали заметное участие в процессе дореформенной мобилизации земли. Вотчинная переписка по различным исследованным нами архивным фондам сохранила беглые, но достаточные упоминания о недвижимостях, приобретавшихся помещичьими крестьянами. История происхождения некоторых из многих и нередко крупных земельных владений таких крестьян в достаточной степени освещена в спорах бывших крепостных с их помещиками после реформы 1861 г. Все эти сведения проливают некоторый свет на процесс образования в руках крепостного крестьянства довольно обширного земельного фонда с чертами собственно крестьянского владения и с правом крестьян на полное и нередко почти беспрепятственное распоряжение им.

Стремление к приобретению своей собственной земли наблюдалось у всего дореформенного крестьянства. Разница в хозяйственных условиях различных районов крепостной России, обусловленное этой разницею различие в системе организации и спо-

---

[1] «Звезда», 1926 г. №№ 1, 2 и 4. Кашин В., «Экономический быт и социальное расслоение крепостной деревни в XIX веке».

собах эксплоатации помещичьих имений и яркая неоднородность социального состава самого крестьянства должны были сильно влиять в качественном и количественном отношении на степень интенсивности этого стремления, как и на способы и формы его осуществления. Дальнейшее исследование этого вопроса, всецело зависящее от степени разработки соответствующих архивных фондов, позволит сделать попытку определить влияние территориальных, хозяйственных и социальных условий на размеры и характер землевладения крепостных крестьян. Но и те документальные данные, которые имеются уже в нашем распоряжении, дают возможность установить тождественность как самого процесса, так и форм приобретения крестьянами земли до и после реформы шестидесятых годов. Вопреки разнице в социальном положении дореформенного «крепостного» и пореформенного «освобожденного» крестьянства, исключавшей возможность абсолютной тождественности, мы можем смело говорить о полном внутреннем сходстве сущности и направления социальных процессов в деревне до и после ее «освобождения».

После реформы крестьяне приобретали землю как единолично, так и вскладчину или всем миром, или же группой паевых участников покупки. Все эти три способа встречались и в крепостной деревне. При покупке земли за мирской счет она могла приобретаться или всем вотчинным миром, т. е. совокупностью крепостного населения всех деревень данной вотчины, или же, выражаясь пореформенным языком, сельскими обществами отдельных деревень вотчины. Примером совершения подобного рода покупок земли крестьянами и всей вотчины и отдельных ее деревень может служить калужское имение князей Юсуповых, состоявшее из 11 деревень в Масальском и Мещерском уездах, насчитывавшее по 8-й ревизии 1834 года в общей сложности 534 м. р. д. [1] и управлявшееся общим для всех ее деревень правлением с. Посконь. В 1790 г. одно из этих селений, д. Казарка, приобрело всем деревенским обществом 75 дес. земли, а другая деревня, Добрая, купила таким же образом 88 дес. в 1824 г. [2] В промежутке между этими двумя покупками были приобретены всем вотчинным миром за 7000 руб. принадлежавшие мещанину г. Мосальска $170\frac{1}{2}$ дес. с имевшеюся на этой земле водяной мельницей. [3] В некоторых других помещичьих имениях покупки земли совершались, наоборот, или только всем вотчинным миром, или лишь отдельными селениями вотчины. В переписке по разбросанным в нескольких уездах многочисленным, но мелким ярославским владениям тех же Юсуповых упоминаются только мирские покупки второго рода. Наиболее зажиточное из ярославских владений Юсуповых,

[1] М. О. Ц. И. А., вотчинный архив Юсуповых. Ведомость об имениях Юсуповых.

[2] М. О. Ц. И. А., вотч. арх. Юсуповых. Отчеты смоленского имения за 1861 г. Ведомость того же года о купленных крестьянами землях.

[3] М. О. Ц. И. А., вотч. арх. Юсуповых. Журнал московской канцелярии за 1834 г. Запись от 11 июля.

сельцо Кузнецово, в котором им принадлежало 112 м. р. д., купило в 1853 г. у помещицы Поленовой за 3428 руб. сер. целое небольшое имение Летяшкино с 102 дес. земли и проживавшими на них 16 м. р. д.[1] Необходимая для покупки сумма была взята крестьянами с. Кузнецова из их мирского капитала, достигавшего к этому моменту 3954 руб. сер. В крупной Успенской вотчине Дурново, находившейся в Яранском уезде Вятской губернии, целый ряд очень значительных по своим размерам и стоимости мирских покупок земли был совершен, наоборот, не за счет отдельных деревень, а исключительно от лица всего многочисленного вотчинного мира и руководило совершением и оформлением этих покупок само вотчинное правление.[2] Всем вотчинным миром приобрели крестьяне 13 деревень новгородского Налючского имения, принадлежавшего помещице Лаптевой в Старорусском уезде, — свыше тысячи десятин обширных пожень (заливных лугов) на 5 островах озера Ильмень в 1777 г.[3] Тем же мирским путем купили они в 1835 г. обширную Мясницкую лесную дачу в 1400 дес.[4] Не менее крупную покупку всем вотчинным миром сделали крестьяне 18 деревень.[5] Бухаловского имения в Даниловском уезде Ярославской губернии, приобретя в 1819 г. на имя своего помещика, графа А. П. Тормазова, еще более обширную пустошь в 1663 дес. лесной и прочей земли.[6]

Коллективное участие сельских или вотчинных миров в подобных приобретениях земельной недвижимости встречалось, разумеется, и во многих имениях других владельцев. Н. И. Тургенев отмечал, как обычный факт, что «бывают общества, владеющие приобретенными на собственные средства землями».[7] По документам и содержанию сохранившейся вотчинной переписки и других источников не всегда можно, однако, установить, была ли та или иная покупка совершена всем сельским миром или же лишь некоторыми из его членов. Нельзя с уверенностью сказать, всем ли составом сельских миров или же отдельными их сочленами были приобретены в 1841, 1845, 1846 и 1848 гг. у соседних помещиков небольшие участки земли, купленные крестьянами упоминавшихся уже мелких ярославских деревень кн. Юсупова.[8] При поверочном размежевании в 1832 г. крупной Саконской вотчины, принадлежавшей Дурново в Ардатовском уезде Нижегородской

[1] М. О. Ц. И. А., вотч. арх. Юсуповых. Журнал московской канцелярии за 1853 г., запись № 612.

[2] Л. О. Ц. И. А., вотчинный фонд Дурново. Переписка по Вятской вотчине.

[3] Л О. Ц. И. А., Архив мин. вн. дел., земский отдел, 5-е делопроизводство, дело № 53 «О спорной земле между крестьянами Налючского сельского общества Новгородской губ. с помещицею Зуровою», 1862 — 66 гг.; лл. 25, 28, 47.

[4] Там же, лл. 2 и 37.

[5] Л. О. Ц. И. А., Архив мин. вн. дел, земский отдел, 5-е делопр., дело № 62. «По спору крестьян Ярославской губ., Даниловского у., Бухаловской вол. с помещицею Сназиной-Тормасовой о земле», 1863 — 65 гг., л. 74.

[6] Там же, л. 16.

[7] Тургенев Н. И., Россия и русские, т. II, стр. 137.

[8] М. О. Ц. И. А., вотч. арх. Юсуповых. Переписка московской канцелярии за 1846 г. Предписание № 190.

губернии, одному из 6 селений этой вотчины, селу Полянам, было по сообщению вотчинной администрации «уступлено из положенных в вотчинный размер 120 десятин (земли), считаемой ими по словам предков купленною».[1] Возможно, что в этом случае земля была куплена не миром, а товариществом или отдельными крестьянами единолично. Никаких дополнительных указаний по поводу этой земли и способов ее приобретения вотчинная переписка не сохранила. Наоборот, на основании той же вотчинной переписки можно судить, что несомненно всем обществом купили в 1841 г. у кн. П. Ф. Звенигородского 42 дес. лесной земли по б. Московской дороге крестьяне двух других селений той же вотчины, с. Гремячева и д. Тепловой, заплатившие за эту землю 3800 руб.[2]

Приведенные примеры показывают, что мирские покупки сильно разнились как по размерам, так и по роду приобретавшихся недвижимостей. Иногда приобретались целые небольшие имения вместе с населявшими их крепостными, как мы это видели уже в ярославских владениях Юсупова. В «огромных поместьях», кн. Г., находившихся в той же губернии, «всех рекрутов, которых крестьяне должны были ставить, они набирали с земель, купленных ими на счет общины»[3] и по словам Н. И. Тургенева такого рода мирские покупки целых мелкопоместных дворянских имений совсем не были редкостью.[4] В обширной костромской вотчине кн. Куракиных, расположенной в Чухломском уезде и уже в 1793 г. насчитывавшей 1262 м. р. д. населения, покупки княжескими крепостными целых деревень с их обитателями были нередки уже в конце XVIII и в начале XIX в. Некоторые из таких покупок совершались миром, судя по приказу А. Б. Куракина в 1793 г. за одну из подобных покупок «благодарность объявить при сходе всему миру».[5]

С точки зрения интересов помещика эта благодарность была вполне заслужена крестьянами, — размеры как территории помещичьей вотчины, так и хозяйственных ресурсов ее населения нередко чрезвычайно расширялись такими покупками. Они могли систематически повторяться, складываясь в весьма значительную площадь всей купленной земли. Любопытна в этом отношении история приобретения земли вотчинным миром обширной Успенской вотчины, принадлежавшей роду Дурново в Яранском уезде Вятской губ. и насчитывавшей по 8-й ревизии 1834 г. 5038 м. и 5400 ж. р. д.[6] в 73 селениях.[7]

---

[1] Л. О. Ц. И. А., вотч. арх. Дурново. Книга Входящие бумаги Нижегородской вотчины 1833 и 1834 гг., л. 445.

[2] Л. О. Ц. И. А., вотч. арх. Дурново. Книга Входящие бумаги Нижегородской вотчины 1840 — 50 гг., л. 128.

[3] Тургенев Н. И., Россия и русские, т. II, стр. 79.

[4] Там же, стр. 78.

[5] «Костромская старина», выпуск VII, 1912 г., стр. 138.

[6] Л. О. Ц. И. А., вотч. арх. Дурново. Журнал входящих бумаг 1828 г., л. 44.

[7] Л. О. Ц. И. А., вотч. арх. Дурново. Книга Входящие бумаги Вятских вотчин 1828 — 33 гг., л. 158. К моменту начала ряда этих покупок земли в вотчине

Первые поиски крестьянами этой обширной вотчины случаев возможности приобретения земли относятся к началу 20-х годов прошлого столетия. Земля приобреталась за счет всего вотчинного мира и преимущественно у тех находившихся на военной и гражданской государственной службе дворян, которым правительство в порядке царского пожалования предоставляло по несколько тысяч десятин из числа казенных земель в Вятской губернии. В 1823 г. крестьяне решили приобрести свыше 2000 дес. земли из пожалованной генералу Козьмину,[1] почти одновременно вели переговоры о покупке свыше 1000 дес. у помещика А. А. Демидова[2] и купили у наследников ф.-Брадтке часть пожалованной ему земли.[3] В 30-х годах, почти одновременно с приобретением 3000 дес. у Козьмина,[4] крестьяне Успенской вотчины приобрели 2000 дес. у ген. Винярского,[5] а в конце этого десятилетия купили 5 000 дес. у полковников Пенхоржевского и Корсакова.[6] Одновременно с совершением этих покупок в 30-х и позже в 40-х годах крестьяне и вотчинная администрация вели ряд переговоров о намечавшихся приобретениях других участков земли по несколько тысяч десятин каждый.

Вотчинная переписка не всегда позволяет проследить окончательный исход всех этих переговоров крестьян Успенской вотчины то с продавцами о земле, то со своим собственным помещиком о ссуде, но и приводимых выше фактов достаточно для освещения интенсивности крестьянских стремлений к скупке земли и широких размеров этой скупки. А между тем рядом с обрисованным выше процессом скупки земли целыми деревенскими и вотчинными мирами шел процесс приобретения земли и отдельными крестьянами как индивидуально, так и групповыми товариществами. В той же вотчинной переписке по вятской вотчине упоминается о покупке некоторыми крестьянами в 1814 г. из земель, пожалованных вятскому губернатору фон-Брадтке в Яранском уезде, отдельных мелких участков в 31 даче общей площадью до 150 дес. пашни и сенокоса.[7] Такие же крестьянские покупки отмечаются в переписке и за последующие годы. В описании земель вотчины 1834 г. говорится, напр., о 82 дес. пашни

было в декабре 1820 г. наличных муж. 2458 и жен. 2478 душ (см. книгу Входящих бумаг всех вообще вотчин 1819 и 1820 гг.).

[1] Л. О. Ц. И. А., вотч. арх. Дурново. Книга Входящих бумаг Вятской вотчины 1824 — 27 гг., донесение № 648 от 19 дек. 1823 г.

[2] Там же, донесение № 316 от 18 июня 1825 г.

[3] Л. О. Ц. И. А., вотч. арх. Дурново. Книга «Исходящих бумаг за 1821 г.» (и за следующие 20-е годы), л. 171.

[4] Л. О. Ц. И. А., вотч. арх. Дурново. Книга «Входящих бумаг Вятской вотчины 1828 — 33 гг.», л. 379.

[5] Л. О. Ц. И. А., вотч. арх. Дурново. Журнал исходящих бумаг по имению г-жи М. Н. Дурново за 1840 — 41 гг., л. 74. Там же, Журнал входящих бумаг 1828 г., л. 47.

[6] Л. О. Ц. И. А., вотч. арх. Дурново. Книга Входящих бумаг Вятской вотчины, 1834 — 39 гг., л. 354.

[7] Л. О. Ц. И. А., вотч. арх. Дурново. Книга Входящие бумаги всех вообще вотчин за 1819 — 20 гг.

приобретенной крестьянами у титулярного советника Наумова.[1] Случайность таких упоминаний мешает произвести общий подсчет площади земли, приобретенной отдельными крестьянами, но обычность таких приобретений явствует уже из запроса вотчинного приказчика в 1847 г., как ему быть в тех случаях, когда к нему являются вотчинные крестьяне с просьбой совершить купчую на землю, — входить ли в обсуждение выгодности таких покупок или же просто исполнять просьбу крестьян, как он и поступал до сих пор. Свой запрос приказчик сопровождает примерами такого рода просьб о купчих, послуживших поводом к запросу. В том же году один из местных крестьян купил 3 дес. сенокосу, заплатив за них 100 р. асс., а двое других приобрели за 11 000 руб. в 30 верстах от вотчины, в Царевококшайском уезде Казанской губ., около 53 дес. с выстроенной на этой земле водяной мельницей, уплатив из покупной суммы уже 3500 руб.[2]

Случаи подобного же приобретения земли отдельными крестьянами упоминаются в вотчинной переписке и по другим имениям Дурново, расположенным в Нижегородской и Орловской губерниях, как и по имениям других помещиков. В списке собственников покупной земли в сравнительно небольшой Калужской вотчине кн. Юсупова числилось 18 человек, большинство которых владело каждый несколькими десятками десятин.[3] Были они и среди крестьян Афанасьевской вотчины Юсупова в Опочецком уезде Псковской губернии, где к моменту реформы 1861 г. насчитывалось 119 собственников покупной земли.[4] Упоминания о таких крестьянах встречаются в переписке и по другим имениям Юсупова, расположенным в Ярославской, Нижегородской, Рязанской, Костромской, Смоленской, Орловской, Воронежской и Харьковской губерниях. Имения Юсуповых или Дурново не были, конечно, исключениями. Единоличные покупки земли крестьянами встречались и в вотчинах других помещиков. Принадлежавший помещику Кушникову крестьянин Ермолай Зуев села Никольского, Скопинского уезда Рязанской губ., купил в 1824 г. в Данковском уезде 12½ дес.[5] Крестьянин, принадлежавший поручику И. П. Салтыкову, д. Селищ, Тверской губ. и уезда, Андрей Егоров, приобрел таким же образом 24½ дес.[6] Имеются сведения о таких же покупках крестьян той же губернии в д. Васильевке Зубцов-

[1] Л. О. Ц. И. А., вотч. арх. Дурново. Книга Входящие бумаги Вятской вотчины 1834 — 1839 гг., л. 99.
[2] Л. О. Ц. И. А., вотч. арх. Дурново. Книга Входящие бумаги Вятской вотчины 1840 — 50 гг., л. 924.
[3] М. О. Ц. И. А., вотч. арх. Юсуповых, Отчеты Смоленского имения за 1861 г. Ведомость о купленных крестьянами землях.
[4] М. О. Ц. И. А., вотч. арх. Юсуповых. Дела Афанасьевского правления за 1860-е гг. Донесение № 46, 22 ноября 1861 г. Доверенность ходокам от 119 крестьян.
[5] Л. О. Ц. И. А., Архив мин. вн. дел., зем. отдел, 5-е делопр., дело по спору крестьянина Рязанской г. Петра Зуева с пом. Сипягиными о земле, 1863 — 70 гг., л. 7.
[6] Л. О. Ц. И. А., Архив мин. вн. дел., зем. отд., 5-е делопр., дело № 70.

ского у.,[1] в д. Муравьевė Ржевского уезда,[2] в д. Анисимовой помещика Берхгольца, Тверского у.,[3] среди крестьян помещика Сабанеева в селе Поречье, Кашинского у.,[4] и т. д. Размеры таких единоличных приобретений могли колебаться в очень значительных пределах. Дядя крестьянина Дмитрия Никифорова, принадлежавшего упомянутому барону Берхгольцу, купил при прежнем помещике Гвацкевиче у соседнего помещика Гудаева 3 десятины.[5] Но чаще всего единоличные покупки были более крупных размеров, достигая многих десятков, сотен и даже тысяч десятин. Среди упомянутых уже 119 крестьян Псковской вотчины Юсупова, владевших покупною землей, было 7 собственников участков от 106 до 325 десятин.[6] Крестьянин расположенного в том же Опочецком уезде имения ген.-м. Ададурова купил в 1801 г. у соседней помещицы 206¾ дес.[7] Крестьянин Рязанской вотчины Юсуповых, Вас. Емельянов (Панфилов), купил в 20-х годах у помещика Синбухина в Судогодском у. Владимирской губ. 350 десятин, вскоре основав на купленной земле собственный завод для изготовления стеклянной и хрустальной посуды.[8] Иногда покупались и населенные имения. В 1833 г. юсуповский крестьянин дер. Измайлова Ярославского у., Сила Васильев, купил продававшееся по соседству маленькое имение с 3 м. р. д. и 85 дес. земли.[9] Два брата Швалевы из числа крепостных принадлежавшей кн. Салтыкову д. Волкова, Владимирского уезда, купили в 1799 и 1804 гг. два небольших имения, в общей сложности насчитывавшие 40 м. р. д. и 303 дес. земли.[10]

Подобно известным уже нам случаям мирских покупок приобретение земли отдельными богачами из числа крепостных крестьян могло достигать очень значительных размеров. В скудных упоминаниях о недвижимой собственности крепостных крестьян, изредка встречающихся в литературе по истории крепостного права, имеется ряд указаний на многочисленные случаи владения обширными земельными участками среди крепостного населения крупных вотчин графов Шереметьевых. В известном промышлен-

[1] Л. О. Ц. И. А., Архив мин. вн. дел., зем. отд., 5-е делопр. Дело о праве собственности крестьян на земли, купленные ими в прежнее время на имя помещиков по Тверской губ., 1861—66 г., л. 159.

[2] Там же, л. 280.

[3] Там же, л. 206.

[4] Там же, л. 202.

[5] Там же, л. 206.

[6] М. О. Ц. И. А., вотч. арх. Юсуповых. Дела Афанасьевского правления за 1860-е годы. Список без заголовка, с пометой „из дела 1862 г.“

[7] Л. О. Ц. И. А., Архив мин. вн. дел., зем. отд., 5-е делопр., дело № 115. «По спору врем. обяз. крестьян Псковской губ., Опочецкого у., д. Маковейцева с помещицей ф.-Мейер о земле». Л. л. 16 и 47.

[8] М. О. Ц. И. А., вотч. архив Юсуповых. Журнал Московской канцелярии 1833 г., запись № 2252 от 31 октября.

[9] М. О. Ц. И. А., вотч. арх. Юсуповых. Журнал Московской канцелярии 1833 г., запись от 1 июля.

[10] Л. О. Ц. И. А., Архив мин. вн. дел., зем. отд., 5-е делопр., дело № 109 по спору крестьян Швалевых с кн. Салтыковым о земле. Л. 61.

ном селе Иванове, Шуйского уезда Владимирской губернии, ставшем впоследствии городом Иваново-Вознесенском и одним из крупнейших текстильных центров страны, многие крепостные богачи уже в середине XVIII в. владели собственными покупными землями. И. И. Грачев, крепостной владелец полотняной фабрики, имел к этому времени собственных своих «в окрестностях Иванова несколько сот десятин, — частью полученных по наследству, частью купленных самим у соседних помещиков пустошей — пашни, леса и сенокоса». [1] Только в течение конца 40-х и начала 50-х годов XVIII в. Грачев скупил у соседних помещиков еще несколько сот десятин «преимущественно лесных пустошей», [2] а его сын продолжал затем эту скупку, приобретая подобно своему отцу не только ненаселенные участки или «пустоши», но и целые небольшие имения вместе с их крепостным населением. К концу столетия общая площадь одной только нераздельно принадлежавшей Грачеву земли достигала 3085 десятин, а кроме того он владел частью тех 1853 десятин, которые были им куплены сообща с другими крестьянами и даже помещиками. Число крепостных крестьян, принадлежавших Грачеву в купленных им деревнях, достигло в 1795 г. 181 муж. и 200 жен. р. душ. [3] Приобретали землю и другие шереметьевские богатеи и фабриканты. [4] Ими также покупались целые недвижимые имения.

Подобные покупки земли и целых имений не были обязательно связаны с наличием у некоторых богатых крестьян Шереметьева собственных фабрик. Крестьянин подмосковной вотчины графа, с. Вешнякова, Никифор Сеземов, занимавшийся торговлей и с 1775 г. винными откупами, купил в 1777 г. у прапорщика Аммоса Прокофьевича Демидова целое село Богородское, расположенное очень далеко от родной деревни Сеземова. За это имение, находившееся в Ветлужской волости Унженского уезда (Костромской губ.) и насчитывавшее 429 м. р. д., Сеземов заплатил 21 000 руб., а вместе со всеми расходами покупка эта обошлась ему в 29 560 руб. [5] Количество земли в Богородском, принадлежавшее Сеземову, не могло быть точно установлено Семевским, но оно должно было в несколько раз превосходить площадь земельных приобретений Грачева. Имение было обмежовано в общей меже с долей брата продавца, Л. П. Демидова. За обоими братьями числилось в Богородском 533 м. д. крестьян, 4523 дес. пахотной, 392 дес. сенокосной, 18 874 дес. лесной земли, а всего вместе с неудобной 25 957 дес. Кроме того, имелось еще отдельно 186 дес. покоса и леса и неизвестная, но несомненно значительная доля в 20 569 дес. леса, находившегося в общем владении братьев Деми-

[1] Записки ист.-быт. отд. гос. рус. музея, т. I; ст. А. А. Степанова, стр. 214.
[2] Там же, стр. 221.
[3] Там же, стр. 230.
[4] Там же, стр. 221, 230. Семевский В. И. Крестьяне в царствование имп. Екатерины II, т. I, 2-е изд., стр. 338.
[5] Там же, стр. 341.

довых и вязниковских мещан.[1] Обычно при совместном владении родственников доля земли была пропорциональна числу крестьян, принадлежавших каждому из совладельцев. Если исходить из этого соображения, то Сеземов купил, следовательно, около $^4/_5$ всей земли в имении, т. е. свыше 20 000 дес., не считая его доли в общем лесе, достигавшей вероятно также нескольких тысяч десятин. Это обширное имение, крестьяне которого платили Сеземову оброк по 3 р. 50 коп. с м. р. души, оставалось в его владении вплоть до его смерти в 1787 г., а затем перешло к его наследникам и позже к самому гр. Шереметьеву. Кроме с. Богородского Сеземов покупал, вероятно, и другие недвижимости. Его вдова упоминает позже о принадлежавших ее мужу «небольшой покупной дачке» в Плесском уезде, Костромской губ., каменном доме в Москве и об огородном участке под Москвой.[2]

Сведения о покупных землях крепостных крестьян Шереметьева относятся и к XIX в. Выше уже упоминалось о крупном крепостном фабриканте Ив. Гарелине, покупавшем земли вместе с Грачевым и отдельно от него. Вдова его сына в 1821 г. упоминает о доставшейся ей недвижимой собственности покойного мужа, унаследованной им от отца и состоявшей, кроме фабрики, также из сельца Спасского с крепостными крестьянами и землей.[3] Посетивший Россию в 1822 г. и издавший книгу о ней и о крепостном праве француз Пассенан упоминает о другом крестьянине Шереметьева, владевшем 500 собственных крепостных крестьян. В принадлежавшем Шереметьеву большом селе Алексеевке Бирюченского у. Воронежской губернии также было много богатых крестьян, которые «занимались преимущественно торговлею и многие из них обладали значительными капиталами, тысяч до двухсот и более рублей. Предмет их торговли составляли хлеб, сало и кожи.[4] По данным генерального межевания 1782 — 98 гг. в с. Алексеевке с приписанными к ней 90 хуторами и поселениями насчитывалось 10 566, а в 1861 г. 37 956 крестьян муж. пола.[5] По словам Гакстгаузена, в этом имении в 30-х и 40-х годах XIX в. были крестьяне, обладавшие купленными ими имениями с 600 и даже 700 крепостных крестьян.[6] Встречались богатые крестьяне, владевшие покупными землями и в другом имении Шереметьева, торговом и промышленном нижегородском селе Богородском. В связи с реформой 1861 г. один из крестьян этого села, Смехотворов, сосланный графом в нижегородскую деревню, подал на своего помещика жалобу. По словам Смехотворова, он имел в Богородском до своей ссылки «богатый двор, кожевенный завод, две дубильни и две золильни, плодовый сад, в котором было до

[1] Там же, стр. 345.
[2] Там же, стр. 352 — 353.
[3] Гарелин Я., Город Иваново-Вознесенск, 1885, т. I, стр. 110 — 112.
[4] Никитенко А. В., Моя повесть о самом себе, 1905, т. I, стр. 6.
[5] Семевский В. И., Крестьяне в царствование Екатерины II, т. I, стр. 357.
[6] Haxthausen, „Studien über die inneren Zustände Russlands“, 1847, т. II, стр. 72.

200 деревьев лучших сортов», и несколько участков земли, купленной им на свои деньги. «Таких земель сотни десятин были куплены многими крестьянами Шереметьева», сосланными подобно Смехотворову в нижегородское село Юрьино.[1] В других имениях Шереметьева подобные случаи приобретения населенных и ненаселенных земель богатыми крепостными крестьянами также не были исключением, и систематическая разработка архивных фондов рода Шереметьевых установит несомненно широкую распространенность землевладения крепостных крестьян шереметьевских вотчин. Автор упоминавшейся выше статьи о крепостных фабрикантах Грачевых называет «громадными территориями»[2] земельные участки, скупленные ими к концу XVIII в. и достигавшие в своей совокупности более трех тысяч десятин. Мы уже видели, что другие шереметьевские крестьяне могли иметь несравненно более «огромные» владения. В этом отношении крестьяне Шереметьева также не были исключением. В вотчинной переписке по имениям Юсупова сохранились упоминания об одной из таких очень обширных покупок, совершенной совместно двумя богатыми крестьянами Юсупова из двух разных его имений в 1848 г. Одним из этих крестьян был занимавшийся торговлей и скупкой кустарных изделий рязанский крестьянин Емельян Васильев, участвовавший в покупках земли вместе с другими крестьянами и у себя на родине. Его компаньоном был крестьянин Яков Красиков из находившегося в Романовском уезде Ярославского имения Юсуповых. Оба эти крепостных богатея купили в Новгородском уезде у ст. сов. К. Ф. Геца две деревни, Чернино и Луки, с 69 ревизскими (82 наличными) м. д. крестьян, пустошь Червинскую по р. Тигоде с 7516 дес. леса, другую пустошь Розбилку с 1059½ дес. и, кроме того, в пустоше Острове чресполосного совместного владения с другими помещиками — всю приходившуюся на долю Геца часть земли. Не считая этой последней части, площадь одной только земли единственного владения, купленной двумя этими крепостными крестьянами, достигала, следовательно, 8575 дес.[3] Покупатели заплатили за купленное имение крупную сумму в 65 000 руб. серебром или 227 500 руб. ассигнациями, совершив заем у самого же кн. Юсупова.

Эта последняя покупка не была, впрочем, строго говоря, единоличной. Размеры единоличных покупок, как и мирских, колебались в очень значительных пределах в зависимости от социального уровня и степени имущественного благосостояния самих покупателей. Нередко от покупателя требовались для таких покупок очень значительные наличные средства, получить которые

[1] «Действия Нижегородской уч. архивной комиссии». Сборники, том III, статья Снежневского Крепостные крестьяне и помещики Нижегородской губ. накануне реформы 19 февр., стр. 69.

[2] «Записки историко-бытового отдела государственного русского музея», т. I, стр. 230.

[3] М. О. Ц. И. А., вотч. арх. Юсуповых. Статистическое описание имений Юсупова в 1850 г.

в долг при тогдашнем отсутствии организованного кредита было очень трудно и для богатых крестьян. При широком развитии стремления крепостного крестьянства к приобретению земли большинство даже зажиточных крестьян, участвовавших в таком приобретении, не обладало вообще крупными суммами. Нередко крестьянин соответственно своим хозяйственным ресурсам и потребностям нуждался лишь в части продаваемой помещиком земли, тогда как помещику не было смысла дробить свою землю. Не всегда поэтому приобретение земли в единоличную собственность совершалось путем единоличных покупок. Как и крестьяне пореформенной эпохи, крепостные крестьяне очень часто приобретали землю группами, вскладчину, образуя с этою целью паевые товарищества. Паи каждого из участников могли быть очень разнообразны. Купленная таким товариществом земля делилась затем соответственно этим паям и поступала в единоличное владение участников покупки. Насколько можно судить по доступным нам материалам, наибольшее количество случаев приобретения земли крепостными крестьянами приходится именно на паевые товарищества. Состав паевого товарищества мог быть очень разнообразен, но обычно самая формула «такой-то с товарищи» ясно указывает на руководящую роль в нем какого-либо местного богатого крестьянина. При покупке земли группой калужских крестьян кн. Юсупова в 1835 г. богатый местный «крестьянин Феофан Васильев с товарищи» сговорился с помещицей Половцевой о покупке у нее в с. Еременки 170 дес. за 14 000 руб.[1] Покупаемая земля была целым средней величины имением, так как земля продавалась «со всем посевом хлеба, озимого и ярового, со скотом и строением». Эта покупка была только окончанием ранее начавшегося перехода имения в руки крестьян, так как куплена была вторая половина имения. Первая его часть перешла к этим же покупщикам задолго до того, так как Васильев успел «вырастить на ней уже порядочный лес и мельницу построить».[2] Прямого указания на покупку этой первой половины имения не одним Васильевым, а той же группой крестьян вотчинная переписка не дает, но это подтверждается поданной остальными крестьянами той же деревни жалобой Юсупову на своего богатого односельчанина. Жаловались крестьяне, не допущенные Васильевым к участию во второй покупке. Управляющий настоял на отклонении просьбы крестьян потому, что жалобщики не участвовали в приобретении первой половины имения.[3] Участники товарищества, образованного Васильевым для покупки второй половины, участвовали, следовательно, и в приобретении первой части земли. Другой местный богач и долгое время староста, Алексей Евдокимов, в 1834 г. участвовал вместе «с товарищи» в

[1] М. О. Ц. И. А., вотч. арх. Юсупова. Журнал Московской канцелярии за 1836 г. Запись № 949, от 20 августа.

[2] М. О. Ц. И. А., вотч. арх. Юсуповых. Журнал Московской канцелярии за 1836 г., запись № 1040, от 12 ноября.

[3] Там же.

покупке у местного же помещика Баталина в д. Сукромке 90 дес. земли вместе с домом и всей усадьбою. На долю Евдокимова с братом досталось 30 десятин.[1]

Подобного же рода покупка земли вскладчину происходила и в других вотчинах как Юсупова, так и иных помещиков. В тверской деревне Ширятинской Горке помещика Борисова, Кашинского уезда, таким путем были приобретены его крестьянами в двух пустошах $65^{1}/_{3}$ дес.[2] В том же уезде несколько крестьян д. Бабаева приобрели на паях при помещике Озерове в 6 пустошах 152 дес.[3] В д. Большие Лядинки, Старицкого уезда той же губернии, четверо или пятеро крестьян вскладчину купили на имя своего помещика Глебова в начале XIX в. 24 дес. сенокоса и 12 десятин пашни.[4] Еще во второй половине XVIII в. четверо крестьян принадлежавшего помещику А. Березину имения в Бежецком у. купили 100 дес.[5] В 1824 г. шестеро крестьян из принадлежавшей Н. Д. Арсеньеву в Калязинском уезде д. Полутаевой приобрели совместно у купца Костромина 186 дес.[6] Так же были приобретены несколькими крестьянами Весьегонского уезда из д. д. Россовина и Турова при помещице Александровой и ее наследниках в разное время $266^{1}/_{2}$ дес.,[7] а в другой деревне Пуршихе того же уезда при помещиках Корнееве и Зыкове двое крестьян приобрели в 1820 г. $30^{1}/_{4}$ дес.,[8] два крестьянина купили в начале 30-х годов XIX в. 30 дес., несколько других крестьян в 1841 г. $77^{1}/_{4}$ дес.[9] и вместе с еще некоторыми крестьянами $90^{1}/_{4}$ дес. в 1844 г.[10] Ничем не разнились от них в этом отношении и помещичьи крестьяне других губерний. В имении помещика Рахманова, Владимирского уезда, несколько крестьян двух деревень купили в 1791 г. 8 дес.,[11] несколько крестьян трех других деревень купили в 1822 г. при сельце Красной Боровинке 48 дес. пашни и покосов,[12] в 1827 г. семеро крестьян из 3 деревень купили у соседнего помещика Шимановского 27 дес., а шестеро других крестьян также из трех деревень купили остальные 40 дес. в той же пустоши Марковой.[13] В 1850 г. трое крестьян того

---

[1] М. О. Ц. И. А., вотч. арх. Юсуповых. Журнал Московской канцелярии за 1834 г., запись № 633.

[2] Л. О. Ц. И. А., Архив мин. вн. дел., зем. отд., 5-е делопр., дело (по описи № 8) 76/78 «О праве собственности крестьян на земли, купленные ими в прежнее время на имя помещиков по Тверской губ.», 1861 — 66 гг., л. 168. Год приобретения установить нельзя.

[3] Там же, лл. 136, 176, 179.

[4] Там же, л. 239.

[5] Там же, л. 222 и след.

[6] Там же, л. 111.

[7] Л. О. Ц. И. А. Архив мин. вн. дел., зем. отд., 5-е делопр., дело № 71, л. 32.

[8] Там же, л. 26.

[9] Там же, л 16.

[10] Там же, л. 18.

[11] Л. О. Ц. И. А., Архив мин. вн. дел., зем. отд., 5-е делопр., дело. «По спору крестьян Владимирской губ. с помещицею Рахмановою о земле», л. 20.

[12] Там же, л. 12.

[13] Там же, л. 2.

же имения купили у своего же помещика 10 дес. в пустоши Татаровой. В Клинском у. Московской губ. трое крестьян д. Малеевки и в том числе бурмистр вотчины помещицы А. П. Петрово-Соловово купили 103 дес. лугов[1] у помещика Арцыбашева,[2] а в 1820 г.[3] те же или другие крестьяне[4] приобрели 25 дес. пашенной земли у княгини Вяземской в отхожей пустоши Роговцах. В Костромской вотчине кн. Куракиных Чухломского уезда также бывали подобные покупки. В 1833 г. бурмистр этой вотчины вместе с 3 другими крестьянами купил 300 десятин пахотной земли с населявшими купленную землю крепостными крестьянами.[5] В д. Петрове Починке, принадлежавшей помещице Глушковой в Юрьевском у. той же губернии, крестьяне целым рядом покупок различных помещичьих пустошей в 1795 г. у Вяземского, в 1816 г. у Есиповой, в 1824 г. у Ромашневой, в 1832 г. у Григоровой, а в 1838 г. у Куломзиной и Нащокиной приобрели в общей сложности $175^1/_2$ дес.[6] Судя по порядку владения крестьян этой землею[7] вся она была приобретена путем образования в разное время паевых товариществ. Эти частые покупки земли паевыми товариществами из крестьян одной и той же вотчины могли быть еще более частыми. В вотчине, расположенной в Егорьевском уезде Рязанской губ. и принадлежавшей в середине XVIII века роду ген.-аншефа Леонтьева, а затем перешедшей по наследству к Еропкиным,[8] уже в течение XVIII века до 1801 г. крестьянами было совершено не менее 31 купчей на земли, приобретенные у разных помещиков, начиная с 1737 г.[9] и, вероятно, даже с более раннего времени. Судя по истории последующего владения этой землей,[10] вся она или большая часть ее была приобретена групповыми покупками крестьян этой вотчины.

Все приведенные выше примеры покупки земли паевыми товариществами крепостных крестьян показывают разнообразие числа участников и размеров их приобретений. Среди приобретаемых такой покупкой земельных участков есть мелкие по нескольку десятин, есть и сравнительно крупные по нескольку десятков. Очень крупных паев отдельных участников почти не встречается, если такими считать многие сотни десятин. Покупки тысяч десятин, подобные приобретению новгородского имения двумя крестьянами Юсупова, вряд ли можно считать паевыми, —

---

[1] Л. О. Ц. И. А., Архив мин. вн. дел, зем. отд., 5-е делопр., дело № 58. «По иску временнообязанных помещику Смирнову крестьян,» л. 1.

[2] Там же, л. 12.

[3] Там же, л. 37.

[4] Там же, лл. 1 и 25.

[5] «Костромская старина», выпуск VII, стр. 138.

[6] Л. О. Ц. И. А., Арх. м. вн. дел, зем. отд., 5-е делопр., дело № 80, лл. 4 — 5.

[7] Там же, л. 23.

[8] Л. О. Ц. И. А., Архив мин. вн. дел., зем. отд., 5-е делопр., дело № 60, «По спору крестьян Рязанской губ., Егор. у., с. Двоень с помещиками Новосильцовыми, Жеребцовою и Приклонской о земле», л. 6.

[9] Там же, л. 2.

[10] Там же, л.л. 2, 5, 63 и т. д.

это уже не крестьянское товарищество, а скорее лесозаготовительная фирма. Основной целью совершения паевых покупок остается приобретение небольших и средних по величине своей участков.

Из ряда таких небольших приобретений могли все же слагаться очень крупные территории покупной крестьянской земли. В Вышневолоцком уезде Тверской губернии было имение, образовавшее после реформы Удомельскорядскую волость и с 1847 г. принадлежавшее помещику П. И. Сназину-Тормосову.[1] Целый ряд приобретений земли от соседних помещиков был совершен несомненно паевыми группами крестьян этого имения. Размеры этих отдельных приобретений были невелики. В большинстве случаев они не могут быть установлены, но в 16 случаях покупки, относительно которых имеются документальные данные о величине купленных участков, она колеблется в пределах от $10^1/_2$ до 104 дес.[2] Из таких и, вероятно, подобных им покупок выросла в общей сложности очень значительная площадь покупной крестьянской земли, достигшая в средине XIX века 3077 дес.[3] в 41 пустоши.[4] Имение Сназина-Тормосова не было, конечно, единичным примером. О том же процессе роста площади покупной крестьянской земли говорят и сведения по имению трех дочерей Т. А. Новосильцева в Егорьевском у. Рязанской губ., состоявшему из деревень Двоень, Варлыгиной и Букишиной и насчитывавшему в 1848 г. 127 дворов и 486 м. р. д. (по 8-й рев.).[5] Интенсивность процесса скупки крестьянами этой вотчины по частям земель соседних помещиков доказывалась наличием у этих крестьян 31 купчей. Почти вся эта земля была приобретена паевыми крестьянскими товариществами, размеры купленных участков были сравнительно невелики, но в результате ряда таких покупок к середине XIX века в вотчине образовался обширный фонд собственной крестьянской земли в 1807 дес.

Приведенные примеры образования крупной площади покупной крестьянской земли в результате целого ряда отдельных паевых покупок нередко небольших клочков и участков обнаруживают ту же степень интенсивного стремления крепостных крестьян к расширению своего землепользования, как и история ряда мирских покупок земли, наблюдавшаяся нами на примере последовательной и планомерной скупки вятскими крестьянами Дурново крупных участков земли, пожалованных в разное время правительством чиновным и военным представителям дворянства. Мы рассматривали процесс крестьянской скупки земли с

---

[1] Л. О. Ц. И. А., арх. б. мин. вн. дел; зем. отд., 5-е делопр., дело № 102. «По спору крестьян Тверской г., Вышневолоцкого у., с помещиком Сназиным-Тормосовым о земле».

[2] Названное «дело», л.л. 72 — 98.

[3] Там же, л. 1.

[4] Там же, л.л. 149 и 179.

[5] Л. О. Ц. И. А., арх. б. мин. вн. дел; зем. отд., 5-е делопр. Дело № 60, по спору крестьян с помещиками Новосильцевыми и т. д., л. 118.

точки зрения нарастания общей массы такой покупной земли в пределах той или другой вотчины. Но этот процесс приводил не только к топографическому разрастанию территории отдельных вотчин, но и к социальному росту отдельных крестьян-землевладельцев по мере их участия в паевых приобретениях земли. Указанная нами характерная черта интенсивного землестяжательства наблюдалась и в истории образования отдельных нередко крупных покупных участков в руках отдельных крестьян. Почти все эти крупные участки образуются путем последовательного приобретения земли по частям, или же хотя и одновременной покупки, но несколькими участками и от нескольких владельцев. Не всегда наличие в распоряжении исследователя фактических данных, обнаружение которых при изучении крепостного хозяйства вообще связано с громадными затруднениями, позволяет отчетливо установить эту сторону процесса нарастания земельной собственности крепостных крестьян, но в тех случаях, где эти фактические данные удается обнаружить и сопоставить, эта черта выступает с достаточной определенностью.

Мы уже приводили примеры последовательного приобретения по частям небольших имений соседних помещиков калужскими крестьянами кн. Юсупова, организовывавшими с этой целью групповые товарищества. Те же признаки упорного стремления к накоплению собственной покупной земли наблюдаются и в других доступных наблюдению случаях. Так, напр., в Болховской вотчине, расположенной в одноименном уезде Орловской губернии, насчитывавшей по 8 ревизии 1219 м. и 1 220 ж. р. душ[1] населения в 8 селениях[2] и принадлежавшей сначала кн. Волконскому, а затем Дурново, мы имеем возможность наблюдать те же характерные черты. В главном селении этой вотчины, с. Никольском, семья крестьян Рыженковых вдобавок к своим ранее купленным 12 десятинам приобрела в 1804 г. еще 30 десятин от помещицы Владимировой.[3] Другой крестьянин того же села, Дементий Тихонов, купил в 1834 г. 1 десятину земли в 35 верстах от своего села, на большой орловской дороге, через 2 года приобрел еще одну десятину от ротмистра Петра Шеншина, а в 1840 г. еще 2 и затем 3 десятины у мещан Рудаковых. На этой земле, обошедшейся покупщику в 3950 р. асс., он построил постоялый двор.[4] Еще при нахождении Никольской вотчины во владении кн. Волконского, а затем и после перехода ее к его дочери, вышедшей замуж за Дурново, местные крестьяне Голиков и Трепачев скупили у разных лиц до 100 дес. земли,

---

[1] Л. О. Ц. И. А., вотчинный архив Дурново. Книга Входящие бумаги Орловской и Тульской вотчин 1832 — 35 гг., л. 634.

[2] Там же, л. 290. Эти селения: с. Никольское (Репнино тож), с. Дмитриевское, д.д Рог, Блошня, Падуб, Мильшино, Пальчикова, Мельница.

[3] Л. О. Ц. И. А., вотч. арх. Дурново. Книга Входящие бумаги Орловской и Тульской вотчин 1836 — 39 гг., л. 137.

[4] Л. О. Ц. И. А., вотч. арх. Дурново. Книга «Входящие бумаги Болховской и Епифанской вотчин, 1840 — 50 гг.», л. 723.

смежной с вотчиной, и приобрели вдали от нее 2 участка в 20 и в 6 десятин.[1] В Псковской вотчине Юсуповых крестьянин Трофим Иванов купил в 1828 г. у двух купчих г. Опочки и одной мещанки землю в 7 или 8 разных пустошах общей сложностью до 97 десятин.[2] Другой местный крестьянин, Федор Герасимов, скупил у мелкопоместного дворянина по одной четвертой части земли в нескольких отдельных пустошах, а всего до 51 десятины за 800 рублей.[3] Обычно вотчинная переписка или не сохранилась полностью, или же лишь бегло затрагивает основные черты экономического быта вотчинного крестьянства. Наличие более подробных данных о покупной земле крестьян в вотчинной переписке по псковской Афанасьевской вотчине Юсуповых побуждает нас несколько подробнее остановиться на примере этой вотчины. Из 109 собственников покупной земли, перечисленных в знакомом уже нам списке по Афанасьевскому имению,[4] 60 человек, т. е. 55%, образовали свои участки неоднократной покупкой, а в 10 случаях эти земли составились из 4, 5 и даже 6 отдельных приобретений. Размер этих покупок был различен. Крестьянин д. Усадище, Тарас Иванов, владел, напр., в 4 разных местах 6½, 4, 5 и 4 десятинами, а всего почти 20-ю. Крестьянин Алексей Демидов из д. Балахов имел свою землю разбросанною по участкам в 10½, 8¼, 5¾, 12½, 27½ дес., достигавшим в общей сложности почти до 65 десятин. У Ефима Васильева из д. Заварзиной было 6 участков в 42½, 2½, 4, 6½, 16½ и 60 десятин, а всего 132 десятины; у Антона Леонтьева из д. Федьковой имелось в 6 местах 29½, 58, 13, 33½, 176½ и 14½ десятин, а всего 325 дес.,[5] и т. д.

То же повторное участие в приобретениях земли, скупка в разных пустошах и участках, покупка то единолично, то в качестве члена какого-либо паевого товарищества могут быть подмечены в целом ряде других вотчин. Таким путем образовывались и крупные земельные владения некоторых очень богатых крестьян. Крепостные фабриканты гр. Шереметева, знакомые уже нам Грачевы, приобрели свои три или четыре тысячи десятин земли путем то единоличных, то паевых покупок, то десятками, то многими сотнями десятин. Уже в середине XVIII в. И. И. Грачев владел несколькими сотнями десятин в скупленных у соседних помещиков пустошах, часть которых он получил по наследству[6]

[1] Л. О. Ц. И. А., вотч. архив Дурново. Книга «Входящие бумаги Болховской и Епифанской вотчин, 1840—50 гг.», л. 726.

[2] М. О. Ц. И. А., вотч. арх. Юсуповых. Дела Афанасьевского правления за 1830-е гг. Предписание от 22 дек. 1830 г.

[3] М. О. Ц. И. А., вотч. арх. Юсуповых. Дела Афанасьевского правления за 1831—34 гг. Донесение бурмистра, от 10 янв. 1831 г.

[4] Этот список был составлен вотчинной администрацией. Сами крестьяне насчитывали не 109, а 119 таких собственников покупной земли.

[5] М. О. Ц. И. А., вотч. арх. Юсуповых. Дела Афанасьевского правления за 1860-е гг. Список крестьян, владевших покупной землей.

[6] Записки историко-бытового отд. гос. русского музея, т. I, статья А. А. Степанова, стр. 214.

Процесс скупки земли Грачевым начался, следовательно, с начала XVIII века. Став в 1747 г. фабрикантом, Грачев продолжает скупку у соседних помещиков, «частью в компании с другими ивановскими богачами», больших лесных пустошей. Его сын и наследник «с первых шагов своей самостоятельности, без перерыва до самого выкупа на волю, иной раз год за годом, занят увеличением полученных по наследству от отца земельных владений. Нередко приходится покупать постепенно, а то и за много приемов и покупки бывают отделены друг от друга большими промежутками времени, особенно, когда земля во владении нескольких соседей. Очень заметно стремление к округлению купленных им самим или отцовских участков: когда представляется случай, всегда делаются новые прикупки».[1] Поэтому к концу столетия земельные приобретения Грачевых достигают уже нескольких тысяч десятин и помимо 3084 дес. единоличного владения он имеет свои доли в 1853 десятинах, купленных им совместно с другими лицами. Организация паевых товариществ могла, следовательно, совершаться не только для приобретения небольших сравнительно участков, но и для образования из них очень значительной площади личного землевладения крепостных крестьян, а систематичность и планомерность скупки земли одинаково проявлялась и у широкой массы среднего и верхнего слоя крестьянства, и у отдельных крупных его представителей.

Ограничимся этими примерами. Они свидетельствуют о том, что процесс приобретения крепостными крестьянами своей покупной земли наблюдается не только в частых и распространенных случаях, но и с большой степенью интенсивности и напряженности, отнюдь не в виде любопытных случайностей, допускавшихся барской мягкостью или снисходительностью того или иного помещика, а скорее в качестве постоянного и с бытовой стороны закономерного правила, хотя бы и не оформленного юридически.

II. РАСПОРЯЖЕНИЕ КУПЛЕННЫМИ ЗЕМЛЯМИ И ИХ ВНУТРИВОТЧИННАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ.

Приобретение земли крепостным крестьянином требовало, разумеется, совершения купчей на имя помещика, «крещеной собственностью» которого был сам покупатель. Все юридические права владения, пользования и распоряжения купленной землей принадлежали, следовательно, не фактическому ее приобретателю, а этому подставному лицу. Возможность безграничного произвола и чудовищных злоупотреблений была тщательно обеспечена и гарантирована законом, бесправие оформлено в право. Но в таком же правовом «оформлении» протекала вся многообразная и мощная деятельность крепостной крестьянской буржуазии. Закон разрешал и признавал юридическую силу сделок с

[1] Там же, стр. 230.

крепостными на сумму не свыше пяти рублей. Крепостные повседневно совершали имущественные и денежные сделки на тысячи, десятки и сотни тысяч рублей, платили и получали по этим сделкам. Полнота юридического бесправия не уничтожала полноту пульса экономической жизни и деятельности крепостного крестьянства. Иначе развитие русского капитализма затянулось бы на еще более долгий срок.

Отсутствие законодательной охраны движимой и недвижимой собственности крепостных крестьян могло мешать, но не воспрепятствовать росту имущественного накопления. По словам записки, представленной в 1847 г. в комитет министров и выработанной совместно II отделением собственной царской канцелярии и министерством юстиции, «что касается собственности недвижимой, то и ею крепостные люди у многих помещиков владели и доселе владеют беспрепятственно и спокойно». Отрицание законом права крепостных владеть недвижимостями приводило, по мнению авторов записки, лишь к тому, что «многие крепостные крестьяне... желая и имея средства приобрести земли, дом или иное недвижимое имущество, должны покупать их на имя господ своих с их предварительного согласия и следственно прибегать к некоторого рода подлогу»,[1] но эта юридическая фиктивность крестьянского владения недвижимостью не мешала тому, что, по словам министра юстиции Панина, хотя «действующими законами собственность крепостных людей не ограждена, но располагая вообще свободно движимым имуществом, они часто приобретают под именем владельцев своих, с их предварительного разрешения, и недвижимую собственность». Бытовые взаимоотношения помещиков и их крепостных крестьян в вопросе о приобретении последними недвижимой собственности не соответствовали, следовательно, их юридическому закреплению на страницах свода законов. По словам Панина, к которым присоединился и заведывавший вторым отделением Блудов,[2] «взаимные сии отношения, бессильные перед законом, ограждаются обычаем, добросовестностью большего числа помещиков и личными их выгодами, тесно сопряженными с благосостоянием и доверием к ним крестьян. Отсего происходит, что редко, или лучше сказать, почти никогда крепостной человек не лишается собственности, приобретенной им самим, но купленной на имя помещика». Такого же мнения был и весь комитет министров, выразившийся при затребовании из второго отделения упомянутой записки, что «земли, купленные крестьянами на собственные деньги, вообще оставляются в беспрепятственном их владении и едва ли есть примеры, чтобы помещик, пользуясь предоставленным ему правом, присвоил себе крестьянские земли».[3] Законодательные акты, практические мотивы

---

[1] Л. О. Ц. И. А. Архив б. гос. совета, департ. законов, дело № 2429 о собственности крепостных людей, 1847 г., л.л. 55—62.

[2] Там же.

[3] Л. О. Ц. И. А. Архив б. госуд. совета; журн. комитета министров, авг. 1847 г., № 1871, л.л. 394—414.

и теоретические мотивировки, как и сами оперировавшие ими правительственные деятели эпохи крепостных отношений, отражали лишь общие классовые интересы дворянского землевладения. Панин был тупым крепостником и реакционером, кровно заинтересованным в защите крепостного порядка. Большинство членов комитета министров состояло из подобных ему людей. Недалеко от них ушел и слегка «либеральничавший» Блудов. Но цитированная записка, составленная совместно министерством юстиции и II отделением, которые возглавлялись Паниным и Блудовым, была составлена в связи с обсуждением вопроса о своевременности юридического признания за крепостными крестьянами права на владение недвижимостями. Панин и Блудов резко столкнулись по этому вопросу. Тем более ценно отмеченное нами единодушное признание и тем, и другим фактического права крепостных на владение недвижимой собственностью. Антипод Панина, политический враг Блудова и уже несомненный либерал Н. И. Тургенев не расходится с ними в этом признании. Говоря о покупке крепостными целых имений на имя своего помещика, он признает, что «от доброго желания покупающего (т. е. помещика — *В. К.*) зависит позволить этим людям пользоваться собственностью или отнять ее у них»,[1] так как он, «без сомнения, может все отнять у крепостного, но этого почти никогда не бывает, и подобное отнятие всегда считается несправедливым».[2] Даже отнятие денежного капитала помещиком у своего крепостного, разбогатевшего на торговле, Тургенев считал возможным, но исключительным случаем именно «в России, где нравы и обычаи не освящают подобные хищения».[3] Поэтому вряд ли можно сомневаться в правильности цитированных выше заявлений органов правительственной власти относительно заинтересованности самих помещиков в повышении благосостояния своих крестьян, как источника помещичьих доходов, и в покупке крестьянам земли, как средстве к этому повышению.

В 1850 г. кн. Юсупов распорядился не мешать покупать землю крестьянам двух его имений Лебедянского у. Харьковской губ., слободы Ясиновки с 624 м. р. д. и сл. Мартыновки с 318 м. р. д. населения, и предписал своей местной администрации помогать покупщикам советом, обещая крестьянам беспрепятственное владение покупной землей с правом передачи по наследству. В 1834 г. Московская канцелярия, бывшая главным центром управления обширными имениями рода Юсуповых, указывала той же украинской княжеской администрации по поводу покупок земли крестьянами села Ряшек, Прилуцкого у. Полтавской губ., что они «могли и могут как приобретать посторонние земли, так и закладывать оные».[4] Вотчинная пе-

---

[1] Тургенев Н. И., Россия и русские, т. II, стр. 78.
[2] Там же, стр. 137.
[3] Там же, стр. 78.
[4] М. О. Ц. И. А., вотч. арх. Юсуповых. Журнал Московской канцелярии за 1834 г., запись № 1587.

реписка по юсуповским имениям хранит много следов подобных же разрешений на приобретение крестьянами земли в XVIII в. Такой же экономической политики держались в этом вопросе и другие помещики. Вотчинные канцелярии и конторы, управлявшие имениями гр. Шереметевых, гр. Орловых, кн. Оболенских, кн. Голицыных и др. владельцев сотен тысяч десятин земли и десятков тысяч душ ее крепостного населения, устанавливали еще в XVIII в. детальные правила относительно приобретения подвластными им крестьянами покупной земли и людей.[1] Князь А. Куракин объявлял своим крестьянам «благодарность» за такие покупки целых деревень. «Я очень рада, — писала в 1839 г. костромская помещица А. Н. Глушкова своим крестьянам д. Петрова Починка, Юрьевского уезда, в ответ на письмо о покупке ими земли, — это для вас выгода большая. Еще уведомляете, что трое из вас купили землю у вольноотпущенного, пустошь Жарову при д. Помольцеве, — я не запрещаю: земля есть и польза есть».[2]

Приобретение крепостными покупной земли должно было, следовательно, найти себе бытовое узаконение в вотчинном обиходе. Учащение случаев такой покупки побуждало центральную помещичью администрацию крупных владений, во избежание волокиты, передавать совершение и оформление крестьянских покупок недвижимости лицам местной вотчинной администрации или особым поверенным из числа крестьян. В ярославских и некоторых других вотчинах Юсупова соответствующая доверенность предоставлялась иногда такому поверенному,[3] но обычно в крупных помещичьих вотчинах подобного рода доверенности давались местным управляющим и приказчикам. В 30-х годах XIX в. по многим юсуповским вотчинам доверенности управляющим, если в них отсутствовали соответствующие пункты, были дополнены предоставлением права на покупку недвижимостей. Нужда в такого рода доверенностях чувствовалась даже в маленьких деревнях. Расположенное в Кинешемском у. Костромской губ. имение шт.-ротмистра гр. Апраксина, задолжавшего своим кредиторам вплоть до необходимости временно скрыться из столицы, насчитывало всего 71 м. р. д.[4] Тем не менее местный писарь просил в 1818 г. тайного советника Голубцова, временно управлявшего вотчинами Апраксина во время графского бегства от кредиторов, выслать ему доверенность «для покупки мужескова и женского пола людей или поселков, пустошей, земли».[5] Голубцов выслал старосте и земскому (писарю) просимую доверенность, предоставившую им «земли, сенокосы, леса и другие угодья, а равно и крестьян обо-

[1] Семевский В. И., Крестьяне в царствование Екатерины II. Т. I, гл. X.

[2] Л. О. Ц. И. А., архив б. мин. вн. дел., зем. отд.. 5-е делопр., дело № 80. «По спору крестьян с помещиком Артемьевым о земле», л. 5.

[3] М. О Ц. И. А., вотч. архив Юсуповых. Журнал Московской Канцелярии за 1833 г., запись от 1 июля.

[4] Л. О. Ц. И. А., вотчинный архив Апраксиных. «Дело по Костромскому имению гр. С. Ф. Апраксина за 1818 г.», л. 4.

[5] Там же, л. 14.

его пола на имя его сиятельства покупать, а деньги за то продавцам выдавать, купчие крепости по совершении их надлежащим порядком, где следует, от них, продавцов, принимать и в том в книгах расписываться и потом оные купчие ко мне доставлять».[1] Доверенным предоставлялось также право получения из правительственных учреждений копий межевых книг, планов и т. п. документов. Эта нужда в доверенности даже среди крестьян маленькой и вскоре проданной вотчины лишний раз свидетельствует о распространенности крестьянских покупок земли. Поэтому и зависимость хотя бы от местных, уполномоченных на покупку, лиц вотчинной администрации должна была связывать крестьян-покупателей в их хозяйственной деятельности. Поэтому иногда в роли доверенных выступали сами фактические покупатели. В принадлежавшей Дурново вятской вотчине местному вотчинному приказчику была дана доверенность с разрешением передоверия самим крестьянам права на составление купчих и т. п. оформление совершавшихся ими покупок земли.[2] В псковском же имении Юсупова, особенно изобиловавшем покупными крестьянскими участками, акты о покупке земли крестьянами, о разделе их с другими владельцами и о прочих земельных сделках нередко совершались от имени самих этих крестьян, выступавших в роли поверенных владельца вотчины.[3] Это не могло, конечно, совершенно освобождать поземельные операции крестьян от усмотрения или вмешательства вотчинной администрации. Обычным условием разрешения помещиком крепостному крестьянину покупки земли ставилось совершение этой покупки с ведома местной администрации. В силу общего характера крепостных отношений эта администрация имела иногда возможность злоупотребить своим правом разрешения. Примером такого злоупотребления может служить жалоба Антона Кузьмина, богатого крестьянина псковской вотчины князя Юсупова, на местного управляющего Потапова из числа княжеских дворовых. Кузьмин сторговал в 1856 г. у помещика Маковецкого в Себежском уезде пустошь Марьино за 2200 руб. и обратился к управляющему с просьбой посодействовать в совершении покупки. Управляющий, разузнав о выгодности этой покупки, строжайше воспретил Кузьмину покупать эту землю под угрозой ссылки на принадлежавшие Юсупову астраханские рыбные промыслы, а затем сам сторговал эту пустошь и совершил купчую на свое имя.[4] Подобный произвол местной вотчинной администрации считался, однако, как крестьянами, так и самими помещиками безусловным злоупотреблением. Жалоба Кузьмина на управляющего, имевшего уже 4 ранее

---

[1] Там же, л. 15.

[2] Л. О. Ц. И. А., вотч. арх. Дурново. Книга «Входящие бумаги Вятской вотчины 1840—50 гг.», л. 946.

[3] М. О. Ц. И. А., вотч. арх. Юсуповых. Дела Афанасьевского правления за 1860-е годы.

[4] М. О. Ц. И. А., вотч. арх. Юсуповых. Дела Афанасьевского правления за 1856 г. Донесение № 28.

купленных пустоши,[1] немедленно вызвала расследование всего этого дела, наказание управляющего и компенсацию жалобщика. Редкость подобных злоупотреблений подтверждается и тем, что на сотнях тысяч страниц изученной нами вотчинной переписки едва ли можно насчитать упоминания о двух таких случаях.

Выступая в качестве доверенных своего помещика на совершение покупки недвижимости, крестьяне совершали, как выразился Блудов, «некоторого рода подлог», но упоминание о личности помещика, на имя которого юридически совершалась купчая, принимало настолько фиктивный характер, что иногда купчие совершались на имя не владельца имения, а почти или совсем постороннего человека. Крепостные деревень Башмаковой, Курова и Павшиной, Тверского уезда, купили в 1818 г. у майора Н. Кудаева 129 дес. в сельце Чанове и всю его землю в пустоши Прониной, а всего 160 дес. Купчая была совершена на имя не Мининой, владелицы этих крестьян, а ее опекуна Преженцова,[2] хотя опекун мог совершить сделку от имени опекаемой. Подобный же случай был в тверском имении Доможирова.[3] Крестьянин села Верхней Боевки, принадлежавшего кн. Мещерскому в Кромском у. Курской губ., купил у помещицы Розенберг при с. Анахине 10 дес. на имя не своего помещика, а полковника Петрова.[4] Курское губернское по крестьянским делам присутствие вообще подтверждало возможность таких случаев, когда «крестьяне приобретали недвижимые имущества на имя посторонних владельцев».[5] Иногда крестьянам мешал совершить подобное укрепление купленных ими земель за посторонними им людьми не недостаток доверия, а лишь отказ самих намеченных ими лиц. Крестьяне смоленской д. Борщовки Рославльского уезда обращались в 40-х годах с просьбой совершить акт о покупке земли на свое имя сначала к местному священнику, а затем к протоколисту местной дворянской опеки, но оба они отказались.[6]

При покупках крестьянами земли на чужое имя все юридические права на купленную землю получал совершенно посторонний вотчине человек, не связанный с крестьянами, подобно владельцу, некоторой общностью заинтересованности в их благосостоянии. Злоупотребления в таких случаях были чрезвычайно легки и они действительно иногда происходили. Налючское имение Старорусского уезда Новгородской губ. управлялось Лаптевым по дове-

---

[1] М. О. Ц. И. А., вотч. арх. Юсуповых. Дела Афанасьевского правления. Предписание № 59 от 17 февр. 1858 г.

[2] Л. О. Ц. И. А., архив б. мин. вн. дел, зем. отд., 5-е делопроизв., дело «О праве собственности крестьян на земли, купленные ими в прежнее время на имя помещиков по Тверской губ.», 1861—66 гг., л. 56.

[3] Там же, л. 66.

[4] Л. О. Ц. И. А., архив б. мин. вн. дел.; зем. отд., 5-е делопр., дело № 51. О порядке совершения актов на земли, купленные крестьянами, л. 14.

[5] Там же, л. 15.

[6] Л. О. Ц. И. А., архив б. мин. вн. дел., зем. отд., 5-е делопр., дело № 77. «По спору крестьян Смоленской г., Рославльского у., д. Борщовки и др. с помещиками Плескачевскими о земле», 1863—66 гг., л. 14.

ренности сначала его жены, урожденной Аничковой, а затем его дочери, в замужестве Головиной.[1] Когда налючские крестьяне купили в 70-х годах XVIII в. несколько сот десятин пожней, они оформили покупку на имя Лаптева. После ссоры Лаптева с дочерью он добился от суда признания его законным владельцем этих пожень и завещал их своему воспитаннику.[2] Ничто не могло помешать подобному же присвоению и в других такого рода случаях. Если, однако, крестьяне других имений, совершавшие покупку не на имя своих владельцев, впоследствии беспрепятственно пользовались этой землей, а самое оформление покупок на имя постороннего лица могло вообще иметь место несмотря на очевидность возможности злоупотреблений, то это служит лишь доказательством взгляда и крестьян, и помещиков на подобного рода оформление, как на чисто формальное обстоятельство. Характерно, что даже присвоенные Лаптевым пожни были в 1818 г. по полюбовной мировой сделке О. Н. Головиной с упомянутым воспитанником Лаптева возвращены ее крестьянам.[3] Бытовые нормы эпохи не только отличались от соответствующих юридических норм законодательства, но и оказывались в своей жизненной реальности гораздо сильнее и действеннее их. Эти бытовые нормы могут быть вскрыты на основании достаточно многочисленных и ярких свидетельств, как только мы вступаем в обстановку подлинного быта крепостной вотчины. Такого рода свидетельствами являются прежде всего документальные данные, — купчие, долговые письма, домашние условия и прочий актовый материал, отражающий пути приобретения, характер владения и судьбы покупных крестьянских участков. Наиболее веским доказательством невмешательства помещика в распоряжение крестьян их покупными землями служит яркое и неукоснительное различие в порядке пользования крестьянскими покупными и помещичьими тяглыми землями, которое легко можно установить на основании этого обильного документального и актового материала.

Основанием для платежа помещичьего оброка и выполнения определенной доли мирских повинностей служило участие крестьян в пользовании помещичьей землей даже там, где сама эта земля и ее хозяйственное значение в экономическом быту вотчины отодвигалось на задний план развитием торговли и отхожих или кустарных промыслов. Тягловое обложение помещичьими платежами и повинностями сваливалось на тягловый крестьянский надел земли, а эта земля с ее грузом платежей и повинностей «наваливалась» по выражению крестьян, на плечи того или иного тяглеца. В системе внутривотчинной раскладки по отдельным дворохозяевам взимавшегося с вотчины помещичьего

[1] Л. О. Ц. И. А., архив б. мин. вн. дел, зем. отд., 5-е делопр., дело № 53, лист 25.
[2] Там же, л.л. 26 и 96.
[3] Там же, л. 96.

оброка существовала разница. В некоторых вотчинах оброк раскладывался по душам, в других по тяглам. Формальным основанием для обложения оброком считалась все же земля, независимо даже от того, пользовался ли ею фактически сам обложенный тяглом крестьянин. Общая сумма взимавшихся с вотчины денежных или натуральных повинностей ложилась на общую массу помещичьей земли, предоставленной в пользование населения этой вотчины. Но покупная земля крестьян, находясь в почти неограниченном внутривотчинном распоряжении ее приобретателей, с помещичьей землей не смешивалась.

В тверских деревнях Рословине и Турове, Весьегонского уезда, принадлежавших перед реформой Шубинскому, собственники покупной земли владели ею «не по тяглам» и «отдельно от мирской»,[1] а «крестьяне, не участвовавшие в покупке, никогда не входили во владение означенными пустошами». Мировой посредник после дознания тоже подтвердил, что крестьяне этого имения «при настоящем владении пользуются купленною ими землею по количеству заплаченных каждым из них денег и есть многие крестьяне, которые, не имея участия в покупке земли, не участвуют и в пользовании ею». Так же «не потягольно» владели покупной землей и крестьяне д. Пуршихи в соседнем имении Голеновского, того же уезда».[2] В Кашинском уезде той же губернии 27 крестьян-собственников д. Ширятинской Горки, принадлежавшей помещику Шмакову, имели, по их словам, «владение в означенных пустошах не тягловое, а соразмерно тому, кто сколько покупал», и губернское по крестьянским делам присутствие подтверждало, что этими «пустошами Басанникова и Моль владеют не все крестьяне д. Ширятинской Горки, а только некоторые из них и владеют не потягольно», как о том свидетельствовали и показания опрошенных сторонних людей.[3] В имении помещика Гессе того же уезда несколько крестьян д. Бабаева, владевших в 6 пустошах 152 десятинами своей покупной земли, также без труда доказали съезду мировых посредников, что вся эта земля находилась «не в общем владении крестьян всей деревни, а только некоторых лиц».[4] Десять крестьян, владевших 190 десятинами покупной земли в пустоши Пысково-Пеняевой и принадлежавших к числу крепостных дд. Муравьева и Хорошева помещика Ржевского уезда той же Тверской губернии, барона Рейхеля, «землею этой владели отдельно от помещичьей до 1861 г.».[5] Точно также и крестьяне из принадлежавших барону Алексею Бухгольцу деревень Башмакова, Курова и Павшина Тверского у. со времени по-

---

[1] Л. О. Ц. И, А., архив б. мин. вн. дел, зем. отд., 5-е делопр., дело № 71, л л. 13—14.

[2] Там же, л. 18.

[3] Л. О. Ц. И. А., архив б. мин. вн. дел., зем. отд., 5-е делопр., дело О праве собственности крестьян на земли, купленные ими в прежнее время на имя помещиков по Тверской губ., 1861—66 г.г. Л. 168.

[4] Там же, л. 176.

[5] Там же, л. 286.

купки ими 160 десятин земли в 1818 г. владели ею до 1834 г. «в таком размере, кто сколько купил».[1] На таких же условиях пользовались своей покупной землей и крестьяне других тверских помещиков. Так, некоторые крестьяне д. Тестова помещика Ляпунова еще при бывшем владельце имения, Афросимове, купили 87 десятин, и земля эта оставалась затем «в отдельном владении только» участников покупки.[2] Такой же порядок был в имениях тверских помещиков Вельяшевой[3] и сменившего ее Голеновского, Н. Д. Арсеньева[4] и купившей у него затем это имение О. М. Салтыковой и т. д. От тверских имений не отличались в этом отношении, как впрочем и во многих других, вотчины помещиков иных губерний.

Общим правилом в крепостных имениях было, таким образом, личное подворное пользование купленной землей рядом с обычным общинным пользованием помещичьей землей. Оставление купленной земли в подворном пользовании естественно предполагало и последующее превращение соответствующих участков в объект свободной внутривотчинной мены, продажи, залога и прочих земельных операций с расширением их иногда и за пределы вотчины. Вотчинная переписка дает достаточное количество примеров для обрисовки оживленности и постоянства перехода купленной крестьянской земли из рук в руки в пределах вотчинного мира. Когда наступила реформа 1861 г., в Афанасьевском имении князя Юсупова, расположенном в Опочецком уезде Псковской губ., между крестьянином Терентием Ивановым и княжеской администрацией возник спор по поводу пустоши Горелово-Агурьяново, которую Иванов считал своею собственностью. Пустошь была куплена при прабабушке Юсупова в 1778 г. по купчей на ее имя, в течение 84 лет оставалась затем в формальном владении Юсуповых;[5] но побывала за это время в руках многих фактических ее владельцев. Отсутствие документальных данных не позволяет нарисовать с достаточной полнотой историю этой пустоши, но, по словам просителя, она была куплена его дедом. К началу 40-х годов пустошь принадлежала уже не одному, а трем разным крестьянам, в том числе и отцу просителя. За недоимку, накопившуюся на всех трех владельцах пустоши, половина ее была в 1846 г. по распоряжению вотчинного правления продана другому крестьянину, Ив. Афанасьеву, причем в этой проданной половине было две доли одного владельца и по одной доле двух других его совладельцев. Афанасьев заплатил за купленную им часть пустоши 200 р. сер. в вотчинное правление, и был составлен соответствующий «домашний акт», названный в заголовке «рас-

---

[1] Там же, л. 66.
[2] Там же, л. 2.
[3] Там же, л. 75.
[4] Там же, л. 111.
[5] М. О. Ц. И. А., вотч. арх. Юсуповых. Дела Афанасьевского правления 1860-х гг. Проект письма Юсупова мировому посреднику (октябрь 1861 г.).

пискою», засвидетельствованный приказчиком, бурмистром и двумя свидетелями и удостоверенный оттиском гербовой княжеской печати вотчинного правления. Этот акт гласил, что «землею в той пустоши Агурьяновой он, Афанасьев, должен пользоваться вечно». Другая половина пустоши была оставлена ее владельцам, но «взята Афанасьевым с платежа» за них такой доли причитавшихся с них оброка и податей, которая равнялась бы по раскладке на 2 платежных души или «за один третник земли». Если бы владельцы оставшейся у них половины пустоши пожелали впоследствии продать ее, то «расписка» обязывала их предложить ее сначала Афанасьеву и только лишь после его отказа от покупки продать ее «кому-либо другому вольно»[1] После смерти Афанасьева купленная им половина пустоши перешла по наследству к родному брату Афанасьева,[2] а бывшая в его временном пользовании другая половина была возвращена недоимщикам и после их смерти перешла к их детям».

Можно привести десятки примеров в доказательство того, что переход покупных участков от одного крестьянина к другому был обычным явлением в псковском имении Юсупова. Сами крестьяне, отстаивая при проведении крестьянской реформы свои права на такие участки, в числе прочих доказательств неоспоримости этих прав подчеркивали, что «купленные земли были ими перепродаваемы и что перепроданные записки свидетельствовались вотчинным правлением».[3] Псковское имение Юсупова не было, разумеется, исключением, и в имениях других помещиков мы можем найти подобную же картину оживленной внутривотчинной смены владельцев крестьянской покупной земли. При наступлении реформы трое крестьян деревни Новинки и один крестьянин д. Шачева из имения Трубниковых в Бежецком у. Тверской губ. обратились к мировому посреднику с просьбой о закреплении за ними их участков собственной земли в пустоши Погорелке. Размеры этих четырех участков достигали 25, $6^1/_4$, $12^1/_2$ и $6^1/_4$ десятин. Посредник произвел дознание и выяснил, что по раздельному акту, составленному в 1780 г. прежним владельцем имения, Антоном Березиным, эта пустошь была признана им собственностью образовавших товарищество на паях и купивших ее четырех крестьян, а «именно крестьян братьев: Матвея, Ивана, Феклиста и Артемья. После Матвея часть досталась Степану Степанову» из другой деревни Федорцева, владевшему ею повидимому через ряд передач по наследству.[4] В 1843 г. эта часть пустоши, равная 25 десятинам, принадлежала деду Степанова. К этому времени часть имения

---

[1] М. О. Ц. И. А., вотч. арх. Юсуповых. Дела Афанасьевского правления. Копия расписки, выданной правлением крестьянину Ив. Афанасьеву, 2 мая 1846 г.

[2] М. О. Ц. И. А., вотч. арх. Юсуповых. Дела Афан. правл., дон. №41, 10 сент. 1861 г.

[3] М. О. Ц. И. А., вотч. арх. Юсуповых. Дела Афанасьевского правления. Обзор Псковского имения, 27 окт. 1862 г.

[4] Л. О. Ц. И. А., архив б. мин. вн. дел, зем. отд., 5-е делопр. «Дело о праве собственности крестьян на земли, купленные ими в прежнее время на имя помещиков по Тверской губ.», 1861 — 66 гг., л. 222 и следующие.

была продана Березиным другому помещику, Зейфорту, а на деде Степанова накопилась значительная недоимка. Поэтому, по словам самого Степанова, эта часть пустоши в 1843 г. «была за долг помещику Зейфорту отобрана им во временное свое распоряжение с тем, однако, чтобы по покрытии долга кортомными деньгами[1] пустошь вновь возвратить», хотя это условие оказалось впоследствии невыполненным после перехода имения к дочери Зейфорта и ее мужу, полковнику Рот. Переменили владельцев и три других участка той же пустоши, каждый в 25 десятин. По словам мирового посредника, владение этой землей «после Феклиста и Артемия досталось по наследству крестьянам Ерофею Егорову, Исааку Яковлеву (в приданое за женой) и Платону Иванову (тоже в приданое за женою), исключая крестьянина Павла Финогенова, который купил свою часть у вдовы Фомы Григорьева, внука Феклистова». Участок одного из первоначальных покупателей, Феклиста, перешел следовательно по наследству к его сыну и затем к внуку, достался впоследствии по завещанию вдове этого внука и был ею, наконец, продан крестьянину другой деревни. Возможно, что покупатель принадлежал уже в это время и другому помещику, потому что только часть имения была продана помещику Зейфорту. Другая часть перешла по купле или по наследству к помещице Трубниковой, которой и принадлежал покупатель участка вдовы. Вследствие отсутствия точных дат этих переходов как частей имения, так и крестьянских покупных участков из рук в руки, остается спорным вопрос о том, имеем ли мы здесь случай мобилизации крестьянской недвижимости за пределы вотчины. Совершенно бесспорным является, однако, это обстоятельство в истории четвертого участка той же пустоши. «Часть же Ивана была продана по смерти сыном его Антропом, вольному хлебопашцу д. Глинницы, Филиппу Авдееву». Это засвидетельствовано и показаниями сына этого вольного хлебопашца, допрошенного мировым посредником. Любопытно, что по словам допрошенного продажа была «совершена от имени помещицы Травиной, но деньги отдавал самому Антропу».[2] Упоминание о Травиной, на ряду с уже известными нам владельцами частей первоначального имения Березина, помещиками Зейфортом, Рот, Трубниковой и ее наследниками, показывает не только размеры раздробления этого первоначального имения, но и беспрепятственную свободу крестьянского владения и распоряжения купленными землями несмотря на смену помещиков. Пестрая картина этой мобилизации крестьянских участков не только внутри вотчинных границ, но и с выходом за их пределы на самом деле была еще пестрее своего документального отражения. Мировой посредник ограничился указанием на переход первоначальных участков двух братьев, Феклиста и Артемья, к двум крестьянам в приданое за их женами и к одному по наследству. Но здесь

---

[1] Т. е. полученными за сдачу пустоши в аренду (кортому).
[2] Указанное дело, л. 229.

упоминаются лишь начальные и конечные моменты истории смены владельцев этих двух участков. Один из этих получивших приданое крестьян, Платон Иванов из д. Новинки, принадлежавшей к моменту реформы полковнице Рот, подал мировому посреднику жалобу, в которой он писал, что «частью пустоши Погорелки, в количестве 25 десятин, взятыми мною в приданое за дочерью крестьянина Павла Михеева, я владел беспрепятственно до весны сего 1864 г., когда она была взята помещиком» (мужем Рот).[1] Упоминание о Павле Михееве показывает, что между первоначальными приобретателями этой части земли и ее последними владельцами к моменту реформы стоял еще ряд других, получавших землю по наследству, по купле, в приданое и т. д. Оба приведенных выше примера показывают, как покупные крестьянские участки переходили из рук в руки на протяжении долгого времени. Их можно было бы дополнить целым рядом документальных свидетельств об отдельных случаях перепродажи. Шесть крестьян тверской деревни Полутьева, расположённой в Калязинском уезде и принадлежавшей тогда Н. Д. Арсеньеву, купили в 1824 г. 186 десятин. Позже эти покупные участки не раз перепродавались, и в числе документальных доказательств этой перепродажи крестьянами упоминается «домашняя купчая, сделанная в вотчинной конторе за печатью оной, из которой видно, что крестьянин д. Полутьева, Поликарп Михайлов, из числа купленной обще с нами земли, продал свой участок крестьянину Василию Осипову и деньги за оную 500 руб. получил».[2]

Неоднократно упоминавшиеся уже «домашние расписки», выдававшиеся в вотчинных конторах или засвидетельствованные вотчинной администрацией, являются неоспоримыми доказательствами дальнейшей мобилизации купленной крестьянами земли. Нет нужды приводить дальнейшие примеры. Покупные земли Крестьян могли дробиться, наследоваться, перепродаваться, поступать в приданое, в уплату не только недоимки помещику, но и долга другим лицам и вообще быть объектом разного рода операций займа, продажи и заклада, свидетельствуя тем самым о свободе крепостных крестьян в распоряжении своей покупной землей.

Почти полной свободой крестьян во внутривотчинном распоряжении своими покупными землями объясняется и возможность для женщин владения землей наравне с мужчинами. В крепостных вотчинах крестьянки принимали участие в барщинной работе своих мужей и иногда облагались как в барщинных, так и в оброчных имениях мелкими натуральными повинностями и сборами по пряденью господской шерсти, пеньки или льна, по собиранию грибов и т. д. Дворовые женщины отпускались иногда на оброк, обычно пониженный. Но в распределении тягловой помещичьей земли женщины не участвовали, тяглом не облагались и земли не получали. Семейные вдовы получали урезанный надел до совер-

[1] Указанное дело, л. 220.
[2] Там же, л. 111.

шеннолетия и обложения тяглом их детей, а при неимении в семье мальчиков наделялись иногда временно небольшими сиротскими или вдовьими участками. Бездетные вдовы и одинокие девушки от пользования помещичьей землей обычно были отстранены. Покупные земли могли, наоборот, наследоваться женщинами, подобно домам и движимому имуществу. Среди крестьян, принадлежавших Юсупову в Ярославской деревне Тетериной, Романо-Борисоглебского уезда, оказались двое владельцев покупной земли, владевших в общей сложности $9^1/_2$ десятинами. Одним из этих владельцев была девушка А. Михайлова. В целом ряде случаев владение крестьянок покупной землей встречается и в других помещичьих имениях. Из числа 22 собственников покупной земли в деревне Тестове Тверского уезда, принадлежавшей помещику Ляпунову, вторым по величине участком владела вдова М. Назарова.[1] Женщины участвовали в приобретении земли, наследовали и завещали ее[2] и т. д. Бывали случаи, когда после умершего крестьянина женские члены семьи совершенно или надолго отстраняли от наследования покупной земли малолетних сыновей умершего и требовалось вмешательство вотчинной администрации для восстановления их прав на наследование.[3]

Разница в порядке пользования крестьянской покупной и помещичьей надельной землей, строго проводившаяся в крепостной вотчине на протяжении иногда более чем столетия, имела своим логическим следствием не только свободу внутривотчинной мобилизации этой земли, но и полную свободу недвижимой крестьянской собственности от обложения оброком и повинностями. Несмотря на принадлежность покупных крестьянских участков помещику, вследствие составления купчих на его имя, и вопреки обычному нашему представлению о его полном и безудержном произволе по отношению к крестьянам, юридически ничем не ограниченном, такие земли оброком и выполнением других повинностей не облагались. Наоборот, владельцы покупных участков, будучи сами крепостными, могли быть обложены земскими сборами, подобно землевладельцам свободных сословий. После введения этих сборов крестьяне, владевшие собственной землей в псковском Афанасьевском имении Юсупова, должны были уплатить за нее земские повинности в размере 3 коп. сер. с десятины в год.[4] Платили крестьяне, конечно, не государственным учреждениям непосредственно, а самому помещику, в общую массу вотчинных земель которого входили и собственные участки крестьян. Но

[1] Л. О. Ц. И. А., арх. б. мин. вн. дел, зем. отд., 5-е делопр., дело № 103., л. л. 15—16.

[2] Л. О. Ц. И. А., арх. б. мин. вн. дел, зем. отд., 5-е делопр. Опись № 8, дело № 76 О праве собственности крестьян на земли, купленные ими в прежнее время на имя помещиков по Тверской губ., л. 42.

[3] Л. О. Ц. И. А., арх. б. мин. вн. дел, зем. отд., 5-е делопр., дело № 102 По спору крестьян Тверской губ. Вышневолоцкого у. с помещиком Сназиным-Тормозовым о земле.

[4] М. О. Ц. И. А., вотч. арх. Юсуповых. Дела Афанасьевского правления за 1860-е годы; Журнал Афан. правления за 1860 г., донесение № 50 от 12 июня.

этими ничтожными сборами поземельные повинности крестьян-землевладельцев и ограничивались. Мало того, в других имениях Юсупова они не уплачивали, повидимому, и этого сбора, а в псковском уплатили его лишь задним числом в 1860 году за 10 лет назад, когда княжеская администрация спохватилась, что до тех пор и эти сборы уплачивались не самими собственниками покупной земли, а всем миром. Вдобавок этот земский поземельный сбор был введен лишь лет за десять до реформы. В то же время крестьяне-собственники, очень многочисленные в Афанасьевской вотчине, совершенно не уплачивали оброка со своих очень значительных участков.[1]

Такие же порядки полной свободы покупных крестьянских земель от всякого рода помещичьих повинностей, вовсе не будучи местной особенностью псковского имения, существовали и в других вотчинах Юсупова. Приводя в 1862 г. сведения о количестве покупной крестьянской земли в некоторых из юсуповских имений, один из высших представителей вотчинной администрации указывал относительно ярославских, нижегородских, рязанских и калужских имений, что «земли эти куплены на имя прабабки, деда и родителя кн. Николая Борисовича. Крестьяне пользовались ими, как полной собственностью, отказывали по домашним духовным завещаниям, продавали друг другу и никаких платежей и повинностей помещику за них не платили».[2] Полная свобода покупных крестьянских земель от оброчного обложения, общая для всех многочисленных владений Юсупова, не была исключением среди вотчин и других помещиков. Наоборот, все эти черты землевладения крепостных крестьян были общим правилом в любой крепостной вотчине. Нет, конечно, правила без исключений. В том же Опочецком уезде, недалеко от Афанасьевского имения Юсуповых, находилось имение генеральши Мейер, в котором среди крестьян д. д. Маковейцева, Спирова и Борискова было несколько собственников крупных покупных участков земли. В момент реформы число таких собственников достигало 2 человек в первой из этих деревень, 7 — во второй и 1 — в третьей, т. е. только 12 человек[3] (один из них был, вдобавок, отставной солдат), но вся площадь их покупной земли равнялась 712½ десятинам.[4] Главным собственником среди этой группы крестьян был Михаил Трофимов. Его отец купил еще в 1801 г. на имя тогдашнего владельца имения ген.-майора А. В. Ададурова у помещицы Х. Торбеевой сельцо Маковейцево с 206¾ дес. земли. Сам Трофимов в 1821 г. был главным пайщиком в групповом товариществе нескольких крестьян, купившем у вдовы шт.-капитана М. В. Елагиной в пу-

---

[1] М. О. Ц. И. А., вотч. арх. Юсуповых. Дела Афанасьевского правления; обзор Псковского имения, 27 окт. 1862 г.

[2] М. О. Ц. И. А., арх. Юсуповых. Дела Афанасьевского правления за 60-е гг., записка о количестве покупных крестьянских земель.

[3] Л. О. Ц. И. А., арх. б. мин. вн. дел, зем. отд., 5-е делопр., дело № 115, л. 1.

[4] Там же, л. 16.

стошах Исакове (Старове тож) и Борискове $505^3/_4$ десятин.[1] В 1854 г. вдова Мейера вопреки обещаниям своего мужа и своим отняла землю у крестьян и «во владении им отказала; первоначально переводом на означенные их пустоши своих крестьян из других деревень, а потом обложением господскими повинностями наравне с прочими крестьянами» по 30 р. сер. с каждого тягла. Характерно выражение крестьян, пострадавших от этого захвата земли, что помещица «решилась» в 1854 г. отнять их земли, хотя они «владели ими бесспорно с незапамятных времен».[2] Поступок помещицы показывает, что неприкосновенность крестьянской недвижимой собственности могла быть всегда нарушена, но предыдущая история имения доказывает редкость таких нарушений. Мейер купил имение в 1845 г. и лишь через 8 или 9 лет после его смерти новая владелица отобрала крестьянские земли, а с 1801 г. имение переходило по покупке от Ададурова последовательно к Жеребцову, Карауловой и, наконец, к Мейеру. По словам самих крестьян, при всех этих сменах владельцев крестьяне «владели означенным сельцом и пустошами на правах полной собственности, как землями, приобретенными на наши собственные деньги, без всякого препятствия со стороны владельцев, причем за эти земли мы не несли в пользу владельцев никаких повинностей».[3]

Подавляющее большинство имеющихся документальных данных свидетельствует о том, что нарушение свободы крестьянской недвижимости от оброков и повинностей было, как и в данном случае, довольно редким исключением. В Порховском уезде той же Псковской губернии, в принадлежавшей помещице Устиновской д. Любитове несколько крестьян владели 30 дес. земли, купленной ими в начале 20-х годов XIX века у помещицы А. А. Турчаниновой. Владельцем имения был в то время первый муж Устиновской, Ф. П. Лупандин. По словам губернского правления крестьяне вплоть до реформы сохраняли «постоянное владение пустошью по настоящее время без платежа за нее особого оброка, кроме тяглового за господскую землю».[4] Эта свобода от обложения покупных земель соблюдалась во всем быте любитовских крестьян. Когда, например, умер один из совладельцев покупной пустоши Кузнецовой, Прокофьев, имевший на свою долю 8 десятин и оставивший после себя двух родственниц, то «принявший их к себе в дом крестьянин Павел Петров стал пользоваться доставшеюся им после Петрова частью кузнецовской земли без всякого за оную платежа помещице, между тем как бывший у Прокофьева участок мирской земли поступил в пользование крестьян той же деревни, а именно под тягло Мих. Петрова, который вступил даже и в дом покойного». Свобода от обложения объяснялась, разумеется, немалым количеством покупной земли в д. Любитове. В Старорус-

[1] Л. О. Ц. И. А., арх. б. мин. вн. дел., зем. отд., 5-е делопр., дело № 115, л. 47.
[2] Там же, л. л. 16 и 1.
[3] Там же, л. 47.
[4] Л. О. Ц. И. А., арх. б. мин. вн. дел, зем. отд., 5-е делопр., дело № 81, л. 1.

ском уезде соседней Новгородской губ. находилась крупная вотчина, делившаяся на три имения или группы деревень: Налючское из 13 селений, Кузьминское из 7 и Ложинское из 5,[1] плативших при крепостном праве по 23 руб. оброка с каждого из 765½ тягол (по данным 1839 г.).[2] В 1820 г. имение было приобретено графиней Стройновской, по второму мужу Зуровой. Выше уже упоминалось, что у крестьян Налючского имения имелось своих покупных земель свыше 1000 дес. лугов и 1400 дес. леса. Эту лесную дачу крестьяне приобрели в 1835 г.,[3] а пожнями владели, начиная со времени приобретения первой их части в 1777 г.[4] Трудно было бы не заметить такое обширное пространство покосных и лесных угодий, тем более, что лес был приобретен у самой же Стройновской.[5] Между тем, несмотря на многократный переход имения от одного владельца к другому со времени приобретения первых пожней в 1777 г. крестьяне этими землями «владели на праве полной собственности, не платя г-же Зуровой никаких повинностей».[6] Поэтому и на раскладку общей суммы оброка между всеми тремя частями имения принадлежность пожень лишь крестьянам 13 из всех 25 селений вотчины никакого влияния не оказывало. Эти пожни были вне учета при раскладке как помещичьего оброка, так и мирских сборов, хотя пользование землей в крепостной деревне строго соответствовало платежной раскладке. «Кузьминское имение и Ложинское платили одинаковый оброк с Налючским, но пожнями отнюдь не пользовались, а покупали их у нас, Налючских»,[7] утверждали крестьяне в споре с помещицей о своем праве владения.

Исключение покупных крестьянских земель из платежного тяглового обложения, наблюдаемое нами в псковских или новгородских имениях, соблюдалось и в других областях крепостной России. Оно было общим правилом в помещичьих имениях Тверской губернии. В принадлежавшей помещице Н. А. Толстой деревне Едимоновой Слободке, Тверского у., покупные крестьянские участки по свидетельству местных властей «находились постоянно в исключительном пользовании означенных крестьян без взимания с них излишнего против других оброка», причем сама помещица, в отличие от большинства своих собратий, считала «это пользование полным доказательством справедливости иска крестьян» относительно признания этих земель их собственностью.[8] В имении Шмакова, Кашинского у., 27 собственников-крестьян д. Ширятинской Горки платили помещичий оброк на ряду

[1] Л. О. Ц. И. А., арх. б. мин. вн. дел, зем. отд., 5-е делопр., дело № 53 лл. 6 и 10.
[2] Там же, л. 4 и 10.
[3] Там же, л.л. 2—3.
[4] Там же, л. 26.
[5] Там же, л. 37.
[6] Там же, л. 32.
[7] Там же, л. 10.
[8] Л. О. Ц. И. А., арх. б. мин. вн. дел, зем. отд. 5-е делопр., дело № 51 «О порядке совершения актов на земли, купленные крестьянами», л. 35.

и наравне со всеми другими односельчанами, а своей землей владели также не поровну, а пропорционально своим долям участия в покупке. По словам губернского правления «повинность помещику крестьянами Ширятинской Горки уплачивается всеми одинаковая, несмотря на различное количество находящейся у них во владении земли».[1] Крестьяне д. Полутьева, Калязинского уезда, принадлежавшей сначала Н. Д. Арсеньеву, проданной затем в конце 40-х годов местной же помещице О. М. Салтыковой и унаследованной ее сыном И. Е. Салтыковым, купили в 1824 г. у купца С. И. Костромина 186 дес. в 4 пустошах, расположенных в том же уезде. Покупка была совершена, повидимому, 6 дворами, но позже земля свободно перепродавалась другим крестьянам и они владели ею «как собственностью». Несмотря на смену владельцев имения крестьяне вплоть до реформы, по их словам, «владели не по тяглам купленною землею, а отдельно по участкам и не платили за них помещику ничего».[2] Пять крестьян д. Больших Лядинок Старицкого уезда купили в начале XIX в. или еще раньше в двух пустошах у помещика Хомутова 44 дес. сенокоса и 12 дес. пашни. В то время деревня принадлежала Глебову, затем переходила последовательно к Тутолмину и Аничковой, а в 1859 г. была приобретена помещицей Егоровой с публичного торга. Когда именно были куплены крестьянами их участки, ни они сами, ни соседние крестьяне за давностью не помнили. До момента реформы сменились 4 владельца имения. Продажа с аукциона свидетельствует, вероятно, о денежных затруднениях Аничковой. Тем не менее, по собранным мировым посредником сведениям, «землею этою крестьяне владели при гг. Тутолмине и Аничковой и до сих пор владеют при гг. Егоровых, как собственностью, в доказательство чего приводят свидетельство посторонних крестьян и объясняют, что за ту землю они не платили никакого оброка и не отправляли никаких повинностей ни прежним, ни теперешним их помещикам. Сверх же собственной земли пользовались помещичьею землею наравне с другими крестьянами за установленные повинности, и помещики за ту землю 56 дес. никогда оброка с них не требовали».[3] В принадлежавших сначала Александровой, а затем с 1858 г. Шубинскому деревнях Рославлине и Турове Весьегонского у. 36 дворохозяев владели 266½ дес. покупной земли, приобретавшейся с 1777 года.[4] Вплоть до 1861 г. крестьяне «владели за Александровым восемьдесят пять лет беспрекословно», и по словам официального дознания «повинность помещику крестьянами дд. Рославлина и Турова уплачивалась всеми одинаковая, несмотря на различное количество находящейся у них во владении земли».[5] В том же уезде д. Пуршиха принадлежала в начале XIX в. Корне-

[1] Л. О. Ц. И. А., арх. б. мин. вн. дел, зем. отд., 5-е делопр. Цитированное дело о праве собственн. тверск. крестьян на купленные при креп. праве земли.
[2] Там же, л. 111.
[3] Там же, л. 239.
[4] Л. О. Ц. И. А., арх. б. мин. вн. дел, зем. отд., 5-е делопр., дело № 71, л. 39.
[5] Там же, л. 14.

еву, в 30-х годах перешла к его племяннику В. А. Эханову, была продана им лет через двадцать Н. И. Языкову, а тот перепродал ее незадолго до реформы О. С. Голеновскому. Некоторые из крестьян этой переходившей из рук в руки деревни владели, повидимому, приблизительно 227 дес. покупной земли, а между тем «повинность помещику крестьянами д. Пуршихи уплачивалась всеми одинаковая, несмотря на различное количество находящейся у них во владении земли».[1]

Другие губернии не отличались в этом отношении от Тверской. В момент реформы 1861 г. среди крестьян в имении Смирнова, Клинского у. Московской губ., было 16 дворов в д. Подойстр и 14 в Малеевке, владевших 128 десятинами в двух пустошах. Крестьяне приобрели эту землю еще при прежней владелице имения, А. П. Петрово-Соловово, 1787 или 1794 г. и в 1820 г.[2] «Со времени покупки той земли пользовались оною прадеды наши, как покупщики и приобретатели, так ровно и мы, после них наследники, по паям без всякой платы за оную и без участия во владении прочих крестьян вотчины нашей, не вошедших в участие покупки той земли», — писали крестьяне в 60-х годах.[3]

В с. Никольском, Скопинского у. Рязанской губернии, отец крестьянина Зуева купил в 1824 г. в Данковском уезде 12½ дес. на имя своего помещика Кушникова. Покупатель и с 1843 г. его сын пользовались ею до 1861 г. «сверх тягольного надела и не платя за оную никакой особой повинности»,[4] хотя имение за это время перешло к дочери этого помещика, генеральше Сипягиной, от нее к ее сыну и, наконец, к малолетним внукам, при которых имением управлял их опекун, ген. Бибиков. Небольшой клочок земли одного крестьянина и вдобавок в другом уезде мог остаться незамеченным, но трудно было не заметить 1800 дес., принадлежавших крестьянам трех деревень Двоенского имения дочерей П. А. Новосильцова в Егорьевском у. той же Рязанской губернии, которые тоже по словам крестьян «никогда в распоряжении господском не находились и оброком не облагались, что видно из приказов».[5]

Документальный и неопровержимый материал убеждает нас за редкими исключениями в свободе покупных крестьянских земель от обложения какими-либо повинностями в пользу помещика. Но до сих пор мы говорили о ненаселенных землях крестьян, тогда как нередко помещичьи крестьяне владели и целыми небольшими и даже большими имениями с десятками и сотнями своих собственных крестьян. Случаи конкретного изучения такого рода владений почти не встречаются в литературе, посвященной крепостной эпохе. Крайне редки даже беглые упоминания о них, но еще Гакст-

---

[1] Л. О. Ц. И. А., арх. б. мин. вн. дел., зем. отд., 5-е делопр., № 71, лл. 16 и 18—26.

[2] Л. О. Ц. И. А., арх. б. мин. вн. дел, зем. отд., 5-е делопр., дело № 58, лл. 1 и 37.

[3] Там же, л. 21.

[4] Л. О. Ц. И. А., арх. б. мин. вн. дел, зем. отд., 5-е делопр., дело 1863—70 г.г. По спору кр. Рязанской губ. П. Зуева с помещ. Сипягиным о земле.

[5] Л. О. Ц. И. А., арх. б. мин. вн. дел, зем. отд., 5-е делопр., дело № 60, л. 63.

гаузен не без изумления отмечал, что в воронежском имении Шереметьева, слободе Алексеевке с прилегающими к ней многочисленными хуторами не только крестьяне, имевшие вообще покупные земли, но и крепостные владельцы приобретенных ими на свой счет целых имений с 600 — 700 душами населения не платили Шереметьеву оброка с этих покупных земель. По словам Гакстгаузена, Шереметьев этим крепостным помещикам в их владении «нимало не препятствует и не увеличивает с них поборов сравнительно с другими своими крепостными».[1] Такие же порядки господствовали, повидимому, и в других шереметьевских вотчинах. Упоминавшийся уже Н. Сеземов, крепостной из подмосковного имения Шереметьева, получал с приобретенного им в 1777 костромского с. Богородского, насчитывавшего 429 м. р. д., по 3 р. 50 коп. оброка с души, т. е. не менее и даже более получавшегося самим Шереметьевым и другими помещиками с их костромских крестьян.[2] В следующем десятилетии оброк был увеличен до 5 р. 25 коп. с каждой из 455 м. р. д. (по 4-й рев).[3] Сеземов исправно получал этот оброк даже тогда, когда он за недоимки казне по винным откупам сидел в тюрьме и затем был сослан правительством в Оренбург. Любопытно, что для этого вдвойне бесправного крепостного буржуа оброк с села Богородского собирался и пересылался самой шереметьевской администрацией.[4] Право на получение доходов с купленного имения сопровождалось и правом наследования. В «указе», выданном Сеземову по поводу покупки им Богородского имения, Шереметьев прямо писал: «покупным тобою на мое имя... недвижимым имением (таким-то) тебе и установленым по тебе наследникам владеть дозволяю, чего ради для владения и дан сей указ».[5] Действительно, Шереметьев велел исполнить духовное завещание, составленное Сеземовым, а вдова Сеземова вплоть до ее смерти в 1808 г. продолжала получать полностью доход с с. Богородского и владеть московским каменным домом ее покойного мужа.[6]

Право крестьян, владевших собственными недвижимостями, перепродавать их друг другу также распространялось и на их населенные имения. В 1821 г. Гарелина, вдова богатого крепостного крестьянина и фабриканта из шереметьевского села Иванова, продала своему деверю доставшиеся ей по духовному завещанию ее мужа и унаследованные им в свою очередь от его отца фабрику и сельцо Спасское со всеми крестьянами, пашнями, лесами и покосами за 8000 руб.[7] Передавали по духовным завещаниям своему потомству приобретенные ими земли и населенные имения также

---

[1] Haxthausen, Studien über die innern Zustände Russlands. 1847 г. T. II, стр. 72.

[2] Семевский В. И., Крестьяне в царствование Екатерины II, т. I, 1903 г., стр. 346 — 353.

[3] Там же, стр. 353.

[4] Там же, стр. 352.

[5] Там же, стр. 341.

[6] Там же, стр. 354.

[7] Там же, стр. 356.

Грачевы, крепостные фабриканты того же села Иванова,[1] не платя помещику, повидимому, никаких особых сборов с этих своих деревень. Правда, сумма оброка, уплачивавшаяся такими богатыми шереметьевскими крестьянами, была несравненно выше доли платежей других крестьян, но богатая вотчинная верхушка крепостного крестьянства всегда платила помещикам больше своих односельчан уже в силу внутривотчинной раскладки оброка самими крестьянами. История шереметьевских вотчин еще не исследована. Несомненно, что в первом десятилетии XIX в. в Ивановской вотчине, где жили эти богатые крепостные фабриканты, взимался с них особый сбор за всех «покупных крестьянами работников»,[2] но это могло касаться лишь тех из купленных шереметьевскими крепостными крестьян, которые были превращены в фабричных рабочих, или же это обложение производилось только в пределах Ивановской вотчины (Шуйского и Ковровского уездов), изобиловавшей особенно богатыми крестьянами. В. И. Семевский склонен считать постановление об этом сборе относящимся к «правилам владения отдельными лицами», а не к целым населенным имениям крепостных богачей.[3] Приводимые Гакстгаузеном и самим Семевским сведения как будто подтверждают такое заключение. В имениях других помещиков господствовала также свобода населенных имений крепостных землевладельцев от всяких особых с них сборов в пользу помещика. В той же Владимирской губернии и уезде было имение кн. Салтыковых, образовавшее после реформы Черкутинскую волость. В числе крестьян этой вотчины было, повидимому, немало владельцев покупной земли,[4] в том числе и населенных имений. Крестьянин В. Л. Швалев приобрел в 1799 г. в Покровском у. за 3070 р. асс. у кап.-лейт. флота С. Н. Рагозина в д. Нажаровой 143 дес. земли и леса с 12 м. р. д., а его брат, И. Л. Швалев, купил в 1804 г. у мелких чиновников бр. Понцовых за 5650 р. асс. в том же уезде д. Погорелицы с 26 м. р. д. и 160 дес. земли.[5]

«Управление имением и получение дохода за пользование крестьянами купленной родителями нашими землей, — писали в своем прошении сыновья Швалевых, — зависело от наших родителей,

[1] Записки ист.-быт. отд. гос. русского музея. Т. I. Статья А. А. Степанова «Крестьяне фабриканты Грачевы».

[2] Семевский В. И., Крестьяне в царствование Екатерины II, П. 1903, т. I, стр. 339.

[3] Там же, стр. 340.

[4] Л. О. Ц. И. А., арх. б. мин. вн. дел, зем. отд., 5-е делопр. Дело № 109, л. 39. В деле упоминается о выдаче нотариусом после реформы 23 крестьянам шести деревень документов на владение землями, купленными ими еще в крепостную эпоху и утвержденными за ними владимирским губернским присутствием. Размеры этих участков колеблются от $2^1/_2$ до $15^3/_4$ десятин, а всей покупной земли у них было $128^1/_2$ десятин. Владение такой же покупной землей было утверждено также за 13 крестьянами еще одной деревни. Этими 36 крестьянами список собственников, вероятно, не исчерпывается. Кроме того, здесь указаны лишь те из крестьян, чье право владения было до очевидности бесспорно, потому что дело о них было решено местными, а не центральными властями.

[5] Там же, лл. 1 и 61.

независимо от помещика, и полученный доход поступал в пользу их и нашу, что и продолжалось до 1830 г.». [1] За это время доходы Швалевых от их имения достигли, между тем, довольно значительной суммы в 37 892 руб асс. по подсчету самих Швалевых и вотчинной конторы. [2] Поступление имения в управление особой устроенной правительством комиссии по делам фельдмаршала А. Д. Салтыкова оказалось фатальным для Швалевых. Их «имения» вместе с крестьянами были отобраны, земли причислены к помещичьим землям, а крестьяне после смерти Салтыкова поступили в раздел между его внуком и еще одним наследником. Свои убытки от потери имения Швалевы исчисляли за 1830—54 годы в 13 000 руб. сер. Когда управление имением снова перешло к этому внуку, он в приказе 1854 г. предписал вернуть Швалевым землю и лес, выдать им из оброчных сумм по 750 руб. сер. и пожизненно освободить их и их семьи от «господских мелких работ» и общественной запашки. [3] Им были еще зачтены 3 рекрутских квитанции в пользу их семейств и сложены с них 1200 р. асс., взимавшихся миром вместо отправления рекрутской повинности «натурой». Кроме того, по условию со Швалевым, Салтыков купил у них пустошь Синцову за 900 руб. [4] Швалевы не считали все это вознаграждение достаточной компенсацией за потерю как крестьян, так и доходов в течение 1830—54 г.г. и возбудили после реформы ходатайство о взыскании с Салтыкова в их пользу 13 000 р. сер. и признании их прав владения на 76 дес. земли и леса. Министерство вн. дел постановило укрепить за ними лишь 24 дес. пашни и лугов. В денежном иске Швалевым было отказано на том основании, что общая сумма извлеченных ими из имения выгод равнялась по подсчету министерства 44 342 р. асс. или 12 669 р. 49 коп. сер. и это было по мнению министерства достаточной компенсацией за расходы по приобретению населенного имения, владеть которым крепостные не имели права. Необходимо, впрочем, заметить, что один из Швалевых, подававших жалобу на Салтыкова после реформы, сам отказался от требования 13 000 р., считая, что эти деньги были «все получены». [5]

III. СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ПРИОБРЕТАТЕЛЕЙ ЗЕМЛИ И РАЗМЕРЫ КРЕСТЬЯНСКОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ.

До сих пор мы стремились выяснить формы приобретения крепостными крестьянами собственной их покупной земли, отношение помещиков к этому крестьянскому землевладению и положение покупных земель в хозяйственном укладе вотчинной жизни. Попробуем теперь несколько осветить вопрос о социальном составе

[1] Л. О. Ц. И. А., арх. б. мин. вн. дел., зем. отд., 5-е делопр., дело № 109, л. 1.
[2] Там же, л. 8.
[3] Там же, л. 1. и 8.
[4] Там же, л. 24.
[5] Там же, л. 43.

покупателей такой земли, о принадлежности их к той или иной внутриклассовой группе крепостного крестьянства.

Выяснение социального уровня групп отдельных представителей населения крепостной деревни требует преодоления очень больших и часто неразрешимых затруднений. В применении к определению состава покупателей земли из среды крепостных решение вопроса указывается прежде всего размерами самих приобретенных участков. Но возможность найти сведения одновременно о числе покупателей, величине площади купленной земли и относительной величине пая каждого из участников покупки встречается очень редко в тех документальных данных, обнаружение которых нам было доступно. Труднее всего произвести такого рода детальный анализ как в случаях приобретения земли паевыми товариществами, когда формула «такой-то с товарищи» обычно заменяет все нужные нам сведения, так и при общем подсчете числа и размера покупных участков той или другой вотчины в момент окончания крепостной эпохи, когда соответствующие данные ограничиваются чаще всего общими цифрами числа крестьян-собственников и величины всей принадлежавшей им площади покупной земли. Эти затруднения не исчерпывают всех трудностей. При покупках земли товариществом указание размеров доли каждого из его членов, если бы даже такое указание и встречалось в документальных данных, не дает еще представления об окончательном итоге возможного ряда подобных покупок, участвовать в которых могли полностью или частью все те же лица. Даже в случаях единоличного приобретения земли размеры покупаемого участка не всегда могут быть показательны для определения социального лица покупателя. Известный уже нам богатый крепостной фабрикант Грачев на протяжении второй половины XVIII в. «постепенно сосредоточивает в своих руках громадные территории в окрестностях Иванова (расстоянием от 1 до 20 верст от села)». Но мы очень ошиблись бы, взяв некоторые из совершавшихся Грачевым покупок земли за исходный пункт для суждения о самом Грачеве. «Характер этих приобретений очень разнообразен: иной раз покупается сразу до 400 десятин, иногда — всего несколько десятин или менее десятины; поэтому в известных нам случаях очень различны и суммы, истраченные на покупку: от нескольких тысяч до нескольких десятков рублей».[1] Многие из мелких крестьянских покупок земли, встречающиеся в документальных о них свидетельствах, могли быть на самом деле сделаны состоятельными и даже богатыми дворохозяевами.

Легче всего, конечно, социальная значимость крестьянина, покупавшего землю, выявляется в случае приобретения крупных земельных участков, целых небольших и иногда даже больших имений с сотнями и тысячами десятин земли и нередко с десятками и сотнями населявших эту землю крестьян. Социальное положе-

---

[1] «Записки ист.-быт. отдела гос. рус. музея», том I, статья А. А. Степанова, стр. 230.

ние целого ряда покупавших землю крепостных фабрикантов, торговцев, лесопромышленников и винных откупщиков не нуждается в выяснении. Но именно эта высокая степень имущественной обеспеченности высшего слоя крепостного крестьянства, все еще кажущаяся необычной не только читателю, но и исследователю, придает большим и нередко громадным покупкам земли такими крестьянами характер некоторой исключительности, своего рода анекдотической экзотичности. Оттенок такой исключительности в значительной степени объясняется и отрывочной редкостью небольшого количества сведений о покупной земле крепостных крестьян, имеющегося в исторической литературе. С точки зрения изучения социального быта и экономической жизни крепостной деревни гораздо ценнее поэтому немногие, но более систематические сведения о менее крупных, но именно поэтому более распространенных случаях приобретения крепостными собственной земли. Взамен яркой исключительности музейного раритета они придают наблюдаемому нами явлению более обычную и именно поэтому более ценную окраску будничной повседневности.

В этом отношении весьма любопытен пример принадлежавшего кн. Юсупову с. Безводного в Нижегородском уезде, насчитывавшего по 9-й ревизии 1850 г. 917 м. р. д. населения (не считая 69 лишь приписанных к Безводному дворовых).[1] В момент составления подворной описи, т. е. в конце 1851 г., численность населения указана равной 974 мужчин и 1156 женщин. Безводное разделялось на две части или слободы: Верхнюю, или Нагорную, и Нижнюю, или Подгорную. Преимущественно промысловое, рыбацкое, торговое, кустарное и т. п. население Нижней слободы в большинстве своем не имело даже скота. Население Верхней слободы, насчитывавшее в феврале 1852 г. 470 м. и 537 ж. наличных душ, наряду с кустарным изготовлением проволоки и рыболовных принадлежностей из нее, торговлей и судовой волжской работой занималось и земледелием, хотя значительная часть жителей и этой части Безводного почти или вовсе не имела запашки. Мы уже имели случай обрисовать оживленный торгово-промышленный быт этого села с сильным и четким социальным расслоением, с целым рядом крупных воротил из числа местных крестьян и с резким преобладанием всякого рода иных экономических интересов над чисто земледельческими.[2] Безводное менее всего может казаться примером распространенности владения покупной землей среди крепостного крестьянства. Тем не менее подворная опись 1852 г. именно по этому селу отличается одной любопытной подробностью, совершенно отсутствующей за одним исключением в нескольких десятках других известных нам подворных описей, в том числе и по вотчинам Юсуповых. Она точно перечисляет всех дворохозяев, владевших покупной землей. В сведениях о

[1] М. О. Ц. И. А., вотчинный архив Юсуповых. Подворная опись с. Безводного.

[2] «Звезда», 1926 г. № 2. Кашин В., Экономический быт и социальное расслоение крепостной деревни в XIX веке, стр. 176 — 187.

Нижней слободе не встречается ни одного упоминания о наличии такой земли. Возможно, что у некоторых дворохозяев этой слободы имелись покупные участки, но подворная опись, составленная по двум слободам отдельно, совершенно опускает графу «купленной пахотной земли» для Нижней слободы, и, наоборот, вводит ее для Верхней слободы. Наличие такой земли у жителей Нижней слободы могло быть, следовательно, лишь исключением, не заслуживавшим особой регистрации. В Верхней слободе дело обстояло совершенно иначе. Среди почти или совсем забросивших земледелие дворохозяев этой части Безводного ни разу не встречается наличие покупной земли. Среди продолжавших заниматься земледелием опись отмечает владение такой землей у 65 дворохозяев. Вотчинная переписка по с. Безводному не дает указаний на время и формы приобретения этой земли, но размеры покупных участков отдельных дворохозяев точно указаны в самой описи. Размеры эти значительно разнятся. В одном случае участок покупной земли равнялся всего лишь $^1/_4$ дес. в одном единственном поле, а в другом случае двор располагал 12 десятинами, по 4 в каждом из трех полей. Но 12 десятин имел лишь один двор, еще один владел 9 десятинами, семь дворов по 6 дес. и два двора по $4^1/_2$ дес. Таким образом, лишь 11 из 65 дворов имели более чем по 3 дес. Еще 13 дворов владели по 3 дес., а покупные участки остальных 41 двора не превышали $1^1/_2$ дес. Из них 31 участок был по $1^1/_2$ дес., 3 по 1 дес., 6 всего лишь по $^3/_4$ дес. и один только $^1/_4$ дес. 66,6% или две трети всех этих 65 дворохозяев имели всего лишь от $1^1/_2$ до 3 дес. покупной земли, а около 15% и того меньше. Потребительский характер такого землевладения вряд ли требует доказательств.

Массовое владение такими же мелкими клочками покупной земли встречается и в других известных нам случаях, где документальные данные позволяют произвести подобный подсчет. В тех 13 деревнях Ширяевской вотчины Гжатского уезда Смоленской губернии, которые принадлежали Орлову, одному из трех ее совладельцев, и образовали после реформы Чальскую волость, около или даже немного больше половины [1] крестьян владели покупными участками. Составленное самими крестьянами и относящееся к годам реформы «сведение» об этих участках насчитывает 277 дворохозяев, обладавших такими землями. [2] Разница в размерах этих участков была очень значительна, от $^1/_2$ до 43 десятин. Но собственников клочков в полдесятины было 8, а владелец 43 десятин был лишь один. Из всех этих 277 дворохозяев 52 человека владели участками от $^1/_2$ до $1^1/_2$ десятин, а 99 человек от 2 до 4 дес. Обе эти группы составляли 54,5% всех крестьян собственников. 102 человека или 36,8% имели каждый от 5 до 10 дес. покупной земли, 12 человек или 4,3% каждый от 11 до 15 дес., 9 человек или

---

[1] Л. О. Ц. И. А., арх. б. мин. вн. дел, зем. отд., 5-е делопр., дело № 78 По спору крестьян разных деревень Гжатского у. Смоленской губ. с помещиками Орловым, Орловою и Бистром о земле, л. 83.

[2] Там же, лл. 127 — 138.

3,3% от 16 до 20 и 3 человека или 1,1% свыше 20 десятин каждый. Менее 5 дес. имели, следовательно, 54,5% всех собственников, а свыше 15 десятин лишь 4,4%.

В небольшой деревне Тестовой, расположенной в Тверском уезде и принадлежавшей помещику Ляпунову, часть крестьян приобрела при их прежних владельцах, братьях А. и К. Афросимовых, $64^{1}/_{8}$ дес. в д. Бочарниковой от помещика Ф. И. Исаева и $22^{3}/_{4}$ дес. в пустоши Витолиной от помещика В. Ф. Давыдова. [1] Эти 87 десятин находились затем в беспрепятственном владении купивших их крестьян, без участия остальных односельчан. Накануне реформы количество собственников, имевших свои доли в покупной земле, достигало 22 человек. Размеры этих участков разнились от двух клочков Ивана Тимофеева, вместе не превышавших 2 дес. 312 саж., до участка Афиногена Данилова в 17 дес. 528 саж. [2] Почти все эти крестьяне владели участками менее 15 дес.

Отрывочные сведения по другим вотчинам не дают возможности установить общую картину распределения покупной земли между ее собственниками. Но эти сведения изобилуют данными о наличии на ряду с крупными участками в десятки и сотни десятин также и очень мелких, подобных только что указанным клочкам земли. В имении кн. Салтыкова, образовавшем после реформы Черкутинскую волость Владимирского уезда, встречались в дореформенное время крестьяне, владевшие целыми небольшими населенными имениями. [3] На ряду с ними были и собственники мелких участков. К моменту реформы 23 человека из числа крестьян шести деревень, за которыми губернские власти утвердили позже их покупные земли, владели участками от $2^{1}/_{2}$ дес. до 15 дес. 2109 саж. [4] Пять человек имели каждый по $2^{1}/_{2}$ дес., двенадцать от $3^{1}/_{2}$ до $5^{3}/_{4}$ дес., трое от 8 до $8^{1}/_{2}$ дес. и только трое других от 11 до $15^{4}/_{5}$ дес. Из этих 23 собственников покупной земли 17 человек имели участки от $2^{1}/_{2}$ до $5^{3}/_{4}$ десятин. В сведениях о разного рода домашних расписках и купчих, завещаниях и долговых письмах крестьян различных имений упоминается иногда о залоге полуторых десятин, завещании одной десятины, продаже двух десятин и т. д.

Очень значительная разница в размере участков собственной земли разных дворохозяев существовала и в ряде других известных нам имений. В имении Рославльского у. Смоленской губ., принадлежавшем накануне реформы Плескачевским, среди крестьян были владельцы самых разнообразных по величине участков покупной земли. Сами крестьяне писали в 1863 г., что среди них «есть дворы на 8 душах с 3 тяглами, владеют 10 десятинами», но есть и «другие дворы, — при одном тягле с 3 душами владеют 48 десяти-

---

[1] Л. О. Ц. И. А., арх. б. мин. вн. дел, зем. отд., 5-е делопр., дело № 103, л. 4.

[2] Там же, лл. 15—16.

[3] Арх. мин. вн. дел, зем. отд., 5-е делопр., дело № 109 По спору крестьян Владим. губ. и уезда д. Волковой Ив. и Сем. Швалевых с кн. Салтыковым о земле, л. I.

[4] То же дело, л. 39.

нами».[1] В имении Вышневолоцкого уезда тверского помещика П. И. Сназина-Тормосова было много крестьян, владевших покупной землей. Сведений о распределении между ними владения всей этой землей в нашем распоряжении не имеется, но из отрывочных данных можно, напр., видеть, что $87^1/_3$ десятинами покупной земли в двух пустошах крестьяне владели очень неравномерно, от 1 д. 340 саж. до 12 дес. 1000 саж. Из числа собственников имели владение в этих пустошах 23 человека. У двоих из них было по $1^1/_4$ — $1^1/_2$ дес., у 8 человек по 2 — $2^1/_2$ дес., у 7 по $3^1/_4$ — $3^1/_2$, у 4 по $4^1/_2$ дес. и лишь у двух по $11^1/_2$ — $12^1/_2$ десятин.[2] На ряду с этими участками упоминаются и 4 других общей сложностью в 75 дес. в 5 других пустошах.[3] Эти сведения не дают, конечно, понятия о всех 3077 дес. покупной земли, принадлежавшей некоторым из крестьян этого имения в 41 пустоши,[4] но вероятно, и остальная земля делилась на такие же разнообразные по величине участки, достигавшие и гораздо более крупных размеров. Крестьянка А. Артемьева владела, напр., всей пустошью Бабаевой в 42 дес., унаследовав ее в 1825 г. от своего дяди.[5] Среди 571 м. р. д. крепостных крестьян Вакинского имения гр. С. Д. Толстой, находившегося в Зарайском у. Рязанской губ., большинство владело покупной землей. По сведениям мирового посредника у всех этих собственников «было $441^1/_2$ дес. собственной земли, купленной в разное время ими и предками их на имя владельцев и состоящей до настоящего времени в их отдельном, постоянном владении. Число крестьян собственников весьма велико. Самые значительные участки состоят из 12, 13 15 дес. а малые доходят до $^1/_2$ дес., $^1/_4$ дес. и даже $^1/_8$ дес.».[6]

Мы видели уже, что в образовании паевых товариществ для покупки земли могли принимать участие и крестьяне средней зажиточности, что купленная земля впоследствии перепродавалась, завещалась, делилась и т. д. Поэтому нет ничего удивительного в дробности крестьянских участков и в их сравнительно очень различных размерах.

Эта разница в величине землевладения крепостных крестьян свидетельствует, во-первых, о широком распространении среди них самого этого владения и, во-вторых, о различных мотивах и целях приобретения земли. В одних случаях цель покупки могла быть чисто потребительская, в дополнение к недостающим угодьям тяглового надела. На примере с. Безводного мы уже видели, как небольшие покупные участки земли были у каждого почти двора из числа занимавшихся еще земледелием и как они, наоборот,

[1] Л. О. Ц. И. А., арх. б. мин. вн. дел., зем. отд., 5-е делопр., дело № 77 По спору крестьян с помещиками Плескачевскими о земле, л. 11.

[2] Л. О. Ц. И. А., арх. б. мин. вн. дел.. зем. отд., 5-е делопр., дело № 102 По спору крестьян с помещиком Сназиным-Тормосовым о земле, л. 76.

[3] Там же, л. 73.

[4] Там же, лл. 1 и 149.

[5] Там же, л. 73.

[6] Л. О. Ц. И. А., арх. б. мин. вн. дел. зем отд., 5-е делопр., дело № 96. По спору вр.-обяз. крестьян с. Вакина и д. Шушпанова с гр. Толстым. Л. 25.

отсутствовали у тех крестьян, которые забросили свое сельское хозяйство, превратившись в купцов, скупщиков, хозяев и рабочих кустарных мастерских. В зависимости от экономических занятий населения находился и состав собственников покупной земли. Кустари в Безводном выделывали железные изделия. Получение сырья стояло вне связи с земледелием, и земля не могла интересовать местных богачей.

Иначе обстояло дело в Калужском имении того же кн. Юсупова, состоявшем из одиннадцати деревень Масальского и Мещевского уездов.[1] Среди этих калужских крестьян были также очень развиты отхожие промыслы, но массовый отход на штукатурные и каменные работы в столицах и других городах не приводил в калужской вотчине к совершенному упадку земледелия. Во всех описаниях этого имения администрация Юсупова на ряду с «главным промыслом — штукатурными и каменными работами» — упоминает и о хлебопашестве. Местные кустарные промыслы состояли в выделке деревянной посуды, гребней и т. п. поделок большей частью из клена. Необходимое для этого сырье было, следовательно, местного происхождения. Руководящую роль в этих кустарных промыслах играла многочисленная местная группа зажиточного крепостного крестьянства. Эти «первоклассные в вотчине» дворохозяева скупали деревянные изделия на многие тысячи рублей, приобретали сами необходимое сырье путем покупок целых кленовых рощ в собственность или на сруб, ставили затем на работу своих менее состоятельных односельчан, а иногда и отправляли в Москву обозы с хлебом. В отличие от богатеев с Безводного, наживавшихся на широкой и отдаленной торговле, на обработке привозного сырья, на волжском судоходстве, калужские воротилы были более связаны с местными же источниками сырья и оборотами по скупке кустарных изделий. Поэтому почти все местные богачи в калужской вотчине Юсупова стремились к приобретению собственной земли. В списке собственников покупных земель из числа крестьян этой вотчины, составленном в 1861 г., упоминается 18 единоличных владельцев.[2] Размеры их собственных участков колеблются в пределах от 6 до 75 десятин. В пяти случаях они достигали 20 — 30 дес., в шести случаях 30 — 44 дес., в четырех 50 — 75 дес. и лишь в трех случаях падали до размеров от 6 до $10^1/_2$ дес. Почти $^2/_3$ всех случаев единоличного владения покупной землей в калужской вотчине достигали, следовательно, размеров от 20 до 44 дес., а вдобавок число участков, превышающих указанные размеры, было больше числа участков, не достигавших этих размеров.

Мы уже говорили о необходимости считаться с наличием у крестьян-собственников помимо их покупной земли также и земли

[1] Жизнь и занятия этой вотчины обрисованы нами в статье «Экономический быт и социальное расслоение крепостной деревни в XIX веке». См. «Звезда», 1926 г., № 2, стр. 200 — 206.

[2] М. О. Ц. И. А., вотч. арх. Юсуповых. Отчеты Смоленского имения за 1861 г. Ведомость о землях, купленных крестьянами калужского имения.

надельной, тягловой. В оброчных имениях Мещовского и Мосальского уездов душевой надел накануне реформы был в среднем приблизительно от $2^1/_2$ до 5 дес.[1] По всей Калужской губернии цифру душевого крестьянского надела одной удобной земли И. И. Игнатович принимает равной 3,38 дес.[2] В таком случае владение 10 дес. покупной земли на двор при среднем душевом составе двора в 3 — 4 м. р. души означало бы 20 — 23 дес. общего количества земли в распоряжении этого двора. Говоря о разнообразии величины покупных участков крестьян в имении гр. С. Д. Толстой, Зарайского у. Рязанской губ., местный мировой посредник отмечал, что у некоторых из этих крестьян количество такой земли «доходит до 10, 12, 13, 14 и даже 15 дес.».[3] По подсчету И. И. Игнатович, средний душевой надел удобной земли по Рязанской губернии равнялся 2,74 дес.[4] В имении С. Д. Толстой, за вычетом 441 дес. собственной крестьянской земли,[5] оставалось в пользовании крестьян 1449 дес. удобной тягловой земли,[6] т. е. по 2,53 дес. на душу. При 145 дворах в этом имении и 572 м. душах населения, т. е. при почти 4 душах на двор, приходилось по 10 дес. усадебной, пашенной и покосной земли на каждый двор, а при «даже 15 дес.» покупной земли эта цифра превращалась в 25 дес. хозяйственной площади. Мировой посредник считал очевидно эту величину землепользования отдельного двора определенно высокой и ставящей его за пределы потребительского мелкого крестьянского хозяйства. Если даже повысить эту норму и отнести в калужской вотчине Юсупова к числу участков, приобретенных с чисто или преимущественно потребительскими целями, все покупные крестьянские владения менее 20 дес., то 83,3% всех собственников, владевших каждый от 20 до 75 дес., должны быть отнесены к числу богатых крестьян, покупавших землю для целей накопления путем заведения на этой земле своего работавшего на рынок хозяйства или же путем раздачи этой земли в аренду своим одновотчинным и может быть посторонним соседям.

Еще многочисленнее были крестьяне-собственники в другой вотчине Юсуповых, с. Афанасьевском с окружавшими его 56 мелкими деревнями, расположенными в Опочецком уезде Псковской губернии. В делах вотчинной переписки за 1862 г. сохранился любопытный список, заключавший в себе перечень 109 крестьян,[7]

---

[1] Приложения к трудам редакционных комиссий, т. V, стр. 229 — 230.

[2] Игнатович, И. И., Помещичьи крестьяне накануне освобождения. Л. 1925 г., изд. 3-е, стр. 386.

[3] Л. О. Ц. И. А., арх. б. мин. вн. дел, зем. отд., 5-е делопр., дело № 96, л. 198.

[4] Игнатович, цитированное сочинение, стр. 386.

[5] Л. О. Ц. И. А., арх. б. мин. вн. дел, зем. отд., 5-е делопр.. дело № 96, л. 5.

[6] Приложения к трудам редакционных комиссий. т. III, сведения по Рязанской губ. (стр. 24 — 25).

[7] М. О. Ц. И. А., вотч. арх. б. кн. Юсуповых. Дела Афанасьевского имения за 1860-е годы: список (без заголовка, с пометой «из дела 1862 г.») «крестьян, с которых взыскано за владение пустошами». Там же другой список за подписью мирового посредника, но не полный, составленный, повидимому, в 1861 г.

владевших своей покупной землей, приобретенной ими на свои средства или же унаследованной и перекупленной от первоначальных ее приобретателей из числа крестьян той же вотчины. Размеры этих покупных участков колеблются в пределах от $2^1/_2$ до 325 дес. и соответственно своим размерам они могут быть разделены на следующие группы: участками от 1 до 10 дес. владели 29 человек, свыше 10, но менее 20 дес. — 21 чел.; от 20 до 50 дес. — 36 чел., от 51 дес до 75 дес. — 14 чел., от 76 до 100 дес. — 1 чел.; от 101 до 150 дес. — 5 чел., от 201 до 300 дес. — 2 чел. и наконец, еще 1 крестьянин владел 325 десятинами. Более половины всех этих 109 дворохозяев собственников владели, следовательно, не менее, чем 20 дес. покупной земли на каждый двор, а в руках 8 таких собственников, т. е. 7,3% общего их числа, находилось 1420 дес. или 35,2% всей такой земли.

Цель покупки и сосредоточения в одних руках значительных и даже больших участков не могла иметь ничего общего с потребительскими интересами соответствующих дворов. Если допустить, как мы это сделали относительно калужских крестьян Юсупова, что часть хозяйств, располагавших сверх надельной земли еще и своей собственной, пользовалась этой прикупной землей преимущественно с потребительскими целями, то это вполне вероятное предположение может относиться к хозяйствам, владевшим никак не более 15 десятин такой земли. В Афанасьевской вотчине из упомянутых 109 собственников таких владельцев было 38 человек, т. е. почти 35%, владевших в общей сложности всего лишь 317 десятинами, т. е. менее чем 8% всей площади покупной земли, указанной в списке. Остальные 71 человек, имевших от 16 до 325 дес. каждый, т. е. немного более 65% всех крестьян собственников в Афанасьевской вотчине с находившимися в их руках 92% всей площади покупной земли, несомненно, пользовались ею для целей накопления. А в числе этих 71 человека или 65% находились, как уже было сказано, и 8 человек или 7,3% общего числа таких крестьян, владевшие 35,2% всей покупной земли в пределах Афанасьевской вотчины.

В калужском имении Юсупова число владельцев более чем 25 дес. покупной земли было в процентном отношении еще более значительным, чем в псковской вотчине, превышая 83%.[1] Могли, конечно, быть и такие имения, где покупной землей владели только собственники значительных ее участков. В д. Жукове и двух других небольших деревнях тверского имения А. П. Квашнина-Самарина было всего 29 дворов с 126 м. д. крестьян, удобной же земли в их распоряжении было 1532 дес., т. е. свыше 12 дес. на душу. При такой площади крестьянского землепользования массового стремления потребительских хозяйств к покупке земли быть не могло. В имении было лишь трое крестьян собствен-

[1] В этом имении не было крестьян, владевших более 10, но менее 20 дес. покупной земли. Поэтому процент владельцев более 15 и не менее 20 дес. там совпадает.

ников, владевших, однако, в общей сложности 135 дес. покупной земли.[1] В с. Козлове, Тверского у., крестьянин помещицы С. В. Шмидт имел пустошь в $71^3/_4$ дес.[2] Такие хозяйства должны были приобретать землю преимущественно или исключительно с целью наживы.

Далеко не по всем обследованным нами вотчинам имеются достаточно подробные сведения о покупной земле крестьян. Но иногда материал фактических данных, хотя бы и рассыпанный на протяжении десятков тысяч страниц вотчинной переписки, позволяет установить общее количество такой земли в той или другой вотчине. Особенно благоприятствует выяснению этого любопытного вопроса обширность и относительно хорошая сохранность вотчинной переписки по имениям Юсупова. Поэтому мы и попробуем установить как абсолютные размеры площади покупной крестьянской земли по некоторым из юсуповских вотчин, так и относительную величину ее по сравнению с площадью бывшей в пользовании крестьян собственно помещичьей земли. Наиболее подходящим моментом для сравнения следует признать годы крестьянской реформы как потому, что это был конец интересующей нас эпохи, так и вследствие отношения наиболее ценных фактических данных вотчинной переписки именно к этим годам, впервые поставившим перед всеми помещиками и в полном его объеме вопрос о признании или непризнании ими собственнических прав крестьян на купленные земли.

Наиболее трудно установить интересующие нас цифры по ярославским вотчинам Юсупова. В этой губернии старинные родовые владения Юсуповых были разбросаны в 1851 г. по 6 уездам в 75 селах, деревнях и починках.[3] В большинстве случаев Юсупову принадлежала только часть крестьянского населения этих деревень, находившихся каждая в совместном владении нескольких помещиков. Общее количество земли, принадлежавшей Юсупову по этим селениям, достигало 8339 дес.,[4] но в это число входили и 855 десятин покупной крестьянской земли.[5] Собственно князю принадлежало, следовательно, лишь 7484 десятины, и по отношению к ним общая площадь покупной земли крестьян равнялась 11,4%. В действительности это процентное отношение должно было значительно превзойти указанную цифру, потому что при сравнении нами берется площадь всей княжеской земли в Ярославской губернии, а не тех только деревень, где имелась покупная земля крестьян. Вдобавок, как это обнаруживают дела Афанасьевского псковского имения, администрация Юсупова стреми-

---

[1] Приложения к трудам редакционных комиссий, IV. Тверская губ., стр. 56.

[2] Там же, стр. 6—7.

[3] М. О. Ц. И. А., вотч. арх. Юсуповых. Ведомости по имениям.

[4] М. О. Ц. И. А., вотч. арх. Юсуповых. «Ведомость о имениях... Юсупова» 1851 г.

[5] М. О. Ц. И. А., вотч. арх. Юсуповых. Дела Афанасьевского правления за 60-е годы. Записка о количестве покупной крестьянской земли.

лась вдвое преуменьшить количество покупной крестьянской земли.

Относительно нижегородского имения Юсупова можно довольно точно установить искомое соотношение. Владения Юсуповых в этой губернии находились в четырех уездах, достигая 10 124½ дес. Но из этой земли 7161 дес. в двух уездах были под сплошным лесом без какого бы то ни было населения, а 715½ дес. относились к расположенным в Васильском уезде с. Латышихе и д. Новому Усаду, лишь административно связанным с вотчинным правлением с. Безводного.[1] При самом этом селе по наиболее точным данным 1861 г. числилось 1749 дес. Но эти цифры, извлеченные нами из различных документов вотчинной переписки, не совпадают со сведениями, зарегистрированными в «Приложениях к трудам редакционных комиссий».[2] По данным «Приложений» при с. Безводном указано 5505½ дес. леса (находившегося в действительности в двух других уездах), 588 дес. неудобной земли и 1913 дес. в пользовании крестьян, а при Латышихе и Н. Усаде 675 дес. в пользовании крестьян и 25 дес. помещичьего леса. Площадь земли в пользовании крестьян по с. Безводному равнялась, следовательно, 1913 дес. по официальным и 1749 дес. по вотчинным данным, из которых 360 дес.[3] было покупной крестьянской земли по с. Безводному. Процентное отношение ее к помещичьей (крестьянского пользования) было от 23,2% до 26%. Но мы считали лишь фактически существовавшую накануне реформы площадь крестьянского владения. По планам же числилось 466 дес., из которых 106 дес. были постепенно размыты. Волгой.[4] За некоторое число лет до реформы указанный процент должен был, вероятно, доходить до 30 или 33,6%.

По Калужской губернии князь владел в двух уездах 11 деревнями с 551 муж. и 563 жен. р. душами (по 9-й рев.) на общей площади в 2651 десятину,[5] из которых 782 дес.[6] были приобретены самими крестьянами. По отношению к собственно помещичьим 1869 дес. крестьянские участки покупной земли достигали почти 42%. Этот процент поднимется, однако, до более чем 56%, если принять цифру общей площади земли в калужской вотчине Юсупова равной не 2651 дес. по данным 1851 г., а 2171½ дес., как указано в отчетах за 1862 г. по смоленскому имению, бывшему административным центром для калужской вотчины Юсупова и в сведениях, поданных в губернский комитет.[7]

---

[1] М. О. Ц. И. А., вотч. арх. Юсуповых. Ведомость по имениям 1851 г.

[2] Том II, Нижегородская губ., стр. 8—9 и 30—31.

[3] М. О. Ц. И. А., вотч. арх. Юсуповых. Дела Афанасьевского правления за 60-е гг. Записка о количестве покупной крестьянской земли.

[4] М. О. Ц. И. А., вотч. арх. Юсуповых. Переписка московской и петербургской канцелярий. Выписка из планов Нижегородской губ.

[5] М. О. Ц. И. А., вотч. арх. Юсуповых. Ведомость об имениях, 1851 г.

[6] М. О. Ц. И. А., вотч. арх. Юсуповых. Дела Афанасьевского правления за 60-е годы. Записка о покупной крестьянской земле.

[7] М. О. Ц. И. А., вотч. арх. Юсуповых. Описание калужских имений 20/XII 1858.

Еще более высок этот процент по рязанскому имению Юсупова. По вотчинной статистике 1851 г. это имение, состоявшее из 7 деревень в 3 уездах, насчитывало в общей сложности 1063 м. и 1141 ж. р. душ с 9443½ дес. земли.[1] По данным, сообщенным в губернский комитет в 1858 г., в двух из этих уездов, Егорьевском и Касимовском, в имении было 3007 дес. лесной и 1834 дес. неудобной земли и только 2053 дес. в пользовании крестьян,[2] к которым надо прибавить 981 дес. в третьем уезде, Данкоском.[3] Отношение между 3034 дес. бывшей в пользовании крестьян помещичьей земли и 2257 дес. их собственной[4] достигало, следовательно, 74,4%.

Но особенно любопытны цифры по упоминавшейся уже Афанасьевской вотчине Юсупова, расположенной в Опочецком уезде Псковской губернии. По сохранившемуся в вотчинном архиве «Статистическому описанию» начала 60-х годов[5] вотчина насчитывала 56 селений с 1103 м. р. д. (по 10 ревизии) и 8829 десятинами земли. Если принять количество покупной крестьянской земли в Афанасьевской вотчине равным той цифре, которая была принята самим помещиком под давлением мирового посредника и властей, то общая площадь всей земли в вотчине выразится в сумме 3699 десятин, отведенных крестьянам в надел, 400 десятин, оставшихся помещику, т. е. вместе 4099 десятин, и собственных крестьянских покупных 4030 дес.[6] Общее количество покупной крестьянской земли по отношению к помещичьей будет 98,3%, т. е. почти равно ей. По отношению только к надельной земле, бывшей в пользовании крестьян, процент будет еще выше. По данным «Приложений» общая площадь земли в вотчине была больше, достигая, 9809 дес.,[7] из которых 1806 дес. под мелким лесом и кустарником были в распоряжении помещика, 1094 дес. неудобной и 6909 дес. в фактическом пользовани крестьян. Отношение крестьянской покупной земли к помещичьей в крестьянском пользовании, если считать и неудобную землю, будет равно 101,4%, потому, что из 8003 дес. собственной крестьянской земли было не менее 4030 дес.

Этим обилием покупной земли у крестьян Афанасьевской вотчины объясняются и топографические ее особенности. Покупаемые крестьянами участки причислялись к общей площади

[1] М. О. Ц. И. А., вотч. арх. Юсуповых. Ведомость по имениям 1851 г.

[2] Приложения к трудам редакционных комиссий, т. III, Рязанская губ., стр. 12—13 и 30—31.

[3] М. О. Ц. И. А., вотч. арх. Юсуповых. Указанная ведомость.

[4] М. О. Ц. И. А., вотч. арх. Юсуповых. Дела Афанасьевского правления за 60-е годы, записка о покупной крестьянской земле.

[5] М. О. Ц. И. А., вотч. арх. Юсуповых. Дела Афанасьевского правления за 60-е годы.

[6] М. О. Ц. И. А., вотч. арх. Юсуповых. Дела Афанасьевского правления за 60-е годы. Но эта цифра была меньше действительной, потому что она была установлена в результате мирового соглашения князя с крестьянами, которого всячески добивались власти.

[7] Приложения к трудам редакционных комиссий, т. III, Псковская губ., стр. 20—21.

вотчинных угодий, но отстояли нередко довольно далеко от самой вотчины и находились среди земель других помещиков. «Известно, писала княжеская администрация, что все владение в псковском имении составляет мелкими частями, разбросано на 40-верстном расстоянии в чресполосном владении».[1] Располагая крупными участками земли, княжеские крестьяне предпочитали, разумеется, селиться на этих участках и поэтому по мере приобретения в ближних окрестностях все новых земельных угодий в вотчине происходило беспрерывное переселение на эти земли, по сравнению с которыми вотчинный надел помещичьей земли должен был терять свое значение. В результате широкого размаха крестьянских покупок земли не только отдельные дворохозяева располагали значительными участками, но и из 56 деревень Афанасьевской вотчины 21 оказались на своей собственной покупной земле.

Соотношение покупных крестьянских и тягловых помещичьих земель могло достигать в вотчинах Юсупова очень заметной величины. Юсуповские вотчины и в этом отношении не были, конечно, исключением по сравнению с имениями некоторых других помещиков, относительно которых мы можем располагать достоверными сведениями. Выше уже упоминалось о случаях наличия у крестьян разных помещиков крупного количества покупной земли. В некоторых случаях возможно подсчитать ее соотношение к бывшей в пользовании крестьян тягловой помещичьей земле. В Ширяевском имении полк. В. И. Орлова, Гжатского у. Смоленской губ., покупной крестьянской земли уже за несколько десятилетий до реформы насчитывалось до 3123 дес.[2] После его смерти три его наследника учинили раздельный акт, по которому в момент реформы в имении числилось 11 756 дес. всей земли,[3] включая сюда и крестьянскую. По отношению к помещичьей земле крестьянская покупная достигала, следовательно, 36,2%. В имении С. П. Апраксиной, находившемся в Нерехтском у. Костромской губ., состоявшем из с. Дмитриевского с несколькими деревнями и насчитывавшем перед реформой в 420 дворах 1131 м. р. д., все 5799 дес. помещичьей земли находились в пользовании крестьян, плативших своей помещице по 9 р. 65 коп. с души годового оброка.[4] Фактически из этой земли 2371 дес. были при-

[1] М. О. Ц. И. А., вотч. арх. Юсуповых. Дела Афанасьевского правления за 50-е годы. Предписание № 104 от 29 апр. 1857 г. Не будь у нас точных сведений о покупных участках афанасьевских крестьян, мы приписали бы эту часто встречающуюся в ту эпоху раскиданность и раздробленность формальной площади вотчинной земли общему владению и неразмежеванности имений соседних помещиков. Позволительно спросить, не является ли эта дробность землевладения и в других, хотя бы некоторых случаях результатом такого же приобретения земли местными крестьянами.

[2] Л. О Ц. И. А., арх. б. мин. вн. дел, зем. отд., 5-е делопр. дело № 78, по спору крестьян с помещиками Орловым, Орловой и Бистром о земле, лл. 145—148.

[3] Там же, л. 158.

[4] Приложения к трудам редакционных комиссий, т. IV, Костромская губ., стр. 44—45.

обретены крестьянами за свой счет[1] в Нерехтском и Шуйском уездах. По отношению к собственно помещичьей земле крестьянская земля составляла, следовательно, 69,2%. Немногим ниже был этот процент в другом оброчном имении того же Нерехтского уезда, принадлежавшем гр. Е. А. Сент-При и состоявшем из с. Гробищева с деревнями. Имение насчитывало 1958 м. р. д. в 814 дворах и платило помещику по 9 р. с души в год. Все 8705 дес. земли в этом имении были предоставлены в пользование крестьян, но кроме того они владели еще 5397 дес. своей покупной земли.[2] Искомое соотношение равнялось, следовательно, 62%. В новгородском Налючском имении Зуровой, Старорусского уезда, крестьяне 13 деревень с конца XVIII в. владели 1026 дес.[3] покупных покосов и с 1835 г. 1400 дес. леса.[4] Судя по Устаной грамоте этого имения, кроме этих 2426 дес. своей покупной земли крестьяне пользовались до реформы 3360½ дес. земли помещичьей.[5] В таком случае, отношение покупной крестьянской земли к бывшей в пользовании крестьян помещичьей земле равнялось 72,2%. Этот процент должен быть повышен до 84,8, потому что из помещичьей земли было 500 дес. ни к чему непригодной.

Выше мы приводили примеры покупок тверскими крестьянами небольших сравнительно участков земли. В той же Тверской губернии было немало имений с гораздо более значительной площадью покупной крестьянской земли. В имении Кесовы горы, принадлежавшем кн. В. Ю. Трубецкой в Кашинском уезде, было 745 дворов с 1849 м. душами населения. 1108 тягол этого имения были все на оброке и платили помещице 706 тягол по 16 р. 97 коп., а 402 тягла по 19 р. 96 коп. Все 7 788 дес. помещичьей земли этого имения были в пользовании крестьян, и по отношению к ней 2313 дес. покупных крестьянских пустошей составляли почти 30%.[6] Имение помещицы Н. Ф. Боде, Корчевского у., состояло из д. Соловой с 98 дворами и 341 м. д. крестьян, плативших оброк по 20 руб. с каждого из 106 тягол. По отношению к 955½ дес. помещичьей земли, бывшей также целиком в пользовании крестьян, 337 дес.[7] собственной крестьянской земли равнялись 35,2%. Это соотношение было почти таким же и достигало 36,2% в д. Кузавкове, имении Ф. П. Свечиной «с детьми», Новоторжского у., где 326 м. д. крестьян, плативших помещице по 15 руб. с 121 тягла, жили в 66 дворах на 1317 дес. помещичьей земли и имели кроме

---

[1] Л. О. Ц. И. А., архив б. мин. вн. дел, зем. отд., 5-е делопр., дело № 83 по спору крестьян с помещицею С. Апраксиною о земле, л. 8 (в другом случае указана несколько меньшая цифра: 2346 дес.; см. л. 29).

[2] Приложения к трудам редакционных комиссий, т. IV, Костромская губ. стр. 44—45.

[3] Л. О. Ц. И. А., архив б. мин. вн. дел, зем. отд., 5-е делопр., дело № 53, 1862—66 гг., л. 47.

[4] Там же, лл. 2 и 37—38.

[5] Там же, л. 2.

[6] Приложения к трудам редакционных комиссий, т. IV, Тверская губ., стр. 42—43.

[7] Там же, стр. 46—47.

того 477 дес. своей покупной.[1] В имении П. А. ф.-Эссена.[2] Ржевского у. было в с. Мануйлове с 7 деревнями 141 двор с 672 м. д. крестьян, плативших по 12 руб. оброка с каждого из 312 тягол. Кроме 225 дес. кустарника и леса вся помещичья земля в количестве 2980 дес. была в пользовании крестьян, и по отношению к ней 1891½ дес. собственной крестьянской земли «в разных пустошах» достигали 63,4%. Почти таким же был этот процент в имении кн. Л. Н. Гагарина с частью того же или одноименным ему с. Мануйловым и 8 деревнями в том же уезде. 125 дворов этого имения насчитывали 483 м. д., платили с 245½ тягол по 14 руб. в год и, за исключением 558 дес. кустарника и леса, пользовались всеми 2326 дес. остальной удобной помещичьей земли, к которой 1522¾ дес. собственной покупной земли крестьян относились как 65,4%.[3] Этот процент мог быть и выше. В с. Казнакове с 4 деревнями гр. Н. П. Зубовой, в Старицком у., у 105 дворов с 414 м. д. населения, плативших помещице по 16 руб. с каждого из 199½ тягол и имевших в своем распоряжении все без исключения 1413¾ дес. помещичьей земли, было сверх того в разных пустошах 1062 дес. своей покупной земли, равнявшейся по отношению к помещичьей земле 75,1%.[4]

Большое количество покупной земли могло быть у крестьян не только крупных, но и небольших имений. В дер. Сухуше помещицы О. А. Паниной, Ржевского у., было 30 дворов с 102 м. д. населения. Крестьяне платили с 51 тягла по 12 р. 86 коп. Помещица получала, таким образом, со всего имения 625 руб., а кроме того 40 кур в год со всей «вотчины» и по 8 арш. холста с каждой «тягловой бабы» Имение было типично мелким, всей земли в нем было лишь 293 дес. удобной и 5 дес. неудобной, целиком находившейся в пользовании крестьян, но у тех же крестьян было 124¾ дес. собственной покупной земли,[5] т. е. в отношении к помещичьей 42,3%. В двух деревнях помещика Шубинского, Весьегонского уезда, Турове и Рославине, его земли было у крестьян 545½ дес., а покупной крестьянской 266½.[6] Определяемый нами процент был равен 48,5%.

До сих пор Афанасьевское имение Юсупова, где этот процент равнялся 98,3, все еще могло казаться исключением, но можно привести примеры еще более крупных относительных размеров землевладения крепостных крестьян. В имении Фед. Мих. Олсуфьева, с. Болдеве Корчевского у., 147 дворов с 520 м. д. крестьян были на смешанном тягле и частью на изделии. Всей земли было 1766 дес., из которых состоявшей в пользовании крестьян лишь 1474½ дес. Из этой общей площади крестьянского землепользования 745½ дес. приходилось, повидимому, на покупную

[1] Там же, стр. 52 — 53.

[2] и [3] Там же, стр. 68 — 69.

[4] Там же, стр. 70 — 71

[5] Там же, стр. 68 — 69.

[6] Л. О. Ц. И. А., архив б. мин. вн. дел; зем. отд., 5-е делопр., дело № 71, лл. 32 и 39.

крестьянскую землю,[1] т. е. ее отношение к помещичьей выражается в 102,2%. В том же уезде было имение Тозиково, принадлежавшее другому Олсуфьеву, П. Мат., и насчитывавшее 130 дворов с 498 м. д. Все крестьяне были там также на смешанном тягле, причем на изделье были наиболее неисправные плательщики оброка. За исключением 279 дес. вся остальная помещичья земля в количестве 1289 дес. была у крестьян, но сверх того их собственная покупная земля равнялась 1645 дес.[2] или 127,6% по отношению к первой. Любопытный пример крестьянского собственного землевладения представляло собою имение А. И. Колзаковой, находившееся в Вышневолоцком у. и носившее старинное название с. Гостин Двор. В 22 деревнях этого имения с 295 дворами проживало накануне реформы 1234 м. д. крестьян, из которых было 212½ оброчных тягол, плативших по 24 р. в год и выставлявших подводы, 129 издельных, обрабатывавших господскую запашку, и 125 тягол смешанных, из которых 66½ платили по 20 р., а 68½ по 16 р., будучи в то же время обязаны жать, косить, убирать сено на господских полях и выставлять подводы за 70 или 90 верст. Из 2486 дес. помещичьей земли 1696 дес. были под кустарником и лесом, а на 517 дес. велось господское хозяйство. Для оброчных крестьян не оставалось, следовательно, ни одной десятины помещичьей земли. Из всех 476 тягол в имении Колзаковой почти три четверти (73%) были оброчными. Они высевали 119½ четвертей ржи, накашивали 121 556 пуд. сена и имели 1715 дес. леса. Все это хозяйство велось оброчниками исключительно на своей покупной земле, которой у них было 3270 дес.,[3] в том числе усадебной 103 дес. Определяемый нами процент здесь не может быть выражен, отношение же крестьянского землевладения к помещичьему равнялось в этом случае 131,5%. Любопытно здесь и оголенное обложение оброком не земли, которая всегда фигурировала в качестве помещичьего обоснования выжимания денежных и натуральных повинностей из крестьян, а самих этих крестьян. Было бы интересно узнать, как была составлена уставная грамота по имению Колзаковой и должны ли были крестьяне что-либо платить за свое освобождение.

Тверские дворянские вотчины столь же мало были исключением, как и псковское имение Юсуповых. В бывшем имении П. И. Сназина-Тормосова три деревни Удомельскорядской волости Вышневолоцкого у. Тверской губ. вели после реформы долгую тяжбу с помещиком из-за 3077 дес.[4] своей покупной земли, приобретавшейся ими с первой половины и особенно с 70-х годов XVIII века. По отношению к 1994 десятинам той площади помещичьей земли, которая давалась им в надел до реформы, эти три

[1] Приложения к трудам редакционных комиссий. т. IV, Тверская губ., стр. 46—47.

[2] Там же, стр. 48—49.

[3] Там же, стр. 26—27.

[4] Л. О. Ц. И. А., архив б. мин. вн. дел, зем. отд., 5-е делопр., дело № 102, лл. 1 и 163.

тысячи десятин крестьянского землевладения составляли 154,3%. Афанасьевская вотчина Юсуповых была превзойдена в этом имении более, чем в полтора раза. Но в трех деревнях имения сестер Новосильцевых и Приклонской, Егорьевского у. Рязанской губ., этот процент повышался до 240, потому что в пользовании крестьян этого имения было $724^1/_2$ дес. помещичьей и 1800 дес. покупной крестьянской земли.[1]

Достигая столь значительной величины по отношению к площади собственно помещичьей земли, отведенной в пользование крестьян, покупные крестьянские земли могли достигать и очень значительных абсолютных размеров. Из числа систематически и исчерпывающе документально обследованных нами имений вятская вотчина Дурново показывает, что абсолютная величина площади крестьянской покупной земли могла значительно превосходить и крупнейшую из установленных уже выше цифр. В этой вятской вотчине, по данным помещичьей администрации, считалось всего 22 438 дес. удобной и 562 неудобной, итого 23 000 дес. земли.[2] Мы уже рассматривали выше историю ряда покупок крестьянами этой вотчины крупных участков земли с 20-х годов по 1846 г. Приказчик, управлявший вотчиною в течение долгого ряда лет, сам подвел цифровой итог этого рода земельным приобретениям крестьян, написав в 1847 г. владельцу вотчины, что за это время он купил на имя помещика «по выбору крестьян» у разных лиц до 10 325 дес. Эта цифра свидетельствует о том, до каких размеров могло доходить общее количество покупной крестьянской земли, особенно если вспомнить, что этим скупка земли не ограничивалась и что уже в 1847 г. предполагалась покупка еще 3000 дес.[3] Она не состоялась, но, вероятно, только отсутствие продолжения вотчинной переписки по имениям Дурново за 50-е годы мешает обнаружить данные и о последующих приобретениях земли крепостными крестьянами его вятской вотчины.

IV. К ВОПРОСУ О ДОРЕФОРМЕННОЙ МОБИЛИЗАЦИИ ЗЕМЛИ.

Определение общей величины площади землевладения всех крепостных крестьян в дореформенную эпоху вряд ли может быть когда-либо достигнуто. Купля и продажа земли крепостными в междувотчинной ее мобилизации совершались до указа 3 марта 1848 г. исключительно и после него почти исключительно на имя помещика или других лиц свободных сословий. Определение всего количества всей покупной крестьянской земли даже в одной какой-либо вотчине предполагает сохранение всех купчих иногда с начала XVIII в., возможность по вотчинным документам отли-

---

[1] Л. О. Ц. И. А., архив б. мин. вн. дел, зем. отд., 5-е делопр., дело № 60, 1863—73 гг., лл. 63, 108 и 118.

[2] Л. О. Ц. И. А. Вотчинный архив Дурново. Входящие бумаги Вятской вотчины 1834—39 гг., л. 99.

[3] Л. О. Ц. И. А. Вотч. арх. Дурново. Книга Входящих бумаг Вятской вотчины 1840—50 гг., л. 882.

чить помещичьи покупки от крестьянских и, наконец, отсутствие у крестьян вотчины земель, купленных на имя посторонних. Даже при наличии первого и последнего из этих условий второе почти невыполнимо. Пометки о принадлежности земли крестьянам делались обычно на копиях купчих, которые хранились у самих крестьян и после реформы стали им не нужны. Определение, если не пути и времени нарастания, то хотя бы конечной величины площади покупной земли крестьян одной какой-либо единицы помещичьего владения в связи с постановкой вопроса о такой земле в момент реформы возможно лишь при условии соответствующей полноты и сохранности вотчинных архивов, не говоря уже о необходимости нередко громадной предварительной их разработки. Для определения общей площади покупного землевладения крепостных крестьян подсчет такой земли после преодоления всех сопутствующих трудностей решающего значения все же не имеет. Сохранившиеся вотчинные архивы являются лишь немногими буровыми скважинами в многовековую толщу пластов истории вотчинного хозяйства. Столь же мало говорит об этой абсолютной величине землевладения крепостных крестьян и документальное отражение его в деятельности государственных учреждений. Необходимость государственного урегулирования этого вопроса остро встала лишь в связи с реформой 1861 г. Анкеты, сведения и описания, затребованные губернскими комитетами, послужили материалом для составления известных «Приложений к трудам редакционных комиссий». Их составители не всегда соблюдали оговоренное ими исключение сведений о помещичьих имениях с менее чем 100 м. р. д. населения, но нередко не давали сведений о многих крупных имениях По очень многим другим имениям сведения не только о подразделении, но и о количестве земли чрезвычайно неясны и сбивчивы. Нередко эти сведения вопиющим образом искажены, а исправление их в большинстве случаев пока невозможно. Для определения площади покупных крестьянских земель сами источники сведений, включенных в «Приложения», дают очень мало. Большинство помещиков в подававшихся ими анкетах и сведениях никаких указаний на покупную землю крестьян не делало. Владения Юсуповых существовали в 17 губерниях и по 12 из них в вотчинном архиве встречаются упоминания о наличии у крестьян покупных земель. По пяти из этих губерний (Ярославской, Нижегородской, Рязанской, Калужской [1] и Псковской [2]) сама администрация Юсупова насчитывала до 8284 дес. такой земли. В «Приложениях» сведения о ней в упоминаниях об имениях Юсупова по этим пяти губерниям совершенно отсутствуют, а из всех других его имений упомянуто лишь наличие 46 дес. покупной земли у крестьян одной из деревень его смолен-

[1] М. О. Ц И. А., вотч. арх. Юсуповых. Дела Афанасьевского правления за 60-е годы. Записка о покупной крестьянской земле (без даты).

[2] Там же. «Статистическое описание» Афанасьевской вотчины 1864 г.

ской вотчины.[1] Сопоставление этих цифр показывает степень заблуждения, в которое был бы введен читатель, пожелавший на основании «Приложений» судить о количестве собственной земли крестьян в обширных владениях Юсупова. Смоленское имение В. И. Орлова в момент реформы принадлежало трем наследникам: Д. С. Орлову, Е. Д. Орловой и В. С. Бистром. Бесспорно покупной крестьянской земли было в части Орлова 1773 дес., в части Орловой до 700 дес. и в части Бистром до 600 дес. по собственному признанию этих помещиц.[2] Итого 3073 дес. В «Приложениях» часть имения, принадлежавшая Орлову, не указана. Возможно, что она слита в этом случае с имением Орловой. По имению Бистром покупная крестьянская земля отсутствует совсем, а по имению Орловой вместо 450 дес. пашни и 250 дес. покосов указано по неряшливости составителей 4,50 дес. и 2,50 дес. тех же угодий.[3] Так 3073 дес. уменьшились ровно в 439 раз.

Другим источником сведений по интересующему нас вопросу могут считаться дела земского отдела министерства вн. дел. Эти дела отражают историю споров, возникавших между помещиками и их бывшими крепостными по поводу крестьянской покупной земли, безуспешно разбиравшихся мировыми посредниками, затем мировыми съездами и губернскими по крестьянским делам присутствиями и восходивших, наконец, вплоть до министра вн. дел. Но некоторые помещики добровольно соглашались признать такие земли собственностью крестьян. Так сделала, например, помещица Тверского уезда Н. А. Толстая, укрепив за крестьянами д. Едимоновой слободки их покупные участки,[4] а крестьяне новгородского имения Зуровой ставили в пример своей помещице кн. Васильчикова, который поступил подобно Толстой, «не производя даже тени сомнений».[5] Большинство помещиков не было склонно к такому образу действий, но многим крестьянам мешало возбудить дело о присвоении их земель помещиками отсутствие необходимых и достаточных документальных доказательств. Некоторые спорные дела разрешались уже мировыми посредниками на первой стадии конфликта, или в губернских присутствиях, как это было с вопросом о судьбе покупных земель псковских крестьян Юсупова. Само министерство вн. дел всячески старалось заставить крестьян покончить подобного рода спорные дела «миролюбивым соглашением» с помещиками, не доводя до вмешательства правительства. В некоторых случаях сам помещик частично удовлетворял своих крестьян и только часть их конфликта с ним отражалась в делах присутственных учреждений.

---

[1] Приложения к трудам редакционных коммисий, т. IV, Смоленская губ., стр. 114—115.

[2] Л. О. Ц. И. А., архив б. мин. вн. дел, зем. отд., 5-е делопр., дело № 78, л. 145.

[3] Приложения, т. IV, стр. 28—29.

[4] Л. О. Ц. И. А., архив б. мин. вн. дел, зем. отд., 5-е делопр. дело № 51 «О порядке совершения актов на земли, купленные крестьянами», л. 31.

[5] Л. О. Ц. И. А., арх. б. мин. вн. дел, зем. отд., 5-е делопр. дело № 53, л. 36.

Дела о конфликтах между помещиками и их бывшими крепостными, возникшие во время и после проведения реформы 1861 г. и проходившие через земский отдел министерства вн. дел, не могут поэтому считаться количественным отражением того явления, предварительному ознакомлению с которым посвящена эта статья. Нуждаясь в определении общей площади землевладения крепостных крестьян, оставшейся у них после реформы, Янсон [1] воспользовался данными земского отдела о землях, купленных б. крепостными до реформы и утвержденных за ними за время до середины 70-х годов. На основании этих данных он пришел к заключению, что, например, по Калужской губ. таких земель было утверждено за крестьянами 870 дес., по Псковской 4437 дес. и т. д. Только у крестьян одного не очень большого калужского имения Юсупова было между тем не менее 782 дес. своей собственной покупной земли. По псковскому имению того же помещика соответствующая и несомненно тоже преуменьшенная цифра равнялась 4030 дес., а между тем крестьяне многих соседних имений других псковских помещиков также владели в крепостную эпоху собственными землями [2] Во Владимирской губернии, по данным Янсона, у крестьян после реформы не оказалось ни одной десятины покупной земли дореформенного приобретения, тогда как, напр., только у крестьян одной или двух деревень помещицы Суровщиковой в Вяземском уезде было 926 дес. такой земли. [3] По Новгородской губ. в таблице Янсона указано 310 дес., тогда как в одном только имении Зуровой крестьяне имели в момент реформы 2426 дес. купленной до реформы земли.

Подсчет Янсона показывает, кстати, как мало дает нам для выяснения интересующего нас вопроса «литература предмета». Выше уже указывалось, что в наиболее полной сводке сведений о помещичьих крестьянах в книге И. И. Игнатович вопросу о собственных землях этих крестьян посвящено $1^1/_2$ случайных странички, а в обзорах по истории землевладения в России нет обычно и этого. Литературы изучаемого нами вопроса не существует, если не считать нескольких случайных и разрозненных упоминаний о покупной земле крепостных да следов нахождения, но не исследовательской обработки соответствующих данных в руках двух-трех авторов статей по истории крепостной эпохи. [4]

Все эти причины не позволяют на основании данных, имеющихся пока в распоряжении исследователя, ставить ближайшей задачей исследования определение общей величины площади землевладения крепостных крестьян. Наблюдения над степенью

---

[1] Янсон Ю. Э. «Сравнительная статистика России», т. II (Промышленность и торговля. Отдел I, статистика сельского хозяйства). П. 1880 г. стр. 147.

[2] М. О. Ц. И. А., вотч. арх. Юсуповых. Дела Афанасьевского правления за 1860-е годы. Донесение № 32 от 17 мая 1861 г., пункт 4-й.

[3] Л. О. Ц. И. А., архив б. мин. вн. дел, зем. отд., 5-е делопр. Дело № 105.

[4] Упоминавшиеся статьи Н. Полонской в VII выпуске «Костромской старины», А. А. Степанова в I томе «Записок ист.-быт. отд. гос. рус. музея» и т. д.

распространенности этого землевладения, бытовыми нормами, в которые было поставлено пользование этого рода землями, и значением этого землевладения и связанного с ним землепользования в социально-экономической жизни крепостной деревни позволяют, однако, сделать некоторые общие выводы и заключения.

История возникновения, развития и роста землевладения крепостных крестьян, как и история отношений к нему со стороны государственных учреждений, не может быть освещена здесь по недостатку места.[1] Размеры и повседневность наличия у крепостных их покупных земель, как и условия пользования этой землей, позволяют сказать, что процесс перехода земли от помещиков к крестьянам там, где были для него соответствующие предпосылки и стимулы в экономическом быте крепостных вотчин, начался задолго до реформы. Правда, мы напрасно стали бы искать указаний на это участие крепостного крестьянства в дореформенной мобилизации земли. Существующая литература по истории мобилизации земли в России вообще не велика, а авторы ее склонностью к историческим исследованиям не обладали. Под влиянием крайней редкости соответствующих сведений в доступных этим авторам печатных материалах и полного отсутствия каких-либо хотя бы компилятивных работ по интересующему нас вопросу и сложилось то мнение, которое считало мобилизацию земли в дореформенных условиях незначительной. Ролью и участием в ней крестьянства совершенно не интересовались, а получение каких-либо сведений о процессе этой дореформенной мобилизации земли считали невозможным. «Освещение вопроса для времени до 1861 г. навсегда останется чрезвычайно слабым: не имеется соответствующих сведений».[2] Автор же последней крупной русской работы[3] по вопросу о мобилизации земли дореформенного периода вообще не касается. Хуже может быть в тех случаях, когда этот период кем-либо затрагивается с желанием не ограничиваться обычной фразой о слабости мобилизации земли в дореформенную эпоху. Так случилось с Евг. Фортунатовой в сборнике, снабженном внушительным подзаголовком «Индуктивно-статистическое исследование».[4] Главное и «резкое» различие между дореформенной и пореформенной мобилизацией земли упомянутый автор усматривает в том, что «во-первых, дореформенная мобилизация была незначительна по своим размерам», а, во-вторых, «она была сословно-дворянской», потому что «одной из дворянских привилегий было право владеть населенными имениями, что было равносильно исключительному праву дворян на землевладение: в кре-

---

[1] В будущем мы надеемся найти возможность и случай осветить хотя бы вкратце эту историю до и во время реформы 1861 г.

[2] Святловский В. В. Мобилизация земельной собственности в России (1861 — 1908 гг.). 2-е изд. П. 1911, стр. 26.

[3] Косинский В. А. Основные тенденции в мобилизации земельной собственности. Части I и II. Киев. 1917 — 18.

[4] Сборник «Борьба за землю» Н. Быховского, Н. Огановского и др. при ближайшем участии К. Качоровского. П. 1908.

постное время, когда вольнонаемный труд был редкостью, земля могла быть использована нетрудовым способом только тем, у кого были крепостные работники. Поэтому-то дворяне оставались в то время почти единственными покупателями и продавцами земли. Земля, если и переходила из одних рук в другие, то почти не выходила из пределов дворянского сословия». Установив в качестве непреложного и не требующего доказательств факта абсолютную невозможность в крепостную эпоху вести какое-либо «нетрудовое» сельское хозяйство иначе как только при помощи крепостного труда и одним ударом пера покончив тем самым с вопросом об элементах дореформенного аграрного капитализма, автор в качестве «резкой» противоположности указывает на пореформенную эпоху. «Отмена крепостного права создает с одной стороны спрос на землю со стороны крестьян, с другой делает возможным крупное капиталистическое землевладение. Земля делается таким образом ходким товаром, нужным всем. Мобилизация земли становится междусословной (разрядка Е. Фортунатовой). На расширенном земельном рынке мы встречаем уже и богатого капиталиста-купца, которому земля дает возможность оживить и оплодотворить его денежный капитал, и мещанина, и крестьянина, и целые общества и товарищества крестьян».[1]

Мы уже видели, что дореформенное движение землевладения вовсе не было исключительно «сословно-дворянским». В междувотчинной мобилизации земли, под маской дворянина и под оболочкой купли-продажи внутри дворянского сословия, скрывался нередко крепостной сельский буржуа и переход земли от дворянина к крепостному крестьянину. «Сословная» видимость в документальном оформлении поземельных сделок могла совершенно не соответствовать их социальной сущности. Переход земли между дворянами мог скрывать переход этой земли из дворянских в крестьянские руки. Скупка земельных участков средними и крупными представителями дворянского землевладения могла в той или иной степени оказаться сосредоточением дворянской земли в руках зажиточного крестьянства, нажимом крепостных «серых баронов» на слабейшее крыло армии помещиков.

Мы видели также, что процесс скрытой междусословной мобилизации земли не застывал после перехода земли от дворянина формально к дворянину, а по существу к крепостному крестьянину. Он продолжался в форме оживленной внутривотчинной мобилизации земли, в которой участвовала очень значительная часть крепостного крестьянства.

Характеристика пореформенного земельного рынка, как «пестрой толпы покупателей», лишь в количественном отношении разнится от дореформенных отношений. Уже до реформы появился и расширялся спрос на землю со стороны крепостного крестьянства, уже тогда земля была «ходким товаром, нужным» не

---

[1] «Борьба за землю», стр. 238.

только дворянам, уже в то время мобилизация земли становилась «междусословной», а на земельном рынке мы встречали помимо купца и мещанина «и крестьянина, и целые общества, и товарищества крестьян». На произведенное юристом уподобление крепостных крестьян «ссыльно-каторжным» историк должен ответить поднятием тяжелой завесы прошлого.

Было бы явной ошибкой не видеть разницы в условиях дореформенной и пореформенной мобилизации земли. Эта разница самоочевидна. Но такая же разница между пореформенным свободным деревенским воротилой и дореформенным миллионером — «рабом», между условиями деятельности всех крепостных представителей дореформенной торговли и промышленности, с одной стороны, и промышленников и купцов после реформы — с другой. Не будь этой разницы, не было бы и реформы, — она была бы не нужна при беспрепятственном развитии русского капитализма в рамках крепостного общества. Но, наоборот, не будь того сходства, о котором мы говорим, не было бы и реформы без той степени развития этого капитализма, которая делала необходимой и реформу.

Было бы явной ошибкой раздувать прослеживаемое нами явление до размеров сверх-исторических. Мы обнажаем корни тех процессов пореформенного капиталистического развития страны, одним из которых была мобилизация земли, превращение ее в товар с рыночным оборотом. Корни не могут не отличаться от вершины, качество создается количеством. Переходом количества в качество и была вся эпоха реформ 60-х годов. Судя по получившемуся их качеству, все предыдущее количество было невелико. Это утверждение имеет, однако, отношение ко всему русскому капитализму, а не только к процессу дореформенной мобилизации земли и участию в ней крепостного крестьянства. Но и здесь надо быть осторожней. По словам Е. Фортунатовой, «дореформенная мобилизация была незначительна по своим размерам», потому что «за все время до реформы» было зарегистрировано лишь 10 000 сделок по купле-продаже земли на 1 миллион десятин. Это авторитетное утверждение, подкрепляемое ссылкой на официальные статистические данные «Обзора деятельности поземельного банка», является грубейшей и совершенно непостижимой ошибкой. Указанные цифры «Обзора» относятся не ко всему дореформенному периоду, а только к 1863 г. [1] и подчеркивают, наоборот, значение дореформенной мобилизации земли. Именно потому, что уже в первый год начала новых, крайне ублюдочных, но все же буржуазных условий развития русского капитализма было совершено около 9855 зарегистрированных сделок купли и продажи на 1 069 493 дес. ценою в 21,5 млн руб., сам составитель «Обзора» находит, что «отнести возникновение этого процесса исключительно к пореформенному времени было бы ошибкою», так как

[1] «Обзор деятельности крестьянского поземельного банка», П. 1906, стр. 230.

очевидно, что «корни мобилизационного процесса уходят далеко в дореформенное время».

Как и другие стороны развития капитализма, процесс втягивание земли в рыночный оборот, процесс, который кончился лишь в 1906 г. законом 9 ноября, вовлекшим в этот оборот основные массы крестьянской земли, начался задолго до реформы. В нем участвовали не только свободные сословия, но и крепостные крестьяне. Формы приобретения земли этими крестьянами были те же покупки отдельными лицами, паевыми товариществами и миром, как и после реформы. Площадь скупавшейся крестьянами земли могла во многих случаях достигать значительной величины и абсолютно, и относительно, в зависимости от степени малоземелья крестьян, особенностей их экономического быта и темпа роста местной сельской буржуазии. В зависимости от этих условий стояли и цели покупки. В приобретении земли принимали участие нередкие единичные крестьяне, а значительные слои крепостной деревни, но первенствующее значение и в самом совершении покупок земли, и в последующем пользовании ею принадлежало многочисленной, обеспеченной и влиятельной сельской крепостной буржуазии. Свобода от обложения помещичьими, часто и мирскими и казенными платежами и повинностями делала владение и пользование землей выгодным и доходным делом. При полном отсутствии юридических правовых гарантий неприкосновенности такой крестьянской собственности бытовой строй социально-экономических отношений и интересов в крепостной вотчине обеспечивал владельцам покупной земли невмешательство помещиков в извлечение из нее доходов и прибылей. Поэтому и тяга к приобретению земли среди крепостного крестьянства и особенно его социальной верхушки была явственно ощутима и заметна. Полная свобода внутривотчинной мобилизации, оформляемой, но не направляемой помещиком и его вотчинной администрацией, позволяла богатому слою крепостной деревни путем скупки, кабальных ссуд и открытых злоупотреблений сосредоточивать в своих руках значительные доли купленной земли, вокруг которой шла напряженная экономическая борьба различных классовых групп крепостной деревни, достигавшая нередко сильной степени обострения внутривотчинных социальных отношений.[1] Добившись приобретения собственной земли, увеличивая размеры ее площади и обеспечив себе распоряжение доходами с нее, сельская буржуазия для извлечения прибылей из этой земли пользовалась всеми характерными для деревни способами и путями. Число и характер документов, положенных в основу нашего беглого очерка, не позволяют ставить вопрос об общем количестве покупной земли в руках крепостного крестьянства, но они позволяют все же с уверенностью сказать, что в числе скрытых корней роста русской буржуазии в дореформенную эпоху было и землевладение крепостных крестьян.

[1] В отдельных случаях, как мы надеемся показать в другой нашей работе, способная приводить даже к открытым крестьянским волнениям.

Приложение № 1.

УКАЗАТЕЛЬ ГЛАВНЕЙШИХ БИБЛИОГРАФИЙ ПО ИСТОРИИ КРЕПОСТНОЙ РОССИИ.

Целью настоящего указателя было, по возможности, собрать главнейшие библиографические материалы, касающиеся истории России в эпоху крепостничества, как в книгах, так и в журнальных статьях, как в общих библиографических указателях и обзорах, так и в специально посвященных истории крестьянского вопроса в России.

Материал разделен на две рубрики: Библиография истории крепостной России 1) в общих библиографических указателях и обзорах и 2) в специальных библиографиях по истории крестьянского вопроса в России. Внутри каждой рубрики материал расположен в алфавитном порядке авторов.

Техника описания каждой книги и статьи по возможности упрощена. Даны лишь те сведения о книгах и статьях, которые облегчают наиболее быстрое отыскание их в библиотеках и дают представление об их объеме. В указаниях на статьи из журналов за годом следует номер журнала и страницы, где помещена статья.

Указатель является лишь материалом для предварительной ориентировки в библиографии по истории крепостной эпохи в России. Указатель составлен И. С. Книжником-Ветровым.

I. Указатели истории крепостной России в общих библиографических указателях и обзорах.

Библиография русской истории. 1916 год, «Русский историч. журнал», Л., 1917, книга 1—2, стр. 1—37 (Приложение).

Бильбасов, В. А. — Обзор иностранных сочинений о Екатерине II, Берлин, 1896, т. XII, ч. 1, стр. 564, и II, стр. 576.

Введенский, А. А. — Торговый дом XVI—XVII веков, «Путь к знанию», Л., 1924, стр. 17—20.

Вознесенский, С. — Программа чтения по русской истории. Указатель литературы, П., 1923, стр. 296.

Кашин, В. Н. — Торговля и торговый капитал в Московском государстве. Кубуч, Л. 1926, стр. 11—17.

Козьмин, Б. П. и Мандельштам, Р. С. — Революционное движение в России XVII—XX вв. Систематич. указатель литературы, вышедшей в 1924 году, изд. Политкаторжан, М., 1925, стр. 76 (Приложение к журн. «Каторга и ссылка» за 1925 г.).

Ламбины, Б. и П. — Русская историческая библиография, СПБ, изд. Акад. наук. Годы 1855—1864. Изданы с 1861 до 1884 г. (От 175 до 475 стр. в каждом из 10 томов.)

Греков, Б. Д., проф. — Монастырское хозяйство XVI—XVII веков, Л., «Путь к знанию», 1924, стр. 13—14.

Кулишер, I. М. — История русского народного хозяйства, т. I и II, М., 1925. Указатель источников и литературы приводится в начале соответствующих глав книги.

Леонтович, Ф. И. — История русского права. Вып. I. Литература истории русского права, Варшава, 1902, стр. IV + + 597 + XVIII.

Лозанова, А. Н. — К библиографии о Степане Разине. «Ученые записки Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского», т. VI, Саратов, 1927, стр. 279—289. См. также отдельной книгой: Лозанова, А. Н.—Народные песни о Степане Разине. Нижне-Волжское обл. научн. об-во краеведения, 1923, стр. 257—277.

Лященко, П. И. проф. — История русского народного хозяйства, Гиз., М. — Л., 1927, стр. 520.

Межов, В. И. — Литература русского правоведения за 1859—1866 г.г. включ.,

т. I, СПБ., 1867. (Для каждого года отдельная пагинация.)

Межов, В. И.—Русская историческая библиография за 1865 — 1876 гг. включ., СПБ., изд. Акад. наук. 8 томов, из которых последние два состоят из указателей к предыдущим томам.

Межов, В. И. — Русская историческая библиография. Указатель книг и статей по русской и всеобщей истории и вспомогательным наукам за 1800 — 1854 гг. включ. Спб., т. I, 1892, стр. XVI + + 373, т. III, 1893, стр. X + 514.

Межов, В. И. — Литература русской истории за 1859—1864 гг. включ. т. I, СПБ., 1866, стр. XVIII + 418. Т. I., СПБ. 1882, стр. XII + 436. — Т. III, СПБ., 1883, стр. VIII + 414. — Т. V, СПБ., 1885, стр. IX + + 378. — Т. VI.

Подробный каталог изданий Археографической комиссии, вышедших в свет с 1836 по 1918 г., изд. 6-е, П., 1918, стр. IV + 116.

Стор[ожев], В. — Библиография. См. «Русская история с древнейших времен» М. Н. Покровского при участии Н. М. Никольского, т. IV, изд. 2-е, М., «Мир», без года, стр. 419 — 428.

Ульянов, Н. А. — Указатель журнальной литературы (алфавитный, предметный, систематический). Вып. I. Пятилетие 1906 — 1910 гг., М., изд. «Наука», 1911, стр. 103.

Ульянов, Н. А. и Ульянов В. Н. — Указатель журнальной литературы (алфавитный, предметный, систематический). Вып. II. Десятилетие 1896—1905 г., М., изд. «Гаука», 1913, стр. 215.

II. Специальные библиографии по истории крестьянского вопроса в России.

Авалиани, С. — Библиографический указатель литературы по истории крепостного права, крестьянскому и аграрному вопросу, переселенческому делу и землеустройству. «Известия Одесск. библ. об-ва», 1913, 5, 230 — 240; 1914, 3, 166 — 182.

[**Блашке, Р. Э. и Шмаров, М. А.**] — Каталог библиотеки ученого комитета министерства земледелия и государственных имуществ, СПБ. 1901, стр. 6 + V + + 3 + 475 + XCIV + 5.

Богданов, П. — Указатель русской литературы по описанию отдельных русских частновладельческих хозяйств. 1765 — 1902 гг., изд. Департ. земледелия, СПБ., 1904, стр. V + 116.

Дорошенко Д. — Указатель источников для о знакомления с южной Русью СПБ., 1904, стр. 60.

Дубровин, Н. — Библиографический указатель статей и книг, относящихся исключительно до пугачевского бунта. В его книге «Пугачев и его сообщники», т. III, СПБ., 1884, стр. 379 — 403.

Игнатович И. И. — Список источников и пособий о помещичьих крестьянах накануне освобождения. (На 9 стр.) В книге того же автора «Помещичьи крестьяне накануне освобождения», изд. 3-е, Л., «Мысль», 1925, стр. 397 — 405.

Лященко, П.—Главнейшая литература по экономической истории сельского крепостного хозяйства. В его книге «Очерки аграрной эволюции России, т. I, Л., изд. «Прибой» (Комм. ун-т им. Зиновьева), 1924, стр. 273 — 277.

Межов, В. И. — Крестьянский вопрос в России. Полное собрание материалов для истории крестьянского вопроса на языках русском и иностранных, напечатанных в России и за границей, 1764 — 1860, СПБ., 1855, стр. VIII + 421.

[**Мороховец, Е.**] — Опыт библиографического указателя по истории крестьянского движения в России. XVIII век. «Вестник Комм. академии», 1927, 20, 318 — 334.

Мороховец, Е. — Опыт библиографического указателя по истории крестьянского движения в России. Крестьянское движение 1801 — 1860 гг. «Вестник Социалистич. акад»., 1923, 3, 415 — 431; 4, 469 — 473.

Огурцов, Н. — Библиография революц. движения в Ярославском крае. «Ярославская старина», вып. I, Ярославль, 1924, стр. 198 — 211.

Огановский, Н. — Закономерность аграрной эволюции. Ч. 2. Очерки по истории земельных отношений в России. Саратов, 1911, стр. 216 — 220, 386 — 395.

Попельницкий, А. — Редкие издания по истории освобождения крестьян от крепостной зависимости в России. «Известия Одесск. библ. об-ва», 1913, 5, 227 — 229.

Савич, А. А. — Источники для изучения хозяйства и социальных отношений на крайнем русском севере в древней Руси. В его книге «Соловецкая вотчина XV—XVII в.» Пермь, 1927, стр. 280.

Святловский, В. В. — Библиографический указатель литературы по статистике землевладения в России, вып. VIII, СПБ., 1904, стр. 121 + V.

Семевский, В. И. — Важнейшие пособия по истории крестьян в России. В его книге «Крестьяне в царствование

имп. Екатерины II», т. I, изд. 2-е, СПБ., 1903, стр. 626 — 637.

Слабченко, М. Е., проф. — Организация хозяйства Украины от хмельнищины до мировой войны. 4 тома, Одесса. Гиз Украины, 1922 — 1925.

Чернявський, Дмитро. — Катеринославщина. Указатель литературы, Екатеринослав, 1919, стр. XIV + 50.

Чужак, Н. — Последняя литература о Пугачеве и Разине. В журн. «Каторга и ссылка», 1928, 6 (43), 176—181. Обзор за 1926 — 1928 гг.

Шперк, Фр. — Опыт хронологического указателя литературы об Астраханском крае с 1473 по 1887 г. включ., СПБ., 1892, стр. VII + 249.

Шмаров, М. А. — Каталог библиотеки ученого комитета главного управления землеустройства и земледелия, изд. 3-е дополн, СПБ., 1913, стр. 7,+109—611+ + CXXIII.

Якушкин, Е. И. — Обычное право. Вып. I. Материалы для библиографии обычного права, изд. 2-е, исправл. и дополн., М., 1910, стр. XXX + 191.

То же. Вып. II, Ярославль, 1896, стр. XXVII + 544.

То же. Вып. III, М., 1908, стр. IV,+546.

То же. Вып. IV, М., 1909 стр. 440.

Приложение № 2.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ УКАЗАТЕЛЯ ИСТОЧНИКОВ ПО КРЕПОСТНОМУ ХОЗЯЙСТВУ.

В состав материалов для указателя включены наиболее важные из опубликованных источников по крепостному хозяйству. Материалы разделены на три основные части: XV — XVII вв.—период появления крепостного хозяйства, XVIII в. — период расцвета крепостного хозяйства и XIX в. до 60-х гг. — период упадка крепостного хозяйства.

В каждой части источники разбиты на следующие главные отделы:

1) общие историко-экономические и статистические описания и переписи; 2) инструкция, проекты и наказы; 3) памятники административной, судебной и законодательной деятельности; 4) записки, дневники и описания современников; 5) сборники общего характера (varia).

Источники, входящие в состав отделов, печатаются в хронологическом порядке.

В составлении указателя принимали участие: по 1-й части: проф. Б. Д. Греков источники по возникновению крепостных отношений), Н. Г. Богданова (источники по горной промышленности в XVII в.) и Н. С. Чаев (источники по истории 2-й половины XVII в.); по 2-й части М. Н. Мартынов; по 3-й — В. Н. Кашин.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ.

А. А. Э. — Акты, собранные в библиотеках и архивах Археографической экспедицией. Тт. I—IV. 1836.

А. З. Р. — Акты Западной России, т. I — V.

А. И. — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. Тт. I—V. 1841—1842.

А. М. Г. — Акты Московского государства, изд. Академией наук. Тт. I — III. 1890 — 1901.

А. Ю. Б. — Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Изд. Археографической комиссии. Тт. I — III. 1857 — 1888.

Д. А. И.—Дополнения к актам историческим. Изд. Археографической комиссии. Тт. I — XII. 1846 — 1872.

Ж. З. — Журнал землевладельцев.

Ж. М. Г. И. — Журнал министерства государственных имуществ.

Ж. С. Х.—Журнал сельского хозяйства.

Ж. С. Х. и О. — Журнал сельского хозяйства и овцеводства.

Л. З. А. К. — Летопись занятий археографической комиссии.

П. С. З. — Полное собрание законов.

П. С. Р. Л. — Полное собрание русских летописей, Тт. I — XXIV.

Р. И. Б. — Русская историческая библиотека. Тт. I — XXXIX.

С. Г. Г. и Д. — Собрание государственных грамот и договоров. Тт. I — IV. 1813 — 1828.

С. Р. И. О. — Сборник Русского исторического общества.

Т. В. Э. О. — Труды Вольно-экономического общества.

Ч. М. О. И. и Д. Р. — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.

I. Источники по возникновению крепостнических отношений (1356—1649 гг.)

1. *Писцовые книги.*

Новгородские писцовые книги, т. I, стр. 266, 334, 357, т. II, стр. 222, 232, т. IV, стр. 71, 83, 138—162, 407—435, 441—458, 472—478.

Выдержки из писцовых книг 1500, 1581, 1592 гг. на часть вотчины Новгородского епископа. Греков, Б. Д.—Монастырское хозяйство, Л. 1924, стр. 111—121.

Писцовые книги, изд. Географич. общества, т. I, отд. II, Тверской у., стр. 291—403. Статистич. обработку их см. Лаппо, И.—Тверской уезд, Ч. М. О. И. и Д. Р., 1894, IV.

Извлечения из Новгородских писцовых книг. Неволин—О пятинах и погостах. Прилож. XI, стр. 150, 175.

2. *Публицистика.*

Произведения Пересветова. В. Ржита—И. Пересветов. Ч. М. О. И. и Д. Р., кн. I. Беседа Сергия и Германа Валаамских чудотворцев. Л. З. А. К., в.Х.

Произведения Ермолая — Еразма. Ржига, В. — Литературная деятельность Ермолая — Еразма. Л. З. А. К., в. 33.

Переписка Ивана Грозного с Курбским. Р. И. Б., т. XXX.

3. *Законодательные сборники.*

Судебник 1497 г. стр. 57.

Судебник 1550 г., стр. 87. Хрестоматия Владимирского-Буданова, в. II, А. И., т. I, № 105, стр. 153 и 155.

Судебник 1598 г., изд. Московского архива Мин-ва. Иностр. Дел, стр. 46.

Уложение царя Алексея Михайловича. П. С. З., т, I, стр. 1—161. См. особенно гл. XI (есть отдельные издания).

4. *Акты.*

Духовная грамота великого князя Ивана Калиты, 1328 г. С. Г. Г. и Д., т. I, стр. 32—33.

Жалованная грамота его же Печерским сокольникам 1328—1341. А. А. Э., т. I, стр. 1—2.

Жалованная грамота его же Новгородскому Юрьеву монастырю 1338—1340 г. А. А., Э., т. I, стр. 2.

Духовная грамота в. кн. Ивана Ивановича 1356 г. С. Г. Г. и Д., т. I, стр. 41, 42, 43.

Жалованная грамота Тверского в. кн. Василия Михайловича 1361—1365 гг. А. А. Э. т. I, № 5.

Уставная грамота митрополита Киприана Константиновскому монастырю, 1391 г. А. А. Э., т. I, № 11.

Жалованная грамота Нижегородского кн. Александра Ивановича Благовещенскому монастырю 1410—1417 гг. А. А. Э., т. I, № 17.

Жалованная грамота в. кн. Василия Дмитриевича Благовещенскому монастырю 1423 г. А. А. Э., т. I, № 21.

Жалованная грамота Углицкого кн. Дмитрия Юрьевича Троицкому Сергиеву монастырю 1437-1447 гг. А. А. Э., т. I, № 28.

Грамота Белозерского кн. Михаила Андреевича и в. кн. Владимира Васильевича а) Федору Константиновичу, b) Белозерскому наместнику, боярам, боярским детям и пр. и с) Кириллову монастырю. Около 1450 г. А. А. Э., т. I, № 48.

Новгородская данная 1452 г. А. Ю. Б., № 110, VI, стр. 145.

Духовная грамота в. кн. Софии 1453 г. С. Г. Г. и Д., т. I, стр. 194.

Две жалованные грамоты в. кн. Василия Васильевича Троицкому Сергиеву монастырю 1455—1462 гг. А., И., т. I, № 59. А. Ю. Б., т. I, № 37, стр. 125—126.

Грамота в. кн. Ивана Васильевича на Белоозеро 1462 г. А. А. Э., т. I, № 73.

Жалованная грамота Вологодского князя Андрея Васильевича Кириллову монастырю 1462—1471 гг. Д. А. И., т. I, № 198.

Грамота в. кн. Ивана Васильевича Суздальским и Юрьевским наместникам и посельским 1466—1478 гг. А. А. Э., т. I, № 83.

Духовная грамота кн. Юрия Васильевича 1472 г. С. Г. Г. и Д., т. I, стр. 231—233.

Жалованная грамота Углицкого кн. Андрея Васильевича Покровскому монастырю 1476 г. А. А. Э., т. I, № 102.

Договорная грамота Новгородского Юрьева монастыря с крестьянами Робичинской волости относительно повинностей в пользу монастыря. XV в., Греков, Б. Д. — Монастырское хозяйство стр. 64—65.

Духовная грамота кн. Андрея Васильевича 1481 г. С. Г. Г. и Д., т. I, стр. 272.

Духовная грамота кн. Михаила Андреевича Верейского 1486 г. Там же, т. I, стр. 301—303.

Духовная грамота кн. Ивана Юрьевича

Патрекеевича 1498 г. Там же, т. I, стр. 336_2, 337_2.[1]

Духовная грамота кн. Иулиании 1503 г. Там же, т. I, стр. 340.

Духовная грамота кн. Ивана Борисовича Волоцкого 1504 г. Там же, т. I, стр. 340_1.

Запись в. кн. Василия Ивановича 1523 г. Там же, т. I, стр. 416.

Две уставные грамоты Соловецкогомонастыря 1548 г. и 1561-1564 гг. А. А. Э., т. I, № 221, стр. 258-268.

Уставная Важская грамота 1552 г А. А. Э., т. I, № 234, стр. 231 — 239.

Грамота Новгородским дьякам о вывозе крестьян в указанный срок 1555 г. Д. А. И., т. I, № 56.

Грамоты по судным делам о беглых крестьянах 1556 г. Д. А. И., т. I, № 51, стр. 74, 82 и 84.

Уставы на волоки 1557 г. Р. И. Б., т. XXX артикул. 20 и дополнение к арт. стр. 555, 558.

Грамота царя Ивана Васильевича Анике Строганову о продаже хлеба 1566 г. Введенский А. А. — Торговый дом, Л., 1924, стр. 91.

Послушная грамота крестьянам села Розмесова Кашинского у. 1557 г. А. А. Э., . I, № 251.

Царская грамота на Белоозеро о запрещении выводить монастырских крестьян 1559 г. Р. И. Б., т. II, стр. 40 — 41.

Летописное известие о приглашении крестьян на царскую пашню в с. Холынь 1572 г. П. С. Р. Л., т. III, стр. 174.

Послушная грамота в. кн. Семена Бекбулатовича крестьянам, пожалованным в вотчину князю Д. Засекину 1576 г. А. А. Э., т. I, № 290.

Грамота Казанского Зилантова монастыря 1574 г. Кунцевич Г. К. — Грамоты Казанского Зилантова монастыря. Казань, 1901, стр. 15; А. И., т. I, № 191.

Указ царя Ивана IV об обыске относительно монастырских старожильцев 1577 г. Дьяконов. — Акты тяглого населения, в. II, стр. 26 — 27.

«Память» Семена и Максима Строгановых о поставке хлеба в Астрахань 1578 г. Введенский, А. А. — Торговый дом, стр. 99.

Оброчная грамота Троице-Сергиева монастыря крестьянам села Соболева около 1580 г. А. А. Э., т. I, № 307.

Память царя Ивана VI приказчику Дворцового села Симы Юрьевского у. о вывозе монастырских крестьян 1580 г. Описание актов гр. Уварова, № 53, стр. 61 — 62.

Соборные приговоры 1580 — 1584 гг. С. Г. Г. и Д., стр. 584 — 585; 593 — 595. А. А. Э., т. I, № 308.

Правая грамота Т. Д. Шиловскому на дьяка А. Шерефединова 1584 г. Лихачев, Н. П. — «Сборник актов», в. I, стр. 242—271; особенно стр. 249.

Рядная запись крестьянина Ивана Ульяновска Бояринова в Прилуцкий монастырь 1584 г. Сб. Российск. Публ. Библ. 1924, стр. 293.

Грамота воеводе М. Г. Вердеревскому о сыске беглого крестьянина 1586 г. Акты Юшкова. «Ч. М. О. И. и Д. Р.» 1898, т. III, стр. 238.

Жалованная грамота патриарха Иова монастырям: Благовещения в Нижнем Новгороде и царя Константина и Елены во Владимирском уезде 1590 г. Иванов, П. — Описание Гос. архива старых дел. М. 1850, стр. 237.

Уставная грамота патриарха Иова Новинскому монастырю. 1590 г. Временник, кн. II. Смесь, стр. 19.

Уставная грамота патриарха Иова Новинскому монастырю 1590 г. Временник, кн. II. Смесь, стр. 19.

Уставная грамота Торопецкого посада 1591 г. Побойнин, Торопецкая старина, стр. 353—359 Яковлев, А. И. — Наместничьи, губные и земские уставные грамоты, стр. 142 — 147.

Царская грамота на Двину 1592 г. Р. И. Б., т. XIV, стр. 135—137.

Ввозная грамота на поместье Ивану Тимофеевичу Хмелевскому 1593 г. А. Ю. Б., т. I, стр. 75.

Боярский приговор о беглых крестьянах 1606 г., февраля 1. А. А. Э., т. III, № 40.

Донесение о поездке в Москву придворного Римского Императора Михаила Шиле 1598 г. Ч. М. О. И. и Д. Р., 1875, т. II, стр. 17.

Грамота царя Бориса Федоровича в Сольвычегодск, устанавливающая цену на хлеб по случаю ее повышения скупщиками 1601 г. Сб. кн. Хилкова СПБ., 1879, стр. 165—170.

Грамота патриарха Иова Цареву-Константинову монастырю 1602 г. А. Ю. Б., т. I, № 43, стр. 137.

Указ о беглых крестьянах 1597 г. А. И., т. I, № 221.

Память окольничему Морозову о крестьянском выходе 1601 г. ноября 28. А. А. Э., т. II, № 20.

Царская грамота воеводе кн. Буй-

[1] Цифра ниже строчки после запятой обозначает столбец данной страницы.

ногову - Ростовскому о крестьянском выходе 1602 г. А. А. Э., т. II, № 23.

Память Новгородским пятиконецким старостам о крестьянском выходе 1602 г. А. А. Э., т. II, № 24.

Наказ С. А. Левшину царя и в. кн. Владислава Жигимонтовича по управлению Чухломой 1610 г. Древняя Российская Вивлиофика, изд. 2-е, т. XI, стр 368 — 369.

Договорная запись с Владиславом Сигизмундовичем 1610 г. С. Г. Г. и Д., т. II, стр. 404.

Лист за королевскою рукою и за печатью, на чом договор был и присегал король боярину М. Г. Салтыкову с товарыщи. 1610 г. Записки гетмана Жолкевского. Приложение № 20, стр. 42—48, § 16 и 17.

Грамота боярина кн. Мстиславского в Казань об избрании королевича Владислава 1610 г. А. А. Э., т. II, № 165, стр. 264.

Грамота Тушинского царя Иль-Мурзе Юсупову на вотчину 1610 г. О роде кн. Юсуповых, ч. 2, стр. 120 — 122.

Грамота польского короля Сигизмунда капитану Якову Маржерету на поместье в Двинском уезде 1611 г. А. З. Р., т. IV, стр. 411.

Наказ Новгородского государства бояр и воевод Якова Делягарди и кн. Ивана Одоевского приказчику Нехорошему Вельяминову об управлении Онежскими дворцовыми волостями 1612 г. Д. А. И., т. I, стр. 296.

Царская грамота о возвращении Иосифову Волоколамскому монастырю крестьян, разбежавшихся в «смуту» 1614 г. А. А. Э., т. III, № 41.

Царская грамота Троицкому Сергиеву монастырю о дозволении отыскивать беглых крестьян Троицких вотчин 1615 г. А. А. Э., т. III, № 66, стр. 103.

Свозные книги беглых крестьян Нижегородского, Балахонского и др. уездов. Памятники социально - экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., М., 1929, стр. 185—259.

Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVII в. Ч. М. О. И. Р., 1915, кн. III.

Царская грамота Чердынским воеводам Василию Бутурлину 1621 г. А. И., т. III, № 286, и Сарычу Линеву 1629 г. А. И., т. III, № 160.

Выписка из статейного списка о сроке сыска беглых крестьян около 1634 — 1635 гг. А. А. Э., т. III, № 350.

Челобитная иноземцев-помещиков о сроке сыска беглых крестьян 1639 г. А. М. Г., т. II, стр. 104. Памятники по истории крестьян XIV—XIX вв., изд. Клочкова, стр. 56.

Две царские грамоты Верхотурскому воеводе о запрещении крестьянам переселяться на новые места 1640. А. И. т. III, № 211.

Челобитная дворян и детей боярских царю Михаилу 1642 г. А. И., т. III, стр. 109 — 114.

Писцовый наказ о переписи Московского уезда 1642 г. А. И., т. III, стр. 109 — 114.

Писцовый наказ 1646 г. о переписи Московского уезда. А. А. Э., т. IV, стр. 26.

Царская грамота Звенигородскому воеводе о сыске и отдаче владельцам беглых крестьян по писцовым книгам безурочных лет 1649 г. А. И., т. IV, стр. 66 — 67.

5. *Записки иностранцев.*

Контарини. — Путешествие 1473 г. Библ. иностр. писат. о России, стр. 109.

Штаден Г.—О Москве Ивана Грозного, Вторая половина XVI в. стр. 95, 121—122.

Герберштейн. — Записки о Московитских делах 1588 г., изд. 1908, стр. 85 — 86.

Иовий — Книга о посольстве. Первая половина XVI в., изд. 1908, стр. 121 —122.

Флетчер. — О государстве русском. (1588 г.), изд. 1905, стр. 11.

6. *Сборники материалов.*

Памятники социально-экономической истории Московского государства XV—XVI вв. под ред. А. А. Новосельского и А. И. Яковлева.

Введенский, А. А. — Торговый дом XVI—XVII вв.

Греков, Б. Д. — Монастырское хозяйство XVI — XVII вв.

Никольский, Н. К.—Кирилло-Белозерский монастырь, ч. II.

Дебольский. — Гражданская дееспособность по русскому праву (см. особенно стр. 145, 180, 205).

Дьяконов, М. А. — Акты тяглого населения. В. I и II. См. особенно в. I, №№ 1, 20, 24, 26 — 29, в. II, № 33.

Татищев, В. Н. — Судебник царя и в. кн. Иоанна Васильевича (см. особенно указы 1601 и 1607 гг. и примечания к ним).

Самоквасов, Д. Я. — Архивный материал, т. II (см. особенно стр. 449 —453).

Памятники по истории крестьян XIV—XIX в., изд. Клочкова.

Владимирский-Буданов. — Хрестоматия по истории русского права.

Веселовский, С. — Арзамасские акты, М., 1915 (см. особенно № 112).

Новомбергский. — Слово и дело государевы, I (см. особенно, стр. 71, 198 и 249).

II. Источники по крепостному хозяйству (1649—1700 гг.)

1. Писцовые, переписные и отказные книги.

Осинские переписные книги кн. И. Дашкова, 1678 г. Пермск. губ. вед. 1879, №№ 14, 17, 19, 21, 34 и 42.

Писцовые книги Угличского уезда. Временник Демидовского лицея, тт. 41-45.

Извлечения из переписных книг (1676—1682 гг.), сост. Е. Е. Замысловским. Л. З. А. К., в. VIII, СПБ, 1888.

Выписи из книг межевых и отказных по Белевскому уезду 1658 г. февраля 10. А. Ю. Б. I, № 14, стр. 27—28.

Выписки из отказных книг по Орловскому, Мценскому, Касимовскому, Ярославскому, Белевскому, Ряжскому, Кашинскому, Рыльскому, Вяземскому, Болховскому и Пензенскому уездам, 1660—1700 гг. А. Ю. Б., I, № 15, I—XIII, стр. 28-43.

Выпись из переписных книг по Елецкой вол. Ржевского у., 1669—70 гг. А. Ю. Б., I, № 16, стр. 44—45.

Выпись из писцовых книг Данила Григорьевича Тютчева на поместье А. Ф. Страхова в Погорельском стану Белевского у., 1678—79 гг. А. Ю. Б., I, № 17; III, стр. 47-50.

Выпись из писцовых книг Романа Чобышева на поместье Богданова в Поленском стану Мценского уезда. А. Ю. Б., I, № 17; IV, стр. 50—52.

2. Наказы и инструкции.

Наказ Покровского монастыря слуге Гаврилу Воронину об управлении монастырскою вотчиною, 1653 г. А. А. Э., IV, № 67, стр. 103—105.

Наказная память слуге Тверского монастыря Антипу Григорьеву об управлении монастырским селом Низиным, 1659 г. А. А. Э., IV, № 112, стр. 156.

Уставная грамота приписному к патриаршему дому Боголюбову монастырю о вотчинном управлении, 1688 г. А. И., V, № 171, стр. 299.

Наказ, данный Савво-Сторожевскими властями строителю приписного Пурдышевского монастыря об управлении монастырскою вотчиною, 1689 г. А. И., V № 191, стр. 330.

3. Памятники административно-судебного и законодательного характера.

Царская грамота Звенигородскому воеводе князю Мещерскому о сыске и отдаче владельцам беглых крестьян бессрочных лет. 1649 г. А. И., IV, № 30, стр. 66.

Акты о сыске и выводе на прежние участки беглых крестьян Заонежских и Лопских погостов, 1651—1654 гг. Д. А. И., III, № 82, стр. 286—296.

Царская грамота на Белоозеро о высылке в Москву портных мастеров и скорняков из монастырских вотчин, 1658 г. А. А. Э., IV, № 102, стр. 142.

Указ о наказании за прием и передержательство беглых людей и крестьян, 1661 г. П. С. З., I, № 307, стр. 556.

Царская грамота окольничему и оружейничему Хитрово о рассылке в дворцовые села изготовленных на железных заводах разных земледельческих орудий, 1663 г. А. А. Э., IV, № 138, стр. 187.

Новоторговый устав 1665 г. П. С. З., I, № 408, стр. 677.

Царская грамота на Двину воеводе Ивану Годунову о дозволении Соловецкого монастыря вотчинным Поморским крестьянам покупать в Холмогорах и Архангельске хлебные запасы про домашний обиход, 1667 г. А. И., IV, № 198, стр. 370.

Царская грамота в Свияжск об обращении на посады и в черные слободы закладчиков и крестьян, самовольно вышедших из оных после постановлений 1649 и 1650 гг., 1667 г. А. А. Э., IV, стр. 209—210.

Выпись из судного дела на владение крестьянами, 1673 г. мая 22. А. Ю. Б., I, № 22, стр. 56—62.

Окладная память Владимирского Боголюбова монастыря игумену Никону об оброках с вотчинных монастырских крестьян, 1674 г. А. И., IV, № 245, стр. 520.

Новоуказные статьи о поместьях, 1676 г. П. С. З., I, № 633.

Новоуказные статьи о поместьях и вотчинах, 1677 г. П. С. З., I, № 700.

Царская грамота Верхотурскому воеводе Р. Павлову и воеводская память Ирбитскому прикащику В. Протопопову о переводе митрополичьих и монастырских крестьян с земляных участков на

Р. Пышме на старые их земли, о поселении на место их казенных крестьян, 1680 г. А. И., IV, № 59, стр. 87.

Царская грамота Симбирскому воеводе кн. Я. Долгорукову о подтверждении крестьянам Надеинского Усолья не выходить из повиновения Савво-Сторожевским властям и присланного от них промышленника, 1682 г. А. И. V, № 90, стр. 143.

Наказ Дмитрию Хлопову о сыске беглых крестьян в Казанском у., 1683 г. А. А. Э., IV, № 279.

Царский указ о запрещении выдавать истцам из Московских дворцовых слобод крестьян, 1685 г. А. А. Э., IV, № 287.

Новоуказные статьи о чернослободских и беломестцовых дворах, 1686 г. П. С. З., II, № 1157.

Выпись из книги записной приходной Приказа Холопьего Суда, 1687 г. А. Ю. Б., I, № 13, стр. 23—27.

Царская грамота Кунгурскому воеводе Ивану Кологривову о воспрещении тяглым посадским и уездным людям закладывать и продавать беломестцам деревенские свои участки и тяглые земли, 1688. А. И., V, № 174, стр. 305.

4. Записки иностранцев и современников.

Коллинс, С. — Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне, М., 1846.

Кильбургер. — Краткое известие о русской торговле, СПБ., 1820.

Корб, И. Г. — Дневник путешествия в Московию 1698 и 1699 г., СПБ., 1906.

Котошихин, Г. — О России в царствование Алексея Михайловича, СПБ., 1906.

Майерберг, А. — Путешествие в Московию, М., 1874.

Крижанич, Ю. — Русское государство в половине XVII в., М., 1859.

Де-Родес. — Донесение о русской торговле. Ч. М. О. И. и Д. Р., 1915, ч. II.

5. Сборники материалов.

Гарелин. — Старинные акты Шуи.

Архим. **Дионисий.** — Можайские акты, СПБ. 1892.

Дьяконов. — Очерки из истории сельского населения в Московском государстве (XVI — XVII вв.). Приложения №№ 1—20, стр. 322—344, СПБ., 1901.

Загоскин. — Материалы истор. и юридич. района б. приказа Казанского Дворца, т. I.

Зерцалов. — Материалы для истории Симбирска и его уезда, Симбирск, 1896.

Мельников. — Акты исторические и юридические, Казань, 1859.

Победоносцев. — Историко юридические акты переходной эпохи XVII — XVIII вв., ч. М. О. И. и Д. Р., 1886.

Семевский. — Историко-юридические акты XVI — XVII вв., СПБ., 1892.

Холмогоровы. — Исторические материалы о церквах и селах XVI—XVIII вв.

Акты Иверского монастыря (1582 — 1706 гг). Р. И. Б., V, изд. археогр. ком., СПБ., 1878.

Архив сельца Зиновьева (акты и письма), изд. Костромск. Уч. археогр. ком., СПБ., 1913.

Кунгурские акты, изд. археогр. ком., СПБ., 1888.

Сборник кн. Хилкова, изд. археогр. ком., СПБ., 1879.

Материалы по Нижегородскому краю XVII в. под ред. Кабанова. В. I. Ссудные записи крестьян кн. В. Ф. Одоевского, Н.-Новг., 1912.

Сборник грамот Коллегии Экономии, т. II, изд. Акад. наук, 1929.

Федотов-Чеховской, проф. — Акты, относящиеся до Гражданской Расправы др. Руси, т. II, Киев, 1863.

III. Источники по Горной промышленности в XVII веке.

А. Железная промышленность.

1. Переписные и отказные книги.

Переписная книга оружейного завода на реке Скниге у деревни Ченцович (Каширского уезда, ныне Алексинского, Тульск. губ.), 1663 г. И. Гамель.— Описание Тульского оружейного завода, М., 1826. Прилож. VIII, стр. 36 — 43.

Сказка Дедиловских рудокопов о добывании железной руды, 1667 г. Тульск. губ. вед. 1888, № 50. Часть неофиц. Прилож. отд. оттиск, стр. 32 — 33.

Описные и отказные книги Тульских, Каширских и Алексинских заводов, 1690 г. Отрывки (техническая и административная части). Оружейный сборн., 1875, № 1, стр. 1 — 18 (Смесь); № 2, стр. 1 — 16 (Смесь); № 4, стр. 21 — 52 (Смесь).

2. Памятники административно-судебного характера.

Наказная память 1600 г. Роману Бекману, отправленному в Любек для при-

глашения рудознатцев и других мастеров на царскую службу. А. И., т. II, стр. 31 — 33.

Царская жалованная грамота 1632 г. Голландской земли гостю Андрею Винiусу и торговым людям Авраму Винiусу да Елисею Вилькенсу на устройство вододействующего железного завода в Тульск. уезде. И. Гамель. Ib., М., 1826. Прилож. I, стр. 1 — 4.

Челобитная Андрея Виниуса ц. Михаилу 1636 г. о выдаче проезжих грамот иностранным мастерам, выписанным им из-за моря на Тульские железные заводы. И. Гамель. Ib. Прилож. IV, стр. 16 — 18.

Царская грамота 1646 г. стольнику Илье Данил. Милославскому о призыве из Голландской земли мастеров, знающих ружейное ствольное дело, 1646 г. И. Гамель. Ib. Прилож. VII, стр. 24 — 25.

Отписка стольника Ильи Данил. Милославского да дьяка Байбакова о договоре со ствольным мастером Индриком Фран-Акиной на приезд его из Гаги в Россию. И. Гамель. Ib. Прилож. VII, стр. 26 — 28.

Доклад думного дьяка Михаила Воложенинова 1648 г. о приезде в Москву ствольного мастера Индрика Фран-Акина и челобитная Фран-Акина царю о выдаче ему обещанного жалованья. И. Гамель. Ib. Прилож. VII, стр. 29 — 30.

Челобитная Андрея Виниуса царю 1648 г. о предоставлении в его ведение Тульских железных заводов. И. Гамель, Ib. Прилож. II, стр. 4 — 6.

Выписка из дел Пушкарского приказа 1651 г. о ствольном мастере Индрике Фран-Акине и об устройстве им ствольной мельницы на р. Яузе. И. Гамель. Ib. Прилож. VII, стр. 32 — 35.

Царская жалованная грамота 1665 г. голландцу Филимону Акеме с племянниками на железные заводы в Малоярославецком и Оболенском уездах (Поротовские и Угодские заводы). Д. А. И., т. V, стр. 55 — 61.

Роспись Петра Марселиса 1668 г. о цене на разные сорта железа с Тульских и Каширских заводов. Д. А. И., т. V, стр. 389 — 391.

Царская грамота 1668 г. воеводам Сибирских городов об оказании содействия плавильщику Дмитрию Тумашеву в деле отыскания железных руд. Д. А. И., т. V, стр. 63 — 64.

Докладная запись 1668 г. из Посольского приказа о состоянии Тульских и Каширских заводов Петра Марселиса и о количестве заказов Московского правительства на железные изделия, изготовляемые на них. Д. А. И., т. V, стр. 393 — 397.

Память 1669 г. в Верхотурский уезд об устройстве плавилен для плавки найденного Дмитр. Тумашевым железа. Ib., стр. 64.

Челобитная Дмитр. Тумашева царю 1669 г. о разрешении построить острог при его железных промыслах над Нейвою рекою (Верхотурск. уезд) для охраны от Башкир Ib., стр. 65.

Память из Пушкарского приказа 1669 г. о состоянии Тульских и Каширских заводов Петра Марселиса. Д. А. И., т. V, стр. 391 — 393.

Память 1669 г. Верхотурским властям о выборе целовальников из Краснопольских крестьян для досмотру железного промыслу Дмитрия Тумашева. Ib., стр. 64.

Челобитная 1670 г. плавильщика Дмитрия Тумашева царю об отводе ему к его железным промыслам по Невье реке свободных земель для заселения их вольными гулящими людьми и крестьянами. Д. А. И., т. V, стр. 66. См. также 66 — 67.

Память 1676 г. в Ямской приказ о предоставлении подвод пастору Якову Крестьяну Ейзенбергену, посылаемому за море для приглашения мастеровых людей на железные и медные заводы. Д. А. И., т. IX, стр. 47. Справка о ценах на железо. Ib., стр. 49 — 50.

Память 1676 г. из Приказа Большого Дворца об изготовлении на Каширских железных заводах 2 000 железных кованых досок на покрытие Грановитой палаты. Ib., стр. 13 — 14.

Отводная память 1682 г. Успенской Исетской пустыни на железную руду и друг. угодья по речке Железенке. Ib., стр. 351 — 353.

Выписка 1685 г. о количестве материалов, взятых в казну с Тульских и Каширских железных заводов Христиана Марселиса. Д. А. И., т. XII, стр. 283.

Царская грамота 1687 г. Олонецкому воеводе кн. Васил. Долгорукову о подтверждении прав иноземца Христиана Марселиса на владение пустошью Шильтою и лесными угодьями, приданными к его заводам в Олонецком уезде. Ib. стр. 322 — 325.

Царская грамота 1696 г. датскому комиссару Гендрику Бутенату фон Розенбош и его сыну на владение Олонецкими железными и укладными заводами. Д. А. И., т. XII, стр. 387 — 389.

Царская грамота 1696 г. о свободном и беспошлинном пропуске железа в течение 20 льготных лет, провозимого с Олонецких заводов Бутената фон-Розенбош в Москву и другие города, а также и за границу, кроме военных запасов. Ib.

Царская грамота 1697 г. на Верхотурье воеводе Дмитр. Петр. Протасьеву с товарищами об устройстве железных заводов вблизи Невьи реки., А. И., т. V, стр. 488 — 491.

3. Записки современников.

О шахтовых копях и Тульских железоделательных заводах Петра Марселиса и о прибыли царя от них. Адам Олеарий. Описание путешествия в Московию. Перев. А. М. Ловягина. СПБ., 1906, стр. 164 и 259; также: Котошихин: О России в царствование Алексея Михайловича, СПБ., 1840, стр. 83.

Железные промыслы в Новгородской области. Котошихин. Ib., стр. 85.

Кильбургер,. Краткое известие о русской торговле СПБ., 1820 г., стр. 62, 160 — 170.

Б. МЕДНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Памятники-административно-судебного характера.

Царская грамота 1645 г. Верхотурскому воеводе Стрешневу о приискe медной руды в Верхотурье и о назначении плавильщикам месячных окладов. А. И., т. IV, стр. 32.

Челобитная 1666 г. Дмитрия Тумашева царю о разрешении искать медную руду и заводить заводы в Сибири и на Верхотурье. Д. А. И., т. V, стр. 61.

Царская грамота 1666 г. по городам об оказании всякого содействия Новгородскому гостю Семену Гаврилову, посланному с плавильщиком Денисом Юрышем в Олонецкий уезд для сыску медные руды. Ib. стр. 73 — 74.

Наказ 1667 г. Пустозерскому воеводе Ивану Неелову о сыске медных и серебряных руд и слюды в Пустозерском уезде и по реке Цылме и об отправке для этого с Мезени Фомки Кыркалова да плавильщика Гаврилки Иконникова. Ib, стр. 172 — 174.

Челобитная Петра Марселиса о разрешении искать медную руду и заводить заводы в Лопских и Заонежских погостах и по рекам Цылме и Пижме. 70-е года. К ней приложена роспись о выгодах государства при заведении у себя медных промыслов. Д. А.-И., т. IX, стр. 46 — 47.

Отписка 1671 г. Ивашки Монастырева о медном промысле по Каме реке на Григорове горе. Д. А. И., т. VI, стр. 155 — 156.

Челобитная 1675 г. Петра Марселиса да Еремея фан-дер-Гартена о выдаче им проезжей грамоты для отыскания медных руд. Д. А. И, т. VI, стр. 165.

Запись 1676 г. дьяка Василия Бобинина о царском указе о выдаче проезжей грамоты по всем городам Московского государства стряпчему Спасова монастыря в Казани Кондратию Меркульеву да его боярским крепостным людям для сыску медных и серебряных руд. Д. А. И., т. VII, стр. 53. См. также Д. А. И., т. VI, стр. 167 — 169.

Царская грамота 1678 г. Олонецкому воеводе Якову Стрешневу касательно запрещения въезда головам кружечного двора с питьем на медные заводы Кр. Марселиса и Андрея Бутената в Фоймогубской волости (Олонецк. уезд). Д. А. И., т. IX, стр. 90.

Кильбургер, ор. cit., стр. 158 — 160.

Царская грамота 1699 г. Кунгурскому воеводе Ив. Коробьину об оказании содействия рудокопному мастеру подполковнику Лаврентию Нейтору при разыскании медной руды в Кунгурском уезде. А. И., т. V, стр. 532.

IV. Источники по крепостному хозяйству XVIII века.

1. Общие историко-экономические и статистические описания.

Кириллов, И. — Цветущее состояние Всероссийского государства, в каковое начал, привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий. Собрано трудами статского советника и бывшего в Сенате обер-секретаря г. Ивана Кирилова из подлиннейших сенатских архивов в феврале месяце 1727 г., М., 1831.

Бакмейстер, Л. — Топографические известия, служащие для полного географического описания российской империи, СПБ., 1771 — 1774.

Географический лексикон, составленный Ф. Полуниным и изд. Г. Миллером, М., 1773.

Щербатов, М. — Статистика в рассуждении России. Составл. в 1776 — 1777 г. Ч. М. О. И. и Д. Р., 1859, ч. III; 1860, ч. I.

Пространное землеописание Российского государства, СПБ., 1787.

Чулков, М. — Историческое описание российской коммерции. М., 1781 — 1788, 7 частей, 21 том.

2. Описание провинций, губерний и отдельных имений.

Список с духовного завещания Акинфия Никитича Демидова 24 марта 1743 г. и раздел его имения. Жизнеописание А. Н. Демидова, составленное Г. С. (Спасский). СПБ. 1833, стр. 90 — 103.

Рычков, П. — История оренбургская, СПБ., 1759. Оренбург, 1896.

Шишонко, В. — История о родословии, богатстве и отечественных заслугах знаменитой фамилии г.г. Строгановых (П. С. Икосова), сочинена в 1761 г., Пермь, 1881.

Рычков, П. — Оренбургская топография, СПБ., 1762, 2-е изд., Оренбург, 1887.

Ответы на анкету Вольно-экономического общества по Оренбургской, Калужской, Владимирской, Вологодской Галицкой, Слободской и другим губерниям и провинциям. Т. В. и Э. О., ч. VII, 1767; ч. XI, 1769; ч. XII, 1769; ч. XIII, 1769; ч. XXIII, 1773; ч. XXVI, 1774 г.

Генеральное соображение по Тверской губ., извлеченное из подробного топографического и камерального по городам и уездам описания 1783 — 1784 гг. Изд. Тверской губ. земской управы, под ред. В. И. Покровского, Тверь, 1893.

Описание топографическое Владимирской губернии, составленное в 1784 г. Изд. Влад. Уч. архивн. комиссии, Владимир, 1906.

Радищев, А. — Описание моего владения, собр. соч., 1811, ч. IV.

3. Инструкции, проекты, наставления, наказы и мнения.

Инструкция А. Волынского дворецкому И. Немчинову о управлении дому и деревень Московск. губ., 1724 г. «Москвитянин», 1854, т. I, отд. IV, стр. 11—32.

Посошков, И. — Книга о скудости и богатстве, сие есть изъявление, от чего приключается скудость и от чего гобзовитое богатство умножается. Составлена в 20-х годах XVIII века. Соч. Посошкова, т. I, М., 1842.

Инструкция или пункты Пошехонской вотчины приказчику, каким образом ему в Пошехонских пахотных деревнях смотреть, также что и до оброчных надлежит ведать. П. М. Бестужев-Рюмин и его новгородское поместье. (Начало XVIII века.) «Рус. Арх.» 1904, кн. I, М., 1909, стр. 28 — 38.

Татищев, В. Н. — Краткие экономические до деревни следующие записки 1742 г. «Временник Моск. об-ва истории и древностей российских», М. 1852, кн. XII, отд. III, стр. 12 — 32.

Рычков, П. — Письма о земледельчестве в Казанской и Оренбургской губ. «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие», СПБ., 1758.

Забелин. — Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве. «Вестник Европы», 1871, № 2, стр. 509 — 512. Здесь даны отрывки из «Журнала домового управления», 1763 — 1765 гг.

Проект Ив. Елагина 1766 г. об определении в неотъемлемое владение дворцовым крестьянам земли и об раздаче казенных деревень, за известную плату, на временное и определенное владение вольным содержателям. Ж. З., 1859, №№ 21 и 22, стр. 32 и 135 — 184.

Кузнецов, Я. — Из переписки помещика с крестьянами, Владимир, 1904. (Переписка В. С. Суворова с его крестьянами Ветлужского уезда Костромской губернии. 1766 — 1794 гг.)

Один из ответов на задачу Вольного экономического общества об освобождении крестьян, предложенную в 1766 году. Ж. З., 1859, № 20, стр. 58 — 60.

Депутатские наказы дворян, крестьян, городских жителей Оренбургской, Казанской, Слободской — Украинской, Московской и друг. губерний, в Екатерининскую комиссию по составлению нового уложения. С. Р. И. О., т. 4, 8, 14, 32, 36, 43, 58, 93, 107, 115, 123, 134, 144 и 147, СПБ.

Рычков, П. — О прежнем и нынешнем земледелии. Т. В. Э. О., 1767, ч. VI.

Рычков, П. — О способах к умножению земледелия в Оренбургской губернии. Т. В. Э. О., 1767, ч. VII.

Размышление о неудобствах дать свободу крестьянам, 1767 г. Ч. М. И. и Д. Р., 1861, т. III.

Беарде-Делабей. — Что полезнее для общества, чтоб крестьянин имел в собственность землю, или только движимое имение. Т. В. Э. О., 1768, ч. VIII. См. также журн. «Сельское благоустройство», 1858, № 6, стр. 245 — 254.

Удолов, Ф. — Наставление прикащикам в мызах и деревнях. Т. В. Э. О., 1769, ч. XI.

Вульф. — Наказ прикащика, как управлять деревнями в отсутствии помещика. Т. В. Э. О., 1769, ч. XII.

Болотов, И. — Наказ управителю или приказчику, каким образом ему править деревнями в небытность своего господина, СПБ, 1770.

Рычков, П. — Наказ для деревенского управителя в отсутствии помещика. Т. В. Э. О., 1770, ч. XVI.

Удолов, Ф. — Экономические правила. Т. В. Э. О., 1771, ч. XVII, 1772, ч. XX.

Щербатов, М. М., кн. — О повреждении нравов в России, М, 1908.

Проект крестьянских прав. С. И. О., т. XXXVI.

Уложение Орлова. Ярославские губ. ведомости, 1854, № 44.

Инструкция титулярному советнику Андрею Шестакову, каким образом поступать в собственной ее импер. вел. вотчине, в селе Бобриках с деревнями, Ж. З.", 1859, ч. XXIII.

Екатерина II. — Переписка с Гриммом. «Рус. архив.» 1878, кн. III.

Щербатов, М., кн. — Сочинения, т. I. Рассуждения о нынешнем в 1787 г. почти повсеместном голоде в России. Состояние России в рассуждении денег и хлеба в начале 1788 г. СПБ., 1896.

Болотин, И. Н. — Примечания на историю древния и нынешния России г. Леклерка. СПБ., 1789.

Радищев, А. Н. — Путешествие из Петербурга в Москву. СПБ., 1790. Переиздано в 1905.

Рознатовский, А. — Новое земледелие, основанное на правилах И. Х. Шубарта фон Клефельда, М., 1794.

Сельскохозяйственные расчеты русского помещика в конце XVIII столетия. Сообщил Е. П. Карнович. «Рус. старина, 1876, т. XVI, стр. 566 — 570.

4. Памятники административно-судебного и законодательного характера.

Указ 1700 г. о взятии в посады крестьян, которые занимаются торгом и тягло платят. П. С. З., т. IV, № 1775.

Указ 1707 г. о сыске беглых людей воеводам, о наказании держателей и о взятии с лучших крестьян в каждом селении подписок о недержании беглых. П. С. З., т. IV, № 2147.

Указ Сената 1713 г. о учинении наказания крестьянам, которые отложились от владельцев своих. П. С. З., т. V, № 2668.

Указ Сената 1717 г. о дозволении представлять в рекруты наемных людей и о взятии в случае побега их других. П. С. З., № 3135, стр. 528.

Инструкция или наказ воеводам 1719 г. П. С. З., т. V, № 3294.

Указ Сенату 1720 г. о помещении в ревизских сказках не одних крестьян, но также дворовых людей и церковных причетников. П. С. З., т. VI, № 3481.

Указ 1721 г. о покупке к заводам деревень. П. С. З., т. VI, № 3711.

Указ Сената 1729 г. об отсылке беглых и бродяг, годных в солдаты, в военную коллегию и о ссылке таковых бродяг и беглецов в Сибирь на поселение. П. С. З., т. VIII, № 5441.

Указ 1630 г. о запрещении боярским людям и монастырским слугам покупать вотчины и о распродаже купленных оными недвижимых имуществ. П. С. З., т. VIII, № 5633.

Указ 1736 г. о положении меры наказания беглым, согласно воле их начальников и помещиков или их поверенных. П. С. З., т. IX, № 6951.

Указ Сената 1738 г. о дозволении купечеству Гжатской пристани покупать у московских помещиков дворовых людей и крестьян для отдачи вместо себя в рекруты. П. С. З., т. X, № 7696.

Указ 1742 г. о непринимании в казачьих городках ни под каким видом беглых великороссиян (по поводу массовых побегов крестьян Муромского уезда на Дон в 1742 г.). П. С. З., т. XI, № 8589.

Данные 2-й ревизии 1742 — 1747 г. «Журн. мин-ва вн. дел», 1839, т. XXXII, стр. 248 — 255.

Указ Сената 1742 г. о подтверждении, чтобы крепостные люди от помещиков своих не бегали и о записке в военную службу не просили. П. С. З., т. XI, № 857.

Указ Сената 1746 г. о непокупке купцам и прочим разночинцам, состоящим в подушном окладе, людей и крестьян. П. С. З., т. XII, № 9267.

Указ Сената 1758 г. о надзоре помещикам за поведением своих людей. П. С. З., т. XV, № 10832.

Документы о зверствах помещицы Салтычихи 1750 — 1760 г. «Русск. старина», 1874, т. X, стр. 526 — 28. См. также «Зритель», 1863, № 35 и 36. «Восемнадцатый век» Бартенева, т. IV, стр. 94 — 96.

Указ о ссылке крестьян в Сибирь на поселение 1760 года. П. С. З., т. XV, № 11165.

Указ Сената 1760 г. о приеме в Сибирь на поселение от помещиков крестьян с зачетом их за рекрут. П. С. З., т. XV, № 11166.

Указ Сената 1761 г. о недозволении

крестьянам обязываться векселями и вступать в поручительство. П. С. З., т. XV, № 11204.

Указ Сената 1765 г. о приеме Адмиралтейской Коллегии присылаемых от помещиков для смирения крепостных людей, и об употреблении их в тяжкую работу. П. С. З., т. XVII, № 12311.

Указ 26 февр. 1764 г. о секуляризации церковных имений, П. З. С., т. XVI, № 12060.

Указ 1765 г. о ссылке крестьян в каторжные работы. П. С. З., т. XVII, № 12311.

Имена помещиков убитых и подвергшихся покушению в Московской губ. с 1764 г. по 1769 г. «Русск. архив», 1872, № 12, стр. 427 — 428.

Инструкция Межевым Губернским Канцеляриям и провинциальным конторам 1766 г. П. С. З., т. XVII, № 12659.

Указ Сената 1767 г. о бытии помещичьим людям и крестьянам в повиновении и послушании у своих помещиков. П. С. З., т. XVIII, № 12966.

Наставление Экономическим Правлениям 1771 года. П. С. З., т. XIX, № 13590.

Инструкция сотскому с товарищи от 19 декабря 1774 г. П. С. З., т. XIX, № 14231.

Манифест от 17 марта 1775 г. о дарованных разным селениям милостях по случаю заключенного мира с Портою Оттоманскою (§ 46) и разъяснение к нему Сената от 6 апреля того же года. П. С. З., т. XX, №№ 14275 и 14294.

Указ Сената 1787 г. о приеме отдаваемых от помещиков на поселение дворовых людей и крестьян на основании указа 1760 г. декабря 13-го. П. С. З., т. XXII, № 16602.

Указ Сенату 1796 г. о прекращении самовольного перехода поселян с места на место. П. С. З., т. XXIV, № 17638.

Манифест от 5 апреля 1797 г. о трехдневной работе помещичьих крестьян в пользу помещика и о непринуждении к работе в дни воскресные. П. С. З., т. XXIV, № 17909.

Указ 1797 г. о позволении Межевой канцелярии отмежевать пожалованные вотчины и земли, состоящие с другими в общем владении. П. С. З., т. XXIV, № 17940.

Всеподданнейшее письмо кн. Николая Репнина. «Русск. старина», 1896 г., кн. 10.

5. Записки, дневники и переписка современников.

Беркгольц, Фр. — Дневник (относится к 1721 — 1725 гг.), М. 1858 — 1859.

Ответы Екатерины II Дидро. «Русск архив», 1880, т. III.

Рычков, Н. — Журнал или дневные записки путешествия капитана Р. по разным провинциям Российского государства, СПБ, 1770 — 1772.

Лепехин, И. — Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства. СПБ., 1780.

Гильденштедт, А., академик. — Дневник путешествия в Южн. Россию в 1773 — 1774 гг. Записки Одесск. об-ва ист. и древн., 1879, т. XI.

Фальк — Путевые записки. Полное собрание ученых путешествий в России, 1824 — 1825., тт. VI и VII.

Паллас, П. — Путешествие по разным провинциям Российского государства, СПБ, 1773 — 1788.

Георги, И. — Описание всех в Российском государстве обитающих народов и пр. СПБ, 1776 — 1777; 2-ое изд. 1779, в 4 частях.

Кокс, У. — Россия сто лет назад (в 1778 г.). Путешествие по России. «Русск. старина», 1877, тт. XVIII и XIX.

Гильденштедт, А., академик. — Путешествие по Слободско-Украинской губернии, Харьков, 1892.

Чоглоков, П. — Историческая заметка о крепостном населении Оренбургского края. Оренбургские губ. вед., 1859, №№ 18, 19 и 22, стр. 12.

Аксаков, С. Т. — Семейная хроника, СПБ, 1856.

Болотов, А. — Жизнь и приключения Андрея Болотова (Записки), М., 1871 — 1873.

V. Источники о торговле, промышленности и рабочем труде в XVIII в.

1. Общие историко-статистические описания.

Дегеннин, Г. В. — Натуралин и минералин. «Горный журнал», 1828, № VII, VIII, IX, X, XI, XII. Составлено в 1734.

Ломоносов, М. В. — Первые основания металлургии или рудных дел. СПБ, 1763.

Рычков, П. — О медных рудах и минералах, находящихся в Оренбургской губернии. Т. В. Э. О, 1766, ч. IV.

Крамаренков, В. И. — Записка «о начале, переменах и умножении в России рудокопного дела и горных заводов». В записке 10 глав, из которых напечатаны: VI глава — О приписке и покупке к заводам крестьян; VII глава — О обрабатывании крестьянам заводских ра-

бот; VIII глава — О бытии заводским крестьянам судом приправою ведомым в горных правительствах. Журн. «Архив истории труда в России», П., 1921, стр. 91—112.

Чулков, М. — Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до настоящего и всех преимуществ, узаконений и т. д., М., 1781—1788, 7 частей, 21 том.

Герман, И. — Сочинения о сибирских рудниках и заводах. СПБ., 1797, ч. 1 и 2.

Семенов, А. — Изучение историч. сведений о российской внешней торговле и промышленности с пол. XVII в. по 1858 г., СПБ., 1859, ч. 1—3.

См. также вышеуказанные сочинения Палласа, Лепехина, Кирилова и Щербатова.

2. Описание отдельных заводов, промыслов и производств.

Описание Липецкого и Кузминского заводов нач. XVIII в. Собрание материалов для истории западного края Тамбовск. губ. и епархии, Тамбов, 1878, стр. 199—206.

Рычков, П. — Описание Илецкой соли, прежнего и нынешнего ее добывания. Т. В. Э. О., 1772, ч. 20.

Манассеин, В. С. — Тельминская фабрика. Материалы для истории развития фабрично-заводской промышленности в Восточной Сибири в XVIII и в первой половине XIX столетий, Иркутск, тип. изд. «Власть Труда», 1928, ч. I, стр. 37.

3. Инструкции, наказы, проекты и мнения.

Заводский устав Татищева 1734 г. «Горный журнал» 1831, кн. I, стр. 1—22; кн. II, стр. 174—197; кн. III, стр. 332—349; кн. V, стр. 163—179; кн. VI, стр. 331—344; кн. VII, стр. I—14; кн. VIII, стр. 145—157; кн. IX, стр. 315—328; кн. X, стр. 1—16.

Шлаттер, И. — Обстоятельное наставление рудному делу, состоящее из четырех частей, в которых описаны рудокопные места, жилы и способы для прииску оных, также учреждение новых рудников, потребные к рудному произведению машины, разобрание, толчение и промывание руд с прибавлением о добывании каменного угля, сочиненное и многими чертежами изъясненное действительным статским советником, берг-коллегии президентом и монетной канцелярии главным судьей Иваном Шлаттером, СПБ., 1760.

Наказы в Екатерининскую комиссию по составлению нового уложения приписных крестьян, мастеровых и работных людей уральских горных заводов 1767 г. С. Р. И. О., т. 115, СПБ., 1903, № 77—88, стр. 250—303.

Рычков, П. И. — Письма о коммерции. Ежемесячные сочинения Миллера, СПБ., 1775.

Письмо заводчика Никиты Демидова. Архив Н. Калачова, 1860, № 2, стр. 43—69.

4. Памятники административного и законодательного характера.

Отписка верхотурского воеводы о средствах для продовольствия мастеров, присланных из Москвы на железные заводы, 1700 года. Памятники сибирск. истории, СПБ., 1882, кн. I, стр. 31—36.

Повеление об отдаче туленину Никите Демидову Антуфьеву в 1702 году первых сибирских чугуно-железных заводов, построенных тогда в Верхотурском у. на Невье реке. И. Гамель. — Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении, М. 1826. Прибавления стр. 52—58. (См. также: Жизнеописание А. Н. Демидова, составленное Г. С. (Спасским), СПБ., 1833, стр. 59—83.)

Наказ, данный в 1706 г. старосте Тульских казенных кузнецов. И. Гамель. Прибавл. стр. 58—64.

Сказка Невьянской слободы пашенных крестьян о притеснениях, делаемых им А. Демидовым от 18 марта 1708 г. Памятники сибирск. Старины, СПБ., 1882, кн. I, стр. 316—318.

Две челобитные царю крестьян Каменских заводов о приказании крестьян и других тобольских слобод попрежнему участвовать в работах на означенных заводах 1709 г. Памятники сибирск. истории, XVIII в., СПБ., 1882, кн. I, стр. 400—403.

Регламент об управлении Адмиралтейства 1722 года. П. С. З., № 3937.

О рудных и промыслах и заводах (Нерчинских). Документы 1719—1725 гг. Памятники сибирск. истории. XVIII в., СПБ., 1885, кн. II, стр. 212—251.

Указ о нетребовании работников и подвод безденежно и без указов Сената 1724 года. П. С. З., № 4425.

Регламент Мануфактур-коллегии 1724 г. П. С. З., т. VII, № 4387.

Письма и указы В. Татищева за 1734 — 1737 гг. о горном деле на Урале за №№ XI — XIX. Приложения к жизнеописанию В. Н. Татищева. «Горный журнал», СПБ., 1828, кн. IV.

Регламент и работные регулы на суконные и каразейные фабрики, состоявшийся по докладу учрежденной для рассмотрения о суконных фабриках комиссии 1741 г. П. С. З., т. II, № 8440.

Указ 1744 г. о передаче Табынского завода на особых кондициях купцу Твердышеву. П. С. З., № 8921.

Указ Сената 1752 г. 1753 г. об установлении размера покупки помещичьих крестьян. П. С. З., № 9954 и 10131.

Указ об уничтожении внутренних таможенных сборов 1753 г. П. С. З., т. XIII, № 10164.

Указ 1753 г. о постройке в Оренбургской губернии заводов лишь частными людьми. П. С. З., № 10141.

Указ от 29 марта 1762 г. и 8 августа 1762 г. о запрещении покупать крестьян к заводам. П. С. З., № 11490 и 11638.

Именной указ о даче всем заводчикам копий с учреждения, сделанного на Ижевском и Воткинском графа Шувалова заводах, данный Берг-коллегии 1763 г. П. С. З., № 11790.

Сенатский указ по высочайше утвержденному докладу о приеме Адмиралтейской коллегии, присылаемом от помещиков для смирения крепостных людей, и об употреблении их в тяжкую работу 1765 года. Н. С. З., № 12311.

Указ 1769 г. об увеличении подушного оклада с приписных крестьян. П. С. З., № 13303.

Манифест о работах, каковые крестьяне, приписные к казенным и частным заводам, исправлять обязаны, 1779 г. П. С. З., № 14878.

5. Сборники документов.

Жизнеописание ген.-лейтенанта В. И. Дегеннина. Приложения «Горный журнал», 1826 г., кн. IX.

Герман, И. — Историческое начертание горного производства в Российской империи, ч. 1. О первом начале горного дела в России до царствования императрицы Елизаветы Петровны. С картою Уральского хребта. Екатеринбург, 1810. Сборник официальных документов, манифестов и указов.

Герман, И. — Описание заводов, под ведомством екатеринбургского горного начальства состоящих, Екатеринбург, 1803.

[Дерябин, Ан.] — Высочайше утвержденные доклады и другие сведения о новом образовании горного начальства и управлении горными заводами. СПБ., 1807, ч. 1; 1808, ч. 2.

[Н. А. Н.] — Вятка. Материалы для истории города XVII — XVIII столетий, М., 1887.

Рожков, В. — Материалы к истории горного промысла в Оренбургском крае. «Горный журнал», 1868, № 8, стр. 297 — 310.

Пажитнов, К. А. — Промышленный труд в крепостную эпоху (Сборник документов о приписных крестьянах, о мастеровых и рабочих и вольнонаемных рабочих с 1649 по 1853 г.), Л., 1924, стр. 149.

История русского народного хозяйства (Материалы для лабораторной проработки вопроса). 1. Промышленный капитализм (дореформенный период). Составили Б. Д. Греков и И. М. Троцкий, Л., 1926, стр. 293.

VI. Источники по крепостному сельскому хозяйству в XIX веке.

1. Историко-экономические и статистические описания.

А. ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА.

АФ. Щекатов. — Словарь географический Российского государства в 7 частях, М., 1801 — 1808.

Зябловский, Е. — Статистическое описание Российской империи, СПБ., 1808.

Арсеньев, К. — Начертание статистики российского государства, ч. I — II, СПБ., 1819.

Андросов, В. — Хозяйственная статистика России, М., 1827.

Зябловский, Е. — Российская статистика, ч. I — II, СПБ., 1832.

Гакстгаузен, А. барон. — Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России, т. I., М., 1870 (на немецком языке все три части появились в 1847 — 1852 гг.), сокращенный перевод.

Тургенев, Н. И. — Россия и русские (1847), М., 1907 — 1908.

Арсеньев, К. — Статистические очерки России, СПБ., 1848.

Горлов, И. — Обозрение экономической статистики России, СПБ., 1849.

Небольсин, Г. — Статистическое обозрение внешней торговли России. СПБ., 1850, т. II.

Заблоцкий, А. — Сравнительное обо-

зрение внешней торговли России за последние 25 лет. Сборник статистических сведений о России, СПБ., 1851, кн. I.

Вильсон. — Объяснения к хозяйственно-статистическому атласу Европейской России (изд. Департамента сельского хозяйства). Вышло 4 издания в 1851, 1854, 1857 и 1869 гг.

Материалы для хозяйственной статистики России, издаваемые В. Э. об-вом, кн. I, СПБ., 1853.

Тенгоборгский. — О производительных силах России, ч. I, М., 185—5557 гг.; ч. 2, 1858.

Аксаков, И. С. — Исследование о торговле на украинских ярмарках, СПБ., 1858. (О нем отзыв Н. Бунге в «Отчете о втором присуждении Демидовской награды». СПБ., 1859.)

Семенов, А. — Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 г., П., 1859.

Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Ряд томов с обзорами по отдельным губерниям.

Материалы редакционных комиссий для составления положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Первое издание, СПБ., 1859—60, части I—VIII. Второе издание, СПБ., 1859—60, тт. I—III.

Приложения к трудам редакционных комиссий для составления положения о крестьянах из крепостной зависимости. Сведения о помещичьих имениях. Извлечения из описаний имений по великороссийским губерниям, тт. I—VI.

б. ПО РАЙОНАМ И МЕСТНОСТЯМ.

Герман, К. — Статистическое описание Ярославской губ., СПБ., 1808.

Чернов, С. — Статистическое описание Московской губ., М., 1811.

Чаплин, С. — Опыт статистического обозрения Калужской губ., М., 1838.

Обозрение Киевской, Волынской и Подольской губ., 1838—1850 гг. «Русск. архив», 1884, т. III.

Леопольдов, А. — Статистическое описание Саратовской губ., СПБ., 1839.

Авксентьев, — Очерк сельскохозяйственной промышленности Новороссийского края, М., 1850.

Веневский уезд в географическом, земледельческом и вообще промышленном отношениях, М., 1852.

Фундуклей, И. — Статистическое описание Киевской губ., 3 тт., Киев, 1852,

Преображенский, В. — Описание Тверской губ. в сельскохозяйственном отношении, П., 1854.

Соловьев, Я. — Обзор хозяйства и промышленности Владимирской губ. Ж. М. Г. И., 1854, ч. 51.

Соловьев. — Сельскохозяйственная статистика Смоленской губ., М., 1855.

Никольский. — Хозяйственное описание Балашовского уезда Саратовской губернии, СПБ., 1855.

Военно-статистическое и топографическое описание Рязанской губ. Сообщил С. Д. Яхонтов. Труды Рязанской учен. археограф. комиссии, 1916, т. XXVII, в. I, стр. 18—92.

в. О ХЛЕБНОМ РЫНКЕ.

Фомин, А. — О понижении цен на земледельческие произведения в России, сочинение в ответ на опубликованную Академией наук 29 декабря 1826 г. задачу по политической экономии, СПБ., 1829.

Сабуров, И. — Взгляд на цены на хлеб, бывшие в Пензенской губ. с 1830—35 гг. и на последствия сих цен. «Московский наблюдатель», 1835, ч. II.

Кеппен, П. И. — О потреблении хлеба в России, СПБ., 1839.

Н. П. — О торговле хлебом во внутренних губерниях России. «Отечеств. записки», 1840, № 8.

Протопопов, Д. С. — О хлебной торговле в России. Ж. М. Г. И. СПБ., 1842, кн. V.

Веселовский, К. С. — О ценах на хлеб в России. Ж. М. Г. И., 1845, т. XV.

Заблоцкий-Десятовский, А. — Причины колебания цен на хлеб в России. «Отечеств. записки», 1847, №№ 5 и 6.

Сокольский, И. — Очерк торговли хлебом в 1853 г. и значение Одессы в этой торговле. «Записки об-ва с. х. южной России», 1854, стр. 386—399.

2. Описания отдельных хозяйств.

Волконский, В. — Очерк хозяйства по имению В. П. Волконского, Шацкого у. (Тамбовской губ.), с. Б. Пролома с деревнями, с 1819 по 1845 г. Ж. С. Х. и О., 1846, № 7, стр. 9—12.

Щ[елехов], Д.[П.] — Сравнительный расчет доходов и работ обыкновенного трехпольного хозяйства и нового плодопеременного семипольного, принятого и производимого в усадьбе Д. П. Шелехова, Тверской губ. Зубцовского у. «Землед. журн.», 1825, № 15, отр. 333—380. Ср. там же, 1835, т. XIII, стр. 1—90.

Мин, Е. — Описание Авгуринского

хозяйства, устроенного Д. М. Полторацким (в его имении Калужского у.). «Землед. журн. Моск. об-ва сельск. хоз-ва», 1829, № 26, стр. 209 — 246.

[Бунин, Н.] — Хозяйственные записки и ведомости Бунина (с. Марфино, Усманского у. Тамбовской губ.). «Землед. журн.», 1832, № 5, стр. 21 — 43.

Бунин, Н. — Ведомость о земледельческих работах в имениях помещиков Бунина и Павлова, Тамбовской губ. Усманского у. «Землед. журн.», 1832, № 7, стр. 387 — 456.

Кронковский. — Известия о разных хозяйственных распоряжениях по имению графини Разумовской в Полтавской губ. «Землед. газета», 1835, т. II, стр. 489 — 493. О том же имении и десятипольном хозяйстве в нем см. «Эконом», 1845, стр. 106 — 107; 1847 г., № 48, и книгу: «Устройство Карловского имения вел. кн. Елены Павловны», СПБ., 1859.

Шелехов, Д. — Описание превосходно устроенного сельского хозяйства с зерновым трехпольным полеводством в с. Лотышине (кн. С. С. Мещерской, в Старицком, Тверском, Волоколамском и Зубцовском уездах Тверской губ.). «Библиотека для чтения», 1835, т. IX, стр. 28 — 41.

Шелехов, Д. — Поправление раззоренного поместья (Описание имения Виталино, Тверской губ.). «Библиотека для чтения», 1836, т. XIX, стр. 31 — 78.

Миклашевский, И. П. — Описание хлебопашества в с. Белый колодезь (Новозыбковского у. Черниговской губ.). «Рус. земледелец», 1838, № 5, стр. 129 — 142; № 7, стр. 46 — 56.

Никольский, В. Н. — Наблюдения по части сельского хозяйства в Балашевском у. Саратовской губ. вообще и о хозяйстве в с. Крутец, О. Н. Талызиной, в особенности. «Рус. Земледелец», 1838, № 8, стр. 159 — 171.

Путевые заметки при объезде Днепровского и Мелитопольского у. Таврической губ. в 1835 г. Листки об-ва сельс. хоз-ва южн. России, 1838 — 1839 (описание 14 имений).

Унгерн-Штернберг, Ф., барон. — Известие о ходе хозяйства, заведенного Тульской губ. Богородицкого и Веневского уездов в имениях гр. Ю. С. Бобринской. «Землед. газ.», 1838, т. I, стр. 257 — 263, 273 — 278, 289 — 294, 297 — 302, 305 — 308, 315 — 317, 321 — 327, 329 — 333, 337 — 339, 345 — 350. О том же имении см. статьи того же автора в «Библиотеке для чтения», 1838, ч. XXVIII, стр. 1 — 77; 1840 ч. 40, стр. 1 — 67, 67 — 130; 1841, стр. 1, 41. О разведении овец в этом имении статьи того же автора в «Землед. газете», 1836, т. II, стр. 649 — 653, 657 — 659; и в «Библиотеке для чтения», 1837, кн. XXI, стр. 1 — 13. Замечания Якоби об этих статьях см. в «Землед. журн.», 1840, № 6, стр. 451 — 466.

Волжин, Б. — Картина энциклопедического и образцового хозяйства в с. Красный-Кут ген.-м. П. А. Папкова в Славяносербском у. Екатеринославской губ., СПБ., 1839, стр. 77. См. также «Журнал общеполезных сведений»; 1837, №№ 44, 45, 46.

Клепацкий, И. Ф. — Отчет помещика Клепацкого (по имению Араповка, Купянского у., Харьковской губ.). «Землед. журн.», 1839, № 6, стр. 393 — 396. Отчеты за другие годы в «Ж. С. Х. и О.», 1846, № 2, стр. 113 — 126; 1846, № 11, стр. 107 — 114, 1848, № 2, стр. 87 — 94; 1849, № 3, стр. 131 — 144; 1850, № 9, стр. 175 — 180; 1841, № 7, стр. 158 — 161.

Лачинов, Н. Е. — Отчет по хозяйству в д. Николаевке (Приютино тож), Землянского у., Воронежской губ., с 1841 по 1856 г., за 15 лет. Т. В. Э. О., 1857, ч. 3, стр. 76 — 89. См. также «Землед. газета», 1837, т. I, стр. 137 — 142; 1838, т. II, стр. 377 — 380; 1840, т. III, стр. 57 — 61.

Маевский, ген.-л. — Характеристический отчет Новороссийского помещика, имеющего в поместье 100 душ и 1400 кв. дес. земли (сельцо Александровское ген.-л. Маевского и имение «Алферово» А. С. Алферова). «Землед. газета», 1841, т. I, стр. 136 — 141, 145 — 149, 153 — 157, 161 — 164; т. II, стр. 745 — 750, 753 — 756, 761 — 764, 795 — 797; 1842, т. I, стр. 169 — 172, 185 — 188).

Унгерн-Штернберг, Ф., барон. — Наблюдения и опыты по части усовершенствования разных отраслей сельского хозяйства в России, П., 1841, 324 стр.

Цуриков, М. — О хозяйстве в имении кн. П. А. Голицына (Гжатского у. Смоленской губ.). «Ж. С. Х. и О.», 1842, № 8, стр. 146 — 150.

Биографии сельских хозяев и экономистов (с описанием некоторых имений) «Ж. М. Г. И.», 1843, ч. II, стр. 324.

Карнович, Е. — Отчет Е. С. Карновича по Шалицкой белильне полотен и по его хозяйству (Описание имения «Гора Пятницкая», Ярославской губ.). «Ж. С. Х. и О.», 1843, № 2, стр. 172 — 176.

Лавров, К. О. — Отчет за 11 лет о ходе и произведениях Болховского хо-

зяйства (Орловской губ., Болховского у.) «Отечеств. записки», 1844 — 1847, 44. 35 — 51; о них см. также Ж. М. Г. И., 1846, ч. XXVIII, стр. 4 — 18.

Мясоедов, Г. А. — Очерк села Мохового (Тульской губ.) «Эконом», 1844, стр. 425 — 428 и 599 — 602. См. также об имени автора в «Экономе», 1845, стр. 209 — 213.

Пфеллер, А. И. — Об улучшении хозяйства в черноземных имениях Тульской, Рязанской, Орловской и Курской губ. Ж. С. Х. и О., 1844, № 2, стр. 115 — 135. См. также о тех же имениях в том же журнале: 1845, № 2, стр. 91 — 109; 1846, № 2, стр. 87 — 112; 1847, № 7, стр. 31 — 58; 1848, № 5, стр. 1 — 33; и в «Записках Лебедянского о-ва сельск. хоз-ва», 1849, стр. 102 — 127; там же за 1850 г., стр. 102 — 120.

Ракович, Г. — Замечания о хозяйстве Полтавской губ. описания имений. Ж. М. Г. И.», 1844, ч. XI, стр. 29 — 43.

Савин, Г. — О поправлении трехпольного хозяйства плодопеременным (в имении автора, Серединском, Боровского уезда, Калужской губ.). Ж. С. Х. О., 1844 г., № 12, стр. 278 — 282.

Ж-н, А. — Письмо Пензенского помещика (описание села Зыкова, помещика А. Д. Желтухина). Т. В. Э. О., 1845, ч. II, стр. 112 — 150.

Крестлинг, И. — Описание замечательных хозяйств в России (имение «Пятигорск» барона Ф.-Мальтица, «Веселое» А. Н. Нилуса и «Александровское» помещицы Сомовой и Екатеринославской губ.) Ж. М. Г. И., 1845, ч. XVII, стр. 107 — 119.

Батурлин, Д. П. — О шестипольном севообороте в имении Бутурлиной, селе Хочень Сумского у., Харьковской губ. Т. В. Э. О., 1846, ч. I, стр. 281 — 286. Есть отдельное издание. П., 1846.

Корнеев, А. — Историческое описание хозяйства в имении А. Корнева, сельце Ямииском, Тверского у. Ж. С. Х. и О., 1846, № 4, стр. 1 — 42. (О том же имении см. статьи: «Землед. газ.», 1835, т. II, стр. 473 — 477, 481 — 484, «Землед. журн.», 1838, № 6, стр. 363 — 376).

Корейша, В. — Описание замечательных хозяйств в России. IV. Имение Трикраты, В. П. Скоржинского, в Херсонской губ. Ж. М. Г. И., 1846, ч. XX, стр. 137 — 145. О Скаржинском см. приложение к ч. IV-й «Т. В. Э. О.», 1853; и «Записки об-ва сельск. хоз-ва Южн. России», 1861, стр. 666.

Ск...в, С. — Письмо степного управителя товарищу о хозяйственных делах вверенного ему имения. (Описание одного имения на границе Рязанской и Тамбовской губ.) «Землед. газета», 1846, т. I, стр. 219 — 224, 227 — 231, 235 — 238.

Шишков, Н. П. — Краткий обзор хозяйства Н. П. Шишкова (имения Спешнева, Данковского уезда, Рязанской губ.) Ж. С. Х. и О., 1846, № 1, стр. 1 — 23 (см. также об этом имении в Ж. М. Г. И., 1846, ч. 18, стр. 173; 1849, № 31, стр. 39 — 46; см. также книгу А. П. Перепелкина «Историческая записка об учреждении М. об-ва сельск. хоз-ва М. 1896, где напечатано приложение к протоколу заседания М. об-ва сельск. хоз-ва 20 декабря 1854 г. с описанием этого имения С. А. Масловым.

Кисловский, П. — Отчет по имению П. А. Кисловского (с. Башкино, Кашинского у. Тверской губ.). Ж. С. Х. и О., 1847, № 5, стр. 157 — 180. Также 1849, № 3, стр. 113 — 130; Ж. С. Х., 1855, № 7, стр. 3 — 21.

Мясоедов, А. — Степное саратовское хозяйство в Аткарском у. Ж. С. Х. и О. 1847. № 6, стр. 221 — 234. Полемику по поводу этой статьи см. в Ж. М. Г. И., 1847, № 9; 1848, № 26, стр. 61 — 65 и (ответ) 65 — 68; и в Ж. С. Х. и О., 1847, № 12, стр. 308 — 310.

Шкилев, Н. — Описание замечательных хозяйств в России. VI. Имение г. Коншина при Сельце Заводском или Красная Ивановка (Верхнеднепровского уезда, Екатеринославской губ.). «Ж. М. Г. И., 1847, ч. XXIV, стр. 125 — 139.

Маркевич, Н. — Отчет по 16-летнему хозяйству (имение Туровка, Прилуцкого уезда Полтавской губ.). Ж. С. Х. и О., 1848, № 6, стр. 133 — 149.

Кнюпфер адъюнкт-профессор. — Агрономические путешествия по России. Обозрение некоторых имений Смоленской губ. Ж. М. Г. И, 1848, ч. XXVIII, стр. 1 — 22.

Анненков, Н. — Поездка в с. Моховое (Тульской губ.) и О, 1850, № 10, стр. 1 — 80.

Волконский, Вл., кн. — Обозрение Щацкого у. в хозяйственном отношении (Тамбовская губ.). Ж. С. Х. и О, 1850, № 2, стр. 3 — 132, 201 — 237.

Волконский, М. кн. — О четырехпольном хозяйстве в Мологском у. Ярославской губ. (с. Андреевском). Ж. С. Х. и О., 1850, № 2, стр. 133 — 140. О том же имении статьи А. Ф. Медера в Ж. С. Х.. 1853, № 6, стр. 9 — 14; 1857, № 5, стр. 76 — 80.

Кедрин, И. — Отрывки из путевого

журнала при обозрении сельского хозяйства в Херсонской губ. в 1850 г. Ж. М. Г. И., 1850, ч. 37, стр. 78 — 88 (Описание нескольких имений).

Костылев, А. — Земледельческая статистика. Хозяйственное описание с. Нагорного с деревнями Ярославской губ. Ж. М. Г. И., 1850, ч. XXXV, отд. II, стр. 85 — 108. Другие статьи автора о том же имении см. в Ж. М. Г. И., 1849, ч. XXXII, стр. 169—181; 1850, ч. XXXV, отд. IV, стр. 81 — 96; 1851, ч. XV, стр. 43 — 52; Т. В. Э. О., 1854., ч. IV, стр. 300 — 311; 1858, ч. III, стр. 36 — 51.

Коренев, Н. П. — Отчет по хозяйству (описание имения автора в с. Панферове, в 18 в. от Рязани). Записки Лебедянск. об-ва сельск. хоз-ва, 1851, стр. 238 — 255.

Шишков, Н. П. — Об улучшени трехпольного севооборота (с описанием имения авторов в Новосильском у., Тульской губ.). За иски Лебедянск. об-ва сельск. хоз-ва, 1851, стр. 69 — 73.

Клеменц, А. — Село Горянновка (Николаевского у. Самарской губ.) в хозяйственном отношении. Т. В. Э. О., 1852, т. III, стр. 164 — 185.

Кнюпфер, адъюнкт - профессор. — Агрономическое путешествие по Киевской и частью Полтавской губ. в 1851 г. (о Смелянском имении гр. Бобринского). Ж. М. Г. И., 1852, ч. XLV; то же по Минской и Могилевской губ. в 1845 г.; Ж. М. Г. И., 1846., ч. XX, стр. 48 — 70, то же по Витебской и Лифляндской губ. в 1854 г. Ж. М. Г. И., 1857, т. LXIII, стр. 281.

Марковский, А. — Агрономические путешествия. Отчет о с.-х. путешествии по Пензенской губернии. Ж. М. Г. И., 1852., ч. XLIII, стр. 47 — 69.

Унгерн-Штернберг, Ф. — О Харьковской губернии (Содержит описания нескольких имений). «Землед. газета», 1852, т. I, стр. 161 — 167, 169 — 176.

Языков, Г. А. — О хозяйстве в имении Г. А. Языкова («Александрии», Петровского у. Саратовск. губ.) Ж. С. Х. и О., 1852, № 7, стр. 25 — 55.

Калачов, В. — Сельцо Вески (Владимирской губ.) В. В. Калачова. Ж. С. Х., 1853., № 6, стр. 281 — 314. О винокуренном заводе в этом имении см. «Записки Юрьевско о об-ва сельск. хоз-ва», 1858, стр. 50 — 58.

Соколов, П. — Описание хозяйства в имении Кобякова близ Рязани. Ж. С. Х., 1854, № 8, стр. 41 — 90; № 9, стр. 101 — 152.

Артынов, А. — Село Угодичи, Ярославск. губ., Ростовского у. Ж. М. Г. И., 1855, ч. LVII, стр. 1 — 29.

Лыбанский. — Замечательные хозяйства в Воронежской губ. (имение Емельяновка С. Е. Лачинова, имение Николаевка г.-м. Н. Е. Лачинова в Землянском уезде и имение Хава, П. И. Савостьянова, в Воронежском уезде). Ж. М. Г. И., 1855, ч. LVI, стр. 119 — 146.

Ромер, Н. — Описание Порецкого имения П. И. Мятлевой (Алатырского и Курмышского у. Симбирской губ.). Т. В. Э. О., 1855, т. I, стр. 72 — 86.

Соколов, П. — Обозрение хода хозяйства в с. Шумаши близ Рязани в 1854 г. Ж. С. Х., 1855, № 2, стр. 153 — 186.

О хозяйственном устройстве вотчин: Голубина (Рязанск. губ.), Ивановского (Московск. губ.) и Мотызлей (Тамбовск. губ.). Ж. С. Х., 1852 г., № 4, стр. 27 — 80.

Николаев, Л. — Обзор хозяйства при с. Александровском с д. Кромскою за 10 лет (Орловской губ., Малоархангельского у.) Ж. С. Х., 1855, № 5, стр. 103 — 128.

Юревич, П. — Агрономические путешествия (по Харьковской, Полтавской Херсонской и частью Киевской губ.), «Землед. газета», 1855, стр. 105 — 106, 109 — 110, 113 — 114, 121 — 122, 125.

Целлинский, Б.—Агрономические путешествия по России; обозрение некоторых имений по Нижегородской и Казанской губ. в 1855 г. Ж. М. Г. И., 1856, ч. LXI, стр. 1 — 21.

Гаврилов. — Описание с. Семеновского, Романо-Борисоглебского у. Ярославской губ. Т. В. Э. О., 1857, ч. 2, стр. 37—63; и описание с Никольского там же, 1854, ч. IV, стр. 284—299.

Нежданов, И. — Обзор 19 - летнего управления И. П. Неждановым Клинскою вотчиною Е. В. Апраксиной в Юрьевском у., Владимирской губ. «Записки Юрьевск. об-ва сельск. хоз-ва, 1857, стр. 93—116. (Также в „Ж. С. Х.“, 1857, № 6, стр. 159—182.)

Степанов, Н. Ф. — Отчет по хозяйству в с. Богоявленском, Кинешемского уезда, Костромской губ., за 1855—56 земледельческий год. Т. В. Э. О., 1857, ч. II, стр. 107—117. См. такой же отчет за 1857 г. в Т. В. Э. О., 1858, ч. III. стр. 1—6.

Маслов, С. — Заметки во время летних поездок в Тульскую, Рязанскую и Владимирскую губернии (описания имений). Ж. С. Х., 1859, № 1, стр. 29—56.

Смирнов, В. Ф. — Хозяйство дачи И. И. Субботина, состоящее при вольнонаемном труде (Калужской губ.). Пере-

мышльского у. «Землед. газета», 1860, стр. 646—647.

Ионсон, д-р. — О сельском хозяйстве в России. Путевые заметки о разных губерниях (описание имения кн. Гагарина «Теньки» в Свияжском уезде, Казанской губ., с. Троицкого, в Ветлужском у., Костромской губ. и т. д.) Т. В. Э. О., 1861, ч. II, стр. 80—99.

Панцер, Ф. В. — О преимуществе вольнонаемного хозяйства перед барщинским. (Описание имения гр. Е. Ф. Канкрина при с. Новогригорьевском, в Екатеринославской и Таврической губ.). «Сельск. хоз-во», 1861, т. III, стр. 17—46.

Москвин, И. Ф. — Результаты вольнонаемного труда в течении двух лет (1860—1861 гг.), имение Осипово, Торжковского у., Тверской губ., «Сельское хозяйство», 1862, т. II, стр. 49—80.

3. *Инструкции, послания, проекты, наказы, мнения и руководства.*

[Захаров, И. С., академик] — Усадьбы или новый способ селить крестьян и собирать с них помещичий доход, П., 1801 г.

Плуг и соха, описанные степным дворянином. Отцы наши не глупей нас были. М., 1806 (Анонимное произведение. Авторство приписывается гр. Растопчину).

Швитков, М. — О двух главных способах к лучшему деревнями управлению. Т. В. Э. О., 1810, ч. LXII.

Погодин. — Второй ответ на задачу 1809 г. о способе владеть деревнями Т. В. Э. О., 1810, т. LXII (о преимуществе барщины над оброчным).

Ответ на вопрос: выгоднее ли обрабатывать землю своими силами или наемными рабочими. Т. В. Э. О., 1814, т. LXVI.

Ответ русского гражданина на вопрос: полезно ли заводить в России и распространять мануфактуры или лучше предоставить пространному сему государству обогащать себя земледелием, т. е. первыми произведениями земли, хлебом, пенькою, льном и пр.—М., 1815.

Сравнение поселяни а о пользе фабрик и заводов с пользою земледелия в России, СПБ., 1816 (Анонимное произведение).

Тургенев, Н. И. — Дневники и письма, том III, Л., 1921 («Архив бр. Тургеневых»), стр. 404—409. Записка «Нечто о барщине» (1818 г.).

Каразин. — Опыт сельского устава для помещичьего имения, состоящего на оброке, СПБ., 1819.

Якушин, И. Д. — Проект освобождения крестьян. «Красный архив», т. XIII.

Новый опытный сельский управитель, приказчик и эконом, или самонужнейшие и обстоятельные наставления об управлении деревнями, крестьянами, земледелием, пчеловодством, скотоводством, птицеводством и огородными работами, М., 1825.

Шелехов, Д. П. — Главные основания земледелия, 1825.

Щеглов. — О пользе соединения с земледелием мануфактурной и заводской промышленности, СПБ., 1829.

Стремоухов, Н. — Мысли о возможности улучшения сельского хозяйства в России, основанные на природе человеческой и на древних российских обычаях. «Землед. журн.», 1829, № 25.

Стремоухов, Н. — Описание хозяйственного распорядка, основанного на общественном или соединенном хозяйстве. «Землед. журн.», 1829, № 25.

Тэер, А. — Основания рационального сельского хозяйства. Перевод С. А. Маслова, с предисловием и примечаниями Н. Н. Муравьева и Е. Крюда, 3 тт., М., 1830 (ценна точка зрения Муравьева в предисловии и примечаниях).

Бунин, Н. — Мысли о русском хозяйстве и о некоторых причинах дешевизны сельских произведений нашего земледелия, с учетом земледельческих работ при возделывании разных хлебов на черноземной почве, М., 1832.

Вилькинск, И. — Что нужно помещичьему издельному крестьянину для безбедного содержания себя в нечерноземных губерниях, М., 1832.

[Мордвинов, Н. С.] — Мнение адм. Мордвинова по рабству крестьян, в 1833 г. Ч. М. О. И. и Д. Р., 1859, № 3, стр. 55 — 58.

Афросимов. — Опыт оценки работы в дворянских поместьях. «Землед. журнал», 1834, т. XX.

Карпович. — Хозяйственные опыты тридцатилетней практики или наставление для управления имениями. СПБ., 1837, 2-е изд., 1838.

Жуков, А. — Начальные основания русского сельского хозяйства, соответствующие настоящему положению недвижимых имений, М., 1837.

Шелехов, Д. — О вольнонаемном труде. «Библиотека для чтения», 1838, кн. 7.

Шелехов, Д. — Народное руководство в сельском хозяйстве, П., 1838.

Вонляр-Лярский, А. — Руководство к управлению имениями. Книга для помещиков и управителей. Просмотрено С. М. Усовым, П., 1840.

Заблоцкий-Десятовский, А.— О крепостном состоянии в России (записка 1841 г. в приложении к т. 2-му его работы: «Граф Киселев и его время», П., 1882.

Унгерн-Штернберг, Ф., барон. — Наблюдения и опыты по части усовершенствования разных отраслей сельского хозяйства в России, П., 1841.

Шелехов, Д. — О настоящем положении сельского хозяйства в России и о причинах прошлогодних неурожаев, СПБ., 1841.

Сабуров, Я. — Промышленный быт помещиков сельских хозяев в многоземельных губерниях. «Отечеств. записки», 1841.

Веселовский, К. — Обозрение успехов науки сельского хозяйства в России за последнее трехлетие, СПБ., 1842.

Сабуров, И. В. — Записки пензенского помещика о теории и практике сельского хозяйства. «Отечеств. записки», 1842 — 1843, кн. XXI — XXVI.

Вилькинс, И. — Мысли и наблюдения о положении земледельческой промышленности, М., 1843.

Бланк. — Русский помещичий крестьянин. Т. В. Э. О., 1845.

Письмо пензенского помещика к Н. А. Ж. Т. В.-Э. О., 1845, № 5.

Поздюнин, П. — Об оброчных работниках или совершенно новом образе взимания помещичьих повинностей, М., 1845.

[Киселев, П. Д.] — Извлечение из отчета министра гос. имуществ за 1846 г., П., 1847.

Унгерн-Штернберг, Ф., барон. — Взгляд на современное состояние сельского хозяйства в России. «Отечеств. Записки», 1847, № 10.

Жуков, А. — Руководство отчетливо, успешно и выгодно заниматься русским сельским хозяйством, П., 1848.

Шостак, В. — Работа барщинская в Херсонской губ. «Записки об-ва сельск. хоз-ва России», 1848, № 5; «Землед. газета», 1848, № 57.

Егунов. — О средних ценах на главные жизненные потребности в России за последнее пятилетие. «Отечеств. записки», 1852, кн. X — XII.

Пахман, С. — О значении и постепенном учреждении сельскохозяйственных обществ в России, Казань, 1855.

Обзор действий департамента сельского хозяйства и очерк состояния главных отраслей сельской промышленности в России с 1844 по 1854 год, П., 1855.

Шишков, Н. П. — Оброк и барщина «Записки Лебедянского о-ва сельск. хоз-ва», 1857, кн. I.

Сумароков, П. — Несколько мыслей об улучшении быта крестьян. «Русск. вестн.», 1858, кн. VI.

Чичерин. — О настоящем и будущем положении помещичьих крестьян. «Атеней», 1858, кн. VIII.

Волков, С. — Об отдаче земель в аренду и о вольнонаемном труде в Московской губ. Ж. З., кн. XII.

Данилевский, Г.— Харьковский крестьянин. Ж. З., 1858, кн. XII.

Сабуров, И. — Соображения, касающиеся до улучшения быта крестьян. (Пензенск. губ.) Ж. З., 1858, № XII.

Волков, Н. — Соображения об устройстве крестьян Черниговской губ. Ж. З., 1858, кн. XII.

Шатилов. — Несколько слов о головом заработке крестьянского тягла. «Русск. вестн»., 1858, кн. VI.

Кисловский,— Очерк доходности сельского хозяйства при свободном труде. «Сельск. хоз-во», 1858.

Сабуров. — Влияние земледелия на государственное богатство с русской точки зрения. Ж. З., 1858, кн. IX.

Желтухин. — Попытка к соглашению. Ж. З., 1859, кн. II.

Бажанов, А. — Опыт земледелия вольнонаемным трудом, М., 1860.

Кавелин, К. Д. — Записка об освобождении крестьян в России (1855 г.). Собр. соч., т. II, П., 1904.

Кошелев, А. И. — Записки (в приложении к ним «Записка по уничтожению крепостного состояния в России»), Берлин, 1884.

Самарин, Ю. Ф. — Записка о крепостном состоянии и о переходе из него к гражданской свободе. Сочинения, т. II, М., 1878.

Самарин, Ю. Ф. — Материалы для истории мертвящей силы. Сочинения, т. II, М., 1878.

4. Памятники административно-судебного и законодательного характера.

Указ Сенату 1801 г. о предоставлении купечеству, мещанству и казенным поселянам приобретать покупкою земли П. С. З., т. XXVI, № 20075.

Указ Сенату 1803 г. об отпуске помещиком крестьян своих на волю по-

заключении условий, на обоюдном согласии основанных. П. С. З., т. XXVII, № 20620. См. также № 20625.

Указ Сенату 1804 г. о дозволении получившим из купцов осьмиклассные чины покупать деревни и владеть оными на условиях, заключаемых с поселенными в оных крестьянами. П. С. З., т. XXVIII, № 21481.

Указ Сенату 1809 г. о поступании с крепостными людьми, представляемыми помещиками их для исправления худого поведения, на основании узаконений, состоявшихся после указа 1765 года. П. С. З., т. XXX, № 23530.

Указ Сената от 30 ноября 1821 г. о невозвращении помещичьих людей в крепостное владение; получивших свободу по отпускным или от помещиков, или по распоряжению правительства. П. С. З., т. XXXVII, № 28823.

Мнение Государственного совета 1822 г. об отсылке крепостных людей за дурные поступки в Сибирь на поселение. П. С. З., т. XXXVIII, № 28954.

Указ Сената 1822 г. об остановлении публикаций в сенатских объявлениях о продаже людей без земли. П. С. З., т. XXXVIII, № 29192.

Указ Сената 1823 г. о ссылке крепостных людей в Сибирь на поселение. П. С. З., т. XXXVIII, № 29507.

Положение комитета министров от 16 июня 1825 г. о запрещении помещикам отдавать принадлежащих им людей в заводские работы и заключать условия от собственного своего лица. П. С. З., т. XL, № 30385.

Мнение Государственного совета 1827 г. о воспрещении помещикам отдавать по условиям людей своих в горные заводские работы. П. С. З. (2-го), т. II, № 1242.

Мнение Государственного совета 1827 г. о помещичьих людях, ссылаемых по воле их помещиков в Сибирь на поселение. П. С. З. (2-го), т. II, № 1339.

Законы о состояниях и сельских обывателях. Свод законов, изд. 1832 г., т. IX, раздел IV, стр. 121 — 125, 131 — 134, 135 — 138.

Указ Сенату от 2 мая 1883 г. о запрещении принимать крепостных людей без земли в обеспечение и удовлетворение частных долгов, и отчуждать их по купчим и дарственным записям отдельно от семейств их. П. С. З. (2-го), т. VIII, № 6163.

О неповиновении крепостных людей их владельцу (взыскания по уставу). Свод законов, изд. 1836 г., т. IV, ч. XIV, стр. 267.

Об обязанностях сельского схода, учреждении сельской расправы по проекту учреждения об управлении гос. имуществами в губерниях от 30 апреля 1838 г. (ч. IV, разд. II, гл. I, стр. 85 — 101, и разд. III).

Указ Сенату от 2 апреля 1842 г. о предоставлении помещикам заключать с крестьянами договоры на отдачу им участков земли в пользование за условленные повинности, с принятием крестьянами, заключившими договор, названия обязанных крестьян. П. С. З. (2-го), т. XVII (отд. I), № 15462.

Указ Сенату от 15 августа 1845 г. и мнение Государственного совета от 21 января 1846 года об уложении о наказаниях уголовных и исправительных. П. С. З. (2-го), XX, № 19283 (отд. I). П. С. З. (2-го), т. XXI, (отд. I), № 19640.

Указ Сенату от 8 ноября 1847 г. о предоставлении крестьянам имений, продающихся с публичных торгов за долги, права выкупать себя с землею. П. С. З. (2-го), т. XXII (отд. I), № 21689.

Указ Сенату от 3 марта 1848 г. о предоставлении крестьянам помещичьим и крепостным людям покупать и приобретать в собственность земли, домы, лавки и недвижимое имущество. П. С. З. (2-го), (отд. I), № 22042.

5. Воспоминания, дневники, записки и переписка современников.

Аксаков, С. Т. — Семейная хроника и воспоминания.

Артынов, А. Я. — Воспоминания крестьянина с. Угодич Ярославской губернии, М., 1883 (Также в Ч. М. О. И. и Д. Р., 1882, кн. II. (Воспоминания охватывают 1813 — 1850 гг.).

Благово, Д. — Рассказы бабушки (Е. П. Янькова, 1768 — 1861). Из воспоминаний 5 поколений, СПБ., 1885.

Бобков, Ф. Д. — Из записок бывшего крепостного человека. «Историч. Вестник», 1907, № V — VI.

Вигель, Ф. Ф. — (1786 — 1856). Записки. В 7 частях с приложениями, М., 1891 — 1892. Также Русск. Вестн., 1865, книги I—IV, VI, VIII—XII; отдельное издание в 3 частях, М., 1866; «Русск. Архив», 1891 — 1893. По поводу этих «Записок» см. статью Липранди, И. П. — Замечания на воспоминания Ф. Вигеля, М., 1873. Также в Ч. М. О. И. и Д. Р., 1873, кн. II.

Водовозова, Е. Н. — Воспоминания. «Минувшие годы», 1908, кн. II — XII.

[Галаган, Г. П.] — Отрывок из Днев-

ника Г. П. Галагана. «Киевская старина», 1899, кн. II.

Давыдов, Н. В. — Из помещичьей жизни прошлого столетия. «Голос минувшего», 1916, № 2.

Инсарский, В. А. — Воспоминания. Быт наших помещиков в 1840 — 1850 гг. «Русск. старина», 1874, т. IX, стр. 301.

Колонтаева. — Воспоминания о селе Спасском. «Историч. вестн.», 1885, № 10.

Крапоткин, П. А. — Записки революционера, П., 1920.

Лопухин. — Записка. Ч. М. О. И. и Д. Р., 1860, кн. III.

Никитенко, А. В. — Моя повесть о самом себе и о том, чему свидетель в жизни был, 2 тт., П., 1905.

Николаева, М. К. — Деревня в старину. «Северный вестн.», 1891, № 6.

Решетов, Н. — Дела давно минувших дней. «Русск. архив», 1885, т. II; 1886, т. I.

Отрывок из записок бывшего крепостного И. Савченко. «Киевская старина», 1899, кн. VIII.

Сафонович, В. И. — Воспоминания «Русск. архив», 1903, кн. V.

Славутинский. — Отрывки из воспоминаний. «Древняя и новая Россия», 1878, кн. IX—X.

Славутинский. — Выдержки из отрывочных воспоминаний. «Древняя и новая Россия», 1879, № 9.

Снегирев, И. М. — Дневник. «Русск. архив», 1903, кн. V; 1905, кн. I.

Голубев, Н. — Записки ПР., 1889 (О жизни крестьян Орловской губ., см. главу I).

Шипов, Н. Н. — История моей жизни (1802 — 1862 гг.), П., 1881. Также в «Русск. старине», 1881, тт. XXXI — XXXII.

Воспоминания крепостного (опубликованы Н. Щербанем). «Русск. вестн.», 1877, кн. VII и IX.

Воспоминания, мысли и признания доживающего свой век смоленского дворянина. «Русск. старина», 1895 г. май, июль, сентябрь.

Записки сельского священника. «Русск. старина», 1880, т. XXVII.

Из недавнего прошлого Слободской Украины. «Киевская старина», 1896, кн. IV.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

От редакции 3

А. Малышев. — К вопросу о сущности крепостного хозяйства 5

I. Крепостное (барщинное) хозяйство и торговый капитал в России . . 6
II. Является ли крепостное хозяйство особой общественно-экономической формацией, отличной от феодализма 15
III. К вопросу о причинах, определивших развитие крепостничества в России XVI — XVII вв. 29

Б. Греков. — Происхождение крепостного права в России 45

I. Сельское хозяйство и рабочие руки в XV в. и первой половине XVI в. . . . . —
II. Как фактически протекал процесс «закрепощения» крестьян 61
III. Борьба помещика за отмену «урочных лет» 86

С. Томсинский. — Колонии Московского государства накануне восстания Разина 97

I. Методологические замечания . . . . —
II. Деревня активного района восстания 102
III. Города активного и пассивного районов 115
IV. Деревня пассивного района восстания 119

М. Мартынов. — Пугачевское движение на заводах Прикамского края 125

I. Прикамье накануне Пугачевщины . . . . —
II. „Наезды“ пугачевцев на заводы 139
III. Движение в Прикамской деревне 153
IV. Зарубинские комиссары на заводах 157
V. Подавление движения 171

В. Кашин. — Землевладение крепостных крестьян 180

I. Пути и формы приобретения земли крепостными крестьянами . . . 183
II. Распоряжение купленными землями и их внутривотчинная мобилизация 199
III. Социальный состав приобретателей и размеры крестьянского землевладения 219
IV. К вопросу о дореформенной мобилизации земли 235

Приложение № 1. — Указатель главнейших библиографий по истории крепостной России 243

I. Указатели по истории крепостной России в общих библиографических указателях и обзорах . . . . —
II. Специальные библиографии по истории крестьянского вопроса в России 244

*

	Стр.
Приложение № 2. Материалы для указателя источников по крепостному хозяйству	246
I. Источники по возникновению крепостнических отношений (1356—1649)	247
1. Писцовые книги	—
2. Публицистика	—
3. Законодательные сборники	—
4. Акты	—
5. Записки иностранцев	249
6. Сборники материалов	—
II. Источники по крепостному хозяйству (1649 — 1700)	250
1. Писцовые, переписные и отказные книги	—
2. Наказы и инструкции	—
3. Памятники административно-судебного и законодательного характера	—
4. Записки иностранцев и современников	251
5. Сборники материалов	—
III. Источники по горной промышленности в XVII в.	—
А. Железная промышленность	—
1. Переписные и отказные книги	—
2. Памятники административно-судебного характера	—
3. Записки современников	253
Б. Медная промышленность	—
Памятники административно-судебного характера	—
IV. Источники по крепостному хозяйству XVIII в.	—
1. Общие историко-экономические и статистические описания	—
2. Описание провинций, губерний и отдельных имений	254
3 Инструкции, проекты, наставления, наказы и мнения	—
4. Памятники административно-судебного и законодательного характера	255
5. Записки, дневники и переписка современников	256
V. Источники о торговле, промышленности и рабочем труде в XVIII в.	—
1. Общие историко-статистические описания	—
2. Описание отдельных заводов, промыслов и производств	257
3. Инструкции, наказы, проекты и мнения	—
4. Памятники административного и законодательного характера	—
5. Сборники документов	258
VI. Источники по крепостному сельскому хозяйству в XIX в.	—
1. Историко-экономические и статистические описания	—
А. Общего характера	—
Б. По районам и местностям	259
В. О хлебном рынке	—
2. Описания отдельных хозяйств	—
3. Инструкции, послания, проекты, наказы, мнения и руководства	263
4. Памятники административно-судебного и законодательного характера	264
5. Воспоминания, дневники, записки и переписка современников	265

